ИННОКЕНТИЙ
АННЕНСКИЙ

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

*

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ТРАГЕДИИ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1990

ББК 84.Р1
А 68

Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания
А. В. ФЕДОРОВА

Редактор Л. С. Гейро

А $\frac{4702010202-294}{083(02)-90}$ 418—90

ISBN 5-265-01480-2

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ — ЛИРИК И ДРАМАТУРГ

К Иннокентию Анненскому (1855—1909), при жизни малоизвестному, широкое признание пришло только посмертно — признание позднее, запоздалое. Правда, значение Анненского для будущего русской поэзии и культуры сознавали некоторые проницательные современники — и поэты (о них речь впереди) и не поэты. Так, известный впоследствии искусствовед Н. Н. Пунин написал: «Анненский опередил и свою школу (то есть, очевидно, русский символизм.— *А. Ф.*), и своих современников, и даже, если хотите, самого себя — и в этом скрыта его удивительная жизненность и до сих пор полное его непризнание» [1]. И еще — слова, сказанные ученым-историком П. П. Митрофановым: «Анненский при жизни не был популярен и не дождался признания, но нет сомнения, что имя его постепенно с распространением истинной культуры дождется у потомков заслуженной славы» [2].

Что это предвидение сбылось, говорят многочисленные в наши дни издания поэзии, критической прозы, переводов Анненского, веские высказывания литературоведов (В. О. Перцова, Л. Я. Гинзбург, П. П. Громова, В. Н. Орлова, А. А. Урбана, других) и растущая любовь читателя. Л. Я. Гинзбург констатировала, что «из деятелей символистического направления Анненский тот поэт, кроме Блока, к которому сейчас в наибольшей мере сохранился читательский интерес», и что в его творчестве «есть черты, как-то предвосхищающие дальнейшее развитие русской лирики» [3]. Последнее особенно важно. Причина внимания к Анненскому — не только в непрерывном культурном росте читательской аудитории, но еще и в том, что к восприятию и полноценному пониманию его творчества читателя подготовил весь ход развития русской поэзии.

---

[1] Пунин Н. Н. Проблема жизни в поэзии И. Анненского // «Аполлон». 1914, № 10. С. 48.

[2] Митрофанов П. П. Иннокентий Анненский // Русская литература XX века. М., 1915. Т. 2, кн. 6. С. 296.

[3] Гинзбург Лидия. О лирике. Изд. 2-е, доп. Л., 1974. С. 311.

Анненского при жизни и еще довольно долго после смерти некоторые близоруко считали «поэтом для немногих», потому что тогда его знали действительно немногие. Но и тогда он был поэтом для поэтов.

А жизнь Анненского сложилась так, что, прежде чем стать поэтом для поэтов, учителем поэтов, ему суждено было стать учителем в обычном и вместе с тем самом высоком смысле слова — наставником русского юношества и заступником за него. Учителем с большой буквы.

1

История жизни Иннокентия Федоровича Анненского не богата событиями. Но есть в ней свой драматизм.

Долгое время главным источником для биографии Анненского служил мемуарный очерк его сына Валентина, поэта-лирика, избравшего псевдоним «В. Кривич» [1]. Биография отражена здесь далеко не вся и без хронологической последовательности фактов, очерк представляет серию эпизодов-фрагментов, жизнь отца и обстановку в семье его родителей автор описывает как очень благополучную (в соответствии с теми сведениями, какими он, очевидно, располагал) и обходит молчанием все, что ее омрачало. Сейчас мы располагаем гораздо более точными и подробными данными — благодаря публикации не изданных ранее мемуаров [2] и архивным разысканиям, выявившим важные документы, касающиеся, в частности, ранней поры жизни Анненского, о которой до этого известно было очень мало [3].

Будущий поэт родился 20 августа 1855 года [4] в Омске, где отец его, Федор Николаевич, занимал должность советника и начальника

---

[1] Кривич В. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Литературная мысль. Альманах, III, Л., 1925.

[2] См.: Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник (1981), М., 1983 (в дальнейшем сокращенно: ПК с указанием страницы). В эту публикацию вошла другая часть воспоминаний В. Кривича, ранее не увидевшая свет.

[3] См.: Орлов А. В. Юношеская автобиография Иннокентия Анненского // «Русская литература». 1985, № 2.

[4] Хотя в биографических сведениях об Анненском, появлявшихся при его жизни, постоянно фигурировал этот год, В. Кривич со слов своей матери, ничем не подкрепленных, годом его рождения назвал 1856-й, который обозначен и на надгробье поэта на Казанском кладбище в г. Пушкине и затем долгое время указывался в статьях о нем — пока специальное архивное исследование не подтвердило истинность первоначальной даты (см.: Орлов А. В. Указ. соч. и «Основные даты жизни и творчества И. Ф. Анненского» // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 670).

отделения Главного управления Западной Сибирью. Семья Анненских (родители [1], старший брат Николай и сестры поэта) жила до этого в Петербурге и переехала в Сибирь в 1849 году, когда отец получил туда назначение. Но уже в 1860 году они возвращаются в столицу. Приблизительно в это время пятилетний Иннокентий перенес опасную и длительную болезнь, оставившую след на всю жизнь,— тяжелый сердечный недуг.

В столице служебная карьера Федора Николаевича сложилась много скромнее: он получил — и притом не сразу — место чиновника по особым поручениям в Министерстве внутренних дел, и выше этого уже не подымался. Первые годы по возвращении в родной город ничем особым в семье не ознаменовались. Впоследствии юноша Анненский расскажет в своей автобиографии [2]: «...первые годы жизни оставили в памяти моей чрезвычайно слабое впечатление 〈...〉 С тех самых пор, как я ясно начинаю себя помнить, я рос слабым, болезненным ребенком 〈...〉 Учение давалось мне легко, и, выучившись читать, под руководством моей старшей сестры, принялся я за чтение книг, доступных моему возрасту и развитию. Обстановка, среди которой я рос, вероятно, оказывала большое влияние на развитие во мне ранней охоты к чтению: я рос почти без товарищей, среди людей, которые были старше меня; надзор за мной тоже был преимущественно женский» [3].

Далее перечисляются те средние учебные заведения Петербурга, в которых — с отдельными перерывами, вызывавшимися болезнью,— Анненский проходил гимназический курс: в 1865—1867 годах частная школа, с 1867 года — 2-я прогимназия (начиная со 2-го класса), затем перерыв, на один, по-видимому, год, и с 1869 года — частная гимназия Беренса, занятия в которой для Анненского в 1872 году прервались. По какой причине — он не сообщает, на болезнь не ссылается, учение же во все предыдущие годы, как он сам пишет, шло успешно.

---

[1] О матери поэта, Наталии Петровне, урожденной Карамолиной — или Кармалиной,— известно мало, но с ее именем связано убедительное, пусть не до конца доказанное предположение о том, что она происходила из рода Ганнибалов, что ее мать была замужем за одним из сыновей Арапа Петра Великого, а тем самым Иннокентий и Николай Анненские находятся в дальнем родстве с Пушкиным. Иннокентий Федорович не оставил никакого письменного свидетельства о знакомстве с семейным преданием, а его старший брат делился этими генеалогическими сведениями со своим другом, врачом и литератором С. Я. Елпатьевским, который ввел их в некролог Н. Ф. Анненского в 1912 году (см.: Петрова М., Самойлов Д. Загадка Ганнибалова древа // «Вопросы литературы». 1988, № 2).

[2] Этот обнаруженный А. В. Орловым документ под заглавием «Мое жизнеописание» был приложен Анненским к прошению о допуске к экзаменам на аттестат зрелости, которые ему предстояло сдать весной 1875 года.

[3] Орлов А. В. Указ. соч. С. 173.

Можно предположить, что дело было в резко ухудшившемся материальном положении семьи, о чем говорят выявленные А. В. Орловым архивные данные, касающиеся Федора Николаевича: с конца 1860-х — начала 1870-х годов он, не довольствуясь своим жалованьем, пустился в спекулятивные сделки по купле и перепродаже разных товаров. Сделки, по его коммерческой неопытности, оканчивались плачевно для него, втягивалн в долги, вызывали преследование со стороны кредиторов; из-за неплатежей по векселям на квартнре назначалась распродажа нмущества. Все это компрометнровало Ф. Н. Анненского как чиновника; в 1874 году он был уволен со службы, его разбил паралич, и хотя для него все же удалось выхлопотать пенсию, семье жилось трудно. Именио в это время молодой Анненский самостоятельно, отчасти же и с помощью старшего брата, готовнлся к экзаменам на «свидетельство о зрелости» (как экстерн). Первая попытка (весной 1874 года) завершилась неудачно: юноша не выдержал письменного испытания по математнке. На следующий год все прошло благополучно, аттестат был получен, и Анненский в том же 1875 году смог поступить в Петербургский университет на историко-филологнческнй факультет по словесному (то есть собственно филологическому) разряду.

Архивные находки последнего десятилетия показалн отрочество и юность Анненского совсем не в том виде, как это представляли себе на основании прежних сведений писавшне о жизни и творчестве поэта (в том числе и автор этой статьн в своих более давних работах [1]). Открывшаяся невеселая картина объясняет, почему Анненскнй (не писавший мемуаров и не ведшнй дневников) почти не возвращался к воспоминаниям ранней поры нн в стихах, ни в письмах и почему он, вполне возможно, не делился своими воспоминаннями с женой н сыном. В его лирике нсключение составляют только мимолетная реминисценция в стихотворении «Далеко-далеко» («Давно под часами, усталый, Стихи выводнл я отцу») и элегическое стихотворение «Сестре», обращенное к жене старшего брата, Нниколая Федоровича,— Александре Никитичне Анненской. Эти двое — брат и его жена — на всю жизнь остались для поэта душевно близкимн людьми Много позднее в еднственной автобиографической заметке, предназначенной для печати, поэт из всего своего семейного окружения выделил именно их: «Мой брат Н. Ф. Анненский и его жена А. Н. Анненская, которым я всецело обязан моим «интеллигентным» бытием, принадлежали к по-

---

[1] Федоров А. В. Иннокентий Анненский // Анненский И. Стихотворения. Л., 1939 (Б-ка поэта, МС); Поэтическое творчество И. Анненского // Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1959 (Б-ка поэта, БС).

колению 60-х годов»[1] (то есть к прогрессивной, демократически настроенной части русского общества). И люди они были выдающиеся. Николай Федорович, человек энциклопедической образованности и огромной энергии, рано начавший самостоятельную жизнь, впоследствии стал видным общественным деятелем-народником, крупным ученым — основоположником статистики в России и известным публицистом, неоднократно подвергался гонениям со стороны царского правительства. Жена его — педагог, детская писательница, мемуаристка. Во время экзаменов весной 1875 года Иннокентий Анненский жил у них на квартире и остался там на весь первый год своего пребывания в университете, лишь потом вернувшись к родителям.

В университете Анненский занимался успешно, и болезнь в этот период, видимо, отступила. Анненский избрал своей основной специальностью классическую филологию, получив солидную и разностороннюю подготовку, овладел многими языками; кроме французского и немецкого, которые он знал с детства, и латинского и греческого, входивших в гимназическую программу, это были языки английский, итальянский, польский, другие славянские, санскрит, древнееврейский — всего четырнадцать языков, как вспоминал В. Кривич. Столь же широк был круг его интересов в области истории литератур и фольклора (русского и славянского). Петербургский университет Анненский окончил в 1879 году со званием кандидата историко-филологического факультета (оно присваивалось тем выпускникам, которые представляли сочинение на специально избранную тему, признававшееся научно ценным). Огромный запас накопленных знаний, постоянно пополнявшийся в течение всей жизни, сразу нашел применение в дальнейшей педагогической, научной, переводческой, литературно-критической и поэтической деятельности Анненского.

А стихи он начал писать рано, еще до университета. Много времени спустя, в уже цитированной автобиографической заметке, он отзовется о них сурово-иронически: «...так как в те годы (70-е) еще не знали слова *символист*, то был *мистиком* в поэзии и бредил религиозным жанром Мурильо, который старался «оформлять словами». Черт знает что! ⟨...⟩ В университете — как отрезало со стихами. Я влюбился в филологию и ничего не писал, кроме диссертаций...»[2] Видимо, поэт не случайно и в молодые годы не стремился к обнародованию своих стихотворных опытов. Они, действительно, слабы — ниже, пожалуй, даже среднего уровня стихов, появлявшихся в журналах: бедная рифма, банальные темы, мысли, стиль. Да и сохра-

---

[1] Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей/Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 171.

[2] Первые литературные шаги. С. 172.

нилось их немного — единичные вещи, не считая большой поэмы «Магдалина» [1] — на евангельский сюжет, трактованный, правда, не в традиционно-каноническом духе: тема ее — земная, «грешная» любовь Магдалины к Иисусу, его видения и душевные страдания перед смертью на кресте и гибель героини. Среди этих произведений выделяется лишь одно лирическое стихотворение под заглавием «Из поэмы „Mater dolorosa"» (1874): поэт сохранял его, хотя тоже не публиковал; от других стихов той же поры оно отличается отсутствием сентиментальных штампов, приглушенностью эмоционального тона, строгой простотой образов природы.

По окончании университета уже с осени 1879 года Анненский начинает преподавать латынь и греческий язык в частной гимназии (« с правами казенных») Ф. Ф. Бычкова (потом — Я. Г. Гуревича), одной из лучших и прогрессивных школ тогдашнего Петербурга. Осенью того же года он, горячо влюбившись, вступает в брак с женщиной много старше его, матерью двух сыновей-подростков от первого брака — Надеждой Валентиновной Хмара-Барщевской, в девичестве Сливицкой (в кругу семьи и близких знакомых ее называли Диной). Материальные заботы о семье всецело легли на Анненского. Принадлежавшее жене небольшое имение в Смоленской губернии доходов не приносило. В 1880 году у четы Анненских родился сын. В том же году подвергнут был административной высылке в г. Тару Тобольской губернии Николай Федорович; потом он получит право жить в Казани и Нижнем Новгороде, где займется главным для него делом — статистикой, общественными и литературными делами, где станет центром притяжения для местной интеллигенции, но только в 1895 году вернется он в Петербург, откуда ему еще придется уезжать — не по своей воле — то в Ревель, то в Финляндию.

Для Иннокентия Федоровича 1880-е годы наполнены интенсивным педагогическим трудом, кроме гимназии Гуревича еще и в Павловском институте — закрытом среднем учебном заведении для девушек (уроки русской словесности); в 1890 году он приглашен читать лекции по теории словесности на Высших женских (Бестужевских) курсах. В том же десятилетии Анненский выступает с несколькими специальными статьями и рецензиями в научных изданиях (в частности — в «Журнале Министерства народного просвещения»), а в 1887 году помещает в журнале «Воспитание и обучение» две статьи о поэзии Я. П. Полонского и А. К. Толстого. Обе статьи — о поэтах, но посвящены и эстетически-воспитательной задаче, написаны в помощь учителю. Эти публикации приносят их автору — неширокую, впрочем,— известность как ученому-филологу. О собственном поэ-

[1] Как поэма, так и стихи находятся в ЦГАЛИ, в фонде Анненского (№ 6).

тическом творчестве самого Анненского за это время никаких конкретных сведений нет (если не считать стихов «на случай» и шуточных экспромтов, рассчитанных на семейно-дружеский круг) Лишь к концу данного периода — 1890 году — относится одно датированное стихотворение «Notturno». Вряд ли, однако, можно сомневаться в том, что все десятилетие было для поэта временем глубокой внутренней работы, плоды которой скажутся вскоре.

Начало 1891 года приносит крутой и внешне благоприятный перелом в его служебной судьбе — назначение в Киев на пост директора Коллегии Павла Галагана, закрытого учебного заведения, соответствовавшего четырем старшим классам гимназий. Было оно учреждено супругами Галаган в память их рано умершего сына Павла.

О киевском периоде в биографии Анненского известно немногое. В. Кривич в своем очерке приводит малозначительные, по преимуществу бытовые детали из жизни семьи. Но именно ко времени пребывания Анненского в Киеве относится факт огромного творческого значения: здесь созрел замысел — перевести все трагедии его любимого эллинского драматурга Еврипида, осуществить во вступительных статьях художественный их анализ, дать научный комментарий. Здесь же замысел начал претворяться в жизнь. Труд этот стал для поэта делом жизни. В Киеве же написана большая статья «Гончаров и его Обломов» — одна из лучших и наиболее оригинальных работ о знаменитом романе. На торжественном годичном акте в Коллегии Галагана Анненский произнес речь «Об эстетическом отношении Лермонтова к природе». И в Киеве же возникли «Педагогические письма» — яркое явление в истории русской педагогической мысли. В них автор обосновал свои, во многом новаторские, взгляды на ряд важнейших, но недооценивавшихся тогда вопросов преподавания в средней школе (роль иностранных языков в гуманитарном образовании, эстетическое воспитание учеников, культура их речи, развитие у них самостоятельности мышления). Первое и второе из этих писем появились в 1892—1893 годах в журнале «Русская школа» (издававшемся Я. Г Гуревичем), и там же — статьи о Лермонтове и Гончарове. Переводы трагедий Еврипида и статьи о них стали публиковаться несколько позднее.

Киевский период оказался непродолжительным: он завершился для Анненского конфликтом с почетной попечительницей Коллегии Екатериной Галаган. О причинах конфликта позволяет судить ее письмо от 1892 года к Анненскому, в котором она упрекает его в том, что он во все время управления Коллегией «систематически нарушал основные положения, ясно выраженные в высочайше утвержденном уставе ее, и те порядки, которые выработались с течением времени и по указаниям опыта и находятся в полном соответствии с духом

того же устава». В заключение она сообщает: «Действуя таким образом, Вы поставили меня в необходимость обратиться к высшему начальству с просьбой дать Вам другое назначение, более соответствующее воззрениям Вашим на учебно-воспитательное дело...» [1] Итак, педагогические принципы Анненского, о которых из всех имеющихся источников известно, что они отличались гуманностью, широтой, нестандартностью, пришли здесь в столкновение с чуждыми им нормами. Дело все же обернулось благоприятным для Анненского образом: он переведен был в родной город на пост директора 8-й мужской гимназии (на 9-й линии Васильевского острова).

Служба Анненского здесь тоже была недолгой (с 1893 по 1896 год), но, кажется, ничем не была омрачена. По словам В. Кривича, «три года директорства в Петербурге могут, пожалуй, считаться едва ли не самым спокойным и счастливым периодом его служебной жизни» [2]. О том, каково было отношение и гимназистов и учителей к Анненскому, много времени спустя будет сказано так: «Его бывшие ученики с благодарностью вспоминают его гуманное, мягкое обращение с ними, отзываясь особенно сочувственно о его стремлении к развитию в них эстетического чувства; в преподавателях он всячески поддерживал стремление к самостоятельной научной работе» [3].

Здесь, в Петербурге, продолжалось творчество Анненского — переводчика и истолкователя Еврипида. Переведенные им трагедии постепенно появляются в «Журнале Министерства народного просвещения». Все складывалось вполне благоприятно.

Но вскоре — на исходе третьего учебного года — Анненского ждало новое назначение, внешне лестное, но чреватое сложными и опасными ситуациями, о чем он не мог не знать, как не мог и отказаться от предложения министра народного просвещения И. Д. Делянова [4]: служба являлась для Анненского материальной необходимостью, его литературные гонорары были ничтожны, свободой выбора он не располагал. Он стал директором Николаевской мужской гимназии в Царском Селе, постоянной резиденции императора, и неизбежным становилось соприкосновение со всякого рода большим и малым начальством, не сулившее ничего хорошего.

Первые годы прошли, однако, спокойно. Царскосельский период в биографии Анненского освещен наиболее полно: к нему относится

---

[1] ЦГАЛИ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 310.

[2] Кривич В. Указ. соч. С. 252.

[3] Памятная книжка С.-Петербургской восьмой гимназии. Спб., 1909. С. 9.

[4] Кривич В. Указ. соч. С. 254—255.

самая значительная по объему часть мемуарных данных, архивных сведений и основная часть переписки. Мемуаристы, при всей неоднозначности для них образа Анненского, более или менее едины в том, что он, будучи человеком замкнутым, сдержанным, прекрасно владеющим собой, всегда оставался ровным и тактичным в отношении как к младшим и нижестоящим, так и к высшим. В гимназии был сильный преподавательский состав, пополнившийся еще несколькими сотрудниками, которых пригласил Анненский. Отношения между директором и учителями установились дружественные. Сослуживцы-мемуаристы (за исключением одного только Б. В. Варнеке, чьи весьма злые оценки составляют разительный контраст с высказываниями всех других [1]) очень сочувственно, иногда восторженно отзываются об Анненском как о директоре, дававшем им широкий простор в педагогическом деле, внимательном к их запросам и нуждам [2], и как о преподавателе, умевшем передать гимназистам свое увлечение античностью. «Он был кумиром своих учеников и учениц, тем более, что к данным внутренним присоединялись и блестящие внешние данные — одухотворенно-красивая наружность и чарующее благородство в обращении» — так напишет о нем один из наиболее близких к нему коллег [3]. Сохранится свидетельство и о том, что Анненский, преподававший в старших классах древнегреческий язык (предмет, далеко не пользовавшийся популярностью), «сумел ... внести в суть гимназической учебы нечто от Парнаса, и лучи его эллинизма убивали бациллы скуки. Из греческой грамматики он делал поэму, и, притаив дыхание, слушали гимназисты повесть о каких-то „придыхательных“» [4]. А в отношениях с начальством, по словам В. Кривича, Анненский держался независимо, проявлял большую твердость и в защите интересов технического персонала гимназии, так называемых «служителей» [5].

Сочетание всех этих черт делало личность Аненнского явно необычной, странной и даже одиозной в глазах бюрократов от просвещения — чиновников из Петербургского учебного округа и мини-

---

[1] См.: ПК. С. 74—76.

[2] См. суждения П. П. Митрофанова // ПК. С. 64.

[3] Мухин А. А. И. Ф. Анненский (некролог) // «Гермес». 1909, № 20 (46). С. 609. Под ученицами подразумеваются, надо полагать, слушательницы Высших историко-литературных женских курсов в Петербурге, на которых Анненский в течение последних полутора лет своей жизни читал лекции по истории древнегреческой литературы.

[4] Голлербах Э. Ф. Из загадок прошлого (Иннокентий Анненский и Царское Село) // «Красная газета». 1927, 3 июля (вечерний выпуск).

[5] ПК. С. 89.

стерства, привыкших к казенной безликости, к административной рутине, к черствому педантизму.

Необычность своего положения, свою отчужденность чувствовал, конечно, и сам Анненский, как это можно заметить по некоторым его письмам. Так, А. В. Бородиной он в августе 1900 года писал об отвращении, которое в нем вызывало исполнение директорских обязанностей, о желании покинуть эту службу, но и о трудности такого решения[1] И ей же — в письме от 7 января 1901 года: «Завтра опять — гимназия, и постылое и тягостное дело, которому я себя закрепостил ⟨...⟩ Не знаю, долго ли мне придется быть директором гимназии, т. к. за последнее время мои отношения со всем моим начальством стали очень деликатными»[2]

В дальнейшем обстановка не улучшалась, настороженность бюрократов в отношении Анненского — подлинного интеллигента, подлинного деятеля просвещения не ослабевала, а настроения Анненского, как директора, вряд ли менялись к лучшему. К счастью, его отличало огромное самообладание, и внешнее и душевное; он не только добросовестно и успешно продолжал нести бремя административных обязанностей и выполнять свой педагогический долг, но находил в себе силы для творчества, которое и было для него высшей жизненной задачей. Царскосельский период — время взлета его таланта. Продолжается перевод Еврипидовых трагедий. В первые же годы нового века он создает и три оригинальные трагедии на сюжеты античных мифов: это — «Меланиппа-философ» (окончена в марте 1901 года, в том же году издана отдельной книжкой), «Царь Иксион» (отдельной книжкой — в 1902 году), «Лаодамия» (окончена 13 июня 1902 года, появится в сборнике «Северная речь», 1906). Первыми годами века датированы отдельные оригинальные стихотворения, а также переводы стихов, публикуемые впоследствии. У Анненского созревает теперь намерение — объединить некоторую часть своей лирики и переводов из французской, немецкой, римской поэзии в книгу. В 1904 году она выходит под заглавием «Тихие песни» и под псевдонимом-анаграммой «Ник Т—о»[3] Эти несколько букв входят в имя «Иннокентий», но они прочитываются как местоимение «Никто», которым назвался мудрый Одиссей, чтобы спастись из пещеры чудовища-циклопа Полифема. На трагедии, выпущенные малыми тиражами и за счет автора, появляется несколько сочувственных рецензий, написанных филологами-классиками — представителями уважаемой, но мало популярной специальности,

---

[1] См.: Анненский И. Книги отражений. С. 448.

[2] Там же. С. 449—450.

[3] Под этим псевдонимом поэт печатал свои стихотворения в периодических изданиях до конца 1906 года.

и Анненский-драматург остается незамеченным На «Тихие песни» изданные скромно и тоже за собственный счет, откликаются два крупнейших поэта того времени — Брюсов и Блок, но отзыв Брюсова [1] холодно-снисходителен, а рецензия Блока [2] лишь сдер жанно сочувственна при всей проявленной Блоком тонкости постижения внутреннего мира поэта. Анненский по-прежнему остается в тени и в литературном одиночестве: с поэтами — деятелями нового искусства отношения у него не завязываются, он даже и не ищет их. Общается он со своими друзьями — учеными-филологами: С. К. Буличем, славистом, Ф. Ф. Зелинским, выдающимся специалистом в области античных литератур, с коллегами-учителями, среди которых тоже есть знающие и талантливые словесники (А. А. Мухин, филолог-классик, А. Г Шалыгин, гимназический преподаватель русского языка, давний друг). В доме Н. Ф. Анненского он встречается с видными писателями и критиками иной литературной ориентации — например, с В. Г. Короленко и Н. К. Михайловским, но при всем взаимном уважении близости интересов тоже не возникает. И, как важную черту характера Анненского, надо подчеркнуть, что на свое литературное одиночество он не жалуется, и если признает некоторую ущербность своего «респектабельного» положения директора гимназии, то ни единой жалобы, ни единого намека на отсутствие литературного признания у него не найти. В свою поэзию, в свою поэтическую миссию он не перестает верить. Еще в последнем году минувшего века он в письме к А. В. Бородиной по поводу своего перевода Еврипида сказал «Нисколько не смущаюсь тем, что работаю исключительно для будущего...» [3] Эта убежденность в нем не поколеблена

Наступил 1905 год. Приближение первой русской революции давало о себе знать брожением и волнением во всех социальных слоях. После трагедии 9 января революционные настроения проявились с новой силой. Охватили они и учащуюся молодежь — и в высшей и в средней школе. Не миновали они и царскосельскую гимназию. Ее воспитанники приняли участие в двух резолюциях учеников средней школы, содержавших требования об изменениях в учебном деле; 111 подписей из 769 в этом документе, обнародованном 10 февраля либеральной газетой «Право», принадлежали царскосельским юношам.

[1] «Весы». 1904, № 4 (под псевдонимом «Аврелий»).

[2] «Слово». 1906, № 403, 6 марта. Литературное приложение, № 5. Примечательно, что в частном письме (к Г. И. Чулкову, 1905) Блок оценил книгу и самого поэта гораздо выше: «Ужасно мне понравились «Тихие песни» Ник. Т — о. В рецензии старался быть как можно суше...» (Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 132).

[3] Анненский И. Книги отражений. С. 447.

Директор никак не вмешивался в дела своих подопечных, не мешал им выражать свои настроения. Продолжал он и свою линию независимого поведения в других вопросах: так, еще в 1904 году он принял в гимназию целый ряд молодых людей, исключенных (видимо, по соображениям политического порядка) из средних учебных заведений западных губерний. Все это еще более настраивало против него начальство из учебного округа, причем, вероятно, играло свою роль и его родство и близкие отношения с Н. Ф. Анненским.

С начала нового 1905—1906 учебного года среди гимназистов и их родителей пошли упорные слухи о предстоящем отстранении Анненского от должности директора. И вот — сперва к попечителю учебного округа, а потом к министру народного просвещения поступили петиции от родителей (всего 128 подписей) — с просьбой оставить Анненского на его посту. Тревоги родителей не были напрасны: намерение сместить Анненского существовало. Но петиции, вероятно, возымели обратное действие, подтвердив популярность директора, вызывавшего недовольство высших чиновников.

Анненский же вновь проявил полную бескомпромиссность, выступив в защиту учеников-старшеклассников, принявших участие в уличных демонстрациях, а в самой гимназии устроивших 4 ноября такую сильную химическую обструкцию, что на время пришлось прекратить занятия. Обструкция и сделалась предметом обсуждения 6 ноября на собрании педагогического совета совместно с родителями гимназистов. Здесь, как зафиксировано в протоколе, Анненский сказал, что «он считает всех учеников гимназии благородными независимо от взглядов, заблуждений и даже проступков и полагает этот взгляд лично для себя обязательным. На вопрос одного из родителей, считает ли г-н директор благородными и тех, которые произвели обструкцию, г-н директор ответил утвердительно; означенные слова г-на директора занесены в протокол по настоянию присутствовавшего на собрании г-на Меньшикова» (реакционнейшего журналиста из газеты «Новое время»). Далее, после бурного обсуждения, Анненский заявил, что «он лично убежден в нецелесообразности репрессивных мер». Затем «педагогический совет, удалившись в отдельную комнату, отклонил большинством голосов требование (некоторой части родителей.— *А. Ф.*) о принятии на себя расследования дела об обструкции» [1]. Твердая позиция Анненского нашла поддержку со стороны как преподавателей, так и родителей. В итоге никто из «крамольных» юношей не пострадал, тем более что вопрос об их участии в уличных выступлениях поставлен не был.

---

[1] Ленингр. гос. истор. архив. Ф. 139, оп. 1, д. 10284. Л. 74—77; д. 10241. Л. 102—104.

Но самому Анненскому все это не прошло даром. В первые же дни 1906 года он был удален с директорского поста «согласно поданному прошению» (то есть с «соблюдением приличий» — во избежание возможного шума) и переведен на должность инспектора Петербургского учебного округа, периодически требовавшую длительных поездок в разные, нередко и отдаленные, города Петербургской и соседних с ней губерний. Для него, человека уже в летах, с больным сердцем, это было тяжело; теперь он был оторван и от общения с молодежью, которое ему было дорого.

Семья Анненских переехала из квартиры при гимназии в частный дом, но Царское Село не покинула. Иннокентий Федорович по определенным дням ездил в Петербург для приема посетителей в канцелярии учебного округа и на заседания Ученого комитета Министерства просвещения, членом которого он был назначен еще в 1898 году, выезжал в командировки. Он внимательно следил за состоянием учебного дела в инспектируемых гимназиях и училищах, составлял каждый раз подробные отчеты. Приходилось ему и теперь вставать на защиту — уже не учеников, а учителей. Так, в мае 1906 года при поездке в Вологду он отвел беду от двух учительниц тамошней женской гимназии и священника гимназической церкви, который по их просьбе отслужил панихиду по лейтенанту П. П. Шмидту, казненному 6 марта того же года. Анненский не дал хода возникшему было «делу», и для «замешанных» в инциденте (на которых, очевидно, поступил донос в округ) все кончилось благополучно [1].

Служба, казенщина все более угнетают поэта. Но твердая творческая воля не изменяет ему. Так, и в полном для него волнений 1905 году он продолжает переводить Еврипида, и этот труд продвинулся теперь настолько, что впору уже думать о выпуске в свет целого собрания переведенных трагедий и статей о них. К лету 1905 года нашелся издатель — товарищество «Просвещение», и поэт занят подготовкой первого тома, который выйдет в следующем году. В 1905 году Анненский пишет ряд статей о русских прозаиках XIX века и современниках; статьи вместе с ранее написанным очерком о Бальмонте составят «Книгу отражений», которая выйдет позже, в 1906 году. Летом 1906 года поэт завершает «вакхическую драму» «Фамира-кифарэд», выхода в свет которой он уже не увидит. На первый том «Театра Еврипида» с большими положительными рецензиями выступит несколько знатоков античности, но книга плохо будет раскупаться, залежится в магазинах, издание продолжения не получит. «Книгу отражений» критики встретят поверхностными отзывами — как сочувственными (К. Эрберг), так и резко отрицающими

---

[1] Ленингр. гос. истор. архив. Ф. 139, оп. 1, д. 10250 («О ревизии учебных заведений С.-Петербургского учебного округа»). Л. 52.

(К. Чуковский); глубина и оригинальность очерков Анненского окажется неоцененной.

Но Анненский по-прежнему литературно-деятелен: все эти годы создаются лирические стихи, в 1907—1908 годах пишутся новые статьи о русских и западноевропейских авторах — для «Второй книги отражений», которая появится в 1909 году — последнем для Анненского.

Этот год будет творчески особенно напряженным, годом новых свершеиий в лирике, иовых замыслов н планов, надежд и разочарований. В марте к нему в Царское Село прнезжает художественный крнтик и органнзатор выставок (ои же — третьестепенный лирик) С. К. Маковский, занятый органнзацией нового литературно-художественного журнала «Аполлон» и привлечением сотрудников; его сопровождает поэт, художник и критик Максимнлиан Волошин. Анненский с готовиостью принимает предложение: ему обещана возможность печатать стихи, выступать в качестве критика. Намечается как будто выход из лнтературного однночества, перспектива работать не только для будущего, но и для настоящего. Анненский посещает теперь заседания редакцин будущего журнала, встречается с петербургскими литераторами. При журнале предполагается и собственное нздательство, для которого Анненский начннает составлять свою вторую книгу стнхов — «Кипарисовый ларец», но проект отпадает, так как издательство не удается организовать. Летом 1909 года Анненский берется за большую статью «О современном лиризме» — критнческий обзор русской поэзин последних лет. 1909 годом датирован и ряд новых стихотворений.

В «Аполлоне», начавшем выходить в октябре, появляется трн стихотворения Анненского («Ледяной трнлнстник») и первая часть статьи «О современном лиризме», рассчитанной на несколько номеров В следующем, ноябрьском, номере вместе со второй частью статьи должна была печататься уже набранная большая подборка его стихотвореннй, но Маковскнй внезапно отложил ее публнкацию на неопределенный срок и этим больно ранил поэта, статья же, написанная в очень оригинальной, свободной и иронической манере, вызвала обиды в литературном мире, пресса встретила ее непониманием и насмешками. Анненскому пришлось в «Письме к редактору», помещенном в журнале, оговорить, что он выражал свою личную, а не редакционную точку зрения. Все это, конечно, стоило ему волненнй, но он так увлечен работой, что она не прерывается. Осенью открывается иовая возможность опубликовать книгу стихов — в небольшом московском издательстве «Гриф» (через посредство М. А. Волошнна)

В октябре у поэта созревает решение покинуть службу в учебном округе, которая все более его тяготит и все менее совместнма с внезапным размахом его лнтературной деятельности. Пенсня к этому времени уже «выслужена», и он подает прошение попечителю учебного округа

об увольнении от инспекторской должности — правда, с просьбой о причислении к Министерству народного просвещения, что позволило бы ему сохранить часть жалованья по Ученому комитету, н о назначенни ему так называемой «усиленной пенсии», на которую он, ученый и авторитетный педагог, имел право рассчитывать. Но тут начальство — попечитель округа граф А. А. Мусин-Пушкин, особа важная и сановная, и министр А. Н. Шварц не упустили случая избавиться от человека, которому не симпатизировали и не доверяли. Отставка была дана сразу полная, на общих основаниях. Решение это датировано 20 ноября, н точно неизвестно, успел ли Анненский узнать о результатах своего прошения. 30 ноября 1909 года в восьмом часу вечера он скоропостижно скончался от паралича сердца на ступенях подъезда Царскосельского (ныне Витебского) вокзала. В это время В. Кривич дома в Царском Селе, как он рассказывает в своем мемуарном очерке, по поручению отца был занят подготовкой к отсылке в издательство книги «Кипарисовый ларец» — с надеждой «может быть, уже сегодня ⟨...⟩ представить ему на санкцию книгу в готовом виде»[1] Трагическое известие оторвало его от этой работы.

Похороны Анненского, собравшие 4 декабря в Царском Селе огромную массу народа, показали, насколько он был популярен и любим как человек и как деятель просвещения.

О нем как о поэте знали еще немногие. Из его наследия как лирика около двух третей оставалось в рукописи. За исключением тех трагедий Еврипида, которые вошли в том, изданный «Просвещением», или в 1890—1900-х годах печатались в журнале или отдельными книжками, вся работа Анненского над переводом и истолкованием древнегреческого драматурга, практически доведенная до конца, лежала в его архиве. Об оригинальных его трагедиях мало кто помнил. Анненскому предстоял долгий, нелегкий, неровный путь к читателю — сперва читателю его эпохи, а потом — все более отдаленного будущего.

Весной 1910 года вышел «Кипарисовый ларец», в 1913 году — «Фамира-кифарэд» (в количестве 100 нумерованных экземпляров), в 1916—1917 годах в издательстве М. и С. Сабашниковых вышли в четырех томах «Драмы» Еврипида (под редакцией Ф. Ф. Зелинского), в 1923 году одновременно вышли в свет «Посмертные стихи» под редакцией В. Кривича и были переизданы «Тихие песни» и «Кипарисовый ларец».

1920-е и 1930-е годы были неблагоприятны для популяризации русской поэзии начала века. Все же в 1939 году в Малой серии «Библиотеки поэта» вышли «Стихотворения» Анненского (избранные), еще двадцать лет спустя, в 1959 году,— в Большой серии «Стихотво-

[1] Кривич В. Указ. соч. С. 209.

рения и трагедии» (полное собрание), снова через двадцать лет, в 1979 году,— «Лирика» и «Книги отражений», с приложением ряда несобранных критических статей и избранных писем. Несколько раз переиздавался Еврнпид в переводах Анненского. А в течение 1980-х годов в разных издательствах появилнсь два собрания лирики (1981 и 1987), и в последние годы нашего десятилетия почти одновременно были выпущены «Избранное» (М., 1987) — том, включающий всю лирику (но без переводов), обе «Книги отражений» и избранные письма, и книга «Избраные пронзведения» (Л., 1988), в которую вошли все стихотвореиия н переводы западноевропейской лирики, две трагедни и критическая проза.

Созданное поэтом давно стало предметом пристального вниманння историков литературы — н не только отечествеиных, но и зарубежных.[1]

Творчество Анненского утвердилось в ряду классических созданий русской лнтературы XX столетия. Оправдались слова: «...работаю исключнтельно для будущего».

2

Поэты начала века, которым принадлежат первые отзывы о поэзии Аиненского, по-разному определяли то, что нм представлялось основиым в его творчестве, прежде всего в его лирике, по-разному стараясь уловнть ее главенствующие мотивы, образы, эмоциональную окраску.

Блоку в «Тихих песиях» незнакомого еще автора открылась «человеческая душа, убитая непосильной тоской, дикая, одииокая и скрытиая. Эта скрытность питается даже какой-то инстинктивной хитростью — душа как бы прячет себя от себя самой, переживает свои чистые ощущення в угаре декадентскнх форм» [2].

---

[1] Средн ниостранных публикаций — несколько монографий: на англнйском языке — Setschkarev Vsevolod. Studies in the life and works of Innokentij Annenskij. Mouton. The Hague, 1963 (Сечкарев Всеволод. К изучению жизни и произведений Иннокентия Анненского. Гаага, 1963); на итальянском — Bazzarelli Eridano. La poesia di Innokentij Annenskij. Milano, 1965 (Бацдарелли Эридано. Поэзия Иннокентия Анненского. Милан, 1965); на немецком — Ingold Felix Philipp. Innokentij Annenskij. Sein Beitrag in die Poetik des russischen Symbolismus. (Ингольд Феликс Филипп. Иннокентий Анненский. Его вклад в поэтику русского символизма. Берн, 1970). Conrad Barbara. Innokentijs Annenskijs poetische Reflexionen. München, 1976 (Конрад Барбара. Поэтические отражения Иннокентия Анненского. Мюнхен, 1976).

[2] Блок А. Указ. соч. Т. 5. М., 1962. С. 620.

М. Волошин в статье-некрологе утверждал, что Анненскому «ничто не удавалось 〈...〉 так ярко, так полно, так убедительно законченно, как описание кошмаров и бессонниц»[1].

Для Вяч. Иванова, автора другой статьи-некролога, в стихах поэта звучит «целая гамма отрицательных эмоций — отчаяния, ропота, уныния, горького скепсиса, жалости к себе и своему соседу по одиночной камере (то есть другому томящемуся человеку.— *А. Ф.*). В поэзии Анненского из этой гаммы настойчиво слышится повсюду нота жалости»[2].

С последней характеристикой перекликаются слова Н. Гумилева, сказанные о стихотворении «То было на Валлен-Коски», но имеющие более общий смысл: «Есть обиды свои и чужие, чужие страшнее, жалчее. Творить для Анненского — это уходить к обидам других, плакать чужими слезами и кричать чужими устами, чтобы научить свои уста молчанью и свою душу благородству»[3].

В отзыве на «Кипарисовый ларец» Гумилев расширил и обобщил характеристику Анненского: «Для него в нашей эпохе характерна не наша вера, а наше безверье, и он борется за свое право не верить с ожесточенностью пророка. С горящим от любопытства взором он проникает в самые темные, в самые глухие закоулки человеческой души; для него ненавистно только позерство»[4].

В. Брюсов в рецензии на ту же книгу, отметив и мастерство и оригинальность поэта, подчеркнул: «В общем 〈...〉 его поэзия поразительно искренна» и, применив известные слова Баратынского, сказал, что стихи поэта «объединены 〈...〉 лица не общим выраженьем...»[5]

Позднее другой поэт — Владислав Ходасевич — свел к очень краткой и исключительно мрачной формуле содержание лирики Анненского: «Смерть — основной мотив его поэзии, упорно повторяющийся в неприкрытом виде и более или менее уловимый всегда». Мысль о смерти — «постоянный и главный импульс его поэзии»[6],— считал Ходасевич.

---

[1] Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 525 (первоначально — «Аполлон». 1910, № 4).

[2] Иванов Вячеслав. О поэзии Иннокентия Анненского // Борозды и межи. М., 1916. С. 295 (первоначально — «Аполлон» 1910, № 4).

[3] Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 75 (первоначально — «Аполлон». 1909, № 3).

[4] Там же. С. 87 (первоначально — «Аполлон». 1910, № 8).

[5] Брюсов В. Далекие и близкие. М., 1912. С. 160, 159 (первоначально — «Русская мысль». 1910, № 6).

[6] Ходасевич В. Об Анненском // «Феникс», сборник художественно-литературный, научный и философский. Книга первая. М., 1922. С. 123.

Во всех этих сужденнях много общего: констатируются особенности, действительно присущие поэзии Анненского,— острый психологизм, безрелигиозность — неверие в личное бессмертие, перечисляются присутствующие в его стихах мотивы (с непомерным преувеличением у Ходасевича роли мотива смерти как лейтмотива, как доминирующей черты). Некоторые из высказанных наблюдений приобрели впоследствии особую устойчивость, переходя из одной статьи в другую,— в частности, признание мотива одиночества и тоски едва ли не самым главным у поэта. Верно отметили и Вяч. Иванов и Гумилев мотив жалости, внимание к чужим обидам, но тем и ограничились, не сказав о том, чьи это и что это за обиды. Мир поэзии Анненского с его специфическим колоритом оказался для этих критиков замкнутым в себе [1].

На самом деле Анненский зорко вглядывался в действительность, не замыкался от нее и чутко откликался на впечатления от увиденного и услышанного — в повседневном ли быту, на улице ли, в деревне ли, в дороге ли во время поездок по России. И от характера впечатлений, то есть от самой жизни, увиденной точно и зорко, зависели тон и колорит стихотворений, часто невеселый.

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть...

(«В дороге»)

Или другая дорожная встреча дождливым ранним утром — девочка, «замотанная в тряпки», верхом на лошади:

Лет семи всего — ручонки
Так и впилися в узду,
Не дают плестись клячонке,
А другая — в поводу

Жадным взором проводила,
Обернувшись, экипаж
И в тумане затрусила,
Чтоб исчезнуть, как мираж.

---

[1] Не следует также забывать, что среди критиков Анненского были и такие, которые видели в нем главным образом «служителя» и «мученика красоты» (Б у р н а к и н А. Мученик красоты (Памяти И. Ф Анненского) // «Искра» 1909, № 3)

И щемящей укоризне
Уступило забытье:
«Это — праздник для нее,
Это — утро, утро жизни»

(«Картинка»)

Знойным июльским днем глаза поэта останавливаются на фигурах спящих землекопов, улегшихся после изнурительной работы тут же в поле:

Не страшно ль иногда становится на свете?
Не хочется ль бежать, укрыться поскорей?
Подумай: на руках у матерей
Всё это были розовые дети.

(«Июль, 2»)

Анненский — большой мастер пейзажа, пейзажа характерно русского. Иногда он отдается прелести созерцания, создает яркие, порою даже умиротворенно-живописные образы («Ветер», «Ноябрь» в «Тихих песнях», немногое другое). Но пейзаж и вообще картина окружающего мира насыщаются обостренным трагическим смыслом, когда появляются люди, как в процитированных стихах или в стихотворении «Опять в дороге» («Луну сегодня выси...»): зимняя лунная ночь в северном лесу казалась путешественнику фантастически страшной, но встреча с «дурашным» парнишкой, бродяжничающим в морозы, возвращает «я» поэта к реальности, заставляет устыдиться своих страхов, создает как бы выход из одиночества:

Куда ушла усталость,
И робость, и тоска...
Была ли это жалость
К судьбишке дурака,—

Как знать?.. Луна высоко
Взошла — так хороша.
Была не одинока
Теперь моя душа...

Жалость у Анненского не абстрактна. Это жалость к обездоленным, к простому люду. Мотив жалости сливается с важнейшим для поэта мотивом совести и шире — с темой социального неблагополучия, социальной несправедливости. То, чего не замечали современники поэта, стало отчетливо заметным с рубежей более позднего времени.

Для тех, кто писал об Анненском при его жизии или вскоре после смерти, поэзия его — как бы высоко оиа ии ставилась критиками — находилась «вне политнки», «вне злобы дня». А между тем Анненский отнюдь ие сторонился ни «политикн», ни «злобы дня». Тому свидетельство — стихотворенне «Петербург». В нем совершенно прямо сказано об исторической обреченности русской монархии, осуждено и прошлое ее н настоящее, воплощенное в образе императорской столицы и знаменитого памятника ее основателю:

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале,—
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Следует добавнть, что черновой автограф содержнт зачеркнутый вариант «наш хнщник двуглавый» [1] (вместо «орел наш»), который устранен был, очевидно, как цензурно неудобный.

Высокого гражданского пафоса полно и другое стнхотворение, обнародованное уже только в книге «Посмертные стихи» (1923). Это — «Старые эстонки», отклик поэта на события 1905—1906 годов в Эстонии, где, как и в других районах империи, революционные выступления были подавлены с большой жестокостью. Стихотворенне говорит о том, как тяжело пережил Аиненскнй наступлеиие реакции после крушения первой русской революции и последовавшие кровавые репрессии. В ночном кошмаре поэту являются матери казненных, он пытается убеднть их в своей непричастности к гибели их сыновей, а старые женщины выносят ему приговор:

Затрясли головами эстонки.
«Ты жалел нх... На что ж твоя жалость,
Если пальцы руки твоей тонки,
И ни разу она не сжималась?

Спнте крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовней!
Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихнй,
В целом мнре тебя нет виновней!

[1] ЦГАЛИ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 21. Л. 81.

Добродетель... Твою добродетель
Мы ослепли вязавши, а вяжем...
Погоди — вот иакопится петель,
Так словечко придумаем, скажем...»

«Вероятно, в границах первого десятилетия XX века в русской поэзии наиболее сильными стихами «граждаиствениого» плаиа являются «Старые эстонки» и «Петербург» Анненского. У того же Блока 900-х годов стнхов такой лирической силы, при одновременной ясной гражданственности, конечно, нет» [1].

Гражданственность у Анненского неразрывно связана с идеей совести. Творчество Достоевского, своего любимейшего писателя, Анненский назвал именно поэзией совести [2]. Так он имел право назвать и свое творчество. Совесть и у Достоевского и у Анненского — это острое осознание причастности к судьбам пусть даже совсем чужнх, далеких, незнакомых людей. И творчество Анненского — не только лирнка — пронизано тревогой за человека, за все живое, за все сущее. Жестокости, несправедливости, уродства было в нзобилии вокруг поэта — н в жнтейском окруженнн, и в политнческой жизни страны. И как личную боль он ощущал несчастия, злоключения, а то и просто тяготы, выпадавшие на долю других. Отсюда его пристальное внимание к простым людям, ярко запечатленное в процнтированных стихах.

События русско-японской войны сильно волновали Анненского, как это видно по его письму из Ялты от 16 сентября 1904 года к Е. М. Мухиной [3], но в своей поэзии он к ним не обращался, однако их дальннм отзвуком стало стнхотворенне «Гармонные вздохн» — печальный полусвязный монолог подвыпившего горемыкн, инвалида той войны, стерегущего осенней ночью фруктовый сад и вспоминающего прошлое. Поэт, в чьих стнхах недалекнй кригик-современник усмотрел «эстетическую маниакальность» [4], человек, которого близкие к нему мемуаристы считалн «кабинетным ученым», сумел воссоздать песню, которой засыпающая от усталости крестьянка баюкает ребенка («Без конца и без начала»), н как живую показать фигуру продавца воздушных шаров, зазывающего покупателей шутками н

---

[1] Громов П. Ал. Блок, его предшественники н современнnки. М.; Л., 1966. С. 230.

[2] См.: «Он был поэтом нашей совестн» // Анненскнй И. Книги отражений. С. 239.

[3] ЦГАЛИ. Ф. 6, оп. 2, ед. хр. 5. Цитату нз него см. в кн.: Федоров А. Иннокентий Анненский. Личность н творчество. Л., 1984. С. 29.

[4] Бурнакин А. Литературные заметки. Эстетнческое донкихотство // «Новое время». 1910, № 12398.

прибаутками («Шарики детские»). Очень верно сказал об Аниеиском Юрий Нагибин: «...он обладал ухом, чутким к разговорной уличной речи, ои слышал бытовой говор, зиал повадку простых людей; этот изысканный человек отличио ориеитировался в шумах повседневности»[1].

Еще одио подтверждение тому — стихотворение «Нервы. Пластинка для граммофоиа» — сцеика, разыгрывающаяся в глухом безвременье реакции, диалог раздраженных и чем-то страшно иапугаиных супругов-дачиников, перебиваемый криками продавцов-разиосчиков, репликами кухарки. О том, насколько это было ново, смело, непривычно, говорит реакция, какую стихотворение вызвало у аионимного рецензеита петербургскнх «Биржевых ведомостей». Перед тем как процитировать из него несколько строк, он сказал о «тривиальном безвкусии поэта», а после цитаты прибавил, что «можио было бы привести бесконечное число цитат, 〈...〉 свидетельствующих все о том же — о иедостатке вкуса и о прозаичности поэта»[2].

Как иоватор, вводивший в лирику черты будничиой разговорности, даже просторечия, Анненский ие был одинок среди своих современников-поэтов: у Блока, у Андрея Белого, у Сологуба, иногда и у Брюсова можно встретить подобные же черты, разве что выраженные менее ярко; привлекали этих поэтов и образы простых людей. Более же резкое отличие Анненского от них — в другом: в характере соотношения внутреннего мира поэта, его «я», с миром виешнни. В творчестве Бальмонта н Вяч. Иванова, ранней (вплоть до начала 1900-х годов) поэзин Брюсова, Блока, Сологуба внутренний мир творца выступает как самодовлеющнй, подчиняя себе, окрашивая собою, даже подменяя собою то, что лежит вне его. Тем самым не возникает коллизии между внутренним миром и внешним, который построен самим поэтом как неким демиургом. Отсюда — самоутверждение, мажорно проходящее через всю лирику Бальмонта, величаво-архаическая торжественность тона в поэзин Вяч. Иванова, сдержанная прнподнятость в книгах Брюсова 1890 — начала 1900-х годов, самоуглубленность и сосредоточенность у Сологуба. Сложнее — в лирике Блока: мистическая тревожность, присущая его внутреннему миру, созвучна образам «Стихов о Прекрасной Даме», с которымн онн слнваются в гармоничное едннство, но уже в следующих кнпгах трагическая действительность города и далеких просторов России вступает в напряженное взаимодействие с лирическим «я», приобретая особую весомость.

[1] Нагибин Ю. Анненский//«Смена». 1986, № 7. С. 27.

[2] «Биржевые ведомостн». 1910. Утреннний выпуск, № 11809, 11 июля.

И еще: в поэзии Блока очень рано появляется мотив двойника, двойничества, проходящий через все его книги [1].

Иначе — у Анненского. Вспомним, правда, что в числе стихотворений, открывающих «Тихие песни» и предположительно относящихся к ранним, есть два — «Двойник» и «Который?» (они помещены рядом), отражающие мучительную раздвоенность сознания.

Вот первая строфа «Двойника»:

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

А стихотворение «Который?» заканчивается патетическим вопросом:

О царь Недоступного Света,
Отец моего бытия,
Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты *я*.

Но мотив двойника сразу же уходит из лирики Анненского — подобно тому как исчезают из нее и другие мотивы, восходящие, возможно, к тому времени, когда он (еще в 1870-е годы), по собственному признанию в автобиографической заметке, «был мистиком в поэзии». Остается теперь одно вполне отчетливо сознающее себя *я*, с одной стороны, и, с другой стороны, все то, что вне его и на что оно откликается. Рядом с *я* поэта живут другие *я*. В позднейшем стихотворении «Другому», обращаясь к высоко ценимому им поэту-современнику (может быть — Бальмонту), Анненский говорит:

Я полюбил безумный твой порыв,
Но быть тобой и мной нельзя же сразу.

Другие *я* отдельны от *я* поэта и равноправны с ним. В стихотворении «Гармония» сжато и строго выражена мысль о мучительном противоречии жизни, об ответственности за чужие судьбы, за другие *я*, о цене, которой покупается гармония — наслаждение красотой мира:

А где-то там мятутся средь огня
Такие ж *я*, без счета и названья,
И чье-то молодое за меня
Кончается в тоске существованье.

---

[1] См. об этом в кн.: Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981 (2-е изд.) — глава «Об одном стихотворении (Двойник)»

В этой заключительной строфе короткого стихотворения, навеянного, весьма вероятно, впечатлениями крымской осени 1904 года (судя по морскому пейзажу), может быть уловлен смутный отклик и на события русско-японской войны, волновавшие Анненского («мятутся средь огня», «молодое существованье», кончающееся «в тоске»).

К числу последних, во всяком случае — поздних, произведений лирики Анненского принадлежит стихотворение «Поэту». Вот первые его две строфы:

В раздельной четкости лучей
И в чадной слитности видений
Всегда над нами — власть вещей
С ее триадой измерений.

И грани ль ширишь бытия
Иль формы вымыслом ты множишь,
Но в самом *Я* от глаз *Не Я*
Ты никуда уйти не можешь.

Под «властью вещей» здесь понимается, конечно, не власть или засилье каких-то материальных предметов, а нечто гораздо более широкое и значимое. Созданное Анненским местоимение-неологизм «Не-Я» в его лирике больше не встречается, но оно постоянно присутствует в его критической прозе, да и в письмах, как синоним всего окружающего. И тем самым мир *не-я* у Анненского в сущности беспределен: это не только другие люди, к которым обращены его стихи или которые сами в них говорят и действуют (уже упомянутые «Гармонные вздохи», «Шарики детские», «Нервы» и еще довольно многие, в частности — «Кошмары», «Прерывистые строки»), это и весь окружающий мир — включая и вещи бытового обихода, а главное — природу. В своей последней критической работе «О современном лиризме» Анненский так определил характер творчества поэта-символиста, а вернее — поэта вообще, потому что иным он его,— вернее же, самого себя,— и не представлял: «Символистами справедливее всего называть, по-моему, тех поэтов, которые не столько заботятся о выражении *я* или изображении *не-я*, как стараются усвоить и отразить их вечно сменяющиеся взаимоположения» [1].

[1] Анненский И. Книги отражений. С. 339. Для Анненского тем самым символическая поэзия и поэт-символист — категории вечные, вневременные, не связанные с литературной обстановкой в России и на Западе на рубеже двух веков. Ср. там же (с. 338): «В *поэзии* есть только *относительности*, только *приближения* — потому никакой другой, кроме символической, она не была, да и быть не может».

Содержаннем лирнки Анненского и являются эти «вечно сменяющиеся взаимоположения» *я* и *не-я*, и драматизм переживаний возникает в отношении как к другим людям, так и в отношении к природе и к самым обыкновенным вещам. Здесь — и притяжение н отталкивание, стремлеине слиться с *не-я* н невозможность этого слияиня, то сознание нераздельности и неслиянности искусства с жизнью, которое сближает Анненского с Блоком.

Окружающий мир у Анненского многокрасочен и многозвучеи, полои движення. Но за нсключением немногнх живописно-созерцательных стихотворений, его лирика прнроды в целом трагична; его напряженные пережнвання, пробуждаемые ею, остаются безответными:

Иль я не с вами таю, дни?
Не вяну с листьями на кленах?
Иль не мои умрут огнн
В слезах кристаллов растопленных?

Иль я не весь в безлюдье скал
И черном ннщенстве березы?
Не весь в том белом пухе розы,
Что холод утра оковал?

В дождинках этих, что навнсли,
Чтоб жемчугами ниспадать?
А мне, скажите, в муках мыслн
Найдется ль сердце сострадать?

(*«Когда б не смерть, а забытье...»*)

Прнрода в стихах Анненского трагична н самой своей красотой, одухотворенностью н неповторимостью мгновення, которое она дарнт человеку. Ее образы овеяны тоской по безвозвратно уходящему времени:

Сейчас наступит ночь. Так черны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там всё, что прожито,— желанье н тоска,
Там всё, что близнтся,— унылость и забвенье.

(*«Тоска мимолетности»*)

И еще:

И разлучить не можешь глаз
Ты с пыльно-зыбкой позолотой,
Но в гамму вечера влилась
Она тоскующею нотой

Над миром, что, златим огнем,
Сейчас умрет, не понимая,
Что счастье искрилось не в нем,
А в золотом обмане мая...

(«Май»)

Мир природы, каким он видится поэту, трагичен еще и своей хрупкостью, незащищенностью, тем, что ему угрожают такие же опасности, как и людям, что он испытывает такие же страхи, как они, что он себе сам не кажется вечным. Об этом выразительно говорит стихотворение «За оградой» с его ночной фантастикой и особенно «Желанье жить» с его столь же фантастическим ночным пейзажем и заключительными двумя строками:

И во всем безнадежность желанья:
«Только б жить, дольше жить, вечно жить...»

В лирике Анненского немало места уделено цветам, которые он так любил. Это всегда — цветы садовые, холеные (хризантемы, астры, лилии, сирень, георгины), и они становятся у него звеном между природой и домашним бытом. Проникновенные строки написаны поэтом об их недолговечности, об их неизбежном увядании. Цветы появляются также в тех стихах, где говорится о смерти: цветы — атрибуты панихид, похорон, кладбищ («Трилистник траурный», «Август, I», «Невозможно» и некоторые другие).

Парадоксально и тоже драматично взаимоотношение лирического *я* с вещами. Парадоксальность на первый взгляд — в той силе реакции, какую порождает незначительный, казалось бы, повод и которая может показаться несоразмерной с ним, сентиментально преувеличенной. Один из характернейших примеров — стихи о кукле, бросаемой для забавы туристов в бурный водопад и каждый раз прибиваемой водой к берегу: «Спасенье ее неизменно Для новых и новых мук» («То было на Валлен-Коски»). Драматизм же — в иносказательности и этого образа, и других, подобных ему,— будь то неисправный будильник («Будильник») или ива, сломившаяся под тяжестью тела мертвой Офелии («Ноша жизни светла и легка мне...») И связь между переживанием и вызвавшим его предметом — не плод случайной ассоциации эмоций, не каприз, а нечто закономерное для нравственного мира Анненского. «Его жалость к человеку,— констатирует И. И. Подольская,— проявляется порой как-то стыдливо — через пронзительное сочувствие к вещи, неодушевленному предмету, болезненно зависимым от человека ⟨...⟩ Бывает, что в его стихотворениях вещь аллегорически замещает человека, но чаще всего поэт выявляет их трагическое сходство — в несчастии, старости

одиночестве»[1]. Стихотворение «Старая шарманка» — именно об этом. Мучения ее натруженного вала — параллель к мукам творчества, и особенно красноречива заключительная строфа:

Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?..

Вещь, уподобленная человеку, одушевляется, а человек, сопоставленный с вещью, предстает еще более достойным жалости. Иносказательность, к которой прибегает Анненский, придает особую весомость обоим членам сопоставления, самую связь между ними делает многозначной. Не случаен мотив часов с их механизмом или же образ маятника, к которому Анненский обращается неоднократно. Л. Я. Гинзбург по поводу стихотворения «Стальная цикада» ставит вопрос, на который и дает ответ: «Что это — механизм отданных в починку часов или тоскующее сердце человека? И то и другое — двойники»[2]. Это уже не замещение одного другим, а своего рода совмещение, так что одно просвечивает сквозь другое. И искусство многопланового, многозначного слова у Анненского состоит именно в сложном, напряженном переплетении, взаимопересечении смыслов, которое требует от читателя работы фантазии и мысли; оно предполагает вопрос и возможность не одного логически определенного ответа, а двух или нескольких, пусть даже параллельных, не взаимоисключающих, а скорее взаимообогащающих. В статье «О современном лиризме» поэт так и сказал: «Мне вовсе не надо обязательности одного и общего понимания. Напротив, я считаю достоинством лирической пьесы, если ее можно понять двумя или более способами или, недопоняв, лишь почувствовать ее и потом доделывать мысленно самому»[3]

Смысловая многоплановость возникает у Анненского, прежде всего в «Кипарисовом ларце», также благодаря композиционному средству — циклизации. Микроциклы этого сборника — «Трилистники» и «Складни» — скомпонованы так, что стихотворение в контексте целого обогащается новыми оттенками смысла или даже приобретает неожиданную окраску благодаря соседству других стихотворений, с которыми у него создаются связи либо по общности мотивов, либо по контрасту. Так, мрачно-трагическое первое стихотворение «Трилистника весеннего» противопоставлено «жизнера-

---

[1] Подольская И. И. Поэзия и проза Иннокентия Анненского // Анненский И. Избранное. М., 1987 С. 18—19.
[2] Гинзбург Л. Указ. соч. С. 332.
[3] Анненский И. Книги отражений. С. 333—334.

достному», казалось бы, заглавию микроцикла и мягко-элегическому тону двух следующих стихотворений. Резко контрастно и неожиданно соотношение частей в складие «Контрафакции» и в «Складне романтическом». Создаются разнообразные по тональности связи и между микроциклами, и тем самым то или иное стихотворение поворачивается к читателю разными гранями — в зависимости от того, берем ли мы его как самостоятельное целое или как элемент контекста — более узкого (в пределах микроцикла) или более широкого (в соотношении с другими микроциклами).

В искусстве слова явление смысловой многоплановости существует издавна, но в поэтике символизма, как западноевропейского, так и русского, оно нашло особо яркое выражение, а в лирике Анненского приобрело исключительную впечатляющую силу, зависящую от индивидуальных черт его мастерства,— в частности, в стихах, посвященных взаимоотношению лирического *я* с другим человеческим *я* [1].

У Анненского нет — или почти нет — стихов о любви в обычном смысле, таких, какие есть у Блока, Брюсова, Бальмонта. У него есть стихотворения, обращенные к женщинам, по большей части нерадостные, противоречивые по характеру того женского образа, который в них возникает, и по переживаниям лирического *я*, часто безвольного и подавленного. Смена эмоций может быть очень быстрой, даже резко неожиданной на протяжении короткого монолога — как в стихотворении «Canzone»:

Если б вдруг ожила небылица,
На окно я поставлю свечу,
Приходи... Мы не будем делиться,
Всё отдать тебе счастье хочу!

Ты придешь и на голос печали,
Потому что светла и нежна,
Потому что тебя обещали
Мне когда-то сирень и луна.

Но... бывают такие минуты,
Когда страшно и пусто в груди...
Я тяжел — и немой и согнутый...
Я хочу быть один — уходи!

---

[1] Различные проявления смысловой многоплановости слова в лирике Анненского рассмотрены на ряде примеров в статье Б. А. Ларина «О "Кипарисовом ларце"» // «Литературная мысль». Альманах II. Пг., 1923.

Женский образ у Анненского почти всегда — зыбкий, ускользающий, как бы бесплотный, нереальный и, конечно, не поддающийся точному, «портретному» описанию Нередко его аксессуары — цветы. Он часто выступает на фоне ночи — то как призрак, то как бредовое видение, то как воспоминание, смешанное с чувством вины Можно назвать стихотворение «Призраки», где есть строки:

О бледный призрак, скажи скорее
Мои вины..

Или «Träumerei», где к женщине обращены слова·

Наяву ль и тебя ль безумно
И бездумно
Я любил в томных тенях мая?

Или, наконец, «Квадратные окошки», где мотивы ночного наваждения, раскаяния, скорбной памяти, страстного порыва к навсегда утраченному прошлому создают зловещий эффект. О счастье любви, о радости единения с любимым существом стихи Анненского никогда не говорят, встреча оборачивается в них разлукой, в них постоянна мысль о неизбежной разлученности тех, кто душевно близок. Такова первая строфа стихотворения «Что счастье?»:

Что счастье? Чад безумной речи?
Одна минута на пути,
Где с поцелуем жадной встречи
Слилось неслышное *прости*?

Или строки из «Тоски миража»:

Я знаю — она далёко,
И чувствую близость ее.

Хотя мир личных чувств, открывающийся во всех этих стихотворениях, почти лишен примет времени и места и подернут легкой дымкой загадочности, сквозь которую не проникнуть в мотивы отношений двух «я», все же можно утверждать, что и здесь — пусть опосредованно — сказывается сознание общего неблагополучия жизни, столь свойственное поэзии Анненского.

Это почти прямолинейно подтверждается стихотворением «Прерывистые строки», отличающимся от процитированных тем, что в нем не лирическое *я* говорит от своего имени, а ведет взволнованный, прерывающийся, именно «прерывистый» рассказ конкретный, хотя и безымянный персонаж: он только что проводил на поезд свою подругу, и в его монолог еще вкраплены реплики из их диалога. Вполне реальный драматизм положения двух искренне любящих

друг друга, по-виднмому, не молодых уже и поломанных жнзнью людей — в том, что онн разлучены жнтейскнмн обстоятельствами, что она замужняя и не может распорядиться собой. В этом стихотворенни — уже ннкакой романтнческой дымкн, все жестко, вещественно, н царит разговорная прозаичность речн, правда, насыщенной эмоционально. Характерная черта образа говорящего: в момент кульмннацни рассказа о прощанни, о слезах — внезапно сделанное для себя наблюденне: «Господи, я и не знал, до чего Она некрасива».

То, что в лирике Анненского можно назвать стихами о любви, постоянно пронизано н контрастами и аититезами. Эта особенность очень резко проступает в стихотворении «Моя Тоска». Оно обращено ие к любимой или любящей, а к иесчастному, странному и жалкому существу, которое поэт называет «моя безлюбая»; она — то ли юродивая, то ли безумная:

Я выдумал ее — н всё ж она виденье,
Я не люблю ее — и мне она близка,
Недоумелая, мое недоуменье,
Всегда веселая, она моя тоска.

Стихотворение это, ставшее для поэта последним, явилось и итогом в развнтии болезненно волновавшей темы; гармоническое ее решенне было для него невозможно.

Тем знаменательиее тот апофеоз иден невозможности, который ои создал в стихотворении «Невозможно». В критической прозе Анненского нередко встречается объяснение, комментарий илн параллель к идеям его поэзнн. В очерке «Белый экстаз» есть пессимистическое иа первый взгляд и «декадентскн» парадоксальное, словно бы «эпатирующее» утверждение: «В основе искусства лежнт 〈...〉 обоготворение невозможности и бессмыслицы. Поэт всегда исходит из *непризнания жизни...»* [1] Не надо ограннчивать эти слова их прямым значеннем. В «обоготворении невозможного» — то есть в жадиом стремленин его достичь — сверхзадача искусства, «бессмыслица» — отрицание трезвого и узкого практнцизма, а «непризнание жизни» — ие уход от нее, ие отказ от нее, а порыв к чему-то высшему.

«Невозможио» Анненского — элегическое стихотворение, печальное и светлое,— посвящено его заглавному слову и сочетает в себе три мотива: мотив любви, мотнв смертн и мотив поэзии, в которой сиикретическн сливаются зримый образ, звук и чувство. Обращаясь к этому слову, поэт говорит:

---

[1] Аинеиский И. Киfüggetlen отражений. С. 145.

Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.

Но лишь в белом венце хризаитем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих *вэ*, этих *зэ*, этих *эм*
Различить я сумел дуновенья.

И, запомнив, невестой в саду
Как в апреле тебя разубрали,—
У забитой калитки я жду,
Позвонить к сторожам не пора ли.

Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно — *невозможно.*

Стоит привести слова Ю. Нагибина: «Анненский как никто должен был ощущать многозначное слово «невозможно», ибо для него существующее было полно запретов (имеется в виду его болезнь сердца.— *А. Ф.*), но это же слово служит и для обозначения высших степеней восторга, любви и боли, всех напряжений души. И что-то еще в этом слове остается тайной поэта, и проникнуть в нее невозможно» [1].

Хотя стихотворение говорит и о смерти, оно оставляет впечатление некой умиротворенности (не резиньяции): восторжествовала сила поэтического слова. Лирическое «я» Анненского — это прежде всего творящее «я» художника. Творчество для него — единственная непреходящая ценность, противостоящая и смерти и тревожным состояниям духа, жестокостям быта и безобразной действительности, сила, способная к такому отражению мира *не-я*, которое явится преодолением всего того, что враждебно в нем человеку, и не отступит перед дисгармонией окружающего. Но творчество приносит художнику не только радость. В одном из своих критических очерков («Власть тьмы» — о драме Л. Толстого) он это и подчеркивает: «Творчество может соединиться с известной долей страдания, оно может рождать иногда довольно неприятные сомнения, ему полезно бывает недовольство художника самим собой, но ни об этом, ни о физических потерях организма, неразрывных с писанием книг ли или

[1] Нагибин Ю. Указ. соч. С. 27.

картин, при творчестве не стоит и упоминать, так как все это с избытком окупается той полнотой существования, которой не могло бы и быть без элемента страдания»[1].

Об этом же он говорит и в тех своих стихах, которые посвящены поэзии и музыке,— в нескольких «Мучительных сонетах» и «Фортепьянных сонетах» (о стихотворении «Старая шарманка» уже упоминалось в иной связи). Стихи о поэзии и о музыке на общем фоне лирики Анненского выделяются страстностью, патетичностью чувств и повышенной яркостью образов. За миг истинного вдохновения поэт готов отдать всего себя, и знаменательно восклицание, завершающее «Мучительный сонет» в «Кипарисовом ларце»:

О, дай мне только миг, но в жизни, не во сне,
Чтоб мог я стать огнем или сгореть в огне!

Тема «Третьего мучительного сонета» в «Тихих песнях» — то, как рождаются стихи. И вот его финал:

Кто знает, сколько раз без этого запоя,
Труда кошмарного над грудою листов,
Я духом пасть, увы! я плакать был готов,

Среди неравного изнемогая боя;
Но я люблю стихи — и чувства нет святей:
Так любит только мать, и лишь больных детей.

Творчество соединило в себе все — и упоение, и мучительные переживания, и удовлетворение, и радость, смешанную с болью.

Творчество обладает и жизнеутверждающей силой. Стихотворение «Прелюдия» в «Трилистнике толпы», посвященное тайне «творческой печали», открывается словами признания жизни:

Я жизни не боюсь. Своим бодрящим шумом
Она дает гореть, дает светиться думам.
Тревога, а не мысль растет в безлюдной мгле...

Столь высоко ценя творчество, Анненский-лирик — в той мере, в какой он имел в виду самого себя и поэтов-современников,— все же видел в творчестве нечто самодовлеющее, значимое только для самого творца, который выражает себя в нем,— и тем, конечно, очень ограничивал роль творчества, отводя ему слишком скромную роль. Но о том, что его понимание творчества и искусства было шире, что он осознавал их нравственную роль, свидетельствует, например, четверостишие «К портрету Достоевского»:

---

[1] Анненский И. Книги отражений. С. 69.

В нем Совесть сделалась пророком и поэтом
И Карамазовы и бесы жили в нем,—
Но что для нас теперь сияет мягким светом,
То было для него мучительным огнем.

Итак, художник — глашатай совести и пророк, и преображение его внутреннего мира творчеством несет людям свет. Близкая к этому мысль еще отчетливее высказана Анненским в критической прозе. Еще в статье «О формах фантастического у Гоголя» (1890) он утверждал: «Всякий поэт, в большей или меньшей мере, есть учитель и проповедник. Если писателю все равно и он не хочет, чтобы люди чувствовали то же, что он, желали того же, что он, и там же, где он, видели доброе и злое, он не поэт, хотя, может быть, очень искусный сочинитель» [1]. Отступив, правда, от этого взгляда в статье, написанной год спустя [2], Анненский потом, много позднее, в зените своей деятельности вернулся к первоначальной мысли, даже еще решительнее выразив ее (в речи «Достоевский», 1905): «Теория искусства для искусства — давно и всеми покинутая глупость» [3].

3

Индивидуальное своеобразие поэзии Анненского — итог тех упорных и разнообразных исканий поэта, о которых мы можем судить по их воплощению и в его оригинальных стихах, и в переводах, и в драматургии, и в критической прозе. Анненский, как представляется, был очень самостоятелен и разборчив в своем отношении к литературным течениям и увлечениям своего времени. Его — в отличие от раннего Блока — миновало воздействие религиозно-мистических идей Владимира Соловьева, ему остался чужд эстетический эгоцентризм Бальмонта и молодого Брюсова, подчеркнутый индивидуализм и культ личности художника-творца вместе с представлением об иллюзорности внешнего мира — то, что было характерно для первого этапа развития русского символизма (в 1890-е годы и самые первые годы нового столетия).

Но так же, как и его младшие современники (Брюсов, Блок, Белый), опередившие его своими литературными выступлениями, он был внимательнейшим читателем великих русских прозаиков — Гоголя, Достоевского, Тургенева, Л. Толстого, Чехова и русских поэтов всего XIX века — от Пушкина и Лермонтова до Полонского, А. К. Толстого, Майкова. Все они стали героями его «Книг отражений» и более ранних критических опытов. От психологической прозы он унасле-

---

[1] Анненский И. Книги отражений. С. 211.
[2] См.: там же. С. 244.
[3] Там же. С. 238.

довал стремление проникать в глубину сложных, часто трудно уловимых душевных состояний. От прозаиков и поэтов прошлого к нему перешло уважение и сострадание к человеку, пристальное внимание к образам природы и к русскому слову во всех его красках и оттенках. Вместе с тем Анненский зорко и заинтересованно следил за деятельностью своих современников-поэтов в России и глубоко знакомился с западноевропейской поэзией.

О годах, когда проходило накопление этого литературного опыта, скажет потом стихотворение:

Развившись, волос поредел.
Когда я молод был,
За стольких жить мой ум хотел,
Что сам я жить забыл.

(«Развившись, волос поредел ..»)

Накопленный литературный опыт послужил источником и стимулом отнюдь не для заимствований и подражаний, а для творчества глубоко самостоятельного. В оригинальных стихах Анненского (зрелой поры) нет следов «навеянности», если не считать двух-трех мимолетных, хотя, конечно, не случайных словесно-образных реминисценций из Достоевского [1] или вполне сознательных откликов на русскую романсно-песенную традицию в стихотворениях «На воде»' «Молот и искры», «Романс без музыки», «Осенний романс» и некоторых других.

Анненский, хотя долго и не замечаемый, вошел в литературу как вполне сложившийся художник и мыслитель, своей образованностью ни в чем не уступавший таким поэтам-эрудитам, как Брюсов или Вяч. Иванов, и стоявший на том высоком уровне культуры, которого достигла русская поэзия 1900-х годов. И когда в самом конце своей жизни он сблизился с литераторами, группировавшимися вокруг редакции «Аполлона», он занял среди них положение метра.

Когда подлинные мастера поэзии, а не развязные журналисты, писали об Анненском, им бросались в глаза своеобразие и мастерство. Блок в цитированном уже письме к Г. И. Чулкову сказал о «Тихих песнях»: «...новизна многого меня поразила» [2]. Новизна была и в самом характере дебюта. Почти все именитые поэты тех лет вы-

---

[1] В стихотворениях «Тоска медленных капель», «Петербург», «Который?». См.: А ш и м б а е в а Н. Т. Достоевский — в критической прозе Анненского // Вестник Ленингр. университета. 1985, № 9. История, язык, литература, вып. 2. С. 43.

[2] Б л о к А. Собр. соч. Т. 8. С. 132.

пускали книги стихов с эффектными и многозначительными заглавиями, нередко латинскими (у Брюсова — «Me eum esse», «Tertia Vigilia», «Urbi et orbi»[1], у Бальмонта — «Горящие здания», «Будем как солнце», «Только любовь», у Вяч. Иванова — «Кормчие звезды», «Cor ardens»[2], у Сологуба — «Лазурные горы», «Пламенный круг» и т. п.), Анненский же принес «Тихие песни». Название гармонировало с содержанием книги, ее образностью, лишенной не только экзотики, географической или исторической, которой отдавали дань Брюсов и Бальмонт, но и внешней декоративности, а также признаков «декадентства» (за исключением, может быть, трех-четырех стихотворений, таких, как «Там», «Трактир жизни», «?»), а главное — с общим тоном, с его мягкой сдержанностью, с образом лирического *я* — естественного, чуждого позерства, максимально приближенного к облику обыкновенного человека. Но это была отнюдь не простота (в смысле неискушенности, «бесхитростности»), здесь было изощренное мастерство, которое уже и в «Тихих песнях» уловил Брюсов, не спешивший с похвалами, но определивший ценные черты: «У него (то есть автора.— *А. Ф.*) хорошая школа. Его переводы, часто непозволительно далекие от подлинника, ⟨...⟩ показывают, по крайней мере, что он учился у достойных учителей. В его оригинальных стихотворениях есть умение дать движение стиху, красиво заострить строфу, ударить рифму о рифму, как сталь о кремень; иногда он достигает музыкальности, иногда он дает образы не банальные, новые, верные. В нем есть художник, это уже явно»[3].

Тот же Брюсов в отзыве на «Кипарисовый ларец», в котором он принял отнюдь не все, найдя некоторые стихотворения «надуманными», более всего оттенил мастерство и индивидуальное своеобразие поэта: «И. Анненский обладал способностью к каждому явлению, к каждому чувству подходить с неожиданной стороны. Его мысль всегда делала причудливые повороты и зигзаги; он мыслил по странным аналогиям, устанавливающим связь между предметами, казалось бы, вполне разнородными. Впечатление чего-то неожиданного и получается, прежде всего, от стихов И. Анненского. У него почти никогда нельзя угадать по двум первым стихам строфы двух следующих и по началу стихотворения его конец, и в этом с ним могут соперничать лишь немногие из современных поэтов. ⟨...⟩ Его можно упрекнуть в чем угодно, только не в банальности и не в подражательности»[4].

---

[1] «Это я», «Третья стража», «Граду и миру».
[2] «Пылающее сердце».
[3] «Весы». 1904. № 4. С. 62—63.
[4] Брюсов В. Далекие и близкие. М., 1912. С. 159.

Конец жизни Анненского совпал со временем кризиса русского символизма, кризиса идейного и художественного. Это влиятельное на рубеже веков течение переживало ныне состояние упадка и разброда. Отходил от него один из его основоположников и лидеров Брюсов, отходил и Блок — оба искали новых идейных ценностей, новых форм общения с жизнью. Поэзия Анненского, которую многое сближало с символизмом, тоже искавшим теперь новых путей, была новым словом в литературе и тоже в рамках символизма не умещалась. Но Брюсов подошел к поэту с прежних своих обычных академических и эстетических позиций, ничего не сказав об идейном своеобразии стихов, зато выделив их выдающиеся формальные достоинства, которые посмертную книгу Анненского делали действительно чрезвычайно ярким явлением на фоне современной лирики, достаточно изощренной в формальном отношении.

Анненский сам был взыскательным ценителем поэтического мастерства. В своей статье «Бальмонт-лирик» он пристальное внимание уделил словесным находкам поэта, его поискам новой выразительности, всем его новшествам, подбору и сочетанию слов, созданию слов новых, обосновывал право поэта на новизну, на самоутверждение, приветствовал то «раскрепощение» слова, одним из главных поборников которого был Бальмонт, защищал поэта от обывательских упреков в гордыне, в самолюбовании. Надо при этом учесть, что все свои поэтические новшества, недаром так поражавшие современников (звуковые повторы — так называемую «инструментовку», неологизмы, непривычные составные прилагательные) Бальмонт подчеркивал, как бы приглашая читателя полюбоваться ими.

Анненский не только в «Кипарисовом ларце», но и в «Тихих песнях» опередил Бальмонта — тем более что у последнего появлялись свои штампы, повторения излюбленных образов и стилистических приемов. А все то подлинно новое, что в лирике Анненского порадовало Брюсова, при всей своей изощренности оставалось не подчеркнутым, все ритмически необычное мотивировалось либо формой раешника («Шарики детские»), либо эмоционально окрашенной формой разговорной речи («Прерывистые строки»), либо шуткой-экспериментом над стихом («Перебой ритма»). Даже совсем редкие у Анненского неологизмы (например,— сложный эпитет «древожизненный» в стихотворении «На пороге»; ср. также эпитет «пышноризый» в стихотворении «Из окна») не слишком выделялись на общем фоне словесной ткани, напоминая освященные традицией архаизмы; архаизмы же, у него не совсем редкие, тоже не отличались броскостью.

Еще одна примета мастерства — сжатость выражения. У Анненского много стихотворений из восьми, двенадцати, шестнадцати строк, много сонетов (четырнадцать строк) — к которым он часто обращался, как и к другой форме — «Тринадцать строк» (такой заголовок

или подзаголовок носит у него целый ряд стихотворений, в основе их традиционная строфическая композиция — французское рондо). И сравнительно немногие стихотворения занимают страницу или более. Это обусловлено, конечно, стремлением как можно сгущеннее выразить мысль. Примеров можно бы привести неограниченное число. Вот стихотворение «Трое», где в три строфы по четыре стиха умещен трагический и несколько загадочный любовный сюжет, или стихотворение «Кулачишка», где тоже в трех строфах-четверостишиях скупыми и резкими штрихами показана горькая подневольная судьба женщины, жертвы какого-то «кулачишки», упомянутого только в заглавии. Вся лирика Анненского (вместе с переводами), издаваемая отдельно, умещается в небольшой том — подобно лирике Тютчева.

4

Плодом интереса Анненского к западноевропейским поэтам стали его переводы. Они неотъемлемы от его собственной лирики. В сущности и здесь у него все свое — свое в чужом. Переводы эти весьма характерны для Анненского — и по выбору оригиналов, и по их трактовке. Среди привлекавших его поэтов Запада — не только давно признанные классики, как Гете или Гейне, но и такие авторы, которые у нас тогда были еще мало известны или и вовсе неизвестны. Это — прежде всего Леконт де Лиль, глава так называемой «Парнасской школы» во Франции, художник, страстно презиравший буржуазную действительность времен Второй империи и Третьей республики, но не веривший в возможность искусства бороться с нею, уходивший в мир исторических и мифологических тем, афишировавший свою аполитичность, которой он, однако, изменил в 1871 году, чтобы на позорный конец франко-прусской войны и крушение героической Коммуны откликнуться стихотворением «Вечер после битвы»: в нем, проклиная ужасы войны, он благословлял все жертвы, приносимые во имя свободы. Далее — те поэты, на которых с опаской взирали у них на родине,— так называемые «про́клятые», основоположники и продолжатели французского символизма: Шарль Бодлер, Поль Верлен, Артюр Рембо, Стефан Малларме, Тристан Корбьер, Морис Роллина́, другие. Они тоже отвергали ценности, дорогие сердцу буржуа, но многие из них, и в первую очередь — Бодлер, Рембо, Роллина, свой протест против уродливого и несправедливого уклада жизни выражали в жестких, нарочито грубых образах, глумясь над трафаретной красивостью.

Вообще круг авторов, которых переводит Анненский, необычен для поэта тех лет. Еще в начале 1870-х годов он — едва ли не первый — обращается к фрагменту из написанной на провансальском языке поэмы «Мирейо» Фредерика Мистраля. К несколько более

позднему времени, возможно, относится перевод стихотворения немецкого романтика Вильгельма Мюллера «Шарманщик» из его цикла «Зимний путь», известиого благодаря музыке Ф. Шуберта. В 1890-х годах Анненский перелагает ритмической прозой ряд стихотворений итальянской поэтессы Ады Негри из ее первого сборника стихов «Судьба» («Fatalitá»). А позднее, уже в 1900-х годах, его заинтересовывает дебют немецкого модерниста Ганса Мюллера, и из его книги «Манящая скрипка», 1904 года, он переводит четыре ярко оригинальных и непохожих одно на другое стихотворений.

Чем привлекали русского поэта избранные им авторы? В определенной степени, конечно, прямой созвучностью, лиризмом (Верлен, Сюлли Прюдом, Анри де Ренье, Франсис Жамм, Гейне, Лонгфелло), духом неуспокоенности, присущим их большинству. Примечательно, что в его тетрадях переводы не образуют какого-нибудь особого раздела, а перемежаются со стихотворениями оригинальными, и в первоначальной записи собственного стихотворения мелькнет иной раз французское заглавие — «La chûte des lys» («Падение лилий»), «Parallèlement» («Параллели»). Оригинальное и переведенное соседствуют очень близко.

Наряду с притяжением по сходству было и притяжение по несходству: в числе переведенных стихотворений есть и посвященные историческим, мифологическим, экзотическим мотивам («Огненная жертва», «Смерть Сигурда», «Негибнущий аромат» — из Леконта де Лиля, «Преступление любви» — из Верлена) — такие, каких Анненский не писал; есть стихи, полные столь мрачного и напряженного пафоса, которого сдержанный поэт в своей собственной лирике избегал («Над умершим поэтом», «Призраки», «Последнее воспоминание» — из Леконта де Лиля, «Я устал и бороться и жить и страдать» — из Верлена, «Гробница Эдгара Поэ» — из Малларме). Были в подлинниках черты, близкие и ему самому, но представавшие в резко усиленной степени, как бы сквозь увеличительное стекло,— нарочитая грубость образов («Два Парижа» — из Тристана Корбьера, «Богема» Мориса Роллина), подчеркнутая прозаичность быта («Do, re, mi, fa, sol, la, si, do» Шарля Кро), равно как и сугубо мещанская просторечность («Мать говорит» из Ганса Мюллера). Стихи, переведенные Анненским с разных языков, являют широкий диапазон чувств и настроений — от бушующей страсти до пасторальной мягкости или скептической усмешки и богатую палитру красок — от величественно ярких или мрачных до кричаще резких и грубых. Блок в рецензии на «Тихие песни» отметил «способность переводчика вселяться в душу разнообразных переживаний» и сказал, что «разнообразен и умен также выбор поэтов и стихов,— рядом с гейневским «Двойником», переданным сильно,— легкий, играющий

стиль Горация и смешное стихотворение «Сушеная селедка» (из Ш. Кро)»[1].

Итак, точки соприкосновения между переводчиком и иностранными поэтами были разнообразны. Если бы «Тихие песни», включавшие небольшую переводную антологию, снискали бóльшую известность, она распространилась бы для русского читателя и на представленных в ней французских поэтов. Этого не произошло. А другая часть переводов Анненского осталась при его жизни в рукописи и была опубликована лишь позднее — в 1923 году («Посмертные стихи»), некоторые же переводы — только в 1959 году («Стихотворения и трагедии») Яркая страница в истории русского поэтического перевода раскрылась, таким образом, далеко не сразу.

Соотношение переводов Анненского с оригиналами своеобразно. Конечно, поэт отнюдь не придерживается «буквы» оригинала (как, впрочем, почти все выдающиеся поэты-переводчики), ряд образов подлинника он опускает, заменяя другими (что также не столь редко встречается в переводе стихов), но в самом «удалении» от иностранного текста у него есть своя система: он сохраняет основное, выхватывая из переводимого стихотворения те яркие пятна, те резкие штрихи, которые определяют его облик, связаны с общим его строем. Он передает и то, что ему близко у иноязычного автора, и то, что выделяется своей несхожестью, даже иногда чуть утрируя. И всегда сохраняет высокое мастерство, вложенное в подлинник, ту изощренность, которая составляет единство с художественной идеей, движущей стихом. Это — тоже непременный критерий его выбора. Форму оригинала — будь то чеканная традиционная строфа или причудливо-свободная, совсем не каноническая композиция — он заботливо соблюдает. И на его переводах, так же как и на его собственных стихах, лежит печать сильной индивидуальности, по-своему преломляющей характер подлинника.

5

Мастерство выражения в единстве с выражаемым — обязательное для Анненского условие творчества во всех жанрах, также — и в критической прозе, где анализ средств выразительности тоже принимает остро выразительную форму. Это особенно касается двух больших работ Анненского, специально посвященных современной русской поэзии. В очерке «Бальмонт-лирик», очень благожелательном по отношению к поэту, но вовсе не апологетическом, анализ его стихов проводится настолько объективно, что критик, например, не удерживается и от мягко-иронического упрека, относящегося, од-

[1] Блок А. Собр. соч. Т. 5. С. 621.

нако, к существенной черте поэтики знаменитого тогда символиста. Процитировав один его стих:

Хочу быть дерзким. Хочу быть смелым,—

Анненский замечает: «Но неужто же эти невинные ракеты еще кого-нибудь мистифицируют?

Да, именно хочу быть дерзким и смелым, потому что не могу быть ни тем, ни другим» [1].

В статье же «О современном лиризме» Анненский показывает себя очень строгим критиком русской поэзии последних лет. Об одном только Блоке он говорит с любовью и увлеченностью, полностью принимая его лирику. Много страниц уделено и Сологубу, поэзию которого критик считает подлинным явлением искусства, но освещает ее столь парадоксально и эксцентрично (акцентируя в ней пристрастие автора к мотивам «запахов» и даже к «принюхиванию»), что у Сологуба это вызвало серьезную обиду. Ирония играет большую роль во всей статье, внешне эта ирония — мягкая, но за мягкостью вполне отчетливо ощущается требовательность художника. Хотя Анненский неоднократно оговаривает субъективность своего мнения, отмечая, чтó ему «нравится» или «не нравится», критерии оценок во многом объективны. Воздавая должное лидерам русского символизма — Бальмонту, Брюсову, Вяч. Иванову, обсуждая их стихи подробно, корректно, но без пиетета, Анненский видит их поэтические заслуги уже в прошлом, а в настоящем, то есть в момент кризиса школы, он фактически констатирует исчерпанность или спад их творчества, искусственность — как в содержательном, так и в формальном плане. Одно из новых стихотворений Бальмонта вызывает у него вопрос: «...не поражает ли вас в пьесе полное отсутствие экстаза, хотя бы искусственного, подогретого, раздутого? Задора простого — и того нет, как бывало» [2]. По поводу стихотворения Вяч. Иванова «Перед жертвой» возникает скептическое соображение: «Современная менада уже совсем не та, конечно, что была пятнадцать лет назад.

Вячеслав Иванов обучил ее по-гречески. И он же указал этой, более мистической, чем страстной, гиперборейке пределы ее вакхизма» [3]. Эрудит в Вяч. Иванове заслонил поэта, его стихи часто непонятны без ученого комментария,— таков упрек автору, подразумеваемый Анненским.

В лирике поэтов среднего и младшего поколений, как связанных с символизмом (А. Белого, отчасти — М. Кузмина), так и отходящих от него (Гумилева, Волошина, Городецкого, других), он усматри-

---

[1] Анненский И. Книги отражений. С. 105.
[2] Там же. С. 330.
[3] Там же. С. 329.

вает и достоинства и недостатки, не проходя мимо смешного или экстравагантного. Критик, однако, останавливается не только на этих именах, но и на других, ныне давно забытых,— стихотворцев тогда было много, писали они достаточно профессионально, и Анненский о них отзывается по форме полуодобрительно, а по существу — сурово: «Все это не столько лирики, как артисты поэтического слова. Они его гранят и обрамляют» [1]. И тут же — другое замечание, прямо пренебрежительное: «Мы работаем прилежно, мы пишем, издаем, потом переписываем и переиздаем, и снова пишем и издаем. Ни один тост не пропадает у нас для потомства ⟨...⟩ Нет огня, который бы объединял всю эту благородную графоманию» [2].

Итак, не истинная лирика, а нечто искусственное, нежизненное, необязательное — вот чем являются для Анненского не все, разумеется, но очень многие стихи русских поэтов его времени, в том числе и некоторых знаменитых. Статья Анненского — свидетельство и тонкости и нелицеприятности подхода к поэзии, как подлинной, так и неподлинной. Дальнейший ход развития русской поэзии подтвердил справедливость большинства его оценок.

6

Трагедии Анненского глубоко лиричны. Но их лиричность соединяется с тем качеством, которое необходимо предполагается драматическим жанром: они насыщены событиями и переживаниями. Из четырех трагедий Анненского только одна — «Фамира-кифарэд» — была поставлена в Камерном театре в Москве в 1916 году, но ее сценическая жизнь была недолгой. Театр Анненского разделил судьбу драматических произведений его русских современников-символистов, либо вовсе не попадавших на сцену, либо недолго удерживавшихся на ней.

Трагедии Анненского с двумя трагедиями Вяч. Иванова («Тантал», 1905, и более поздний «Прометей», 1914) сближают мифологические сюжеты, к которым Анненский первым обратился среди современных поэтов-драматургов, а трагедии Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел» (1907) и Брюсова «Протесилай-умерший» (1913) написаны на тот же сюжет, что и его «Лаодамия». Но на этом (если не считать, что во всех этих произведениях выступает хор) близость, в сущности, и кончается. С пьесами Блока, из которых первые три появились в 1906 году, трагедии Анненского сближает их лиричность.

Для своих трагедий Анненский воспользовался сюжетами тех

---

[1] Там же. С. 377.
[2] Там же. С. 335.

малопопулярных мифов, которые легли в основу трех не дошедших до нас трагедий Еврипида и одной — Софокла [1]. Он воспользовался и формой аитичиой трагедии, в которой действие совершается иа одиом месте и в течеиие суток — от рассвета до наступления ночи или следующего рассвета. Но при этом трагедии Анненского — вовсе не стилизация «под Еврипида» или «под античность». Предуведомление («Вместо предисловия») к трагедин «Меланиппа-философ» содержит важиое утверждение: «Автор трактовал античиый сюжет и в антнчных схемах, но, вероятно, в его пьесе отразилась душа современного человека.

Эта душа столь же несоизмерима классңческой древности, сколь жадио ищет тусклых лучей, завещанных нам античной красотою. Автор томится среди образчиков современных понятий о прекрасном, ио ои первый бежал бы не только от общества персонажей еврипидовской трагедин, но и от гостеприимного стола Архелая и его увенчанных розами собеседников с самнм Еврнпидом во главе»[2].

Если в лирнке Анненского отсутствуют античные мотивы, то драматургию с лирикой роднит ее человеческое содержание. В статье «О современном лиризме» Анненскнй, говоря о Вяч. Иванове, мимоходом указал, что тот «даже будто кичится тем, что умеет уходить от своих создаиий на какое хочет расстояние. (Найднте, например, попробуйте, Вяч. Иванова в «Тантале». Нет, н не ищите лучше, он *там* и не бывал ннкогда.)» [3] Это замечанне характерно для Анненского: сам он стоит рядом со своими мифологическими героями и показывает их людьми с современной душой, близкими нам, придает их речам чисто разговорные оттенки, задушевную простоту, порою — приглушенность, скорее напоминающую новейшую драму. Им чужды высокие тона, восклицания. Действующие лица, собственно, столь же сдержанны, как лирическое «я» в стихотворениях Анненского. Говорят оии то задумчнво, как бы всматриваясь в окружающее, то прерывисто, внезапно переходя от одной мыслн к другой, то перебнвая себя, то переспрашивая. В монологах или развернутых репликах много коротких предложений, фраза же часто не замыкается в границах стиха н переходит в следующнй стих. Все это предполагает речевую манеру в духе психологической пьесы начала XX века.

Крнтнкн переводов Анненского из Еврипида отмечали известную модернизацию текста. Состояла она в том, что Анненский широко вводил в свои переводы ремарку, не существовавшую в драматических

---

[1] Привлекли его, в частности, три мифа, связаиных с Фессалией, одной из северных областей Древней Греции.

[2] См. настоящее издание. С. 290.

[3] Анненский И. Книгн отражений. С 348.

произведениях античных авторов, а для нового читателя раскрывавшую зрелищную сторону спектакля и психологические состояния персонажей. Кроме того, иногда, особенно в партиях хоров, появлялась рифма, чуждая античной драме и акцентировавшая соответствующие строки. И вся речь действующих лиц была приближена к читателю XX века — она была естественней, проще, чем это предполагалось самим жанром античной трагедии.

В своих оригинальных трагедиях поэт идет еще дальше, чем в переводах. Не только в партиях хоров, но часто и в речах действующих лиц большую роль играют рифмы. И драматург не избегает разговорных, порою современно, даже по-бытовому окрашенных слов в репликах персонажей. В «Фамире-кифарэде» сатиры употребляют такие слова, как «дружок», «папаша», «спич», «турнир», нисколько не избегают обиходных, почти просторечных слов и выражений («вобще», «фу-ты, ну-ты», «вот тебе раз» и т. п.). В хоре менад рядом с обычными для культа Диониса-Вакха возгласами — «Эвий, Эван-Эвой» — вдруг проскальзывает традиционно русское «Ой, Лель-лели» [1] (так же, как один раз встречается это восклицание и в «Лаодамии» — действие первое, явление второе). Однако в главном — в изображении внутреннего мира персонажей, их верований и чувств, привычного им круга понятий — драматург остается верен своему подлинному, не педантично-археологическому, а живому знанию античности. Герои, следуя обрядам и обычаям предков или даже нарушая их, поступают так, как это было бы возможно по их религиозным и нравственным представлениям и по характеру тех крайних трагических ситуаций, в которые они вовлечены.

Герои и героини трагедий все молоды, все они — цельные натуры. И они верны тому, что движет их жизнью. У Меланиппы — это мысль о высшей мировой правде и любовь к своим детям, у Иксиона — его гордость, его вражда к Зевсу и страсть к Гере, у Лаодамии — горе по убитому мужу, у Фамиры — одержимость музыкой. Драматургия Анненского образует целостное единство. «Пьесы Анненского представляют вполне завершенный цикл — тетралогию о человеке»,— пишет О. О. Хрусталева [2], констатирующая, с одной стороны, своего рода симметрию главных фигур трагедий («наличие двух пар мужских и женских образов, последовательно сменяющих друг друга»), а с дру-

---

[1] В русской литературной традиции XVIII—XIX вв. Лель считался богом любви у древних славян.

[2] Хрусталева О. О. Эволюция героя в драматургии Иннокентия Анненского // Русский театр и драматургия эпохи революции 1905—1907 годов: Сборник научных трудов (Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии). Л., 1987. С. 71.

гой — противопоставление героини и героя первых двух пьес, как людей исключительных (царевна-философ Меланиппа и Иксион «сверхчеловек эллинского мира», как его назвал сам драматург [1]), героине и герою последних двух, как личностям более обычным и от этого более трогательным (Лаодамия и Фамира). Но всех их отличает то, что они сохраняют высокое человеческое достоинство под обрушивающимися на них ударами судьбы, перед неразумием старших перед лицом неправедных богов.

Античный миф и античная поэзия наделяли властителей Олимпа не только сверхчеловеческими свойствами, но в не меньшей степени и человеческими недостатками и просто пороками (это особенно касается Зевса и его супруги Геры). Они себялюбивы, надменны и по своей прихоти играют судьбами людей. В «Царе Иксионе», «Лаодамии» и «Фамире-кифарэде» провозвестником и исполнителем их воли выступает Гермес. Он не скрывает того, что боги равнодушны к несчастиям человека. На обращенный к нему вопрос предводительницы хора в «Лаодамии»·

О бог, ужель страданья наши точно
Для вас игра?
А жертвы? А мольбы?

он отвечает:

Они нужны, но вам... Свободны боги,
И этот мир, о женщина, для нас —
Раскрытая страница книги, только...

Сочувствие к человеческим страданиям открыто выражает хор. В «Меланиппе» это — группа девушек, в «Лаодамии» — девушки, жены и вдовы, местные жительницы, дружные с героиней и постоянно общавшиеся с членами ее семьи, в «Царе Иксионе» — ореады, горные нимфы. В «Фамире-кифарэде» оба хора менад, увлеченных служением Вакху, безучастно и только с любопытством смотрят на «безлюбого» героя, которого не манят ни женщины, ни вино. Более близко к сердцу его судьбу принимают сатиры, низшие среди божественных существ древнего мира: сперва они тоже дивятся его странностям, но по мере приближения трагической развязки делаются участливее. Они вносят в ход действия, сперва лирически окрашенного, потом тревожно-трагического, некоторый комический элемент, а тем самым — и контраст, придающий целому особую динамичность. Этот контраст несомненно выделяет драму Фамиры на фоне трех предшествующих трагедий, более единых по своему эмоциональ-

---

[1] См. настоящее издание. С. 349.

ному тону, и типологически сближает ее с драмой барокко, представленной за рубежом более всего в творчестве младшего современника Анненского, австрийского драматурга-неоромантика Гуго фон Гофмансталя.

Тот факт, что первые три пьесы Анненского не зажили театральной жизнью, а четвертой не суждено было длительно удержаться на сцене, все же не позволяет считать их только театром для чтения Сам Анненский, как свидетельствуют и мемуаристы, да и он сам (в очерке «Драма на дне» и некоторых письмах), относился к современному театру без симпатии, но именно как драматург он, не рассчитывая и не надеясь на сценическое воплощение, сделал все, чтобы читатель мог воспринять его творения и как напряженное действо, как цепь событий и переживаний, как поток нарастающих от сцены к сцене эмоций — и в то же время как богатое полнокровное зрелище. Впечатление зрелища создается средствами ремарки. Анненский показывает себя живописцем, абсолютно точно представляющим себе и цвет и овал лица персонажа, цвет глаз и волос, форму рук и те позы, которые будут принимать действующие лица, и многоцветный, насыщенный деталями пейзаж. Все эти черты очень ярко проявляются в последней из пьес, венчающей драматическое творчество Анненского. Осип Мандельштам так закончил свою рецензию на ее издание: «Она написана поэтом, питавшим глубокое отвращение к театральной феерии, и не как советы исполнителям, а как само исполнение следует понимать чудесные ремарки, в выразительности не уступающие тексту

Пляски и хоры ⟨...⟩ воспринимаются как уже воплощенные, и музыкальная иллюстрация ничего не прибавит к славе „Фамиры-Кифареда“» [1].

Тот наполненный красками и звуками мир, который окружает персонажей Анненского и так убедительно выписан его рукой, составляет в сущности и контраст и дисгармонию с содержанием трагедий: из этого мира прекрасной природы герои и героини обречены уйти, и если их не ждет смерть или вечная пытка, то двое из них — Меланиппа и Фамира, одна по жестокому приговору суда, другой в приступе отчаяния, но по своей воле — лишаются дара зрения, радости созерцания. И тем не менее печатью безнадежности трагедии не отмечены в соответствии с принципами трагедии античной. Не случайно хор, завершающий «Лаодамию», прославляет мечту и героическое безумие:

---

[1] Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 250 (первоначально в газете «День». Спб., 1913, 8 октября. Приложение «Литература. Искусство. Наука», вып. 1).

Если дума плечам тяжела,
Точно бремя лесистое Эты,—
Лунной ночью *ты* сердцу мила,
О мечты золотая *игла*,—
А безумье прославят поэты.

«Дар мудрых пчел», трагедия Сологуба о Лаодамии, завершается апофеозом смерти. Другую свою трагедию — на средневековый сюжет — этот драматург назвал «Победа смерти». В трагедиях Анненского победу над роком, над враждебными силами, победу нравственную, одерживает человек.

* * *

За восемьдесят лет, прошедших после смерти Анненского, образ его как художника в освещении нашей критики и литературоведения сильно изменился, как изменялось и общее отношение к русской литературе начала века, долгое время рассматривавшейся с предубежденностью. Вместо представления об упадочности, ущербности, безысходной противоречивости творчества Анненского вступило в свои права осознание подлинно присущих поэту черт — глубокой гуманистичности, столь тесно сближающей его с творчеством Блока, цельности и единства поэтической личности.

Как в лирике, так и в драматургии Анненского господствует идея совести и острое чувство причастности к чужим судьбам, внимание к человеку, вовлеченному в сложные и драматические взаимоотношения с другими *я* и с окружающим миром в целом. Взгляды Анненского-критика на поэзию находятся в органическом соответствии с принципами его творчества. Этой цельностью и этим единством, как и силой поэтического слова, объясняется то, что созданное Анненским прошло суровое испытание временем и в конце столетия проявилось во всей своей значительности, большинством современников по достоинству не оцененной.

А. В. Федоров

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТИХИЕ ПЕСНИ

Из заветного фиала
В эти песии пролнта,
Но увы! не красота.
Только мука идеала.

Никто

1. ПОЭЗИЯ

Над высью пламенной Синая
Любить туман Ее лучей,
Молиться Ей, Ее не зная,
Тем безнадежно горячей,

Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,

Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь,
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

2. ∞

Девиз Таинственной похож
На опрокинутое 8:
Она — отраднейшая ложь
Из всех, что мы в сознаньи носим.

В кругу эмалевых минут
Ее свершаются обеты,
А в сумрак звездами блеснут
Иль ветром полночи пропеты.

Но где светил погасших лик
Остановил для нас теченье,
Там Бесконечность — только миг,
Дробимый молнией мученья.

3. У ГРОБА

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают еще часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ подушка кислорода.
В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это *я*... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

4. ДВОЙНИК

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой четою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний,
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога иочи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженьи годин
Всё чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

5. КОТОРЫЙ?

Когда на бессонное ложе
Рассыплются бреда цветы,
Какая отвага, о боже,
Какие победы мечты!..

Откинув докучную маску,
Не чувствуя уз бытия,
В какую волшебную сказку
Вольется свободное *я*!

Там всё, что на сердце годами
Пугливо таил я от всех,
Рассыплется ярко звездами,
Прорвется, как дерзостный смех...

Там в дымных топазах запястий
Так тихо мне Ночь говорит;
Нездешней мучительной страсти
Огнем она черным горит...

Но я... безучастен пред нею
И нем, и недвижим лежу...
. . . .
На сердце ее я, бледнея,
За розовой раной слежу,

За розовой раной тумана,
И пьяный от призраков взор
Читает там дерзость обмана
И сдавшейся мысли позор.
. . . .
О царь Недоступного Света,
Отец моего бытия,
Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты *я*.

6. НА ПОРОГЕ

(Тринадцать строк)

Дыханье дав моим устам,
Она на факел свой дохнула,

И целый мир на Здесь и Там
В тот миг безумья разомкнула,
Ушла,— и холодом пахнуло
По древожизненным листам.

С тех пор Незримая, года
Мои сжигая без следа,
Желанье жить всё жарче будит,
Но нас никто и никогда
Не примирит и не рассудит,
И верю: вновь за мной когда
Она придет — меня не будет.

7. ЛИСТЫ

На белом небе всё тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее *я*?

8. В ОТКРЫТЫЕ ОКНА

Бывает час в преддверьи сна,
Когда беседа умолкает,
Нас тянет сердца глубина,
А голос собственный пугает,

И в нарастающей тени
Через отвóренные окна,
Как жерла, светятся одни,
Свиваясь, рыжие волокна.

Не Скуки ль там Циклоп залег,
От золотого зноя хмелен,
Что, розовея, уголек
В закрытый глаз его нацелен?

9. ИДЕАЛ

Тупые звуки вспышек газа
Над мертвой яркостью голов,
И скуки черная зараза
От покидаемых столов,

И там, среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,
Решать на выцветших страницах
Постылый ребус бытия.

10. МАЙ

Так нежно небо зацвело,
А майский день уж тихо тает,
И только тусклое стекло
Пожаром запада блистает.

К нему прильнув из полутьмы,
В минутном млеет позлащеньи
Тот мир, которым были мы...
Иль будем, в вечном превращеньи?

И разлучить не можешь глаз
Ты с пыльно-зыбкой позолотой,
Но в гамму вечера влилась
Она тоскующею нотой

Над миром, что, златим огнем,
Сейчас умрет, не понимая,
Что счастье искрилось не в нем,
А в золотом обмане мая,

Что безвозвратно синева,
Его златившая, поблекла...
Что только зарево едва
Коробит розовые стекла.

11—12. *ИЮЛЬ*

1

СОНЕТ

Когда весь день свои костры
Июль палит над рожью спелой,
Не свежий лес с своей капеллой,
Нас тешат: демонской игры

За тучей разом потемнелой
Раскатно-гулкие шары;
И то оранжевый, то белый
Лишь миг живущие миры;

И цвета старого червонца
Пары сгоняющее солнце
С небес омыто-голубых.

И для ожившего дыханья
Возможность пить благоуханья
Из чаши ливней золотых.

2

Палимая огнем недвижного светила,
Проклятый свой урок отлязгала кирьга
И спящих грабаров с землею сколотила,
Как ливень черные, осенние стога.

Каких-то диких сил последнее решенье,
Луча отвесного неслышный людям зов,
И абрис ног худых меж чадного смешенья
Всклокоченных бород и рваных картузов.

Не страшно ль иногда становится на свете?
Не хочется ль бежать, укрыться поскорей?
Подумай: на руках у матерей
Всё это были розовые дети.

1900

13—14. *Август*

1
ХРИЗАНТЕМА

Облака плывут так низко,
Но в тумане всё нежней
Пламя пурпурного диска
Без лучей и без теней.

Тихо траурные кони
Подвигают яркий гнет,
Что-то чуткое в короне
То померкнет, то блеснет...

...Это было поздним летом
Меж ракит и на песке,
Перед бледно-желтым цветом
В увядающем венке,

И казалось мне, что нежной
Хризантема головой
Припадает безнадежно
К яркой крышке гробовой...

И что два ее свитые
Лепестка на сходнях дрог —
Это кольца золотые
Ею сброшенных серег.

2
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВЕТ В АЛЛЕЕ

О, не зови меня, не мучь!
Скользя бесцельно, утомленно,
Зачем у ночи вырвал луч,
Засыпав блеском, ветку клена?

Ее пьянит зеленый чад,
И дум ей жаль разоблаченных,
И слезы осени дрожат
В ее листах раззолоченных,—

А свод так сладостно дремуч,
Так миротворно слиты звенья...
И сна, и мрака, и забвенья...
О, не зови меня, не мучь!

15. СЕНТЯБРЬ

Раззолочённые, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вылиться в душистые плоды.

И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в завороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

16. НОЯБРЬ

Сонет

Как тускло пурпурное пламя,
Как мертвы желтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Всё та ж сегодня, что вчера...

Одна утеха, что местами
Налет белил и серебра
Мягчит пушистыми чертами
Работу тонкую пера...

В тумане солнце, как в неволе...
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить круженье облаков,—

Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым...

17. ВЕТЕР

Люблю его, когда, сердит,
Он поле ржи задернет флёром
Иль нежным лётом бороздит
Волну по розовым озерам;

Когда грозит он кораблю
И паруса свивает в жгутья;
И шум зеленый я люблю,
И облаков люблю лоскутья...

Но мне милей в глуши садов
Тот ветер теплый и игривый,
Что хлещет жгучею крапивой
По шапкам розовым дедо́в.

18. НЕНУЖНЫЕ СТРОФЫ

Сонет

Нет, не жемчужины, рожденные страданьем,
Из жерла черного метала глубина:
Тем до рожденья их отверженным созданьям
Мне одному, увы! известна лишь цена...

Как чахлая листва, пестрима увяданьем
И безнадежностью небес позлащена,
Они полны еще неясным ожиданьем,
Но погребальная свеча уж зажжена.

Без лиц и без речей разыгранная драма:
Огонь под розами мучительно храним,
И светозарный бог из черной ниши храма...

Он улыбается, он руки тянет к ним.
И дети бледные Сомненья и Тревоги
Идут к нему приять пурпуровые тоги.

19. В ДОРОГЕ

Перестал холодный дождь
Сизый пар по небу вьется
Но на пятна нив и рощ
Точно блеск молочный льется

В этом чаяньи утрá
И предчувствии мороза
Как у черного костра
Мертвы линии обоза!

Жеребячий дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег

Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Всё бы молча в полутьму
Уводила думу дума.

Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут
И с бадьями журавли,[1]
Выпрямляясь, тихо стонут.

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть.

20—21. *СРЕДИ НАХЛЫНУВШИХ ВОСПОМИНАНИЙ*

1

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Гаснет небо голубое,
На губах застыло слово;
Каждым нервом жду отбоя
Тихой музыки былого.

---

[1] На колодцах.

Но помедли, день, врачуя
Это сердце от разлада!
Всё глазами взять хочу я
Из темнеющего сада...

Щетку желтую газона,
На гряде цветок забытый,
Разоренного балкона
Остов, зеленью увитый.

Топора обиды злые,
Всё, чего уже не стало...
Чтобы сердце, сны былые
Узнавая, трепетало...

2

ПОД НОВОЙ КРЫШЕЙ

Сквозь листву просвет оконный
Синью жгучею залит,
И тихонько ветер сонный
Волоса мне шевелит...

Не доделан новый кокон,
Точно трудные стнхи:
Ни дверей, ни даже окон
Нет у пасынка стихий,

Но зато по клетям сруба
В темной зелени садов
Сапожищи жизни грубо
Не оставили следов,

И жилец докучным шумом
Мшистых стен не осквернил:
Хорошо здесь тихим думам
Литься в капельки чернил.

. . . .

Схоронили пепелище
Лунной ночью в забытье...
Здравствуй, правнуков жилище,—
И мое, и не мое!

22. ТРАКТИР ЖИЗНИ

Вкруг белеющей Психеи
Те же фикусы торчат,
Те же грустные лакеи,
Тот же гам и тот же чад...

Муть вина, нагие кости,
Пепел стынущих сигар,
На губах — отрава злости,
В сердце — скуки перегар...

Ночь давно снега одела,
Но уйти ты не спешишь;
Как в кошмаре, то и дело:
«Алкоголь или гашиш?»

А в сенях, поди, не жарко:
Там, поднявши воротник,
У плывущего огарка
Счеты сводит гробовщик.

23. ТАМ

Ровно в полночь гонг унылый
Свел их тени в черной зале,
Где белел Эрот бескрылый
Меж искусственных азалий.

Там, качаяся, лампады
Пламя трепетное лили,
Душным ладаном услады
Там кадили чаши лилий.

Тварь единая живая
Там тянула к брашну жало,
Там отрава огневая
В клубки медные бежала.

На оскала смех застылый
Тени ночи наползали,
Бесконечный и унылый
Длился ужин в черной зале.

24. ?

Пусть для ваших открытых сердец
До сих пор это — светлая фея
С упоительной лирой Орфея,
Для меня это — старый мудрец.

По лицу его тяжко проходит
Бороздой Вековая Мечта,
И для мира немые уста
Только бледной улыбкой поводит.

25. ПЕРВЫЙ ФОРТЕПЬЯННЫЙ СОНЕТ

Есть книга чудная, где с каждою страницей
Галлюцинации таинственно свиты:
Там полон старый сад луной и небылицей,
Там клен бумажные заворожил листы,

Там в очертаниях тревожной пустоты,
Упившись чарами луны зеленолицей,
Менады белою мятутся вереницей,
И десять реет их по клавишам мечты.

Но, изумрудами запястий залитая,
Меня волнует дев мучительная стая:
Кристально чистые так бешено горды.

И я порвать хочу серебряные звенья...
Но нет разлуки нам, ни мира, ни забвенья,
И режут сердце мне их узкие следы...

26. ЕЩЕ ОДИН

И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое,
Но ночь пришла, и нежно тень
Берет усталого без боя.

Как мало их! Еще один
В лучах слабеющей Надежды
Уходит гордый паладин:
От золотой его одежды

Осталась бурая кайма,
Да горький чад... воспоминанья
. . . .
Как обгорелого письма
Неповторимое признанье.

⟨1903⟩

27. С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН ЧАШИ

Нежным баловнем мамаши
То большиться, то шалить...
И рассеянно из чаши
Пену пить, а влагу лить...

Сил и дней гордясь избытком,
Мимоходом, на лету
Хмельно-розовым напитком
Усыплять свою мечту.

Увидав, что невозможно
Ни вернуться, ни забыть...
Пить поспешно, пить тревожно,
Рядом с сыном, может быть,

Под наплывом лет согнуться,
Но, забыв и вкус вина...
По привычке всё тянуться
К чаше, выпитой до дна.

28. VILLA NAZIONALE [1]

Смычка заслушавшись, тоскливо
Волна горит, а луч померк,—
И в тени душные залива
Вот-вот ворвется фейерверк.

Но в мутном чаяньи испуга,
В истоме прерванного сна,
Не угадать Царице юга
Тот миг шальной, когда она

---

[1] Объяснение см. в примечаниях.

Развяжет, разоймет, расщиплет
Золотоцветный свой букет
И звезды робкие рассыплет
Огнями дерзкими ракет.

⟨1890⟩

29. ОПЯТЬ В ДОРОГЕ

Когда высóко под дугою
Звенело солнце для меня,
Я жил унылою мечтою,
Минуты светлые гоня...

Они пугливо отлетали,
Но вот прибился мой звонок:
И где же вы, златые дали?
В тумане — юг, погас восток...

А там стена, к закату ближе,
Такая страшная на взгляд...
Она всё выше... Мы всё ниже...
«Постой-ка, дядя!» — «Не велят».

30. НА ВОДЕ

То луга ли, скажи, облака ли, вода ль
Околдована желтой луною:
Серебристая гладь, серебристая даль
Надо мной, предо мною, за мною...

Ни о чем не жалеть... Ничего не желать...
Только б маска колдуньи светилась
Да клубком ее сказка катилась
В серебристую даль, на сребристую гладь.

1900

31. КОНЕЦ ОСЕННЕЙ СКАЗКИ

Сонет

Неустанно ночи длинной
Сказка черная лилась,
И багровый над долиной
Загорелся поздно глаз;

Видит: радуг паутина
Почернела, порвалась,
В малахиты только тина
Пышно так разубралась.

Видит: пар белесоватый
И ползет, и вьется ватой,
Да из черного куста

Там и сям сочатся грозди
И краснеют... точно гвозди
После снятого Христа.

32. УТРО

Эта ночь бесконечна была,
Я не смел, я боялся уснуть:
Два мучительно-черных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.

На призывы ж тех крыльев в ответ
Трепетал, замирая, птенец,
И не знал я, придет ли рассвет
Или это уж полный конец...

О, смелее... Кошмар позади,
Его страшное царство прошло;
Вещих птиц на груди и в груди
Отшумело до завтра крыло...

Облака еще плачут, гудя,
Но светлеет и нехотя тень,
И банальный, за сетью дождя,
Улыбнуться попробовал День.

33. ВАНЬКА-КЛЮЧНИК В ТЮРЬМЕ

Крутясь-мутясь да сбилися
Желты́ пески с волной,
Часочек мы любилися,
Да с мужнею женой.

Ой, цветнки садовые,
Да некому полить!
Ой, прянички медовые!
Да с кем же вас делить?

А уж на что уважены:
Проси — не улечу,
У стеночки посажены,
Да не плечо к плечу.

Цепочечку позванивать
Продели у ноги,
Позванивать, подманивать:
«А ну-тка, убеги!»

А мимо птицей мычется
Злодей — моя тоска...
Такая-то добытчица,
Да не найти крюка?!

34. СВЕЧКА ГАСНЕТ

В темиом пламени свечи
Зароившись как живые,
Мигом гибнут огневые
Брызги в трепетной ночи,
Но с мольбою голубые
Долго теплятся лучи
В темном пламени свечи.

Эх, заснуть бы спозаранья,
Да страшат набеги сна,
Как безумного желанья
Тихий берег умиранья
Захлестнувшая волна.
Свечка гаснет. Ночь душна...
Эх, заснуть бы спозаранья...

35. ДЕКОРАЦИЯ

Это — лунная ночь невозможного сна,
Так уныла, желта и больна
В облаках театральных луна,

Свет полос запыленно-зеленых
На бумажных колеблется кленах.

Это — лунная ночь невозможной мечты...
Но недвижны и странны черты:
— Это маска твоя или ты?

Вот чуть-чуть шевельнулись ресницы..
Дальше... вырваны дальше страницы.

36—38. *БЕССОННИЦЫ*

1

БЕССОННИЦА РЕБЕНКА

От душной копоти земли
Погасла точка огневая,
И плавно тени потекли,
Конту́ры странные сливая.

И знал, что спать я не могу:
Пока уста мои молились,
Те, неотвязные, в мозгу
Опять слова зашевелились.

И я лежал, а тени шли,
Наверно зная и скрывая,
Как гриб выходит из земли
И ходит стрелка часовая.

2

«ПАРКИ — БАБЬЕ ЛЕПЕТАНЬЕ»

Сонет

Я ночи знал. Мечта и труд
Их наполняли трепетаньем,—
Туда, к надлунным очертаньям,
Бывало, мысль они зовут.

Томя и нежа ожиданьем,
Они, бывало, промелькнут,
Как цепи розовых минут
Между запиской и свиданьем.

Но мая белого ночей
Давно страницы пожелтели...
Теперь я слышу у постели

Веретено,— и, как ручей,
Задавлен камнями обвала,
Оно уж лепет обрывало...

3

ДАЛЕКО... ДАЛЕКО...

Когда умирает для уха
Железа мучительный гром,
Мне тихо по коже старуха
Водить начинает пером.
Перо ее так бородато,
Так плотно засело в руке...

. . . .

Не им ли я кляксу когда-то
На розовом сделал листке?
Я помню — слеза в ней блистала,
Другая ползла по лицу:
Давно под часами усталый
Стихи выводил я отцу...

. . . .

Но жаркая стынет подушка,
Окно начинает белеть...
Пора и в дорогу, старушка,
Под утро душна эта клеть.
Мы тронулись... Тройка плетется,
Никак не найдет колеи,
А сердце... бубенчиком бьется
Так тихо у потной шлеи...

39—41. *ЛИЛИИ*

1

ВТОРОЙ МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

Не мастер Тира иль Багдата,
Лишь девы нежные персты
Сумели вырезать когда-то
Лилеи нежные листы,—

С тех пор в отраве аромата
Живут, таинственно слиты,
Обетованье и утрата
Неразделенной красоты,

Живут любовью без забвенья
Незаполнимые мгновенья...
И если чуткий сон аллей

Встревожит месяц сребролукий,
Всю ночь потом уста лилей
Там дышат ладаном разлуки.

2

ЗИМНИЕ ЛИЛИИ

Зимней ночи путь так долог,
Зимней ночью мне не спится:
Из углов и с книжных полок
Сквозь ее тяжелый полог
Сумрак розовый струится.

Серебристые фиалы
Опрокинув в воздух сонный,
Льют лилеи небывалый
Мне напиток благовонный,—

И из кубка их живого
В поэтической оправе
Рад я сладостной отраве
Напряженья мозгового...

В белой чаше тают звенья
Из цепей воспоминанья,
И от яду на мгновенье
Знаньем кажется незнанье.

3

ПАДЕНИЕ ЛИЛИЙ

Уж черной Ночи бледный День
Свой факел отдал, улетая:
Темнеет в небе хлопьев стая,
Но, веселя немую сень,
В камине вьется золотая
Змея, змеей перевитая.
Гляжу в огонь — работать лень:
Пускай по стенам, вырастая,
Дрожа, колеблясь или тая,
За тенью исчезает тень,
А сердцу снится тень иная,
И сердце плачет, вспоминая.
Сейчас последние, светлей
Златисто-розовых углей,
Падут минутные строенья:
С могил далеких и полей
И из серебряных аллей
Услышу мрака дуновенье...
В постель скорее!.. Там теплей,
А ты, волшебница, налей
Мне капель чуткого забвенья,
Чтоб ночью вянущих лилей
Мне ярче слышать со стеблей
Сухой и странный звук паденья.

3 февраля 1901

42. С БАЛКОНА

Полюбила солнце апреля
Молодая и нежная ива.
Не прошла и Святая неделя,
Распустилась бледная ива
В жаркой ласке солнца апреля.

Но недвижны старые клены:
Их не греет солнце апреля,
Только иве дивятся зеленой,
Только шепчут под небом апреля
Обнаженные мшистые клены:

«Не на радость, о бледная ива,
Полюбила ты солнце апреля:
Безнадежно больное ревнниво
И сожжет тебя солнце апреля,
Чтоб другим не досталась ты, ива».

43. МОЛОТ И ИСКРЫ

Молот жизни, на плёчах мне камни дробя,
Так мучительно груб и тяжел,
А ведь, кажется, месяц еще не прошел,
Что я сказками тешил себя...
Те, скажи мне, завянуть успели ль цветы,
Что уста целовали, любя,
Или, их обогнав, улетели мечты,
Те цветы... Я не знаю: тебя
Я люблю или нет... Не горит ореол
И горит — это ты и не ты,
Молот жизни мучительно, адски тяжел,
И ни искры под ним... красоты...
А ведь, кажется, месяц еще не прошел.

1901

44. ТОСКА ВОЗВРАТА

Уже лазурь златить устала
Цветные вырезки стекла,
Уж буря светлая хорала
Под темным сводом замерла;

Немые тени вереницей
Идут чрез северный портал,
Но ангел Ночи бледнолицый
Еще кафизмы не читал...

В луче прощальном, запыленном
Своим грехом неотмоленным
Томится День пережитой,

Как серафим у Боттичелли,
Рассыпав локон золотой...
На гриф умолкшей виолончели.

45. РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ПОЭТА

(Кантата)

Баян

Над Москвою старой златоглавою
Не звезда в полýночи затеплилась,
Над ее садочками зелеными,
Ой зелеными садочками кудрявыми
Молодая зорька разгоралася.
Не Вольга-богатырь нарождается,
Нарождается надёжа — молодой певец,
Удалая головушка кудрявая.
Да не златая трубочка вострубила,
Молодой запел душа-соловьюшка,
Пословечно соловей да выговаривал,
(Тут не рыбы-то по заводям хоронятся,
Да не птицы-то уходят во поднебесье,
Во темных лесах не звери затулилися [1]),
Как услышали соловьюшку малешенького,
Все-то птичушки в садочках приуслушались,
Малы детушки по зыбкам разыгралися,
Молодые-то с крылечек улыбаются,
А и старые по кельям пригорюнились.

Один голос

Рыданье струн седых развей,
О нет, Баян, не соловей,
Певец волшебно-сладострастный,
Нас жег в безмолвии ночей
Тоскою нежной и напрасной.

---

[1] Былинная формула.

И не душистую сирень
Судьба дала ему, а цепи,
Снега забытых деревень,
Неволей выжженные степи.
Но бог любовью окрылил
Его пленительные грезы,
И в чистый жемчуг перелил
Поэт свои немые слезы.

Хор

Среди измен, среди могил
Он, улыбаясь, сыпал розы,
И в чистый жемчуг перелнл
Поэт свои немые слезы.

Другой голос

О, свиток печальный!
Безумные строки,
Как гость на пиру
В небрачной одежде,
Читаю и плачу...
Там ночи туманной
Холодные звезды,
Там вещего сердца
Трехдневные муки,
Там в тяжком бреду
Томительный призрак,
Свой черный вуаль,
Вуаль донны Анны,
К его изголовью
Склоняя, смеется...

Мужской хор

Но в поле колдунья ему
Последние цепи сварила
И тихо в немую тюрьму
Ворота за ним затворила.

Женский хор

Творцу волшебных песнопений
Не надо ваших слез и пеней:
Над ним горит бессмертный день
В огнях лазури и кристалла,

И окровавленная тень
Там тенью розовою стала,
А здесь печальной чередою
Всё ночь над нами стелет сень,
О тень, о сладостная тень,
Стань вифлеемскою звездою,
Алмазом на ее груди —
И к дому бога нас веди!..

Общий хор

С немого поля,
Где без ненастья,
Дрожа, повисли
Тоски туманы,—
Туда, где воля,
Туда, где счастье,
Туда, где мысли
Простор желанный!

3 апреля 1899

46. «МУХИ КАК МЫСЛИ»

(Памяти Апухтина)

Я устал от бессонниц и снов,
На глаза мои пряди нависли:
Я хотел бы отравой стихов
Одурманить несносные мысли.

Я хотел бы распутать узлы...
Неужели там только ошибки?
Поздней осенью мухи так злы,
Их холодные крылья так липки.

Мухи-мысли ползут, как во сне,
Вот бумагу покрыли, чернея...
О, как, мертвые, гадки оне...
Разорви их, сожги их скорее.

47. ПОД ЗЕЛЕНЫМ АБАЖУРОМ

Короли, и валеты, и тройки!
Вы так ласково тешите ум:
От уверенно-зыбкой постройки
До тоскливо замедленных дум

Вы так ласково тешите ум,
Короли, и валеты, и тройки!

В вашей смене, дразнящей сердца,
В вашем быстро мелькающем крапе
Счастье дочери, имя отца,
Слово чести, поставленной нá-пе,
В вашем быстро мелькающем крапе,
В вашей смене, дразнящей сердца...

Золотые сулили вы дали
За узором двойных королей,
Когда вами невестам гадали
Там, в глуши, за снегами полей,
За узором двойных королей
Золотые сулили вы дали...

А теперь, из потемок на свет
Безнадежно ложася рядами,
Равнодушное *да* или *нет*
Повторять суждено вам годами,
Безнадежно ложася рядами
Из зеленых потемок на свет.

48. ТРЕТИЙ МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

Строфы

Нет, им не суждены краса и просветленье;
Я повторяю их на память в полусне,
Они — минуты праздного томленья,
Перегоревшие на медленном огне.

Но всё мне дорого — туман их появленья,
Их нарастание в тревожной тишине,
Без плана, вспышками идущее сцепленье:
Мое мучение и мой восторг оне.

Кто знает, сколько раз без этого запоя,
Труда кошмарного над грудою листов,
Я духом пасть, увы! я плакать был готов,
Среди неравного изнемогая боя;

Но я люблю стихи — и чувства нет святей:
Так любит только мать, и лишь больных детей.

49. ВТОРОЙ ФОРТЕПЬЯННЫЙ СОНЕТ

Над ризой белою, как уголь волоса,
Рядами стройными невольницы плясали,
Без слов кристальные сливались голоса,
И кастаньетами их пальцы потрясали...

Горели синие над ними небеса,
И осы жадные плясуний донимали,
Но слез не выжали им муки из эмали,
Неопалимою сияла их краса.

На страсти, на призыв, на трепет вдохновенья
Браслетов золотых звучали мерно звенья,
Но, непонятною не трогаясь мольбой,

Своим властителям лишь улыбались девы,
И с пляской чуткою, под чашей голубой,
Их равнодушные сливалися напевы.

50—51. *ПАРАЛЛЕЛИ*

1

Под грозные речи небес
Рыдают косматые волны,
А в чаще, презрения полный,
Хохочет над бурею бес.

Но утро зажжет небеса,
Волна золотится и плещет,
А в чаще холодной роса
Слезою завистливой блещет.

2

Золотя заката розы,
Клонит солнце лик усталый,
И глядятся туберозы
В позлащенные кристаллы.

Но не надо сердцу алых,—
Сердце просит роз поблеклых,
Гиацинтов небывалых,
Лилий, плачущих на стеклах.

1901

52. ТОСКА

По бледно-розовым овалам,
Туманом утра облиты,
Свились букетом небывалым
Стального ко́лера цветы.

И мух кочующих соблазны,
Отраву в глянце затая,
Пестрят, назойливы и праздны,
Нагие грани бытия.

Но, лихорадкою томимый,
Когда неделями лежишь,
В однообразьи их таимый
Поймешь ты сладостный гашиш,

Поймешь, на глянце центифолий
Считая бережно мазки...
И строя ромбы поневоле
Между этапами Тоски.

53. ЖЕЛАНИЕ

Когда к ночи усталой рукой
Допашу я свою полосу,
Я хотел бы уйти на покой
В монастырь, но в далеком лесу,

Где бы каждому был я слуга
И творенью господнему друг,
И чтоб сосны шумели вокруг,
А на соснах лежали снега...

А когда надо мной зазвонит
Медный зов в беспросветной ночи,
Уронить на холодный гранит
Талый воск догоревшей свечи.

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ

ТРИЛИСТНИКИ

54—56. *ТРИЛИСТНИК СУМЕРЕЧНЫЙ*

1

СИРЕНЕВАЯ МГЛА

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла.

Мимоходом только глянула в окно,
И я понял, что люблю ее давно.

Я молил ее, сиреневую мглу:
«Погости-побудь со мной в моем углу,

Не мою тоску ты давнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!»

Но лишь издали услышал я ответ:
«Если любишь, так и сам отыщешь след,

Где над омутом синеет тонкий лед,
Там часочек погощу я, кончив лёт,

А у печки-то никто нас не видал...
Только те мои, кто волен да удал».

2

ТОСКА МИМОЛЕТНОСТИ

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, еще бестенной,
И в безнадежности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.

Сейчас наступит ночь. Так чёрны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там всё, что прожито,— желанье и тоска,
Там всё, что близится,— унылость и забвенье.

Здесь вечер как мечта: и робок и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
И где разорвано и слито столько туч...
Он как-то ближе розовых закатов.

Лето 1904
Ялта

3

СВЕЧКУ ВНЕСЛИ

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же возле иная среда,
Где живем мы совсем по-другому?

С тенью тень там так мягко слилась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле приник,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступает без боя,
Лишь из глаз по наклонам луча
Тени в пламя сбегут голубое.

57—59. *ТРИЛИСТНИК СОБЛАЗНА*

1

МАКИ

Веселый день горит... Среди сомлевших трав
Все маки пятнами — как жадное бессилье,
Как губы, полные соблазна и отрав,
Как алых бабочек развернутые крылья.

Веселый день горит... Но сад и пуст и глух.
Давно покончил он с соблазнами и пиром,—
И маки сохлые, как головы старух,
Осенены с небес сияющим потиром.

2

СМЫЧОК И СТРУНЫ

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?..»
И скрипка отвечала *да,*
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок всё понял, он затих,
А в скрипке эхо всё держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

3

В МАРТЕ

Позабудь соловья на душистых цветах,
Только *утро* любви не забудь!
Да ожившей земли в неоживших листах
Ярко-черную грудь!

Меж лохмотьев рубашки своей снеговой
Только раз и желала она,—
Только раз напоил ее март огневой,
Да пьянее вина!

Только раз оторвать от разбухшей земли
Не могли мы завистливых глаз,
Только раз мы холодные руки сплели
И, дрожа, поскорее из сада ушли...
Только раз... в этот раз...

60—62. *ТРИЛИСТНИК СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ*

1

ОДУВАНЧИКИ

Захлопоталась девочка
В зеленом кушаке,
Два желтые обсевочка
Сажая на песке.

Не держатся и нá-поди:
Песок ли им не рад?..
А солнце уж на западе
И золотится сад.

За ручкой ручку белую
Малютка отряхнет:
«Чуть ямочку проделаю,
Ее и заметет...

Противные, упрямые!»
— Молчи, малютка дочь,
Коль неприятны ямы им,
Мы стебельки им прочь.

13 Въ мартѣ.

Позабудь соловья на душистых цветах,
Только утро любви не забудь!
Да ожившей земли в неоживших лучах
Ярко-черную грудь!

~~Въ~~ Меж лохмотьев рубашки своей снеговой
Только раз и мелькнула она, -
Только раз напоил ее март огневой,
Да пьянее вина!

Только раз оторвать от разбуженной земли
Не могли мы завистливых глаз,
Только раз мы холодные руки сплели,
И дрожа поскорее из саду ушли
~~На этот раз~~... только раз...
в этот раз...

Вот видишь ли: всё к лучшему —
Дитя, развеселись,
По холмику зыбучему
Две звездочки зажглись.

Мохнатые, шафранные
Звездинки из цветов...
Ну вот, моя желанная,
И садик твой готов.

Отпрыгаются ножечьки,
Весь высыплется смех,
А ночь придет — у боженьки
Постельки есть для всех...

Заснешь ты, ангел-девочка,
В пуху, на локотке...
А желтых два обсевочка
Распластаны в песке.

26 июня 1909
Куоккала

2

СТАРАЯ ШАРМАНКА

Небо нас совсем свело с ума:
То огнем, то снегом нас слепило,
И, ощерясь, зверем отступила
За апрель упрямая зима.

Чуть на миг сомлеет в забытьи —
Уж опять на брови шлем надвинут,
И под наст ушедшие ручьи,
Не допев, умолкнут и застынут.

Но забыто прошлое давно,
Шумен сад, а камень бел и гулок,
И глядит раскрытое окно,
Как трава одела закоулок.

Лишь шарманку старую знобит,
И она в закатном мленьи мая
Всё никак не смелет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.

И никак, цепляясь, не поймет
Этот вал, что ни к чему работа,
Что обида старости растет
На шипах от муки поворота.

Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?..

3

ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ

В. П. Хмара-Барщевскому

В желтый сумрак мертвого апреля,
Попрощавшись с звездною пустыней,
Уплывала Вербная неделя
На последней, на погиблой снежной льдине;

Уплывала в дымах благовонных,
В замираньи звонов похоронных,
От икон с глубокими глазами
И от Лазарей, забытых в черной яме.

Стал высоко белый месяц на ущербе,
И за всех, чья жизнь невозвратима,
Плыли жаркие слезы по вербе
На румяные щеки херувима.

14 апреля 1907
Царское Село

63—65. *ТРИЛИСТНИК ОСЕННИЙ*

1

ТЫ ОПЯТЬ СО МНОЙ

Ты опять со мной, подруга осень,
Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просинь,
И снегов не помню я мертвей.

Я твоих печальнее отребий
И черней твоих не видел вод,
На твоем линяло-ветхом небе
Желтых туч томит меня развод.

До конца всё видеть, цепенея...
О, как этот воздух странно нов...
Знаешь что... я думал, что больнее
Увидать пустыми тайны слов...

2

АВГУСТ

Еще горят лучи под сводами дорог,
Но там, между ветвей, всё глуше и немее:
Так улыбается бледнеющий игрок,
Ударов жребия считать уже не смея.

Уж день за сторами. С туманом по земле
Влекутся медленно унылые призывы...
А с ним всё душный пир, дробится в хрустале
Еще вчерашний блеск, и только астры живы...

Иль это — шествие белеет сквозь листы?
И там огни дрожат под матовой короной,
Дрожат и говорят: «А ты? Когда же ты?» —
На медном языке истомы похоронной...

Игру ли кончили, гробница ль уплыла,
Но проясняются на сердце впечатленья;
О, как я понял вас: и вкрадчивость тепла,
И роскошь цветников, где проступает тленье

3

ТО БЫЛО НА ВАЛЛЕН-КОСКИ

То было на Валлен-Коски,
Шел дождик из дымных туч,
И желтые мокрые доски
Сбегали с печальных круч.

Мы с ночи холодной зевали,
И слезы просились из глаз;
В утеху нам куклу бросали
В то утро в четвертый раз.

Разбухшая кукла ныряла
Послушно в седой водопад,
И долго кружилась сначала,
Всё будто рвалася назад.

Но даром лизала пена
Суставы прижатых рук,—
Спасенье ее неизменно
Для новых и новых мук.

Гляди, уж поток бурливый
Желтеет, покорен и вял;
Чухонец-то был справедливый,
За дело полтину взял.

И вот уж кукла на камне,
И дальше идет река...
Комедия эта была мне
В то серое утро тяжка.

Бывает такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчей.

Как листья тогда мы чутки:
Нам камень седой, ожив,
Стал другом, а голос друга,
Как детская скрипка, фальшив.

И в сердце сознанье глубоко,
Что с ним родился только страх,
Что в мире оно одиноко,
Как старая кукла в волнах...

66—68. *ТРИЛИСТНИК ЛУННЫЙ*

1
ЗИМНЕЕ НЕБО

Талый снег налетал и слетал,
Разгораясь, румянились щеки.
Я не думал, что месяц так мал
И что тучи так дымно-далеки...

Я уйду, ни о чем не спросив,
Потому что мой вынулся жребий,
Я не думал, что месяц красив,
Так красив и тревожен на небе.

Скоро полночь. Никто и ничей,
Утомлен самым призраком жизни,
Я любуюсь на дымы лучей
Там, в моей обманувшей отчизне.

2
ЛУННАЯ НОЧЬ В ИСХОДЕ ЗИМЫ

Мы на полустанке,
Мы забыты ночью,
Тихой лунной ночью,
На лесной полянке...
Бред — или воочью
Мы на полустанке
И забыты ночью?
Далеко зашел ты,
Паровик усталый!
Доски бледно-желты,
Серебристо-желты,
И налип на шпалы
Иней мертво-талый.
Уж туда ль зашел ты,
Паровик усталый?
Тишь-то в лунном свете,
Или только греза
Эти тени, эти
Вздохи паровоза

И, осеребренный
Месяцем жемчужным,
Этот длинный, черный
Сторож станционный
С фонарем ненужным
На тени узорной?
Динь-динь-динь — и мимо,
Мимо грезы этой,
Так невозвратимо,
Так непоправимо
До конца не спетой,
И звенящей где-то
Еле ощутимо.

27 марта 1906
Почтовый тракт Вологда — Тотьма

3

TRÄUMEREI [1]

Сливались ли это тени,
Только тени в лунной ночи мая?
Это блики или цветы сирени
Там белели, на колени
        Ниспадая?
Наяву ль и тебя ль безумно
        И бездумно
Я любил в томных тенях мая?
        Припадая к цветам сирени
Лунной ночью, лунной ночью мая,
        Я твои ль целовал колени,
Разжимая их и сжимая,
В томных тенях, в томных тенях мая?
Или сад был одно мечтанье
Лунной ночи, лунной ночи мая?
Или сам я лишь тень немая?
Иль и ты лишь мое страданье,
        Дорогая,
Оттого, что нам нет свиданья
Лунной ночью, лунной ночью мая...

Ночь с 16 на 17 мая 1906 (?)
Вологодский поезд

---

[1] Мечтанье, грезы (нем.).— *Ред.*

69—71. *ТРИЛИСТНИК ОБРЕЧЕННОСТИ*

1
БУДИЛЬНИК

Обручена рассвету
Печаль ее рулад...
Как я игрушку эту
Не слушать был бы рад...

Пусть завтра будет та же
Она, что и вчера...
Сперва хоть громче, глаже
Идет ее игра.

Но вот, уж не читая
Давно постылых нот,
Гребенка золотая
Звенит, а не поет...

Цепляясь за гвоздочки,
Весь из бессвязных фраз,
Напрасно ищет точки
Томительный рассказ,

О чьем-то недоборе
Косноязычный бред...
Докучный лепет горя
Ненаступивших лет,

Где нет ни слез разлуки,
Ни стылости небес,
Где сердце — счетчик муки,
Машинка для чудес...

И скучно разминая
Пружину полчаса,
Где прячется смешная
И лишняя Краса.

⟨1909⟩

2

СТАЛЬНАЯ ЦИКАДА

Я знал, что она вернется
И будет со мной — Тоска.
Звякнет и запахнется
С дверью часовщика...

Сердца стального трепет
Со стрекотаньем крыл
Сцепит и вновь расцепит
Тот, кто ей дверь открыл...

Жадным крылом цикады
Нетерпеливо бьют:
Счастью ль, что близко, рады,
Муки ль конец зовут?..

Столько сказать им надо,
Так далеко уйти...
Розно, увы! цикада,
Наши лежат пути.

Здесь мы с тобой лишь чудо,
Жить нам с тобою теперь
Только минуту — покуда
Не распахнулась дверь...

Звякнет и запахнется,
И будешь ты так далека...
Молча сейчас вернется
И будет со мной — Тоска.

3

ЧЕРНЫЙ СИЛУЭТ

Сонет

Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам, живя, еще дано,
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе, хладея, суждено;

Пока прильнув сквозь мерзлое окно,
Нас сторожит ночами тень недуга,
И лишь концы мучительного круга
Не сведены в последнее звено,—

Хочу ль понять, тоскою пожираем,
Тот мир, тот миг с его миражным раем...
Уж мига нет — лишь мертвый брезжит свет..

А сад заглох... и дверь туда забита...
И снег идет... и черный силуэт
Захолодел на зеркале гранита.

72—74. *ТРИЛИСТНИК ОГНЕННЫЙ*

1

АМЕТИСТЫ

Когда, сжигая синеву,
Багряный день растет неистов,
Как часто сумрак я зову,
Холодный сумрак аметистов.

И чтоб не знойные лучи
Сжигали грани аметиста,
А лишь мерцание свечи
Лилось там жидко и огнисто.

И, лиловея и дробясь,
Чтоб уверяло там сиянье,
Что где-то есть не наша *связь,*
А лучезарное *слиянье...*

2

СИЗЫЙ ЗАКАТ

Близился сизый закат.
Воздух был нежен и хмелен,
И отуманенный сад
Как-то особенно зелен.

И, о Незримой твердя
В тучах таимой печали,
В воздухе, полном дождя,
Трубы так мягко звучали.

Вдруг — точно яркий призыв,
Даль чем-то резко разъялась:
Мягкие тучи пробив,
Медное солнце смеялось.

3

ЯНВАРСКАЯ СКАЗКА

Светилась колдуньина маска,
Постукивал мерно костыль...
Моя новогодняя сказка,
Последняя сказка, не ты ль?

О счастье уста не молили,
Тенями был полон покой,
И чаши открывшихся лилий
Дышали нездешней тоской.

И, взоры померкшие нежа,
С тоской говорили цветы:
«Мы те же, что были, всё те же,
Мы будем, мы вечны... а ты?»

Молчите... Иль грезить не лучше,
Когда чуть дымятся угли?..
Январское солнце не жгуче,
Так пылки его хрустали...

75—77. *ТРИЛИСТНИК КОШМАРНЫЙ*

1

КОШМАРЫ

«Вы ждете? Вы в волненьи? Это бред.
Вы отворять ему идете? Нет!
Поймите: к вам стучится сумасшедший,
Бог знает где и с кем всю ночь проведший,

Оборванный, и речь его дика,
И камешков полна его рука;
Того гляди — другую опростает,
Вас листьями сухими закидает,
Иль целовать задумает, и слез
Останутся следы в смятеньи кос,
Коли от губ удастся скрыть лицо вам,
Смущенным и мучительно пунцовым.

. . . .

Послушайте!.. Я только вас пугал:
Тот далеко, он умер... Я солгал.
И жалобы, и шепоты, и стуки —
Всё это «шелест крови», голос муки.
Которую мы терпим, я ли, вы ли...
Иль вихри в плен попались и завыли?
Да нет же! Вы спокойны... Лишь у губ
Змеится что-то бледное... Я глуп...
Свиданье здесь назначено другому...
Всё понял я теперь: испуг, истому
И влажный блеск таимых вами глаз»
Стучат? Идут? Она приподнялась.
Гляжу — фитиль у фонаря спустила,
Он розовый... Вот косы отпустила.
Взвились и пали косы... Вот ко мне
Идет... И мы в огне, в одном огне...
Вот руки обвились и увлекают,
А волосы и колют, и ласкают...
Так вот он, ум мужчины, тот гордец,
Не стоящий ни трепетных сердец,
Ни влажного и розового зноя!

. . . .

И вдруг я весь стал существо иное..
Постель... Свеча горит. На грустный тон
Лепечет дождь... Я спал и видел сон.

2

КИЕВСКИЕ ПЕЩЕРЫ

Тают зеленые свечи,
Тускло мерцает кадило,
Что-то по самые плечи
В землю сейчас уходило,

Чьи-то беззвучно уста
Молят дыханья у плит,
Кто-то, нагнувшись, «с креста»
Желтой водой их поит...

«Скоро ль?» — Терпение, скоро...
Звоном наполнились уши,
А чернота коридора
Всё безответней и глуше...

Нет, не хочу, не хочу!
Как? Ни людей, ни пути?
Гасит дыханье свечу?
Тише... Ты должен ползти...

3

ТО И ЭТО

Ночь не тает. Ночь как камень.
Плача тает только лед,
И струит по телу пламень
Свой причудливый полет.

Но лопочут даром, тая,
Ледышки́ на голове:
Не запомнить им, считая,
Что подушек только две.

И что надо лечь в угарный,
В голубой туман костра,
Если тошен луч фонарный
На скользоте топора.

Но отрадной до рассвета
Сердце дремой залито,
Всё простит им... если это
Только *Это*, а не *То*.

78—80. *ТРИЛИСТНИК ПРОКЛЯТИЯ*

1
ЯМБЫ

О, как я чувствую накопленное бремя
Отравленных ночей и грязно-бледных дней!
Вы, карты, есть ли что в одно и то же время
Приманчивее вас, пошлее и страшней!

Вы страшны нежностью похмелья, и науке,
Любви, поэзии — всему вас предпочтут.
Какие подлые не пожимал я руки,
Не соглашался с чем?.. Скорей! Колоды ждут...

Зеленое сукно — цвет малахитов тины,
Весь в пепле туз червей на сломанном мелке...
Подумай: жертву накануне гильотины
Дурманят картами и в каменном мешке.

2
КУЛАЧИШКА

Цвести средь немолчного ада
То грузных, то гулких шагов,
И стонущих блоков, и чада,
И стука бильярдных шаров.

Любиться, пока полосою
Кровавой не вспыхнул восток,
Часочек, покуда с косою
Не сладился белый платок.

Скормить Помыканьям и Злобам
И сердце, и силы дотла —
Чтоб дочь за глазетовым гробом,
Горбатая, с зонтиком шла.

Ночь с 21 на 22 мая 1906
Грязовец

3
О НЕТ, НЕ СТАН

О нет, не стан, пусть он так нежно-зыбок,
Я из твоих соблазнов затаю
Не влажный блеск малиновых улыбок,—
Страдания холодную змею.

Так иногда в банально-пестрой зале,
Где вальс звенит, волнуя и моля,
Зову мечтой я звуки Парсифаля,
И Тень, и Смерть над маской короля...

. . . .

Оставь меня. Мне ложе стелет Скука.
Зачем мне рай, которым грезят все?
А если грязь и низость — только мука
По где-то там сияющей красе...

19 мая 1906
Вологда

81—83. *ТРИЛИСТНИК ПОБЕДНЫЙ*

1
В ВОЛШЕБНУЮ ПРИЗМУ

Хрусталь мой волшебен трикраты.
Под первым устоем ребра —
Там руки с мученьем разжаты,
Раскидано пламя костра.

Но вновь не увидишь костер ты,
Едва передвинешь устой —
Там бледные руки простерты
И мрак обнимают пустой.

Нажмешь ли устой ты последний —
Ни сжатых, ни рознятых рук,
Но радуги нету победней,
Чем радуга конченных мук!..

2

ТРОЕ

Ее факел был огнен и ал,
Он был талый и сумрачный снег:
Он глядел на нее и сгорал,
И сгорал от непознанных нег.

Лоно смерти открылось черно —
Он не слышал призыва: «Живи»,
И осталось в эфире одно
Безнадежное пламя любви.

Да на ложе глубокого рва,
Пенной ризой покрыта до пят,
Одинокая грезит вдова —
И холодные воды кипят...

3

ПРОБУЖДЕНИЕ

Кончилась яркая чара,
Сердце очнулось пустым:
В сердце, как после пожара,
Ходит удушливый дым.

Кончилась? Жалкое слово,
Жалкого слова не трусь:
Скоро в остатках былого
Я и сквозь дым разберусь.

Что не хотело обмана —
Всё остаётся за мной...
Солнце за гарью тумана
Желто, как вставший больной.

Жребий, о сердце, твой понят —
Старого пепла не тронь...
Больше проклятый огонь
Стен твоих черных не тронет!

84—86. *ТРИЛИСТНИК ТРАУРНЫЙ*

1
ПЕРЕД ПАНИХИДОЙ

Сонет

Два дня здесь шепчут: прям и нем
Всё тот же гость в дому,
И вянут космы хризантем
В удушливом дыму.

Гляжу и мыслю: мир ему,
Но нам-то, нам-то всем,
Иль люк в ту смрадную тюрьму
Захлопнулся совсем?

«Ах! Что мертвец! Но дочь, вдова...»
Слова, слова, слова.
Лишь Ужас в белых зеркалах

Здесь молит и поет
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздает.

2
⟨БАЛЛАДА⟩

⟨*Н. С. Гумилеву*⟩

День был ранний и молочно-парный,
Скоро в путь, поклажу прикрутили...
На шоссе перед запряжкой парной
Фонари, мигая, закоптили.

Позади лишь вымершая дача...
Желтая и скользкая... С балкона
Холст повис, ненужный там... но спешно,
Оборвав, сломали георгины.

«Во блаженном...» И качнулись клячи:
Маскарад печалей их измаял...
Желтый пес у разоренной дачи
Бил хвостом по ельнику и лаял...

Но сейчас же, вытянувши лапы,
На песке разлегся, как в постели...
Только мы как сняли в страхе шляпы —
Так надеть их больше и не смели.

...Будь ты проклята, левкоем и фенолом
Равнодушно дышащая Дама!
Захочу — так сам тобой я буду...
«Захоти, попробуй!» — шепчет Дама.

ПОСЫЛКА

Вам я шлю стихи мои, когда-то
Их вдали игравшие солдаты!
Только ваши, без четверостиший,
Пели трубы горестней и тише...

31 мая 1909

3

СВЕТЛЫЙ НИМБ

Сонет

Зыбким прахом закатных полос
Были свечи давно облиты,
А куренье, виясь, всё лилось,
Всё, бледнея, сжимались цветы.

И так были безумны мечты
В чадном море молений и слез,
На развившемся нимбе волос
И в дыму ее черной фаты,

Что в ответ замерцал огонек
В аметистах тяжелых серег.
Синий сон благовонных кадил

Разошелся тогда ж без следа...
Отчего ж я фату навсегда,
Светлый нимб навсегда полюбил?

87—89. *ТРИЛИСТНИК ТОСКИ*

1

ТОСКА ОТШУМЕВШЕЙ ГРОЗЫ

Сердце ль не томилося
    Желанием грозы,
Сквозь вспышки бело-алые?
А теперь влюбилося
    В бездонность бирюзы,
В ее глаза усталые.

Всё, что есть лазурного,
    Излилося в лучах
На зыби златошвейные,
Всё, что там безбурного
    И с ласкою в очах,—
В сады зеленовейные.

В стекла бирюзовые
    Одна глядит гроза
Из чуждой ей обители...
Больше не суровые,
    Печальные глаза,
Любили ль вы, простите ли?..

2

ТОСКА ПРИПОМИНАНИЯ

Мне всегда открывается та же
Залитая чернилом страница.
Я уйду от людей, но куда же,
От ночей мне куда схорониться?

Все живые так стали далёки,
Всё небытное стало так внятно,
И слились позабытые строки
До зари в мутно-черные пятна.

Весь я там в невозможном ответе,
Где миражные буквы маячат...
...Я люблю, когда в доме есть дети
И когда по ночам они плачут.

3

ТОСКА БЕЛОГО КАМНЯ

Камни млеют в истоме,
Люди залиты светом,
Есть ли города летом
Вид постыло-знакомей?

В трафарете готовом
Он — узор на посуде...
И не всё ли равно вам:
Камни там или люди?

Сбита в белые камни
Нищетой бледнолицей,
Эта одурь была мне
Колыбелью-темницей.

Коль она не мелькает
Безотрадно и чадно,
Так, давя вас, смыкает,
И уходишь так жадно

В лиловатость отсветов
С высей бледно-безбрежных
На две цепи букетов
Возле плит белоснежных.

Так, устав от узора,
Я мечтой замираю
В белом глянце фарфора
С ободочком по краю.

1904
Симферополь

90—92. ***ТРИЛИСТНИК ДОЖДЕВОЙ***

1

ДОЖДИК

Вот сизый чехол и распорот,—
Не всё ж ему праздно висеть,
И с лязгом асфальтовый город
Хлестнула холодная сеть...

Вот сырой чехол и раструб
Не вскрой ещё правдой встав
И с лязгом асфальтовой горы
Хлеснула холодная сыр
Клубящимися и дальше

И вижу я с суровой любовью
Стихом ... ...
Нас темною ночью забыли
И кажется стучится в окно

Хлестнула и стала мотаться...
Сама серебристо-светла,
Как масло в руке святотатца,
Глазеты вокруг залила.

И в миг, что́ с лазурью любилось,
Стыдливых молчаний полно,—
Всё темною пеной забилось
И нагло стучится в окно.

В песочной зароется яме,
По трубам бежит и бурлит,
То жалкими брызнет слезами,
То радугой парной горит.
. . . .
О нет! Без твоих превращений,
В одно что-нибудь застывай!
Не хочешь ли дремой осенней
Окутать кокетливо май?

Иль сделаться Мною, быть может,
Одним из упрямых калек,
И всех уверять, что не дожит
И первый Овидиев век:

Из сердца за Иматру лет
Ничто, мол, у нас не уходит —
И в мокром асфальте поэт
Захочет, так счастье находит.

29 июня 1909
Царское Село

2

ОКТЯБРЬСКИЙ МИФ

Мне тоскливо. Мне невмочь.
Я шаги слепого слышу:
Надо мною он всю ночь
Оступается о крышу.

И мои ль, не знаю, жгут
Сердце слезы, или это
Те, которые бегут
У слепого без ответа,

Что бегут из мутных глаз
По щекам его поблеклым,
И в глухой полночный час
Растекаются по стеклам.

3

РОМАНС БЕЗ МУЗЫКИ

В непроглядную осень туманны огни,
    И холодные брызги летят,
В непроглядную осень туманны огни,
    Только след от колес золотят,

В непроглядную осень туманны огни,
    Но туманней отравленный чад,
В непроглядную осень мы вместе, одни,
    Но сердца наши, сжавшись, молчат...
Ты от губ моих кубок возьмешь непочат,
    Потому что туманны огни...

93—95. *ТРИЛИСТНИК ПРИЗРАЧНЫЙ*

1

NOX VITAE[1]

Отрадна тень, пока крушин
Вливает кровь в хлороз жасмина...
Но... ветер... клены... шум вершин
С упреком давнего помина...

Но... в блекло-призрачной луне
Воздушно-черный стан растений,
И вы, на мрачной белизне
Ветвей тоскующие тени!

Как странно слиты сад и твердь
Своим безмолвием суровым,
Как ночь напоминает смерть
Всем, даже выцветшим покровом.

---

[1] Ночь жизни (лат.).— *Ред.*

А всё ведь только что сейчас
Лазурно было здесь, что нужды?
О тени, я не знаю вас,
Вы так глубоко сердцу чужды.

Неужто ж точно, боже мой,
Я здесь любил, я здесь был молод,
И дальше некуда?.. Домой
Пришел я в этот лунный холод?

2

КВАДРАТНЫЕ ОКОШКИ

О, дали лунно-талые,
О, темно-снежный путь,
Болит душа усталая
И не дает заснуть.

За чахлыми горошками,
За мертвой резедой
Квадратными окошками
Беседую с луной.

Смиренно дума-странница
Сложила два крыла,
Но не мольбой туманится
Покой ее чела.

«Ты помнишь тиховейные
Те вешние утра,
И как ее кисейная
Тонка была чадра?

Ты помнишь сребролистую
Из мальвовых полос,
Как ты чадру душистую
Не смел ей снять с волос?

И как, тоской измученный,
Так и не знал потом —
Узлом ли были скручены
Они или жгутом?»

— «Молчи, воспоминанне,
О грудь моя, не ной!
Она была желаннее
Мне тайной и луной.

За чару ж сребролистую
Тюльпанов на фате
Я сто обеден выстою,
Я изнурюсь в посте!»

— «А знаешь ли, что тут она?»
— «Возможно ль, столько лет?»
— «Гляди — фатой окутана...
Узнал ты узкий след?

Так страстно не разгадана,
В чадре живой, как дым,
Она на волнах ладана
Над куколем твоим».

— «Она... да только с рожками,
С трясучей бородой —
За чахлыми горошками,
За мертвой резедой...»

3

МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

Едва пчелиное гуденье замолчало,
Уж ноющий комар приблизился, звеня...
Каких обманов ты, о сердце, не прощало
Тревожной пустоте оконченного дня?

Мне нужен талый снег под желтизной огня,
Сквозь потное стекло светящего устало,
И чтобы прядь волос так близко от меня,
Так блнзко от меня, развившись, трепетала.

Мне надо дымных туч с померкшей высоты,
Круженья дымных туч, в которых нет былого,
Полузакрытых глаз н музыки мечты,
И музыки мечты, еще не знавшей слова...

О, дай мне только миг, но в жизни, не во сне,
Чтоб мог я стать огнем или сгореть в огне!

96—98. *ТРИЛИСТНИК ЛЕДЯНОЙ*

1
ЛЕДЯНАЯ ТЮРЬМА

Пятно жерла стеною огибая,
Минутно лед туманный позлащен...
Мечта весны, когда-то голубая,
Твоей тюрьмой горящей я смущен.

Истомлена сверканием напрасным,
И плачешь ты, и рвешься трепеща,
Но для чудес в дыму полудня красном
У солнца нет победного луча.

Ты помнишь лик светила, но иного,
В тебя не те гляделися цветы,
И твой конец на сердце у больного,
Коль под землей не задохнешься ты.

Но не желай свидетелем безмолвным
До чар весны сберечь свой синий плен..
Ты не мечта, ты будешь только тлен
Раскованным и громозвучным волнам.

2
СНЕГ

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,

Точно стада в тумане
Непорочные сны —
На томительной грани
Всесожженья весны.

3

ДОЧЬ ИАИРА

Слабы травы, белы плиты,
И звонит победно медь:
«Голубые льды разбиты,
И они должны сгореть!»

Точно кружит солнце, зимний
Долгий плен свой позабыв;
Только мне в пасхальном гимне
Смерти слышится призыв.

Ведь под снегом сердце билось,
Там тянулась жизни нить:
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить...

Для чего ж с конту́ров нежной,
Непорочной красоты
Грубо сорван саван снежный,
Жечь зачем ее цветы?

Для чего так сине пламя,
Раскаленность так бела,
И, гудя, с колоколами
Слили звон колокола?

Тот, грехи подъявший мира,
Осушавший реки слез,
Так ли дочерь Иаира
Поднял некогда Христос?

Не мигнул фитиль горящий,
Не зазыбил ветер ткань...
Подошел Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань».

99—101. *ТРИЛИСТНИК ВАГОННЫЙ*

1

ТОСКА ВОКЗАЛА

О, канун вечных будней,
Скуки липкое жало...
В пыльном зное полудней
Гул и краска вокзала...

Полумертвые мухи
На забитом киоске,
На пролитой известке
Слепы, жадны и глухи.

Флаг линяло-зеленый,
Пара белые взрывы,
И трубы отдаленной
Без отзыва призывы.

И эмблема разлуки
В обманувшем свиданьи —
Кондуктóр однорукий
У часов в ожиданьи...

Есть ли что-нибудь нудней,
Чем недвижная точка,
Чем дрожанье полудней
Над дремотой листочка...

Что-нибудь, но не это...
Подползай — ты обязан;
Как ты жарок, измазан,
Всё равно — ты не это!

Уничтожиться, канув
В этот омут безликий,
Прямо в одурь диванов,
В полосатые тики!..

2

В ВАГОНЕ

Довольно дел, довольно слов,
Побудем молча, без улыбок,
Снежит из низких облаков,
А горний свет уныл и зыбок.

В непостижимой им борьбе
Мятутся черные ракиты.
«До завтра,— говорю тебе,—
Сегодня мы с тобою квиты».

Хочу, не грезя, не моля,
Пускай безмерно виноватый,
Глядеть на белые поля
Через стекло с налипшей ватой.

А ты красуйся, ты — гори...
Ты уверяй, что ты простила,
Гори полоской той зари,
Вокруг которой всё застыло.

3

ЗИМНИЙ ПОЕЗД

Снегов немую черноту
Прожгло два глаза из тумана,
И дым остался на лету
Горящим золотом фонтана.

Я знаю — пышущий дракон,
Весь занесен пушистым снегом,
Сейчас порвет мятежным бегом
Завороженной дали сон.

А с ним, усталые рабы,
Обречены холодной яме,
Влачатся тяжкие гробы,
Скрипя и лязгая цепями,

Пока с разбитым фонарем,
Наполовину притушенным,
Среди кошмара дум и дрем
Проходит Полночь по вагонам.

Она — как призрачный монах,
И чем ее дозоры глуше,
Тем больше чада в черных снах,
И затеканий, и удуший;

Тем больше слов, как бы не слов,
Тем отвратительней дыханье,
И запрокинутых голов
В подушках красных колыханье.

Как вор, наметивший карман,
Она тиха, пока мы живы,
Лишь молча точит свой дурман
Да тушит черные наплывы.

А снизу стук, а сбоку гул,
Да всё бесцельней, безымянней...
И мерзок тем, кто не заснул,
Хаос полусуществований!

Но тает ночь... И дряхл и сед,
Еще вчера Закат осенний,
Приподнимается Рассвет
С одра его томившей Тени.

Забывшим за ночь свой недуг
В глаза опять глядит терзанье,
И дребезжит сильнее стук,
Дробя налеты обмерзанья.

Пары желтеющей стеной
Загородили красный пламень,
И стойко должен зуб больной
Перегрызать холодный камень.

102—104. *ТРИЛИСТНИК БУМАЖНЫЙ*

1
СПУТНИЦЕ

Как чисто гаснут небеса,
Какою прихотью ажурной
Уходят дальние леса
В ту высь, что знали мы лазурной...

В твоих глазах упрека нет:
Ты туч закатных догоранье
И сизо-розовый отсвет
Встречаешь, как воспоминанье.

Но я тоски не поборю:
В пустыне выжженного неба
Я вижу мертвую зарю
Из незакатного Эреба.

Уйдем... Мне более невмочь
Застылость этих четких линий
И этот свод картонно-синий...
Пусть будет солнце или ночь!..

2
НЕЖИВАЯ

На бумаге синей,
Грубо, грубо синей,
Но в тончайшей сетке,
Разметались ветки,
Ветки-паутинки.
А по веткам иней,
Самоцветный иней,
Точно сахаринки...

По бумаге синей
Разметались ветки,
Слезы были едки.
Бедная тростинка,
Милая тростинка,
И чего хлопочет?
Всё уверить хочет,
Что она живая,
Что, изнемогая —
(Полно, дорогая!) —
И она ждет мая,
Ветреных объятий
И зеленых платьев,
Засыпать под сказки
Соловьиной ласки,
И проснуться, щуря
Заспанные глазки
От огня лазури.
На бумаге синей,
Грубо, грубо синей
Разметались ветки,
Ветки-паутинки.
Заморозил иней
У сухой тростинки
На бумаге синей
Все ее слезинки.

3

ОФОРТ

Гул печальный и дрожащий
Не разлился — и застыл...
Над серебряною чащей
Алый дым и темный пыл.

А вдали рисунок четкий —
Леса синие верхи,
Как на меди крепкой водкой
Проведенные штрихи.

Ясен путь, да страшен жребий,
Застывая, онеметь,—
И по мертвом солнце в небе
Стонет раненая медь.

Неподвижно в кольца дыма
Черной думы врезан дым...
И она была язвима —
Только ядом долгих зим.

105—107. *ТРИЛИСТНИК В ПАРКЕ*

1

⟨Я НА ДНЕ⟩

Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода.
Из тяжелых стеклянных потемок
Нет путей никому, никуда...

Помню небо, зигзаги полета,
Белый мрамор, под ним водоем,
Помню дым от струи водомета,
Весь изнизанный синим огнем...

Если ж верить тем шепотам бреда,
Что томят мой постылый покой,
Там тоскует по мне Андромеда
С искалеченной белой рукой.

20 мая ⟨1906⟩
Вологда

2

БРОНЗОВЫЙ ПОЭТ

На синем куполе белеют облака,
И четко ввысь ушли кудрявые вершины,
Но пыль уж светится, а тенн стали длинны,
И к сердцу призраки плывут издалека.

Не знаю, повесть ли была так коротка,
Иль я не дочитал последней половины?..
На бледном куполе погаслн облака,
И ночь уже идет сквозь черные вершнны...

И стали — и скамья и человек на ней
В недвижном сумраке тяжеле и страшней.
Не шевелись — сейчас гвоздики засверкают,

Воздушные кусты сольются и растают,
И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнет,
С подставки на траву росистую спрыгнёт.

3

«PACE» [1]

СТАТУЯ МИРА

Меж золоченых бань и обелисков славы
Есть дева белая, а вкруг густые травы.

Не тешит тирс ее, она не бьет в тимпан,
И беломраморный ее не любит Пан,

Одни туманы к ней холодные ласкались,
И раны черные от влажных губ остались.

Но дева красотой по-прежнему горда,
И трав вокруг нее не косят никогда.

Не знаю почему — богини изваянье
Над сердцем сладкое имеет обаянье...

Люблю обиду в ней, ее ужасный нос,
И ноги сжатые, и грубый узел кос.

Особенно, когда холодный дождик сеет,
И нагота ее беспомощно белеет...

О, дайте вечность мне,— и вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам.

⟨1905⟩

---

[1] Мир (ит.).— *Ред.*

108—110. *ТРИЛИСТНИК ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ*

1

ТОСКА МАЯТНИКА

Неразгаданным надрывам
Подоспел сегодня срок:
В стекла дождик бьет порывом,
Ветер пробует крючок.

Точно вымерло всё в доме...
Желт и черен мой огонь,
Где-то тяжко по соломе
Переступит, звякнув, конь.

Тело скорбно и разбито,
Но его волнует жуть,
Что обиженно-сердито
Кто-то мне не даст уснуть.

И лежу я околдован,
Разве тем и виноват,
Что на белый циферблат
Пышный розан намалеван.

Да по стенке ночь и день,
В душной клетке человечьей,
Ходит-машет сумасшедший,
Волоча немую тень.

Ходит-ходит, вдруг отскочит,
Зашипит — отмерил час,
Зашипит и захохочет,
Залопочет, горячась.

И опять шагами мерить
На стене дрожащий свет,
Да стеречь, нельзя ль проверить,
Спят ли люди или нет.

Ходит-машет, а для такта
И уравнивая шаг,
С злобным рвеньем «так-то, так-то»
Повторяет маниак...

Всё потухло. Больше в яме
Не видать и не слыхать...
Только кто же там махать
Продолжает рукавами?

Нет. Довольно... хоть едва,
Хоть тоскливо даль белеет,
И на пледе голова
Не без сладости хмелеет.

2

КАРТИНКА

Мелко, мелко, как из сита,
В тарантас дождит туман,
Бледный день встает сердито,
Не успев стряхнуть дурман.

Пуст и ровен путь мой дальний...
Лишь у черных деревень
Бесконечный всё печальней,
Словно дождь косой плетень.

Чу... Проснулся грай вороний,
В шалаше встает пастух,
И сквозь тучи липких мух
Тяжело ступают кони.

Но узлы седых хвостов
У буланой нашей тройки,
Доски свежие мостов,
Доски черные постройки,—

Всё поплыло в хлябь и смесь,
Пересмякло, послипалось...
Ночью мне совсем не спалось,
Не попробовать ли здесь?

Да, заснешь... чтоб быть без шапки.
Вот дела...— Держи к одной! —
Глядь — замотанная в тряпки
Амазонка предо мной.

Лет семи всего — ручонки
Так и впилися в узду,
Не дают плестись клячонке,
А другая — в поводу.

Жадным взглядом проводила,
Обернувшись, экипаж
И в тумане затрусила,
Чтоб исчезнуть, как мираж.

И щемящей укоризне
Уступило забытье:
«Это — праздник для нее.
Это — утро, утро жизни».

3

СТАРАЯ УСАДЬБА

Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный, всё осины — тощи, страх!
Дом — руины... Тины, тины что в прудах...

Что утрат-то!.. Брат на брата... Что обид!..
Прах и гнилость... Накренилось... А стоит...

Чье жилище? Пепелище?.. Угол чей?
Мертвой нищей логовище без печей...

Ну как встанет, ну как глянет из окна:
«Взять не можешь, а тревожишь, старина!

Ишь затейник! Ишь забавник! Что за прыть!
Любит древних, любит давних ворошить...

Не сфальшивишь, так иди уж: у меня
Не в окошке, так из кошки два огня.

Дам и брашна — волчьих ягод, белены...
Только страшно — месяц за год у луны...

Столько вышек, столько лестниц — двери нет...
Встанет месяц, глянет месяц — где твой след?..»

Тсс... ни слова... даль былого — но сквозь дым
Мутно зрима... Мимо, мимо... И к живым!

Иль истомы сердцу надо моему?
Тени дома? Шума сада?.. Не пойму...

111—113. *ТРИЛИСТНИК ТОЛПЫ*

1
ПРЕЛЮДИЯ

Я жизни не боюсь. Своим бодрящим шумом
Она дает гореть, дает светиться думам.
Тревога, а не мысль растет в безлюдной мгле,
И холодно цветам ночами в хрустале.
Но в праздности моей рассеяны мгновенья,
Когда мучительно душе прикосновенье,
И я дрожу средь вас, дрожу за свой покой,
Как спичку на ветру загородив рукой...
Пусть это только миг... В тот миг меня не трогай,
Я ощупью иду тогда своей дорогой...
Мой взгляд рассеянный в молчаньи заприметь
И не мешай другим вокруг меня шуметь.
Так лучше. Только бы меня не замечали
В тумане, может быть, и творческой печали.

2
ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

В аллею черные спустились небеса,
Но сердцу в эту ночь не превозмочь усталость...
Погасшие огни, немые голоса,—
Неужто это всё, что от мечты осталось?

О, как печален был одежд ее атлас,
И вырез жутко бел среди наплечий черных!
Как жалко было мне ее недвижных глаз
И снежной лайки рук, молитвенно-покорных!

А сколько было там развеяно души
Среди рассеянных, мятежных и бесслезных!
Что звуков пролито, взлелеянных в тиши,
Сиреневых, и ласковых, и звездных!

Так с нити порванной в волненьи иногда,
Средь месячных лучей, и нежны и огнисты,
В росистую траву катятся аметисты
И гибнут без следа.

3

БУДДИЙСКАЯ МЕССА В ПАРИЖЕ

Ф. Фр. Зелинскому

1

Колонны, желтыми увитые шелками,
И платья pêche [1] и mauve [2] в немного яркой раме
Среди струистых смол и лепета звонков,
И ритмы странные тысячелетних слов,
Слегка смягченные в осенней позолоте,—
Вы в памяти моей сегодня оживете.

2

Священнодействовал базальтовый монгол,
И таял медленно таинственный глагол
В капризно созданном среди музея храме,
Чтоб дамы черными играли веерами
И, тайне чуждые, как свежий их ирис,
Лишь переводчикам внимали строго мисс.

3

Мой взор рассеянный шелков ласкали пятна,
Мне в таинстве была лишь музыка понятна,
Но тем внимательней созвучья я ловил,
Я ритмами дышал, как волнами кадил,
И было стыдно мне пособий бледной прозы
Для той мистической и музыкальной грезы.

4

Обедня кончилась, и сразу ожил зал,
Монгол с улыбкою цветы нам раздавал,

---

[1] Желтый, цвета персика (фр.).— *Ред.*
[2] Лиловато-розовый (фр.).— *Ред.*

И, экзотичные вдыхая ароматы,
Спешили к выходу певцы, и дипломаты,
И дамы, бережно поддерживая трен,—
Чтоб слушать вечером Маскотту иль Кармен.

5

А в воздухе жила непонятая фраза,
Рожденная душой в мученин экстаза,
Чтоб чистые сердца в ней пили благодать...
И странно было мне, и жутко увидать,
Как над улыбками спускалися вуали
И пальцы нежные цветы богов роняли.

114—116. *ТРИЛИСТНИК БАЛАГАННЫЙ*

1

СЕРЕБРЯНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Серебряным блеском туман
К полудню еще не развеян,
К полудню от солнечных ран
Стал даже желтее туман,
Стал даже желтей и мертвей он.
А полдень горит так суров,
Что мне в этот час неприятны
Лиловых и алых шаров
Меж клочьями мертвых паров
В глаза замелькавшие пятна.
И что ей тут надо скакать,
Безумной и радостной своре,
Всё солнце ловить и искать?
И солнцу с чего ж их ласкать,
Воздушных на мертвом просторе!
Подумать, что помпа бюро,
Огней и парчи серебро,
Должна потускнеть в фимиаме:
Пришли Арлекин и Пьеро,
О, белая помпа бюро!
И стали у гроба с свечами!

2

ШАРИКИ ДЕТСКИЕ

Шарики, шарики!
Шарики детские!
Деньги отецкие!
Покупайте, сударики, шарики!
Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалей пятишни:
Запущу под самое нёбо —
Два часа потом глазей, да в оба!
Хорошо ведь, говорят, на воле.
Чирикнуть, ваше степенство, что ли?
Прикажите для общего восторгу,
Три семьдесят пять — без торгу!
　　Ужели же менее
　　За освободительное движение?
　　Что? Пасуешь?..
Эй, тетка! Который торгуешь?
　　Мал?
Извините, какого поймал...
　　Бывает —
Другой и вырастает,
А наш Тит
Так себя понимает,
Что брюха не растит,
А всё по верхам глядит
От больших от дум!..
Ты который торгуешь?
Да не мни, не кум,
Наблудишь — не надуешь...
　　Шарики детски,
　　Красны, лиловы,
　　Очень дешёвы!
　　Шарики детски!
Эй, воротник, говоришь по-немецки?
Так бери десять штук по пáрам,
Остальные даром...
Жалко, ты по-немецки слабенек,
А не то — уговор лучше денег!
Пожалте, старичок!
Как вы — чок в чок —
Вот этот пузатенький,

Желтоватенький
И на сердце с Катенькой...
Цена не цена —
Всего пятак,
Да разве еще четвертак,
А прибавишь гривенник для барства —
Бери с гербом государства!
Шарики детские, шарики!
Вам, сударики, шарики,
А нам бы, сударики, на шкалики!..

3

УМИРАНИЕ

Слава богу, снова тень!
Для чего-то спозаранья
Надо мною целый день
Длится это умиранье,
Целый сумеречный день!
Между старых желтых стен,
Доживая горький плен,
Содрогается опалый
Шар на нитке, темно-алый,
Между старых желтых стен!
И бессильный, точно тень,
В этот сумеречный день
Всё еще он тянет нитку
И никак не кончит пытку
В этот сумеречный день...
Хоть бы ночь скорее, ночь!
Самому бы изнемочь,
Да забыться примиренным,
И уйти бы одуренным
В одуряющую ночь!
Только б тот над головой,
Темно-алый, чуть живой,
Подождал пока над ложем
Быть таким со мною схожим...
Этот темный, чуть живой,
Там, над самой головой...

117—119. *ТРИЛИСТНИК ВЕСЕННИЙ*

1

ЧЕРНАЯ ВЕСНА

(Тает)

Под гулы меди — гробовой
Творился перенос,
И, жутко задран, восковой
Глядел из гроба нос.

Дыханья, что ли, он хотел
Туда, в пустую грудь?..
Последний снег был темно-бел,
И тяжек рыхлый путь.

И только изморось, мутна,
На тление лилась,
Да тупо черная весна
Глядела в студень глаз —

С облезлых крыш, из бурых ям,
С позеленелых лиц...
А там, по мертвенным полям,
С разбухших крыльев птиц...

О люди! Тяжек жизни след
По рытвинам путей,
Но ничего печальней нет,
Как встреча двух смертей.

29 м⟨арта⟩ 1906
Тотьма

2

ПРИЗРАКИ

И бродят тени, и молят тени:
«Пусти, пусти!»
От этих лунных осеребрений
Куда ж уйти?

Зеленый призрак куста сирени
Прильнул к окну...
Уйдите, тени, оставьте, тени,
Со мной одну...

Она недвижна, она немая,
С следами слез,
С двумя кистями сиреней мая
В извивах кос...

Но и неслышным я верен пеням,
И, как в бреду,
На гравий сада я по ступеням
За ней сойду...

О бледный призрак, скажи скорее
Мои вины,
Покуда стекла на галерее
Еще черны.

Цветы завянут, цветы обманны,
Но я... я — твой!
В тумане холод, в тумане раны
Перед зарей...

3

ОБЛАКА

Пережи́ты ли тяжкие проводы,
Иль глаза мне глядят неизбежные,
Как тогда вы мне кажетесь молоды,
Облака, мои лебеди нежные!

Те не снятся ушедшие грозы вам,
Всё бы в небе вам плавать да нежиться,
Только под вечер в облаке розовом
Будто девичье сердце забрезжится...

Но не дружны вы с песнями звонкими,
Разойдусь я, так вы затуманитесь,
Безнадежно, полосками тонкими,
Расплываясь, друг к другу всё тянетесь...

Улетели и песни пугливые,
В сердце радость сменилась раскаяньем,
А вы всё надо мною, ревнивые,
Будто плачете дымчатым таяньем..

120—122. *ТРИЛИСТНИК ШУТОЧНЫЙ*

1

ПЕРЕБОЙ РИТМА

Сонет

Как ни гулок, ни живуч — Ям -
— б, утомлен и он, затих
Средь мерцаний золотых,
Уступив иным созвучьям.

То-то вдруг по голым сучьям
Прозы утра, град шутих,
На листы веленьем щучьим
За стихом поскачет стих.

Узнаю вас, близкий рампе,
Друг крылатый эпиграмм, Пэ
— она третьего размер.

Вы играли уж при мер —
— цаньи утра бледной лампе
Танцы нежные Химер.

2

ПЭОН ВТОРОЙ — ПЭОН ЧЕТВЕРТЫЙ

Сонет

На службу Лести иль Мечты
Равно готовые консорты,
Назвать вас *вы*, назвать вас *ты*,
Пэон второй — пэон четвертый?

Как на монетах, ваши стерты
Когда-то светлые черты,
И строки мшистые плиты
Глазурью льете вы на торты.

Вы — сине-призрачных высот
В колодце снимок помертвелый,
Вы — блок пивной осатанелый,

Вы — тот посыльный в Новый год,
Что орхидеи нам несет,
Дыша в башлык обледенелый.

3

ЧЕЛОВЕК

Сонет

Я завожусь на тридцать лет,
Чтоб жить, мучительно дробя
Лучи от призрачных планет
На «да» и «нет», на «ах!» и «бя»,

Чтоб жить, волнуясь и скорбя
Над тем, чего, гляди, и нет...
И был бы, верно, я поэт,
Когда бы выдумал себя.

В работе ль там не без прорух,
Иль в механизме есть подвох,
Но был бы мой свободный дух —

Теперь не дух, я был бы бог...
Когда б не *пиль* да не *тубо*
Да не *тю-тю* после *бо-бо!..*

123—125. *ТРИЛИСТНИК ЗАМИРАНИЯ*

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю замирание эхо
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы
И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей ширн
В переливах растаявший цвет...
Я люблю всё, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

2

ЗАКАТНЫЙ ЗВОН В ПОЛЕ

В блестках туманится лес,
В тенях меняются лица,
В снню́ю пу́стынь небес
Звоны уходят молиться...

Звоны, возьмите меня!
Сердце так слабо и сиро,
Пыль от сверкания дня
Дразнит возможностью мира

Что он сулит, этот зов?
Или и мы там застынем,
Как жемчуга островов
Стынут по заводям синим?..

3

ОСЕНЬ

. . . .

Не било четырех... Но бледное светило
Едва лишь купола над нами золотило,

И, в выцветшей степи туманная река,
Так плавно двигались над нами облака,

И столько мягкости таило их движенье,
Забывших яд измен и муку расторженья,

Что сердцу музыки хотелось для него...
Но снег лежал в горах, и было там мертво,

И оборвали в ночь свистевшие буруны
Меж небом и землей протянутые струны..

А к утру кто-то нам, развеяв молча сны,
Напомнил шепотом, что мы осуждены.

Гряда не двигалась и точно застывала,
Ночь надвигалась ощущением провала...

126—128. *ТРИЛИСТНИК ОДИНОЧЕСТВА*

1

ЛИШЬ ТОМУ, ЧЕЙ ПОКОЙ ТАИМ

Лишь тому, чей покой таим,
Сладко дышится...
Полотно над окном моим
Не колышется.

Ты придешь, коль верна мечтам,
Только та ли ты?
Знаю: сад там, сирени там
Солнцем залиты.

Хорошо в голубом огне,
В свежем шелесте;
Только яркой так чужды мне
Чары прелести...

Пчелы в улей там носят мед,
Пьяны гроздами...
Сердце ж только во сне живет
Да меж звездами...

2

АРОМАТ ЛИЛЕИ МНЕ ТЯЖЕЛ

Аромат лилеи мне тяжел,
Потому что в нем таится тленье..
Лучше смол дыханье, синих смол,
Только пить его без разделенья...

Зажим был так сладостно ~~[illegible]~~ суров,
Что ногу перестали [illegible] биться..,
~~Безжалостный~~ И розовый душной [illegible]
Губами душил холодн.
Но будто я снова вам нужен.
О руки, эти тонкие руки..?
~~Во сне~~ [illegible] [illegible]
~~Во сердце~~ [illegible]
Оставьте — усталый рабочий,
Не надо его волновать...
Не стоит ему подзадоривать очи
Щетинки ему на кровать...
О боже! Но что ж обратилось...
Не руки, а кошки... Кись.. Кись..
Ласкаясь со мною две лапки,
Два [illegible] [illegible] сплелись ..
Им сестрам [illegible] в [illegible]
Такое объятье приснилось!

Оттолкнув соблазны красоты,
Я влюблюсь в ее миражи в дыме...
И огней нетленные цветы
Я один увижу голубыми...

3

ДАЛЬНИЕ РУКИ

Зажим был так сладостно сужен,
Что пурпур дремоты поблек,—
Я розовых, узких жемчужин
Губами узнал холодок.

О сестры, о нежные десять,
Две ласково дружных семьи,
Вас пологом ночи завесить
Так рады желанья мои.

Вы — гейши фонарных свечений,
Пять роз, обрученных стеблю,
Но нет у Киприды священней
Не сказанных вами *люблю.*

Как мускус мучительный мумий,
Как душный тайник тубероз,
И я только стеблем раздумий
К пугающей сказке прирос...

Мои вы, о дальние руки,
Ваш сладостно-сильный зажим
Я выносил в холоде скуки,
Я счастьем обвеял чужим.

Но знаю... дремотно хмелея,
Я брошу волшебную нить,
И мне будут сниться, алмея,
Слова, чтоб тебя оскорбить.

20—24 октября 1909

129—130. *ДОБРОДЕТЕЛЬ*

1

РАБОЧАЯ КОРЗИНКА

У раздумий беззвучны слова,
Как искать их люблю в тишине я!
Надо только,
черна и мертва,
Чтобы ночь позабылась полнее,
Чтобы ночь позабылась скорей
Между редких своих фонарей,
За углом,
Как покинутый дом...
Позабылась по тихим столовым,
Над тобою, в лиловом...
Чтоб со скатерти трепетный круг
Не спускал своих желтых разлитий,
И мерцанья замедленных рук
Разводили там серые нити,
И чтоб ты разнимала с тоской
Эти нити одну за другой,
Разнимала и после клубила,
И сиреневой редью игла
За мерцающей кистью ходила.
А потом, равнодушно светла,
С тихим скрипом соломенных петель,
Бережливо простыни сколов,
Там заснула и ты, Добродетель,
Между путано-нежных мотков...

⟨*1907*⟩

2

СТРУЯ РЕЗЕДЫ В ТЕМНОМ ВАГОНЕ

Dors, dors, mon enfant![1]

Не буди его в тусклую рань,
Поцелуем дремоту согрей...
Но сама — вся дрожащая — встань:
Ты одна, ты царишь... Но скорей!
Для тебя оживил я мечту,
И минуты ее на счету...

. . . .

Так беззвучна, черна и тепла
Резедой напоенная мгла...
В голубых фонарях,
Меж листов на ветвях,
Без числа
Восковые сиянья плывут,
И в саду,
Как в бреду,
Хризантемы цветут...

. . . .

Всё, что можешь ты *там*, всё ты смеешь теперь,
Ни мольбам, ни упрекам не верь!

. . . .

Пока свечи плывут
И левкои живут,
Пока дышит во сне резеда —
Здесь ни мук, ни греха, ни стыда...
Ты боишься в крови
Своих хо́леных ног
И за белый венок
В беспорядке косы?
О, молчи! Не зови!
Как минуты — часы
Не таимой и нежной красы.
. . . . На ветвях,
В фонарях догорела мечта
Голубых хризантем...

. . . .

---

[1] Спи, спи, мое дитя! (фр.).— *Ред.*

Ты очнешься — свежа и чиста,
И совсем... о, совсем!
Без смятенья в лице,
В обручальном кольце

. . . .

Стрелка будет показывать *семь*...

11 декабря 1908

131—132. *КОНТРАФАКЦИИ*

1

ВЕСНА

В жидкой заросли парка береза жила,
И черна, и суха, как унылость...
В майский полдень там девушка шляпу сняла,
И коса у нее распустилась.
Ее милый дорезал узорную вязь,
И на ветку березы, смеясь,
Он цветистую шляпу надел.

. . . .

Это май подглядел
И дивился с своей голубой высоты,
Как на мертвой березе и ярки цветы...

2

ОСЕНЬ

И всю ночь там по месяцу дымы вились,
И всю ночь кто-то жалостно-чуткий
На скамье там дремал, уходя в котелок.

. . . .

А к рассвету в молочном тумане повис
На березе искривленно-жуткий
И мучительно-черный стручок,
Чуть пониже растрепанных гнезд,
А длиной — в человеческий рост...
И глядела с сомнением про́синь
На родившую позднюю осень.

133—134. *СКЛАДЕНЬ РОМАНТИЧЕСКИЙ*

1

НЕБО ЗВЕЗДАМИ В ТУМАНЕ...

Небо звездами в тумане не расцветится,
Робкий вечер их сегодня не зажег...
Только томные по окнам елки светятся,
Да, кружася, заметает нас снежок.

Мех ресниц твоих снежинки закидавшие
Не дают тебе в глаза мои смотреть,
Сами слезы, только сердца не сжигавшие,
Сами звезды, но уставшие гореть...

Это их любви безумною обидою
Против воли твои звезды залиты...
И мучительно снежинкам я завидую,
Потому что ими плачешь ты...

2

МИЛАЯ

«Милая, милая, где ж ты была
Ночью в такую метелицу?»
— «Горю и ночью дорога светла,
К дедке ходила на мельницу».

«Милая, милая, я не пойму
Речи с словами притворными.
С чем же ты ночью ходила к нему?»
— «С чем я ходила? Да с зернами».

«Милая, милая, зерна-то чьи ж?
Жита я нынче не кашивал!»
— «Зерна-то чьи, говоришь? Да твои ж...
Впрочем, хозяин не спрашивал...»

«Милая, милая, где же мука?
Куль-то, что был под передником?»
— «У колеса, где вода глубока...
Лысый сегодня с наследником...»

15 апреля 1907
Царское Село

135. ДВА ПАРУСА ЛОДКИ ОДНОЙ

Нависнет ли пламенный зной
Иль, пенясь, расходятся волны,
Два паруса лодки одной,
Одним и дыханьем мы полны.

Нам буря желанья слила,
Мы свиты безумными снами,
Но молча судьба между нами
Черту навсегда провела.

И в ночи беззвездного юга,
Когда так привольно-темно,
Сгорая, коснуться друг друга
Одним парусам не дано...

1904

136. ДВЕ ЛЮБВИ

⟨С. В. ф.-Штейн⟩

Есть любовь, похожая на дым:
Если тесно ей — она дурманит,
Дай ей волю — и ее не станет...
Быть как дым,— но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит — тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

137. ДРУГОМУ

Я полюбил безумный твой порыв,
Но быть тобой и мной нельзя же сразу,
И, вещих снов иеро́глифы раскрыв,
Узорную пишу я четко фразу.

Фигурно там отобразился страх
И как тоска бумагу сердца мяла,
Но по строкам, как призрак на пирах,
Тень движется так деланно и вяло.

Твои мечты — менады по ночам,
И лунный вихрь в сверкании размаха
Им волны кос взметает по плечам.
Мой лучший сон — за тканью Андромаха.

На голове ее эшафодаж,
И тот прикрыт кокетливо платочком,
Зато нигде мой строгий карандаш
Не уступал своих созвучий точкам.

Ты весь — огонь. И за костром ты чист.
Испепелишь, но не оставишь пятен,
И бог ты там, где я лишь моралист,
Ненужный гость, неловок и невнятен.

Пройдут года... Быть может, месяца...
Иль даже дни, и мы сойдем с дороги:
Ты — в лепестках душистого венца,
Я просто так, задвинутый на дроги.

Наперекор завистливой судьбе
И нищете убого-слабодушной,
Ты памятник оставишь по себе,
Незыблемый, хоть сладостно-воздушный...

Моей мечты бесследно минет день...
Как знать? А вдруг, с душой подвижней моря,
Другой поэт ее полюбит тень
В нетронуто-торжественном уборе...

Полюбит, и узнает, и поймет,
И, увидав, что тень проснулась, дышит,—
Благословит немой ее полет
Среди людей, которые не слышат...

Пусть только бы в круженьи бытия
Не вышло так, что этот дух влюбленный,
Мой брат и маг, не оказался я
В ничтожестве слегка лишь подновленный.

138. ОН И Я

Давно меж листьев налились
Истомой розовой тюльпаны,
Но страстно в сумрачную высь
Уходит рокот фортепьянный.

И мука там иль торжество,
Разоблаченье иль загадка,
Но он — ничей, а вы — его,
И вам сознанье это сладко.

А я лучей иной звезды
Ищу в сомненьи и тревожно,
Я, как настройщик, все лады
Перебираю осторожно.

Темнеет... Комната пуста,
С трудом я вспоминаю что-то,
И безответна, и чиста,
За нотой умирает нота.

РАЗМЕТАННЫЕ ЛИСТЫ

139. НЕВОЗМОЖНО

Есть слова — их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревожно,
Но меж них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, *невозможно.*

Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.

Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих *вэ,* этих *зэ,* этих *эм*
Различить я сумел дуновенья.

И, запомнив, невестой в саду
Как в апреле тебя разубрали,—
У забитой калитки я жду,
Позвонить к сторожам не пора ли.

Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно — *невозможно.*

1907
Царское Село

140. СЕСТРЕ

⟨А. Н. Анненской⟩

Вечер. Зеленая детская
С низким ее потолком.
Скучная книга немецкая.
Няня в очках и с чулком.

Желтый, в дешевом издании,
Будто я вижу роман...
Даже прочел бы название,
Если б не этот туман.

Вы еще были Алиною,
С розовой думой в очах,
В платье с большой пелериною,
С серым платком на плечах...

В стул утопая коленами,
Взора я с вас не сводил,
Нежные, с тонкими венами,
Руки я ваши любил.

Слов непонятных течение
Было мне музыкой сфер...
Где ожидал столкновения
Ваших особенных *р*...

В медном подсвечнике сальная
Свечка у няни плывет...
Милое, тихо-печальное,
Всё это в сердце живет...

141. ЗАБВЕНИЕ

Нерасцепленные звенья,
Неосиленная тень,—
И забвенье, но забвенье,
Как осенний мягкий день,

Как полудня солнце в храме
Сквозь узор стекла цветной,—
С заметенною листами,
Но горящею волной...

Нам — упреки, нам — усталость,
А оно уйдет, как дым,
Пережито, но осталось
На портрете молодым.

142. СТАНСЫ НОЧИ

О. П. Хмара-Барщевской

Меж теней погасли солнца пятна
На песке в загрезившем саду.
Всё в тебе так сладко-непонятно,
Но твое запомнил я: «Приду».

Черный дым, но ты воздушней дыма,
Ты нежней пушинок у листа,
Я не знаю, кем, но ты любима,
Я не знаю, чья ты, но мечта.

За тобой в пустынные покои
Не сойдут алмазные огни,
Для тебя душистые левкои
Здесь ковром раскинулись одни...

Эту ночь я помню в давней грезе,
Но не я томился и желал:
Сквозь фонарь, забытый на березе,
Талый воск и плакал и пылал

143. МЕСЯЦ

Sunt mihi bis septem.[1]

Кто сильнее меня — их и сватай...
Истомились — и всё не слились:
Этот сумрак голубоватый
    И белесая высь...

Этот мартовский колющий воздух
С зябкой ночью на талом снегу
В еле тронутых зеленью звездах
Я сливаю и слить не могу...

Уж не ты ль и колдуешь, жемчужный,
Ты, кому остальные ненужны,

[1] Мои дважды семь (лат.).— *Ред.*

Их не твой ли развел и ущерб,
На горелом пятне желтосерп,

Ты, скиталец небес праздносумый,
С иронической думой?..

144. ТОСКА МЕДЛЕННЫХ КАПЕЛЬ

О, капли в ночной тишине,
Дремотного духа трещотка,
Дрожа набухают оне
И падают мерно и четко.

В недвижно-бессонной ночи
Их лязга не ждать не могу я:
Фитиль одинокой свечи
Мигает и пышет тоскуя.

И мнится, я должен, таясь,
На страином присутствовать браке,
Поняв безнадежную связь
Двух тающих жизней во мраке.

145. ТРИНАДЦАТЬ СТРОК

Я хотел бы любить облака
На заре... Но мне горек их дым:
Так неволя тогда мне тяжка,
Так я помню, что был молодым.

Я любить бы их вечер хотел,
Когда, рдея, там гаснут лучи,
Но от жертвы их розовых тел
Только пепел мне снится в ночи.

Я люблю только ночь и цветы
В хрустале, где дробятся огни,
Потому что утехой мечты
В хрустале умирают они...
Потому что — цветы это ты.

146. ОРЕАНДА

Ни белой дерзостью палат на высотах,
С орлами яркими в узорных воротах,
Ни женской прихотью арабских очертаний
Не мог бы сердца я лелеять неустанней.
Но в пятнах розовых по силуэтам скал
Напрасно я души, своей души искал...
Я с нею встретился в картинном запустеньи
Сгоревшего дворца — где нежное цветенье
Бежит по мрамору разбитых ступеней,
Где в полдень старый сад печальней и темней,
А синие лучи струятся невозбранно
По блеклости панно и забытью фонтана.
Я будто чувствовал, что там ее найду,
С косматым лебедем играющей в пруду,
И что поделимся мы ветхою скамьею
Близ корня дерева, что поднялся змеею,
Дорогой на скалу, где грезит крест литой
Над просветленною страданьем красотой.

147. ДРЕМОТНОСТЬ

Сонет

В гроздьях розово-лиловых
Безуханная сирень
В этот душно-мягкий день
Неподвижна, как в оковах.

Солнца нет, но с тенью тень
В сочетаньях вечно новых,
Нет дождя, а слез готовых
Реки — только литься лень.

Полусон, полусознанье,
Грусть, но без воспоминанья,
И всему простит душа...

А, доняв ли, холод ранит,
Мягкий дождик не спеша
Так бесшумно барабанит.

148. НЕРВЫ

(Пластинка для граммофона)

Как эта улица пыльна, раскалена!
Что за печальная, о господи, сосна!

Балкон под крышею. Жена мотает гарус.
Муж так сидит. За ними холст как парус.

Над самой клумбочкой прилажен их балкон.
«Ты думаешь — не он... А если он?
Всё вяжет, боже мой... Посудим хоть немножко...»
...Морошка, ягода морошка!..
— «Вот только бы спустить лиловую тетрадь»
— «Что, барыня, шпинату будем брать?»
— «Возьмите, Аннушка!»
— «Да там еще на стенке
Видал записку я, так...»
...Хороши гребэнки!
— «А... почтальон идет... Петровым писем нет?»
— «Корреспонденции одна газета „Свет“».
— «Ну что ж? устроила?» — «Спалила под плитою».
— «Неосмотрительность какая!.. Перед тою?
А я тут так решил: сперва соображу,
И уж потом тебе все факты изложу...
Еще чего у нас законопатить нет ли?»
— «Я всё сожгла».— Вздохнув, считает молча петли...
— «Не замечала ты: сегодня мимо нас
Какой-то господин проходит третий раз?»
— «Да мало ль ходит их...»
— «Но этот ищет, рыщет,
И по глазам заметно, что он сыщик!..»
— «Чего ж у нас искать-то? Боже мой!»
— «А Вася-то зачем не сыщется домой?»
— «Там к барину пришел за пачпортами дворник».
— «Ко мне пришел?.. А день какой?»
— «Авторник».
— «Не выйдешь ли к нему, мой друг? Я нездоров».
...Ландышов, свежих ландышов!
— «Ну что? Как с дворником? Ему бы хоть
прибавить!»
— «Вот вздор какой. За что же?»
...Бритвы праветь...
— «Присядь же ты спокойно! Кись-кись-кись...»

— «Ах, право, шел бы ты по воздуху пройтись!
Иль ты вообразил, что мне так сладко маяться...»
    Яица свежие, яица!
Яичек свеженьких?..
                    Но вылилась и злоба...
Расселись по углам и плачут оба...
Как эта улица пыльна, раскалена!
Что за печальная, о господи, сосна!

12 июля 1909
Царское Село

149. ВЕСЕННИЙ РОМАНС

Еще не царствует река,
Но синий лед она уж топит;
Еще не тают облака,
Но снежный кубок солнцем допит.

Через притворенную дверь
Ты сердце шелестом тревожишь...
Еще не любишь ты, но верь:
Не полюбить уже не можешь...

150. ОСЕННИЙ РОМАНС

Гляжу на тебя равнодушно,
А в сердце тоски ие уйму...
Сегодня томнтельно-душно,
Но солнце таится в дыму.

Я знаю, что сон я лелею,
Но верен хоть снам я,— а ты?..
Ненужною жертвой в аллею
Падут, умирая, листы...

Судьба нас сводила слепая:
Бог знает, мы свидимся ль *там*...
Но знаешь?.. Не смейся, ступая
Весною по мертвым листам!

1903

151. СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

3 апреля 1909
Ц⟨арское⟩ С⟨ело⟩

152. МИРАЖИ

То полудня пламень синий,
То рассвета пламень алый,
Я ль устал от четких линий,
Солнце ль самое устало —

Но чрез полог темнолистый
Я дождусь другого солнца
Цвета мальвы золотистой
Или розы и червонца.

Будет взорам так приятно
Утопать в сетях зеленых,
А потом на темных кленах
Зажигать цветные пятна.

Пусть миражного круженья
Через миг погаснут светы...
Пусть я — радость отраженья,
Но не то ль и вы, поэты?

153. ГАРМОНИЯ

В тумане волн и брызги серебра,
И стертые эмалевые краски...
Я так люблю осенние утра
За нежную невозвратимость ласки!

И пену я люблю на берегу,
Когда она белеет беспокойно...

Я жадно здесь, покуда небо знойно,
Остаток дней туманных берегу.

А где-то там мятутся средь огня
Такие ж *я,* без счета и названья,
И чье-то молодое за меня
Кончается в тоске существованье.

154. ВТОРОЙ МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

Вихри мутного ненастья
Тайну белую хранят...
Колокольчики запястья
То умолкнут, то звенят.

Ужас краденого счастья —
Губ холодных мед и яд
Жадно пью я, весь объят
Лихорадкой сладострастья.

Этот сон, седая мгла,
Ты одна создать могла,
Снега скрип, мельканье тени,

На стекле узор курений,
И созвучье из тепла
Губ, и меха, и сиреней.

155. БАБОЧКА ГАЗА

Скажите, что сталось со мной?
Что сердце так жарко забилось?
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?

В нем сила иль мука моя,
В волненьи не чувствую сразу:
С мерцающих строк бытия
Ловлю я забытую фразу...

Фонарь свой не водит ли тать
По скопищу литер унылых?
Мне фразы нельзя не читать,
Но к ней я вернуться не в силах..

Не вспыхнуть ей было невмочь,
Но мрак она только тревожит:
Так бабочка газа всю ночь
Дрожит, а сорваться не может...

156. ПРЕРЫВИСТЫЕ СТРОКИ

Этого быть не может,
    Это — подлог,
День так тянулся и дожит,
    Иль, не дожив, изнемог?..
    Этого быть не может...
С самых тех пор
В горле какой-то комок...
        Вздор...
Этого быть не может...
    Это — подлог...
Ну-с, проводил на поезд,
    Вернулся, и solo [1], да!
Здесь был ее кольчатый пояс,
    Брошка лежала — звезда,
Вечно открытая сумочка
    Без замка,
И, так бесконечно мягка,
В прошивках красная думочка...
. . . .
    Зал...
Я нежное что-то сказал,
    Стали прощаться,
Возле часов у стенки...
Губы не смели разжаться,
    Склеены...
Оба мы были рассеянны,
Оба такие холодные
    Мы...
Пальцы ее в черной митенке
    Тоже холодные...
«Ну, прощай до зимы,
Только не той, и не другой,
И не еще — после другой...
    Я ж, дорогой,
    Ведь не свободная...»

---

[1] Один (ит.).— *Ред.*

— «Знаю, что ты — в застенке...»
    После она
Плакала тихо у стенки
И стала бумажно-бледна...
Кончить бы злую игру...
    Что ж бы еще?
Губы хотели любить горячо,
    А на ветру
Лишь улыбались тоскливо...
Что-то в них было застыло,
    Даже мертво...
Господи, я и не знал, до чего
    Она некрасива...
Ну, слава богу, пускают садиться...
Мокрым платком осушая лицо,
Мне отдала она это кольцо...
Слиплись еще раз холодные лица,
    Как в забытьи,—
        И
    Поезд еще стоял —
        Я убежал...
    Но этого быть не может,
        Это — подлог...
День или год, и уж дожит,
Иль, не дожив, изнемог...
        Этого быть не может...

Июнь 1909
Царское Село

157. CANZONE [1]

Если б вдруг ожила небылица,
На окно я поставлю свечу,
Приходи... Мы не будем делиться,
Всё отдать тебе счастье хочу!

Ты придешь и на голос печали,
Потому что светла и нежна,
Потому что тебя обещали
Мне когда-то сирень и луна.

Но... бывают такие минуты,
Когда страшно и пусто в груди...

[1] Песня (ит.).— *Ред.*

Я тяжел — и немой и согнутый...
Я хочу быть один... уходи!

158. ДЫМЫ

В белом поле был пепельный бал,
Тени были там нежно-желанны,
Упоительный танец сливал,
И клубил, и дымил их воланы.

Чередой, застилая мне даль,
Проносились плясуньи мятежной,
И была вековая печаль
В нежном танце без музыки нежной.

А внизу содроганье и стук
Говорили, что ужас не прожит;
Громыхая цепями, Недуг
Там сковал бы воздушных — не может

И была ль так постыла им степь,
Или мука капризно-желанна,—
То и дело железную цепь
Задевала оборка волана

159. ДЕТИ

Вы за мною? Я готов.
Нагрешили, так ответим.
Нам — острог, но им — цветов...
Солнца, люди, нашим детям!

В детстве тоньше жизни нить,
Дни короче в эту пору...
Не спешите их бранить,
Но балуйте... без зазору.

Вы несчастны, если вам
Непонятен детский лепет,
Вызвать шепот — это срам,
Горший — в детях вызвать трепет.

Но безвинных детских слез
Не омыть и покаяньем,
Потому что в них Христос,
Весь, со всем своим сияньем.

Ну, а те, что терпят боль,
У кого как нитки руки...
Люди! Братья! Не за то ль
И покой наш только в муке...

160. ⟨МОЯ ТОСКА⟩

⟨М. А. Кузмину⟩

Пусть травы сменятся над капищем волненья,
И восковой в гробу забудется рука,
Мне кажется, меж вас одно недоуменье
Всё будет жить мое, одна моя Тоска...

Нет, не о тех, увы! кому столь недостойно,
Ревниво, бережно и страстно был я мил...
О, сила любящих и в муке так спокойна,
У женской нежности завидно много сил.

Да и при чем бы здесь недоуменья были —
Любовь ведь светлая, она кристалл, эфир...
Моя ж безлюбая — дрожит, как лошадь в мыле!
Ей — пир отравленный, мошеннический пир!

В венке из тронутых, из вянущих азалий
Собралась петь она... Не смолк и первый стих,
Как маленьких детей у ней перевязали,
Сломали руки им и ослепили их.

Она бесполая, у ней для всех улыбки,
Она притворщица, у ней порочный вкус —
Качает целый день она пустые зыбки,
И образок в углу — сладчайший Иисус...

Я выдумал ее — и всё ж она виденье,
Я не люблю ее — и мне она близка,
Недоумелая, мое недоуменье,
Всегда веселая, она моя тоска.

12 ноября 1909
Царское Село

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

161. ИЗ ПОЭМЫ «MATER DOLOROSA»[1]

Как я любил от городского шума
Укрыться в сад, и шелесту берез
Внимать, в запущенной аллее сидя...
Да жалкую шарманки отдаленной
Мелодию ловить. Ее дрожащий
Сродни закату голос: о цветах
Он говорит увядших и обманах.
Пронзая воздух парный, пролетит
С минутным шумом по ветвям ворона,
Да где-то там далеко прокричит
Петух, на запад солнце провожая,
И снова смолкнет всё,— душа полна
Какой-то безотчетно-грустной думы,
Кого-то ждешь, в какой-то край летишь,
Мечте безвестный, горячо так любишь
Кого-то... чьих-то ждешь задумчивых речей
И нежной ласки, и в вечерних тéнях
Чего-то сердцем ищешь... И с тем сном
Расстаться и не может и не хочет
Душа... Сидишь забытый и один,
И над тобой поникнет ночь ветвями...
О, майская, томительная ночь,
Ты севера дитя, его поэтов
Любимый сон... Кто может спать, скажи,
Кого постель горячая не душит,
Когда, как грезу нежную, опустишь
Ты на сады и волны золотые
Прозрачную завесу, и за ней,
Прерывисто дыша, умолкнет город —
И тоже спать не может, и влюбленный
С мольбой тебе, задумчивой, глядит
В глаза своими тысячами окон...

1874

---

[1] Мать скорбящая (лат.).— *Ред.*

Из поэмы «Mater dolorosa»

Пока я [illegible] от городского шума
Укрылась в саду и к [illegible] берегу
Внимала в [illegible] [illegible] [illegible].
Их грустно шарманки отдаленной
Мелодию слабую. Все [illegible]
Средь ~~разных звуков и [illegible]~~ [illegible]
~~[illegible]~~ От [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]:
Прошла вдруг черной [illegible]
С [illegible] шумная [illegible] [illegible],
Да где-то там далеко [illegible],
Потухло на западе солнце [illegible]
И снова [illegible] все, — душа полна
Какой-то безотчетной грустной думы
Кого-то узнаю, в каком-то уголке,
Мечты безумной, горько там любимы
Кого-то... чьим-то [illegible] [illegible] [illegible]
И старый мир, и в [illegible] [illegible]
~~Какой-то вдруг [illegible] [illegible]~~ Чего-то [illegible] и [illegible]... И с этим всем
Расставаясь и не [illegible] и не [illegible]
Душа, [illegible] [illegible] и [illegible],
И под тобой [illegible] [illegible] [illegible]...
Опасаясь, [illegible] [illegible]
Ты [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
Любимый сон... Кто [illegible] [illegible], [illegible].
Кого [illegible] [illegible] [illegible] [illegible],

162. NOTTURNO[1]

(Другу моему С. К. Буличу)

Темную выбери ночь и в поле, безлюдном и голом,
В сумрак седой окунись... пусть ветер, провеяв, утихнет,
Пусть в небе холодном звезды, мигая,
задремлют...
Сердцу скажи, чтоб ударов оно не считало...
Шаг задержи и прислушайся! Ты не один... Точно
крылья
Птицы, намокшие тяжко, плывут средь тумана.
Слушай... это летит хищная, властная птица,
Время ту птицу зовут, и на крыльях у ней твоя
сила,
Радости сон мимолетный, надежд золотые лохмотья...

26 февраля 1890

163

(Музыка отдаленной шарманки)

Посвящено Е. М. Мухиной

Падает снег,
Мутный и белый и долгий,
Падает снег,
Заметая дороги,
Засыпая могилы,
Падает снег...
Белые влажные звезды!
Я так люблю вас,
Тихие гостьи оврагов!
Холод и нега забвенья
Сердцу так сладки...
О, белые звезды... Зачем же,
Ветер, зачем ты свеваешь,
Жгучий мучительный ветер,
С думы и черной и тяжкой,
Точно могильная насыпь,
Белые блестки мечты?..
В поле зачем их уносишь?

---

[1] Ночное (ит.).— *Ред.*

Если б заснуть,
Но не навеки,
Если б заснуть
Так, чтобы после проснуться,
Только под небом лазурным...
Новым, счастливым, любимым...

26 ноября 1900

164

Для чего, когда сны изменили,
Так полны обольщений слова?
Для чего на забытой могиле
Зеленей и шумнее трава?

Для чего эти лунные выси,
Если сад мой и темен и нем?..
Завитки ее кос развилися,
Я дыханье их слышу... зачем?

1902

165. КЭК-УОК НА ЦИМБАЛАХ

Молоточков лапки цепки,
Да гвоздочков шапки крепки,
Что не раз их,
Пустоплясых,
Там позастревало.

Молоточки топотали,
Мимо точки попадали,
Что ни мах,
На струнах
Как и не бывало.

Пали звоны топотом, топотом,
Стали звоны ропотом, ропотом,
То сзываясь,
То срываясь,
То дробя кристалл.

В струнах, полных холода, холода,
Пели волны молодо, молодо,
И буруном
Гул по струнам
Следом пролетал.

С звуками кэк-уока,
Ожидая мокка,
Во мгновенье ока
Что мы не съедим...
И Махмет-Мамаям,
Ни зимой, ни маем
Нами не внимаем,
Он необходим.

Молоточков цепки лапки,
Да гвоздочков крепки шапки,
Что не раз их,
Пустоплясых,
Там позастревало.

Молоточки налетают,
Мало в точки попадают,
Мах да мах,
Жизни... ах,
Как и не бывало.

⟨Осень 1904⟩

166. НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ

Бледнеет даль. Уж вот он — день разлуки,
Я звал его, а сердцу всё грустней...
Что видел здесь я, кроме зла и муки,
Но всё простил я тихости теней.

Всё небесам в холодном их разливе,
Лазури их прозрачной, как недуг,
И той меж ив седой и чахлой иве —
Товарищам непоправимых мук.

И грустно мне, не потому, что беден
Наш пыльный сад, что выжжены листы,
Что вечер здесь так утомленно бледен,
Так мертвы безуханные цветы,

А потому, что море плещет с шумом,
И синевой бездонны небеса,
Что будет *там* моим закатным думам
Невмоготу их властная краса...

⟨1904⟩

167. ЧЕРНОЕ МОРЕ

Простимся, море... В путь пора.
И ты не то уж: всё короче
Твои жемчужные утра,
Длинней тоскующие ночи,

Всё дольше тает твой туман,
Где всё белей и выше гребни,
Но далей красочный обман
Не будет, он уж был волшебней.

И тщетно вихри по тебе
Роятся с яростью звериной,
Всё безучастней к их борьбе
Твои тяжелые глубины.

Тоска ли там или любовь,
Но бурям чуждые безмолвны,
И к нам из емких берегов
Уйти твои не властны волны.

Суровым отблеском ножа
Сверкнешь ли, пеной обдавая,—
Нет! Ты не символ мятежа,
Ты — Смерти чаша пировая.

⟨1904⟩

168. СОЛНЕЧНЫЙ СОНЕТ

Под стоны тяжкие метели
Я думал — ночи нет конца:
Таких порывов не терпели
Наш дуб и тополь месяца.

Но солнце брызнуло с постели
Снопом огня и багреца,
И вмиг у моря просветлели
Морщины древнего лица...

И пусть, как ночью, ветер рыщет,
И так же рвет, и так же свищет —
Уж он не в гневе божество.

Кошмары ночи так далёки,
Что пыльный хищник на припеке —
Шалун — и больше ничего.

⟨1904⟩

169

В ароматном краю в этот день голубой
Песня близко: и дразнит, и вьется;
Но о том не спою, что́ мне шепчет прибой,
Что́ вокруг и цветет, и смеется.

Я не трону весны — я цветы берегу,
Мотылькам сберегаю их пыль я,
Миг покоя волны на морском берегу
И ладьям их далекие крылья.

А еще потому, что в сияньи сильней
И люблю я сильнее в разлуке
Полусвет-полутьму наших северных дней,
Недосказанность песни и муки...

⟨1904⟩

170. БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Волны тяжки и свинцовы,
Кажет темным белый камень,
И кует земле оковы
Позабытый небом пламень.

Облака повисли с высей,
Помутнелы — ослабелы,
Точно кисти в кипарисе
Над могилой сизо-белы.

Воздух мягкий, но без силы,
Ели, мшистые каменья...
Это — братские могилы,
И полней уж нет забвенья.

1904
Севастополь

171. СИРЕНЬ НА КАМНЕ

Клубятся тучи сизоцветно.
Мой путь далек, мой путь уныл.
А даль так мутно-безответна
Из края серого могил.

Вот кем-то врезан крест замшенный
В плите надгробной, и, как тень,
Сквозь камень, Лазарь воскрешенный,
Пробилась чахлая сирень.

Листы пожёлкли, обгорели...
То гнет ли неба, камня ль гнет,—
Но говорят, что и в апреле
Сирень могилы не цветет.

Да и зачем? Цветы так зыбки,
Так нежны в холоде плиты,
И лег бы тенью свет улыбки
На изможденные черты.

А в стражах бледного Эреба
Окаменело столько мук...
Роса, и та для них недуг,
И смерть их — голубое небо.

Уж вечер близко. И пути
Передо мной еще так много,
Но просто силы нет сойти
С завороженного порога.

И жизни ль дерзостный побег,
Плита ль пробитая жалка мне,—
Дрожат листы кустов-калек,
Темнее крест на старом камне.

⟨1904⟩

172. ОПЯТЬ В ДОРОГЕ

Луну сегодня выси
Упрятали в туман...
Поди-ка, подивися,
Как щит ее медян.

И поневоле сердцу
Так жутко моему...
Эх, распахнуть бы дверцу
Да в лунную тюрьму!

К тюрьме той посплывались
Не тучи — острова,
И все оторочались
В златые кружева.

Лишь дымы без отрады
И устали бегут:
Они проезжим рады,
Отсталых стерегут,

Где тени стали ложны
По вымершим лесам...
Была ль то ночь тревожна
Иль я — не знаю сам...

Раздышки всё короче,
Ухабы тяжелы...
А в дыме зимней ночи
Слилися все углы...

По ведьминой рубахе
Тоскливо бродит тень,
И нарастают страхи,
Как тучи в жаркий день.

Кибитка всё кривее...
Что ж это там растет?
«Эй, дядя, поживее!»
— «Да человек идет...

Без шапки, без лаптишек,
Лицо-то в кулачок,
А будто из парнишек...»
— «Что это — дурачок?»

— «Так точно, он — дурашный...
Куда ведь забрался,
Такой у нас бесстрашный
Он, барин, задался.

Здоров ходить. Морозы,
А нипочем ему...»
И стыдно стало грезы
Тут сердцу моему.

Так стыдно стало страху
От скраденной луны,
Что ведьмину рубаху
Убрали с пелены...

Куда ушла усталость,
И робость, и тоска...
Была ли это жалость
К судьбишке дурака,—

Как знать?.. Луна высоко
Взошла — так хороша,
Была не одинока
Теперь моя душа...

30 марта 1906
Вологодский поезд

173. ЕЛЬ МОЯ, ЕЛИНКА

Вот она — долинка,
Глуше нет угла,—
Ель моя, елинка!
Долго ж ты жила...
Долго ж ты тянулась
К своему оконцу,
Чтоб поближе к солнцу.
Если б ты видала,
Ель моя, елинка,
Старая старинка,
Если б ты видала
В ясные зерка́ла,
Чем ты только стала!
На твою унылость
Глядя, мне взгрустнулось...

Как ты вся согнулась,
Как ты обносилась.
И куда ж ты тянешь
Сломанные ветки:
Краше ведь не станешь
Молодой соседки.
Старость не пушинка,
Ель моя, елинка...
Бедная... Подруга!
Пусть им солнце с юга,
Молодым побегам...
Нам с тобой, елинка,
Забытье под снегом.
Лучше забытья мы
Не найдем удела,
Буры стали ямы,
Белы стали ямы,
Нам-то что за дело?
Жить-то, жить-то будем
На завидки людям,
И не надо свадьбы.
Только — не желать бы,
Да еще — не помнить,
Да еще — не думать.

30 марта 1906
Вологодский поезд

174. ПРОСВЕТ

Ни зноя, ни гама, ни плеска,
Но роща свежа и темна,
От жидкого майского блеска
Всё утро таится она...

Не знаю, о чем так унылы,
Клубяся, мне дымы твердят,
И день ли то пробует силы,
Иль это уж тихий закат,

Где грезы несбыточно-дальней
Сквозь дымы златятся следы?..
Как странно... Просвет... а печальней
Сплошной и туманной гряды.

Под вечер 17 мая ⟨*1906*⟩
Вологодский поезд

175

Le silence est l'âme des choses.

Rollinat [1]

Ноша жизни светла и легка мне,
И тебя я смущаю невольно;
Не за бога в раздумье на камне,
Мне за камень, им найденный, больно.

Я жалею, что даром поблекла
Позабытая в книге фиалка,
Мне тумана, покрывшего стекла
И слезами разнятого, жалко.

И не горе безумной, а ива
Пробуждает на сердце унылость,
Потому что она, терпеливо
Это горе качая... сломилась.

Ночь на 26 ноября 1906

176. ЛИРА ЧАСОВ

Часы не свершили урока,
А маятник точно уснул,
Тогда распахнул я широко
Футляр их — и лиру качнул.

И, грубо лишенная мира,
Которого столько ждала,
Опять по тюрьме своей лира,
Дрожа и шатаясь, пошла.

Но вот уже ходит ровнее,
Вот найден и прежний размах.
. . . .
О сердце! Когда, леденея,
Ты смертный почувствуешь страх,

Найдется ль рука, чтобы лиру
В тебе так же тихо качнуть,
И миру, желанному миру,
Тебя, мое сердце, вернуть?..

7 января 1907
Царское Село

---

[1] Безмолвие — душа вещей. *Роллина* (фр.).— *Ред.*

177. EGO[1]

Я — слабый сын больного поколенья
И не пойду искать альпийских роз,
Ни ропот волн, ни рокот ранних гроз
Мне не дадут отрадного волненья.

Но милы мне на розовом стекле
Алмазные и плачущие горы,
Букеты роз увядших на столе
И пламени вечернего узоры.

Когда же сном объята голова,
Читаю грез я повесть небылую,
Сгоревших книг забытые слова
В туманном сне я трепетно целую.

178

Когда, влача с тобой банальный разговор
Иль на прощание твою сжимая руку,
Он бросит на тебя порою беглый взор,
Ты в нем умеешь ли читать любовь и муку?

Иль грустной повести неясные черты
Не тронут никогда девической мечты?..
Иль, может быть, секрет тебе давно знаком
И ты за ним не раз следила уж тайком...

И он смешил тебя, как старый, робкий заяц,
Иль хуже... жалок был — тургеневский малаец
С его отрезанным для службы языком.

179. ЕЩЕ ЛИЛИИ

Когда под черными крылами
Склонюсь усталой головой
И молча смерть погасит пламя
В моей лампаде золотой...

---

[1] Я (лат.).— *Ред.*

Коль, улыбаясь жизни новой,
И из земного жития
Душа, порвавшая оковы,
Уносит атом бытия,—

Я не возьму воспоминаний,
Утех любви пережитых,
Ни глаз жены, ни сказок няни,
Ни снов поэзии златых,

Цветов мечты моей мятежной
Забыв минутную красу,
Одной лилеи белоснежной
Я в лучший мир перенесу
И аромат и абрис нежный.

180

— Сила господняя с нами,
Снами измучен я, снами...

Хуже томительной боли,
Хуже, чем белые ночи,
Кожу они искололи,
Кости мои измололи,
Выжгли без пламени очи...

— Что же ты видишь, скажи мне,
Ночью холодною зимней?
Может быть, сердце врачуя,
Муки твои облегчу я,
Телу найду врачеванье.

— Сила господняя с нами,
Снами измучен я, снами...
Ночью их сердце почуя
Шепчет порой и названье,
Да повторять не хочу я...

181. ПЕЧАЛЬНАЯ СТРАНА

Печален из меди
Наш символ венчальный,
У нас и комедий
Финалы печальны...
Веселых соседей
У нас инфернальны
Косматые шубы...
И только... *банальны*
Косматых медведей
От трепетных снедей
Кровавые губы.

182. С КРОВАТИ

(Моей garde-malade [1]*)*

Просвет зелено-золотистый
С кусочком голубых небес —
Весь полный утра, весь душистый,
Мой сад — с подушки — точно лес.

И ароматы... и движенье,
И шум, и блеск, и красота —
Зеленый бал — воображенья
Едва рожденная мечта...

Я и не знал, что нынче снова
Там, за окном, веселый пир.
Ну, солнце, угощай больного,
Как напоило целый мир.

183. ИЗ ОКНА

За картой карта пали биты,
И сочтены ее часы,
Но, шелком палевым прикрыты,
Еще зовут ее красы...

---

[1] Сиделке (фр.).— *Ред.*

И этот призрак пышноризый
Под солнцем вечно молодым
Глядит на горы глины сизой,
Похожей на застывший дым...

184. ЗИМНИЙ СОН

Вот газеты свежий нумер,
Объявленье в черной раме:
Несомненно, что я умер,
И, увы! не в мелодраме.

Шаг родных так осторожен,
Будто всё еще я болен,
Я ж могу ли быть доволен,
С тюфяка на стол положен?

День и ночь пойдут Давиды,
Да священники в енотах,
Да рыданье панихиды
В позументах и камлотах.

А в лицо мне лить саженным
Копоть велено кандилам,
Да в молчаньи напряженном
Лязгать дьякону кадилом.

Если что-нибудь осталось
От того, что было *мною*,
Этот ужас, эту жалость
Вы обвейте пеленою.

В белом поле до рассвета
Свиток белый схороните...
. . . .
А покуда... удалите
Хоть басов из кабинета.

185. СОН И НЕТ

Нагорев и трепеща,
Сон навеяла свеча...
В гулко-каменных твердынях
Два мне грезились луча,
Два любимых, кротко-синих
Небо видевших луча
В гулко-каменных твердынях.

Просыпаюсь. Ночь черна.
Бред то был или признанье?
Путы жизни, чары сна
Иль безумного желанья
В тихий мир воспоминанья
Забежавшая волна?
Нет ответа. Ночь душна.

186

Не могу понять, не знаю...
Это сон или Верлен?..
Я люблю иль умираю?
Это чары или плен?

Из разбитого фиала
Всюду в мире разлита
Или мýка идеала,
Или мýки красота.

Пусть мечта не угадала,
Та она или не та,
Перед светом идеала,
Пусть мечта не угадала,
Это сон или Верлен?
Это чары или плен?

Но дохнули розы плена
На замолкшие уста,
И под музыку Верлена
Будет петь моя мечта.

187. МОЙ СТИХ

Недоспелым поле сжато;
И холодный сумрак тих...
Не теперь... давно когда-то
Был загадан этот стих...

Не отгадан, только прожит,
Даже, может быть, не раз,
Хочет он, но уж не может
Одолеть дремоту глаз.

Я не знаю, кто он, чей он,
Знаю только, что не мой,—
Ночью был он мне навеян,
Солнцем будет взят домой.

Пусть подразнит — мне не больно:
Я не с ним, я в забытьи...
Мук с меня и тех довольно,
Что, наверно, все — мои...

Видишь — он уж тает, канув
Из серебряных лучей
В зыби млечные туманов...
Не тоскуй: он был — ничей.

188

Развившись, волос поредел,
Когда я молод был,
За стольких жить мой ум хотел,
Что сам я жить забыл.

Любить хотел я, не любя,
Страдать — но в стороне,
И сжег я, молодость, тебя
В безрадостном огне.

Так что ж под зиму, как листы,
Дрожишь, о сердце, ты...
Гляди, как черная груда́
Под саваном тверда.

А он уж в небе ей готов,
Сквозной и пуховой...
На поле белом меж крестов —
Хоть там найду ли свой?..

189. ТОСКА КАНУНА

О, тусклость мертвого заката,
Неслышной жизни маета,
Роса цветов без аромата,
Ночей бессонных духота.

Чего-чего, канун свиданья,
От нас надменно ты не брал,
Томим горячкой ожиданья,
Каких я благ не презирал?

И, изменяя равнодушно
Искусству, долгу, сам себе,
Каких уступок, малодушный,
Не делал, Завтра, я тебе?

А для чего все эти муки
С проклятьем медленных часов?..
Иль в миге встречи нет разлуки,
Иль фальши нет в эмфазе слов?

190. ТОСКА СИНЕВЫ

Что ни день, теплей и краше
Осенен простор эфирный
Осушенной солнцем чашей:
То лазурной, то сафирной.

Синью нежною, как пламя,
Горды солнцевы палаты,
И ревниво клочья ваты
Льнут к сафирам облаками.

Но возьми их, солнце,— душных,
Роскошь ка́мней всё банальней,—
Я хочу высот воздушных,
Но прохладней и кристальней.

Или лучше тучи сизой,
Чутко-зыбкой, точно волны,
Сумнолицей, темноризой,
Слез, как сердце, тяжко полной.

191. ЖЕЛАНЬЕ ЖИТЬ

Сонет

Колокольчика ль гулкие пени,
Дымной тучи ль далекие сны...
Снова снегом заносит ступени,
На стене полоса от луны.

Кто сенинкой играет в тристене,
Кто седою макушкой копны.
Что ни есть беспокойные тени,
Все кладби́щем луне отданы.

Свисту меди послушен дрожащей,
Вижу — куст отделился от чащи
На дорогу меня сторожить...

Следом чаща послала стенанье,
И во всем безнадежность желанья:
«Только б жить, дольше жить, вечно жить...»

192. ДЫМНЫЕ ТУЧИ

Солнца в высях нету.
Дымно там и бледно,
А уж близко где-то
Луч горит победный.

Но без упованья
Тонет взор мой сонный
В трепете сверканья
Капли осужденной.

Этой неге бледной,
Этим робким чарам
Страшен луч победный
Кровью и пожаром.

193. ТОСКА САДА

Зябко пушились листы,
Сад так тоскливо шумел.
— Если б любить я умел
Так же свободно, как ты.

Луч его чащу пробил...
— Солнце, люблю ль я тебя?
Если б тебя я любил
И не томился любя.

Тускло ль в зеленой крови
Пламень желанья зажжен,
Только раздумье и сон
Сердцу отрадней любви.

194. ПОЭЗИЯ

Сонет

Творящий дух и жизни случай
В тебе мучительно слиты,
И меж намеков красоты
Нет утонченней и летучей...

В пустыне мира зыбко-жгучей,
Где мир — мираж, влюбилась ты
В неразрешенность разнозвучий
И в беспокойные цветы.

Неощутима и незрима,
Ты нас томишь, боготворима,
В просветы бледные сквозя,

Так неотвязно, неотдумно,
Что, полюбив тебя, нельзя
Не полюбить тебя безумно.

195. МИГ

Столько хочется сказать,
Столько б сердце услыхало,
Но лучам не пронизать
Частых перьев опахала,—

И от листьев точно сеть
На песке толкутся тени...
Всё,— но только не глядеть
В том, упавший на колени.

Чу... над самой головой
Из листвы вспорхнула птица:
Миг ушел — еще живой,
Но ему уж не светиться.

196. ЗАВЕЩАНИЕ

Вале Хмара-Барщевскому

Где б ты ни стал на корабле,
У мачты иль кормила,
Всегда служи своей земле:
Она тебя вскормила.

Неровен наш и труден путь —
В волнах иль по ухабам —
Будь вынослúв, отважен будь,
Но не кичись над слабым.

Не отступай, коль принял бой,
Платиться — так за дело,—
А если петь — так птицей пой
Свободно, звонко, смело.

197. НА ПОЛОТНЕ

Платки измятые у глаз и губ храня,
Вдова с сиротами в потемках затаилась.
Одна старуха мать у яркого огня:
Должно быть, с кладбища, иззябнув, воротилась.

В лице от холода сквозь тонкие мешки
Смесились сизые и пурпурные краски,
И с анкилозами на пальцах две руки
Безвольно отданы камина жгучей ласке.

Два дня тому назад средь несказанных мук
У сына сердце здесь метаться перестало,
Но мать не плачет — нет, в сведенных кистях рук
Сознанье — надо жить во что бы то ни стало.

198. К ПОРТРЕТУ ДОСТОЕВСКОГО

В нем Совесть сделалась пророком и поэтом,
И Карамазовы и бесы жили в нем,—
Но что для нас теперь сияет мягким светом,
То было для него мучительным огнем.

199. К ПОРТРЕТУ

Тоска глядеть, как сходит глянец с благ,
И знать, что всё ж вконец не опротивят,
Но горе тем, кто слышит, как в словах
Заигранные клавиши фальшивят.

200. МАЙСКАЯ ГРОЗА

Среди полуденной истомы
Покрылась ватой бирюза...
Люблю сквозь первые симптомы
Тебя угадывать, гроза...

На пыльный путь ракиты гнутся,
Стал ярче спешный звон подков,
Нет-нет — и печи распахнутся
Средь потемневших облаков.

А вот и вихрь, и помутненье,
И духота, и сизый пар...
Минута — с неба наводненье,
Еще минута — там пожар.

И из угла моей кибитки
В туманной сетке дождевой
Я вижу только лоск накидки
Да черный шлык над головой.

Но вот уж тучи будто выше,
Пробились жаркие лучи,
И мягко прыгают по крыше
Златые капли, как мячи.

И тех уж нет... В огне лазури
Закинут за спину один,
Воспоминаньем майской бури
Дымится черный виксатин.

Когда бы бури пролетали
И все так быстро и светло...
Но не умчит к лазурной дали
Грозой разбитое крыло.

201. ЛЮБОВЬ К ПРОШЛОМУ

Сыну

Ты любишь прошлое, и я его люблю,
Но любим мы его по-разному с тобою,
Сам бог отвел часы прибою и отбою,
Цветам дал яркий миг и скучный век стеблю.

Ты не придашь мечтой красы воспоминаньям,—
Их надо выстрадать, и дать им отойти,
Чтоб жгли нас издали мучительным сознаньем
Покатой легкости дальнейшего пути.

Не торопись, побудь еще в обманах мая,
Пока дрожащих ног покатость, увлекая,
К скамейке прошлого на отдых не сманит —
Наш юных не берет заржавленный магнит...

202. ЧТО СЧАСТЬЕ?

Что счастье? Чад безумной речи?
Одна минута на пути,
Где с поцелуем жадной встречи
Слилось неслышное *прости?*

Или оно в дожде осеннем?
В возврате дня? В смыканьи вежд?
В благах, которых мы не ценим
За неприглядность их одежд?

Ты говоришь... Вот счастья бьется
К цветку прильнувшее крыло,
Но миг — и ввысь оно взовьется
Невозвратимо и светло.

А сердцу, может быть, милей
Высокомерие сознанья,
Милее мука, если в ней
Есть тонкий яд воспоминанья.

203

Нет, мне не жаль цветка, когда его сорвали,
Чтоб он завял в моем сверкающем бокале.

Сыпучей черноты меж розовых червей,
Откуда вырван он,— что может быть мертвей?

И нежных глаз моих миражною мечтою
Неужто я пятна багрового не стою,

Пятна, горящего в пустыне голубой,
Чтоб каждый чувствовал себя одним собой?

Увы, и та мечта, которая соткала
Томление цветка с сверканием бокала,

Погибнет вместе с ним, припав к его стеблю,
Уж я забыл ее,— другую я люблю...

Кому-то новое готовлю я страданье,
Когда не все мечты лишь скука выжиданья.

204. ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где *вы* и где *мы,*
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале,—
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознанье проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отрава бесплодных хотений.

205. DECRESCENDO[1]

Из тучи с тучей в безумном споре
Родится шквал,—
Под ним зыбучий в пустынном море
Вскипает вал.

Он полон страсти, он мчится гневный,
Грозя брегам.
А вслед из пастей за ним стозевный
И рев и гам...

То, как железный, он канет в бездны
И роет муть,
То, бык могучий, нацелит тучи
Хвостом хлестнуть...

Но ближе... ближе, и вал уж ниже,
Не стало сил,
К ладье воздушной хребет послушный
Он наклонил...

И вот чуть плещет, кружа осадок,
А гнев иссяк...
Песок так мягок, припек так гладок:
Плесни — и ляг!

206. ЗА ОГРАДОЙ

Глубокó ограда врыта,
Тяжкой медью блещет дверь...
— Месяц! месяц! так открыто
Черной тени ты не мерь!
Пусть зарыто,— не забыто...
Никогда или теперь.
Так луною блещет дверь.

Мало ль сыпано отравы?..
Только зори ль здесь кровавы
Или был неистов зной,

[1] Ослабевая (ит.) — музыкальный термин, означающий постепенное убывание звучности.— *Ред.*

Но под лунной пеленой
От росы сомлели травы...
Иль за белою стеной
Страшно травам в час ночной?..

Прыгнет тень и в травы ляжет,
Новый будет ужас нажит...
С ней и месяц заодно ж —
Месяц в травах точит нож.
Месяц видит, месяц скажет:
«Убежишь... да не уйдешь»...
И по травам ходит дрожь.

207

Если больше не плачешь, то слезы сотри:
Зажигаясь, бегут по столбам фонари,
Стали дымы в огнях веселее
И следы золотыми в аллее...
Только веток еще безнадежнее сеть,
Только небу, чернея, над ними висеть...

Если можешь не плакать, то слезы сотри:
Забелелись далеко во мгле фонари.
На лице твоем, ласково-зыбкий,
Белый луч притворился улыбкой...
Лишь теней всё темнее за ним череда,
Только сердцу от дум не уйти никуда.

208

В небе ли меркнет звезда,
Пытка ль земная всё длится;
Я не молюсь никогда,
Я не умею молиться.

Время погасит звезду,
Пытку ж и так одолеем...
Если я в церковь иду,
Там становлюсь с фарисеем.

С ним упадаю я нем,
С ним и воспряну, ликуя...
Только во мне-то зачем
Мытарь мятется, тоскуя?..

209. МЕЛОДИЯ ДЛЯ АРФЫ

Мечту моей тоскующей любви
Твои глаза с моими делят немо...
О белая, о нежная, живи!
Тебя сорвать мне страшно, хризантема.

Но я хочу, чтоб ты была одна,
Чтоб тень твоя с другою не сливалась
И чтоб одна тобою любовалась
В немую ночь холодная луна...

210

Когда б не смерть, а забытье,
Чтоб ни движения, ни звука...
Ведь если вслушаться в нее,
Вся жизнь моя — не жизнь, а мука.

Иль я не с вами таю, дни?
Не вяну с листьями на кленах?
Иль не мои умрут огни
В слезах кристаллов растопленных?

Иль я не весь в безлюдье скал
И черном нищенстве березы?
Не весь в том белом пухе розы,
Что холод утра оковал?

В дождинках этих, что нависли,
Чтоб жемчугами ниспадать?..
А мне, скажите, в муках мысли
Найдется ль сердце сострадать?

211—213. *ПЕСНИ С ДЕКОРАЦИЕЙ*

1

ГАРМОННЫЕ ВЗДОХИ

Фруктовник. Догорающий костер среди туманной ночи под осень. Усохшая яблоня. Оборванец на деревяшке перебирает лады старой гармоники. В шалаше иа соломе разложены яблоки.

Под яблонькой, под вишнею
Всю ночь горят огни,—
Бывало, выпьешь лишнее,
А только ни-ни-ни.

. . . .

Под яблонькой кудрявою
Прощались мы с тобой,—
С японскою державою
Предполагался бой.

С тех пор семь лет я плаваю,
На шапке «Громобой»,—
А вы остались павою,
И хвост у вас трубой...

. . . .

Как получу, мол, пенцию,
В Артуре стану бой,
Не то, так в резиденцию
Закатимся с тобой...

. . . .

Зачем скосили с травушкой
Цветочек голубой?
А ты с худою славушкой
Ушедши за гульбой?

. . . .

Ой, яблонька, ой, грушенька,
Ой, сахарный миндаль,—
Пропала наша душенька,
Да вышла нам медаль!

. . . .

На яблоне, на вишенке
Нет гусени числа...
Ты стала хуже нищенки
И вскоре померла.

Поела вместе с листвием
Та гусень белый цвет...

. . . .

Хоть нам и всё единственно,
Конца японцу нет.

. . . .

Ой, реченька желты-пески,
Куплись в тебе другой...
А мы уж, значит, к выписке...
С простреленной ногой...

. . . .

Под яблонькой, под вишнею
Сиди да волком вой...
И рад бы выпить лишнее,
Да лих карман с дырой.

2

БЕЗ КОНЦА И БЕЗ НАЧАЛА

(Колыбельная)

Изба Тараканы. Ночь. Керосинка чадит. Баба над зыбкой борется со сном.

Баю-баюшки-баю,
Баю деточку мою!

Полюбился нам буркот,
Что буркотик, серый кот...

Как вечор на речку шла,
Ночевать его звала.

«Ходи, Васька, ночевать,
Колыбель со мной качать!»

. . . .

Выйду, стану в ворота,
Встрену серого кота...

Ба-ай, ба-ай, бай-баю,
Баю милую мою...

. . . .

Я для то́го для дружка
Нацедила молока...

. . . .

Кот латушку облизал,
Облизавши, отказал.

. . . .

Отказался напрямик:
(Будешь спать ты, баловник?)

«Вашей службы не берусь:
У меня над губой ус.

Не иначе, как в избе
Тараканов перебей.

Тараканы ваши злы.
Съели в избе вам углы.

Как бы после тех углов
Да не съели мне усов».

. . . .

Баю-баю, баю-бай,
Поскорее засыпай.

. . . .

Я кота за те слова
Коромыслом оплела...

Коромыслом по губы:
«Не порочь моей избы.

Молока было не пить,
Чем так подло поступить?»

. . . .

(Сердито.)

Долго ж эта маета?
Кликну черного кота...

Черный кот-то с печки шасть,—
Он ужо тебе задасть...

Вынимает ребенка из зыбки и закачивает.

(Тише.)

А ты, котик, не блуди,
Приходи к бело́й груди.

(Еще тише.)

Не один ты приходи,
Сон-дрему с собой веди...

(Сладко зевая.)

А я дитю перевью,
А кота за верею.

Пробует положить ребенка. Тот начинает кричать.

(Гневно.)

Расстрели тебя пострел,
Ай ты нынче очумел?

. . . .

Тщетно борется с одолевающим сном.

Баю-баюшки-баю...
Баю-баюшки-баю...

. . . .

3

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Глухая дорога. Колокольчик в зимнюю ночь рассказывает путнику свадебную историю.

Динь-динь-динь,
Дини-дини...
Дидо Ладо, Дидо Ладо,
Лиду диду ладили,
Дида Лиде ладили,
Ладили, не сладили,
Диду надосадили.
День делали,

Да день не делали,
Дела не доделали,
Головы-то целы ли?
Ляду дида надо ли —
Диду баню задали.
Динь-динь-динь, дини-динь...
Колокóлы-балабóлы,
Колоколы-балаболы,
Накололи, намололи,
Дале боле, дале боле...
Накололи, намололи,
Колоколы-балаболы.
Лопотуньи налетали,
Болмоталы навязали,
Лопотали — хлопотали,
Лопотали, болмотали,
Лопоталы поломали.
Динь!
Ты бы, дид, не зéньками,
Ты бы, диду, деньгами...
Дéньгами, деньгами...
Долго ли, не долго ли,
Лиде шубу завели...
Холили — не холили,
Волили — неволили,
Мало ль пили, боле лили,
Дида Ладу золотили.
Дяди ли, не дяди ли,
Ладили — наладили...
Ой, пила, пила, пила,
Диду пива не дала:
Диду Лиду надобе,
Ляду дида надобе.
Ой, динь, динь, динь — дини, динь,
дини, динь,
Деньги дида милые,
А усы-то сивые...
Динь!
День.
Дан вам день...
Долго ли вы там?
Мало было вам?
Вам?

Дам
По губам.
По головам
Дам.
Буби-буби-бубенцы-ли,
Мы ли ныли, вы ли ныли,
Бубенцы ли, бубенцы ли...
День, дома бы день,
День один...
Колоколы-балаболы,
Мало лили, боле пили,
Балаболы потупили...
Бубенцы-бубенчики,
Малые младенчики,
Болмоталы вынимали,
Лопоталы выдавали,
Лопотали, лопотали...
Динь...
Колоколы-балаболы...
Колоколы-балаболы...

30 марта 1906
Вологодский поезд

214. ТРИ СЛОВА

Явиться ль гостем на пиру,
Иль чтобы ждать, когда умру
С крестом купельным, на спине ли,
И во дворце иль на панели...

Сгорать ли мне в ночи немой,
Свечой послушной и прямой,
Иль спешно, бурно, оплывая...
Или как капля дождевая,—

Но чтоб *уйти*, как в лоно вод
В тумане камень упадет,
Себе лишь тягостным паденьем
Туда, на дно, к другим каменьям.

215. ЗИМНИЙ РОМАНС

Застыла тревожная ртуть,
И ветер ночами несносен...
Но, если ты слышал, забудь
Скрипенье надломанных сосен!

На черное глядя стекло,
Один, за свечою угрюмой,
Не думай о том, что прошло;
Совсем, если можешь, не думай!

Зима ведь не сдастся: тверда!
Смириться бы, что ли... Пора же!
Иль лира часов и тогда
Над нами качалась не та же?..

216. БЕССОННЫЕ НОЧИ

Какой кошмар! Всё та же повесть...
И кто, злодей, ее снизал?
Опять там не пускали совесть
На зеркала вощеных зал...

Опять там улыбались язве
И гоготали, славя злость...
Христа не распинали разве,
И то затем, что не пришлось...

Опять там каверзный вопросик
Спускали с плеч, не вороша.
И всё там было — злобность мосек
И пустодушье чинуша.

Но лжи и лести отдал дань я.
Бьет пять часов — пора домой;
И наг, и тесен угол мой...
Но до свиданья, до свиданья!

Так хорошо побыть без слов;
Когда до капли óцет допит...
Цикада жадная часов,
Зачем твой бег меня торопит?

Всё знаю — ты права опять,
Права, без устали токуя...
Но прав и я,— и дай мне спать,
Пока во сне еще не лгу я.

217. ТОСКА МИРАЖА

Погасла последняя краска,
Как шепот в полночной мольбе...
Что надо, безумная сказка,
От этого сердца тебе?

Мои ли без счета и меры
По снегу не тяжки концы?
Мне ль дали пустые не серы?
Не тускло звенят бубенцы?

Но ты-то зачем так глубоко
Двоишься, о сердце мое?
Я знаю — она далеко,
И чувствую близость ее.

Уж вот они, снежные дымы,
С них глаз я свести не могу:
Сейчас разминуться должны мы
На белом, но мертвом снегу.

Сейчас кто-то сани нам сцепит
И снова расцепит без слов.
На миг, но томительный лепет
Сольется для нас бубенцов...

. . . .

Он слился... Но больше друг друга
Мы в тусклую ночь не найдем...
В тоске безысходного круга
Влачусь я постылым путем...

. . . .

Погасла последняя краска,
Как шепот в полночной мольбе...
Что надо, безумная сказка,
От этого сердца тебе?

218. Л. И. МИКУЛИЧ

Там на портретах строги лица,
И тонок там туман седой,
Великолепье небылицы
Там нежно веет резедой.
Там нимфа с таицкой водой,
Водой, которой не разлиться,
Там стала лебедем Фелица
И бронзой Пушкин молодой.

Там воды зыблются светло
И гордо царствуют березы,
Там были розы, были розы,
Пускай в поток их унесло.
Там всё, что навсегда ушло,
Чтоб навевать сиреням грезы.

. . . .

Скажите: «Царское Село» —
И улыбнемся мы сквозь слезы.

219

Я думал, что сердце из камня,
Что пусто оно и мертво:
Пусть в сердце огонь языками
Походит — ему ничего.

И точно: мне было не больно,
А больно, так разве чуть-чуть.
И все-таки лучше довольно,
Задуй, пока можно задуть...

На сердце темно, как в могиле,
Я знал, что пожар я уйму...
Ну вот... и огонь потушили,
А я умираю в дыму.

220. НА ЗАКАТЕ

Посв. Н. П. Бегичевой

Покуда душный день томится, догорая,
Не отрывая глаз от розового края...
Побудь со мной грустна, побудь со мной одна:
Я не допил еще тоски твоей до дна...
Мне надо струн твоих: они дрожат печальней
И слаще, чем листы на той березе дальней...
Чего боишься ты? Я призрак, я ничей...
О, не вноси ко мне пылающих свечей...
Я знаю: бабочки дрожащими крылами
Не в силах потушить мучительное пламя,
И знаю, кем огонь тот траурный раздут,
С которого они сожженные падут...
Мне страшно, что с огнем не спят воспоминанья,
И мертвых бабочек мне страшно трепетанье.

221. МИНУТА

Узорные тени так зыбки,
Горячая пыль так бела,—
Не надо ни слов, ни улыбки:
Останься такой, как была;

Останься неясной, тоскливой,
Осеннего утра бледней
Под этой поникшею ивой,
На сетчатом фоне теней...

Минута — и ветер, метнувшись,
В узорах развеет листы,
Минута — и сердце, проснувшись,
Увидит, что это — не ты...

Побудь же без слов, без улыбки,
Побудь точно призрак, пока
Узорные тени так зыбки
И белая пыль так чутка...

222. АМЕТИСТЫ

Глаза забыли синеву,
Им солнца пыль не золотиста,
Но весь одним я сном живу,
Что между граней аметиста.

Затем, что там пьяней весны
И беспокойней, чем идея,
Огни лиловые должны
Переливаться, холодея.

И сердцу, где лишь стыд да страх,
Нет грезы ласково-обманней,
Чем стать кристаллом при свечах
В лиловом холоде мерцаний.

223

Только мыслей и слов
Постигая красу,—
Жить в сосновом лесу
Между красных стволов.

Быть как он, быть как все:
И любить, и сгорать...
Жить, но в чуткой красе,
Где листам умирать.

224. ОСЕННЯЯ ЭМАЛЬ

Сад туманен. Сад мой донят
Белым холодом низин.
Равнодушно он уронит
Свой венец из георгин.

Сад погиб...
А что мне в этом.
Если в полдень глянешь ты,
Хоть эмалевым приветом
Сквозь последние листы?..

225. СВЕРКАНИЕ

Если любишь — гори!
Забываешь — забудь!
Заметает снегами мой путь.
Буду день до зари
Меж волнистых полян
От сверканий сегодня я пьян.

Сколько есть их по льдам
Там стеклинок — я дам,
Каждой дам я себя опьянить...
Лишь не смолкла бы медь,
Только ей онеметь,
Только меди нельзя не звонить.

Потому что порыв
Там рождает призыв,
Потому что порыв — это ты...
Потому что один
Этих мертвых долин
Я боюсь белоснежной мечты.

226. У СВ. СТЕФАНА

Обряд похоронный там шел,
Там свечи пылали и плыли,
И крался дыханьем фенол
В дыханья левкоев и лилий.

По «первому классу бюро»
Там были и фраки и платья,
Там было само серебро
С патентом — на новом распятьи.

Но крепа, и пальм, и кадил
Я портил, должно быть, декорум,
И агент бюро подходил
В калошах ко мне и с укором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всё это похоже на ложь,—
Так тусклы слова гробовые.
. . . .
Но смотрят загибы калош
С тех пор на меня, как живые.

227. ПОСЛЕДНИЕ СИРЕНИ

Заглох и замер сад. На сердце всё мутней
От живости обид и горечи ошибок...
А ты что сберегла от голубых огней,
И золотистых кос, и розовых улыбок?

Под своды душные за тенью входит тень,
И неизбежней всё толпа их нарастает...
Чу... ветер прошумел — и белая сирень
Над головой твоей, качаясь, облетает.

. . . .

Пусть завтра не сойду я с тинистого дна,
Дождя осеннего тоскливей и туманней,
Сегодня грудь моя желания полна,
Как туча, полная и грома и сверканий.

Но малодушием не заслоняй порыв,
И в этот странный час сольешься ты с поэтом;
Глубины жаркие словам его открыв,
Ты миру явишь их пророческим рассветом.

228. СУМРАЧНЫЕ СЛОВА

За ветхой сторою мы рано затаились,
И полночь нас мечтой немножко подразнила,
Но утру мы глазами повинились,
И утро хмурое простило...

А небо дымное так низко нависало,
Всё мельче сеял дождь, но глуше и туманней,
И чья-то бледная рука уже писала
Святую ложь воспоминаний.

Всё, всё с собой возьмем. Гляди, как стали четки
И путь меж елями, бегущий и тоскливый,
И глянцевитый верх манящей нас пролетки,
И финн измокший, терпеливый.

Но ты, о жаркий луч! Ты опоздал. Ошибкой
Ты заглянул сюда,— иным златися людям!
Лишь сумрачным словам отныне мы улыбкой
Одною улыбаться будем!

229. СТАРЫЕ ЭСТОНКИ

ИЗ СТИХОВ КОШМАРНОЙ СОВЕСТИ

Если ночи тюремны и глухи,
Если сны паутинны и тонки,
Так и знай, что уж близко старухи,
Из-под Ревеля близко эстонки.

Вот вошли,— приседают так строго,
Не уйти мне от долгого плена,
Их одежда темна и убога,
И в котомке у каждой полено.

Знаю, завтра от тягостной жути
Буду сам на себя непохожим...
Сколько раз я просил их: «Забудьте...»
И читал их немое: «Не можем».

Как земля, эти лица не скажут,
Что́ в сердцах похоронено веры...
Не глядят на меня — только вяжут
Свой чулок бесконечный и серый.

Но учтивы — столпились в сторонке...
Да не бойся: присядь на кровати...
Только тут не ошибка ль, эстонки?
Есть куда же меня виноватей.

Но пришли, так давайте калякать,
Не часы ж, не умеем мы тикать.
Может быть, вы хотели б поплакать?
Так тихонько, неслышно... похныкать?

Иль от ветру глаза ваши пухлы,
Точно почки берез на могилах...
Вы молчите, печальные куклы,
Сыновей ваших... я ж не казнил их...

Я, напротив, я очень жалел их,
Прочитав в сердобольных газетах,
Про себя я молился за смелых,
И священник был в ярких глазетах.

Затрясли головами эстонки.
«Ты жалел их... На что ж твоя жалость,
Если пальцы руки твоей тонки,
И ни разу она не сжималась?

Спите крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовней!
Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихий,
В целом мире тебя нет виновней!

Добродетель... Твою добродетель
Мы ослепли вязавши, а вяжем...
Погоди — вот накопится петель,
Так словечко придумаем, скажем...»

. . . .

Сон всегда отпускался мне скупо,
И мои паутины так тонки...
Но как это печально... и глупо...
Неотвязные эти чухонки...

230

Но для меня свершился выдел,
И вот каким его я видел:
Злачено-белый —
прямо с елки —
Был кифарэд он и стрелец.
Звенели стрелы,
как иголки,
Грозой для кукольных сердец...
Дымились букли
из-под митры,

На струнах нежилась рука,
Но уж потухли звоны цитры
Меж пальцев лайковых божка.
Среди миражей не устану
Его искать — он нужен мне,
Тот безустанный мировражий,
Тот смех огня и смех в огне.

231. К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Игра природы в нем видна,
Язык трибуна с сердцем лани,
Воображенье без желаний
И сновидения без сна.

232. К ПОРТРЕТУ А. А. БЛОКА

Под беломраморным обличьем андрогина
Он стал бы радостью, но чьих-то давних грез.
Стихи его горят — на солнце георгина,
Горят, но холодом невыстраданных слез.

233. ПОЭТУ

В раздельной четкости лучей
И в чадной слитности видений
Всегда над нами — власть вещей
С ее триадой измерений.

И грани ль ширишь бытия
Иль формы вымыслом ты множишь,
Но в самом *Я* от глаз *Не Я*
Ты никуда уйти не можешь.

Та власть маяк, зовет она,
В ней сочетались бог и тленность,
И перед нею так бледна
Вещей в искусстве прикровенность.

Нет, не уйти от власти их
За волшебством воздушных пятен,
Не глубиною манит стих,
Он лишь как ребус непонятен.

Красой открытого лица
Влекла Орфея пиерида.
Ужель достойны вы певца,
Покровы кукольной Изиды?

Люби раздельность и лучи
В рожденном ими аромате.
Ты чаши яркие точи
Для целокупных восприятий.

НАДПИСИ НА КНИГАХ, ПАРОДИИ И ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

234. ⟨НАДПИСЬ НА «СОЧИНЕНИЯХ» ОСТРОВСКОГО⟩

⟨А. А. Мухину⟩

Не самодуров и не тлю
Москвы мильонно-колокольной,
Я горький смех его люблю
И крик отчаянья ⟨невольный⟩.

1902

235—236. ⟨*НАДПИСИ НА КНИГЕ «ТИХИЕ ПЕСНИ»*⟩

1

К. Д. Бальмонту

Тому, кто зиждет архитрав
Над гулкой залой новой речи,
Поэту «Придорожных трав».
Никто — взамен банальной встречи.

⟨1904⟩

2

⟨Е М. Мухиной⟩

И от песни, что сердце лелеет,
Зной печали слезой освежая,
Сладкозвучная тень уцелеет,—
Но для мира чужая.

1904?

237. ⟨НАДПИСЬ НА «КНИГЕ ОТРАЖЕНИЙ»⟩

Н. С. Гумилеву

Меж нами сумрак жизни длинной,
Но этот сумрак не корю,
И мой закат холодно-дынный
С отрадой смотрит на зарю.

1906

238—239. *МИФОТВОРЦУ—НА БАШНЮ*

(Два мифотворения)

1

Где розовела полоса,
Одни белесые отсветы...
Бегут на башню голоса,
Но, ослабев, чуть шепчут: «Где ты?»

А там другой Жилец уж — сед
И слеп с побрызгов белой краски,
И смотрят только губы маски
Из распахнувшихся газет.

Июнь 1909

2

Седой!.. Пора... Седому — мат...
Июль углей насыпал в яме,
И ночью, черен и лохмат,
Вздувает голубое пламя...

Где розовела полоса,
Там знойный день в асфальте пытан.
Бегут на башню голоса...
А сверху шепот: «Тише — спит Он».

Июль 1909
Царское Село

240. ИЗ УЧАСТКОВЫХ МОНОЛОГОВ

Сонет

*ПЕ*ро нашло мозоль... К покою нет возврата:
*ТРУ*дись, как А-малю, ломая А-кростих,
«*ПО ТЕМ*ным вышкам»... Вон! «По темпу пиччикато»...
*КИ*даю мутный взор, как припертый жених...

НУ что же, что в окно? Свобода краше злата.
*НА*чало есть... Ура!.. Курнуть бы... Чирк — и пых!
«*ПА*рнас. Шато»? Зайдем! Пст... кельнер! Отбивных
*МЯ*систей, и флакон!.. Вальдшлесхен? В честь
соб-брата!

*ТЬ*фу... Вот не ожидал, как я... чертовски — ввысь
*К НИ*зинам невзначай отсюда разлетись
*ГА*зелью легкою... И где ты, прах поэта!!.

Эге... Уж в ялике... Крестовский? О це бис...
*ТА*бань, табань, не спи!
О «Поплавке» сонета
. . . .

⟨ПЕТРУ ПОТЕМКИНУ НА ПАМЯТЬ КНИГА ЭТА⟩

1909

241

Ни яркий май, ни лира Фруга,
Любви послушная игла
На тонкой ткани в час досуга
Вам эту розу родила.
Когда б из кружевного [1] круга
Судьба ей вырваться дала,
Она б едва ли предпочла
Сиянье неба, зелень луга
Приюту Вашего стола.

---

[1] или плюшевого.

242. ИЗ БАЛЬМОНТА

Крадущий у крадущего
не подлежит осуждению.

Из Талмуда

О, белый Валаам,
Воспетый Скорпионом
С кремлевских колоколен,
О, тайна Далай-Лам,
Зачем я здесь, не там,
И так наалкоголен,
Что даже плыть неволен
По бешеным валам,
О, белый Валаам,
К твоим грибам сушеным,
Зарям багряно-алым,
К твоим как бы лишенным
Как бы хвостов шакалам,
К шакалам над обвалом,
Козою сокрушенным
Иль Бальмонта кинжалом,
Кинжалом не лежалым,
Что машет здесь и там,
Всегда с одним азартом
По безднам и хвостам,
Химерам и Астартам,
Туда, меж колоколен,
Где был Валерий болен,
Но так козой доволен
Над розовым затоном,
Что впился скорпионом
В нее он здесь и там.
О, бедный Роденбах,
О, бедный Роденбах,
Один ты на бобах...

243. В МОРЕ ЛЮБВИ

Сонет

Моя душа оазис голубой.

Бальмонт

Моя душа эбеновый гобой,
И пусть я ниц упал перед кумиром,
С тобой, дитя, как с медною трубой,
Мы всё ж, пойми, разъяты целым миром

О, будем же скорей одним вампиром,
Ты мною будь, я сделаюсь тобой,
Чтоб демонов у Яра тешить пиром,
Будь ложкой мне, а я тебе губой...

Пусть демоны измаялись в холере,
Твоя коза с тобою, мой Валерий,
А Пантеон открыл над нами зонт,

Душистый зонт из шапок волькамерий.
Постой... Но ложь — гобой, и призрак —
горизонт
Нет ничего нигде — один Бальмонт.

244. ⟨В. В. УМАНОВУ-КАПЛУНОВСКОМУ⟩

⟨В альбом автографов⟩

Как в автобу́се,
В альбоме этом
Сидеть поэтом
В новейшем вкусе
Меж господами
И боком к даме,
Немного тесно,
Зато чудесно...
К тому же лестно
Свершать свой ход
Меж великанов,
Так гордо канув
Забвенью в рот.

245

Скучно мне сидеть в мурье,
И, как конь голодный к сену,
Я тянусь туда, на Сену,
Я тянусь к Léon Vannier.[1]

---

[1] Пояснение см. в примечаниях.— *Ред.*

246. ⟨К ПОРТРЕТУ АННЕНСКОГО РАБОТЫ КУРБАТОВА⟩

Мундирный фрак и лавр артиста
Внести хотел он в свой девиз,
И в наказанье он повис
Немою жертвой трубочиста.

247. МЫСЛИ — ИГЛЫ

Je suis le roi d'une ténèbreuse vallée.

Stuart Merrill [1]

Я — чахлая ель, я — печальная ель северного бора. Я стою среди свежего поруба и еще живу, хотя вокруг зеленые побеги уже заслоняют от меня раннюю зорю.

С болью и мукой срываются с моих веток иглы. Эти иглы — мои мысли. И когда закат бывает тих и розов и ветер не треплет моих веток,— мои ветки грезят.

И снится мне, что когда-нибудь здесь же вырастет другое дерево, высокое и гордое. Это будет поэт, и он даст людям все счастье, которое только могут вместить их сердца. Он даст им красоту оттенков и свежий шум молодой жизни, которая еще не видит оттенков, а только цвета.

О, гордое дерево, о брат мой, ты, которого еще нет с нами. Что за дело будет тебе до мертвых игол в создавшем тебя перегное!..

И узнаешь ли ты, что среди них были и мои, те самые, с которыми уходит теперь последняя кровь моего сердца, чтобы они создавали тебя, Неизвестный...

Падайте же на всеприемлющее черное лоно вы, мысли, ненужные людям!

Падайте, потому что и вы были иногда прекрасны, хотя бы тем, что никого не радовали...

30 марта 1906
Вологодский поезд

[1] Я король сумрачной долины. *Стюарт Меррилль* (фр.).— *Ред.*

248. ANDANTE

Июльский день прошел капризно, ветреный и облачный: то и дело, из тучи ли, или с деревьев,— срываясь разлетались щекочущие брызги, и редко-редко небо пронизывало их стальными лучами. Других у него и не было, и только листва всё косматилась, взметая матовую изнанку своей гущи. Слава богу, это прожито. Уже давно вечер. Там, наверху, не осталось ни облачка, ни полоски, ни точки даже... Теперь оттуда, чистое и пустынное, смотрит на нас небо, и взгляд ⟨у⟩ него белесоватый, как у слепого. Я не вижу дороги, но наверное она черная и мягкая: рессоры подрагивают, копыта слабо-слабо звенят и хлюпают. Туман ползет и стелется отовсюду, но тонкий и еще не похолодевший. Дорога пошла моло́жами. Кусты то обступают нас так тесно, что черные рипиды их оставляют влажный след на наших холодных лицах, то, наоборот, разбегутся... и минутами мне кажется, что это уже не кусты, а те воздушные пятна, которые днем бродили по небу; только теперь, перемежаясь с туманом, они тревожат сердце каким-то смутным, не то упреком, не то воспоминанием... И странно,— как сближает нас со всем тем, что н е - м ы, эта туманная ночь, и как в то же время чуждо друг другу звучат наши голоса, уходя, каждый за своей душою, в жуткую зыбкость ночи...

Брось вожжи и дай мне руку. Пусть отдохнет и наш старый конь...

Вот ушли куда-то и последние кусты. Там, далеко внизу, то сверкнет, то погаснет холодная полоса реки, а возле маячит слабый огонек парома... Не говори! Слушай тишину, слушай, как стучит твое сердце!.. Возьми даже руку и спрячь ее в рукав. Будем рядом, но розно. И пусть другими, кружными путями наши растаявшие в июльском тумане тени сблизятся, сольются и станут одна тень... Как тихо... Пробило час... еще... еще... и довольно... Всё молчит... Молчите и вы, стонущие, призывные. Как хорошо!.. А ты, жизнь, иди! Я не боюсь тебя, уходящей, и не считаю твоих минут. Да ты и не можешь уйти от меня, потому что ты ведь это я, и никто больше — это-то уж наверно...

249. СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Я не знал ее ни ребенком, ни девушкой, ни женщиной. Но мне до сих пор кажется, что я должен ее встретить.

Человеку целую ночь напролет били карты, а бледная улыбка всё не сходит с его губ, и всё еще надеется он угадать свое счастье в быстромелькающем крапе колод, не замечая даже ядовито-зеленой улыбки наступившего рассвета.

Я видел ее — правда, только раз. Но она была тогда не женщина.

Это было давно, очень давно, и она была еще радугой; сначала тонкая и бледная, радуга эта мало-помалу расцвела, распустилась, стала такая яркая, такая несомненная, потом расширилась — разбухшая, бледная, потом стала делаться всё бледнее, всё сумрачнее, незаметнее, и, наконец, отцвела совсем. Я не заметил, как перестал ее видеть.

Всё это длилось минут двадцать. Я любил ее целых двадцать минут. Я стоял тогда в потемневшем и освеженном саду. Был тихий летний вечер, такой тихий, что он казался праздничным, почти торжественным. Такие вечера бывают только у нас, на севере, недалеко от больших и пыльных городов и среди жидкого шелеста берез. Они не кипарисы, конечно, эти белые, эти грешные березы — они не умеют молиться, жизнь их слишком коротка для этого, ночи томительны, и соловьи столько должны сказать им от зари до зари.

Березы не молятся, но перед ясным закатом они так тихо, так проникновенно шелестят, точно хотят сказать: боже, как мы тебя любим... Боже, отец белых ночей...

Над садом только что один за другим почти без перерыва прошумело и отшумело два дождя; оба сначала холодные, с острым стальным отливом, и частые-частые. Потом всё реже, всё теплее, золотистые, ослепительные и, наконец, еле ощутимые, совсем обессилевшие, молочно-парные.

Томительно жаркий день хотел было снова забрать силу, но было уже поздно,— он понял это и только пуще побледнел. От голубого царства, которое казалось ему необъятным и бесконечным, скоро останется одна маленькая закатная полоска. Один ломтик золотистой ды-

ни на ночном столике для той минуты, когда ты кончишь свою лазурную поэму, о поэт, и затем покрывало... черное покрывало. Ты, кажется, спрашиваешь, надолго ли?

Июньский день надо мною умирал так медленно и трудно, а я глядел в это время на радугу и сочинял стихи.

Это были плохие стихи, совсем плохие стихи, это была даже не стихотворная реторика, а что-то еще жалче. Но, боже мой, как я их чувствовал... и как я любил радугу... Мои банальные рифмы, мои жалкие метафоры!.. Отчего я не могу воскресить вас, о бедные нимфы, с линяло-розовым кушаком на белой кисее чехлов, с жидкими, но гладко причесанными косами, с мечтательными глазами и в веснушках, предательских желтых веснушках на тонкой петербургской коже...

Я не докончил тогда моих стихов радуге — где-то близко не то запела, не то заныла старая итальянская шарманка...

Те, давние шарманки — отчего больше их не делают? Новые, когда они охрипнут, ведь это же одна тоска, одна одурь, один надрыв. А те, давние? Самым хрипом своим — они лгали как-то восторженно и самозабвенно.

Господи, что она играла тогда, эта коробка со стеклом, сквозь которое я так любил таинственную красную занавеску, символ тайны между жизнью и музыкой...

Оиа играла Верди, Верди — это я хорошо помню... И, кажется, Троватора... Да, да, это был Троватор, и он молил свою Элеонору проститься с ним, молил из картонной тюрьмы — Addio, mia Eleonora, addio! [1]

Тогда ли только это было? Да, кажется, именно тогда. Не знаю, плакал ли я тогда, но теперь — я готов заплакать от одного воспоминания, пускай глупого и бесцветного, хоть нет надо мной больше ни погасающей радуги, ни белоствольных берез... Нервы, конечно... возраст также. Но искусство, искусство, скажете вы?

Надумаиное чувство, фальшивые ноты, самодовольная музыка Верди, еще молодого...

---

[1] Прощай, моя Элеонора, прощай! (Ит.) — *Ред.*

При чем же тут красота... поэзия... вдохновение... творчество? Самая любовь к радуге, разве не кажется вам это выдуманным тут же, сейчас, к случаю?

О, нет. Я не лгу. А лучше бы я лгал...

Все это сложно, господа. И ей-богу же я не знаю,— если точно когда-нибудь раскрывается над нами лазурь и серафим, оторвав смычок от своей небесной виолончели, прислушивается, с беглой улыбкой воспоминания на меловом лице, к звукам *нашей* музыки,— что собственно в эти минуты он слушает: что ему дорого и близко? — хорал ли Баха в Миланском соборе, или Valse des roses,[1] как играет его двухлетний ребенок, безжалостно вертя ручку своего многострадального органчика в обратную сторону.

И в чем тайна красоты, в чем тайна и обаяние искусства: в сознательной ли, вдохновенной победе над мукой, или в бессознательной тоске человеческого духа, который не видит выхода из круга пошлости, убожества или недомыслия и трагически осужден казаться самодовольным или безнадежно фальшивым.

250. МОЯ ДУША

> Нет, я не хочу внушать вам сострадания. Пусть лучше буду я вам даже отвратителен. Может быть, и себя вы хоть на миг тогда оцените по достоинству.

Я спал, но мне было душно, потому что солнце уже пекло меня через штемпелеванную занавеску моей каюты. Я спал, но я уже чувствовал, как нестерпимо горячи становятся красные волосики плюшевого ворса на этом мучительно неизбежном пароходном диване. Я спал и не спал. Я видел во сне собственную душу.

Свежее голубое утро уже кончилось, и взамен быстро накалялся белый полдень. Я узнал свою душу в старом персе. Это был носильщик.

---

[1] Вальс роз (фр.).— *Ред.*

Голый по пояс и по пояс шафранно-бронзовый, он тащил какой-то мягкий и страшный, удушливый своей громадностью тюк — вату, что ли,— тащил его сначала по неровным камням ската, потом по гибким мосткам, а внизу бессильно плескалась мутно-желтая и тошнотно-теплая Волга, и там плавали жирные радужные пятна мазута, точно расплющенные мыльные пузыри. На лбу носильщика возле самой веревки, его перетянувшей, налилась сизая жила, с которой сочился пот, и больно глядеть было, как на правой руке старика, еще сильной, но дрожащей от натуги, синея, напружился мускул, где уже прорезывались с мучением кристаллы соляных отложений.

Он был еще строен, этот шафранно-золотистый перс, еще картинно красив, но уже весь и навсегда *не свой*.

Он был весь во власти вот этого самого масляно-чадного солнца, и угарной трубы, и раскаленного парапета, весь во власти этой грязно-парной Волги, весь во власти у моего плюшевого дивана, и даже у моего размаянного тела, которое никак не могло, сцепленное грезой, расстаться с его жарким ворсом...

Я не совсем проснулся и заснул снова. Туча набежала, что ли? Мне хотелось плакать... И опять снилось мне то единственное, чем я живу, чем я хочу быть бессмертен и что так боюсь при этом увидеть по-настоящему свободным.

Я видел во сне свою душу. Теперь она странствовала, а вокруг нее была толпа грязная и грубая. Ее толкали — мою душу. Это была теперь пожилая девушка, обесчещенная и беременная; на ее отечном лице странно выделялись желтые пятна усов, и среди своих пахнущих рыбой и ворванью случайных друзей девушка нескладно и высокомерно несла свой пухлый живот.

И опять-таки вся она — была не своя. Только кроме власти пьяных матросов и голода над ней была еще одна странная власть. Ею владел тот еще несуществующий человек, который фатально рос в ней с каждым ее неуклюжим шагом, с каждым биением ее тяжело дышащего сердца.

Я проснулся, обливаясь потом. Горело не только медно-котельное солнце, но, казалось, вокруг прело и пригорало всё, на что с вожделением посмотрит из-за своей кастрюли эта сальная кухарка.

Моя душа была уже здесь со мной, робкая и покладливая, и я додумывал свои сны.

Носильщик-перс... О нет же, нет.. Глядите: завидно-горделиво он растянулся на припеке и жует что-то, огурцы или арбузы, что-то сочное, жует, а сам скалит зубы синему призраку холеры, который уже давно высматривает его из-за горы тюков с облипшими их клочьями серой ваты.

Глядите: и та беременная, она улыбается, ну, право же, она кокетничает с тем самым матросом, который не дальше как сегодня ночью исполосовал кулачищем ее бумажно-белую спину.

Нет, символы, вы еще слишком ярки для моей тусклой подруги. Вот она, моя старая, моя чужая, моя складная душа. Видите вы этот пустой парусиновый мешок, который вы двадцать раз толкнете ногой, пробираясь по палубе на нос парохода мимо жаркой дверцы с звучной надписью «граманжа».

Она отдыхает теперь, эта душа, и набирается впечатлений: она называет это созерцать, когда вы ее топчете. Погодите, придет росистая ночь, в небе будут гореть яркие июльские звезды. Придет и человек — может быть, это будет носильщик, может быть, просто вор; пришелец напихает ее всяким добром, а она, этот мешок, раздуется, она покорно сформуется по тому скарбу, который должны потащить в ее недрах на скользкую от росы гору вплоть до молчаливого черного обоза... А там с зарею заскрипят возы, и долго, долго душа будет в дороге, и будет она грезить, а грезя покорно колотиться по грязным рытвинам никогда не просыхающего чернозема...

Один, два таких пути, и мешок отслужил. Да и довольно... В самом деле — кому и с какой стати служил он?

Просил ли он, что ли, о том, чтобы беременная мать, спешно откусывая нитки, сметывала его грубые узлы, и чтобы вы потом его топтали, набивали тряпьем, да колотили по черным ухабам?

Во всяком случае, отслужит же и он и попадет наконец на двузубую вилку тряпичника. Вот теперь бы в люк! Наверное, небытие это и есть именно люк. Нет, погодите еще... Мешок попадет в бездонный фабрнчный чан, и из него, пожалуй, сделают почтовую бумагу... Отставляя

мизинец с темным сапфиром, вы напишете на мне записку своему любовнику... О, проклятие!

Мою судьбу трогательно опишут в назидательной книжке ценою в три копейки серебра. Опишут судьбу бедного отслужившего людям мешка из податливой парусины.

А ведь этот мешок был душою поэта,— и вся вина этой души заключалась только в том, что кто-то и где-то осудил ее жить чужими жизнями, жить всяким дрязгом и скарбом, которым воровски напихивала его жизнь, жить и даже не замечать при этом, что ее в то же самое время изнашивает собственная, уже ни с кем не делимая мука.

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Гораций

251. (ОД. II, 8)

Когда б измена красу губила,
Моя Барина, когда бы трогать
То зубы тушью она любила,
То гладкий ноготь,

Тебе б я верил, но ты божбою
Коварной, дева, неуязвима,
Лишь ярче блещешь, и за тобою
Хвостом пол-Рима.

Недаром клятвой ты поносила
Родимой пепел, и хор безгласный
Светил, и вышних, над кем не властна
Аида сила...

Расцвел улыбкой Киприды пламень
И нимф наивность, и уж не хмуро
Глядит на алый точильный камень
Лицо Амура.

Тебе, Барина, рабов мы ро́стим,
Но не редеет и старых стая,
Себя лишь тешат, пред новым гостем
Мораль читая.

То мать за сына, то дед за траты
Клянут Барину, а девам сна нет,
Что их утеху на ароматы
Барины манит...

252. (ОД. III, 7)

Астерия плачет даром:
Чуть немножко потеплеет —
Из Вифинии с товаром
Гига море прилелеет...

Амалфеи жертва бурной,
В Орик Нотом уловленый,
Ночи он проводит дурно,
И озябший и влюбленный.

Пламя страсти — пламя злое,
А хозяйский раб испытан:
Как горит по гостю Хлоя,
Искушая, всё твердит он.

Мол, коварных мало ль жен-то
Вроде той, что без запрета
Погубить Беллерофонта
Научила мужа Прета,

Той ли, чьи презревши ласки,
Был Пелей на шаг от смерти.
Верьте сказкам иль не верьте,—
Всё ж на грех наводят сказки...

Но не Гига... Гиг крепится:
Скал Икара он тупее...
Лишь тебе бы не влюбиться
По соседству, в Энипея,—

Кто коня на луговине
Так уздою покоряет?
В желтом Тибре кто картинней
И смелей его ныряет?

Но от плачущей свирели
Всё ж замкнись, как ночь настанет...
Только б очи не смотрели,
Побранит, да не достанет...

253. (ОД. III, 26)

Давно ль бойца страшились жены
И славил девы нежный стон?..
И вот уж он, мой заслуженный,
С любовной снастью барбитон.

О левый бок Рожденной в пене
Сложите, отроки, скорей
И факел мой, разивший тени,
И лом, и лук — грозу дверей!

Но ты, о радость Кипра, ты,
В бесснежном славима Мемфисе,
Хоть раз стрекалом с высоты
До Хлои дерзостной коснися.

Гете

254

Над высью горной
Тишь.
В листве, уж черной,
Не ощутишь
Ни дуновенья.
В чаще затих полет...
О, подожди!.. Мгновенье —
Тишь и тебя... возьмет.

Вильгельм Мюллер

255. ШАРМАНЩИК

В дальнем закоулке
Дед стоит седой
И шарманку вертит
Дряхлою рукой.

Пó снегу да бóсый
Еле бродит дед,—
На его тарелке
Ни копейки нет.

Мимо йдут люди,
Слушать не хотят —
Только псы лихие
Деда теребят.

Уж давно о счастье
Дед не ворожит,
Старую шарманку
Знай себе крутит...

Эй, старик! Не легче ль
Вместе нам терпеть...
Ты верти шарманку,
А я буду петь...

Генрих Гейне

256. ICH GROLLE NICHT[1]

Я всё простил: простить достало сил,
Ты больше не моя, но я простил.
Он для других, алмазный этот свет,
В твоей душе ни точки светлой нет.

Не возражай! Я был с тобой во сне;
Там ночь росла в сердечной глубине,
И жадный змей всё к сердцу припадал...
Ты мучишься... я знаю... я видал...

257. МНЕ СНИЛАСЬ ЦАРЕВНА

Мне снилась царевна в затишьи лесном,
Безмолвная ночь расстилалась;
И влажным, и бледным царевна лицом
Так нежно ко мне прижималась.

---

[1] Я не сержусь (нем.).— *Ред.*

«Пускай не боится твой старый отец:
О троне его не мечтаю,
Не нужен мне царский алмазный венец;
Тебя я люблю и желаю».

«Твоей мне не быть: я бессильная тень,—
С тоской мне она говорила,—
Для ласки минутной, лишь скроется день,
Меня выпускает могила».

258

О страсти беседует чинно
За чаем — их целый синклит:
Эстетиком — каждый мужчина
И ангелом дама глядит...

Советник скелетоподобный
Душою парит в облаках,
Смешок у советницы злобной
Прикрылся сочувственным «ах!».

Сам пастор мирится с любовью,
Не грубой, конечно, «затем,
Что вредны порывы здоровью»,
Девица лепечет: «Но чем?»

«Для женщины чувство — святыня...
Хотите вы чаю, барон?»
Мечтательно смотрит графиня
На белый баронский пластрон...

Досадно, малютке при этом
Моей говорить не пришлось:
Она изучала с поэтом
Довольно подробно вопрос...

259. ДВОЙНИК

Ночь, и давно спит закоулок:
Вот ее дом — никаких перемен,
Только жилицы не стало, и гулок
Шаг безответный меж каменных стен.

Тише... Там тень... руки ломает,
С неба безумных не сводит очей...
Месяц подкрался и маску снимает.
«Это — не я: ты лжешь, чародей!

Бледный товарищ, зачем обезьянить?
Или со мной и тогда заодно
Сердце себе приходил ты тиранить
Лунною ночью под это окно?»

260. СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

Счастье деве подобно пугливой:
Не умеет любить и любима,
Прядь откинув, до лба торопливо
Прикоснется губами, и мимо.

А Несчастье — вдова и сжимает
Вас в объятиях с долгим лобзаньем,
А больны вы, перчатки снимает
И к постели садится с вязаньем.

Ганс Мюллер

261. МАТЬ ГОВОРИТ

— Аннушка, тут гость сейчас сидел,
Всё на дверь твою, вздыхая, он глядел:
«Пропадаю, мол, без Аннушки с тоски,
Сердца вашего прошу я и руки».

Аннушка, добра желает мать:
Что-то графской и кареты не слыхать.
А у гостя — что шелков, да что белил,
«А постель я с ними б нашу разделил».

И кого-кого не путал этот май,
Принца, видишь, нам из-за моря подай,
А как осень-то неслышно подошла,
Смотришь: каждая приказчичка нашла.

Аннушка, конфетинка моя!
Побеги-ка ж да скажи: согласна я,
Право, бредни-то пора и позабыть,
Не за графом ведь, за лавочником быть.

262. АРЕТИНО

Сонет

Таддэо Цуккеро, художник слабый, раз
Украдкой с полотном пробрался к Аретину
И говорит ему: «Я вам принес картину,
Вы — мастер, говорят, свивать венки из фраз

Для тех, кто платит вам... Немного тускло... да-с,
И краски вылинять успели вполовину.
Но об искусстве я не утруждаю вас,
Вот вам сто талеров, и с этим вас покину».

Подумал Аретин, потом перо берет
И начинает так: «Могу сказать заране —
Мадонна Цуккеро в потомстве не умрет:

Как розов колер губ, а этот небосвод,
А пепел... Полотно виню в одном изъяне:
На нем нет золота — оно в моем кармане».

263. ГОВОРИТ СТАРАЯ ЧЕРЕШНЯ

Остов от черешни я, назябся ж я зимой,
Инею-то, снегу-то на ветках, боже мой!

А едва заслышал я твой шаг сквозь забытье,
В воздухе дыхание почувствовал твое,

Весь я точно к Троице разубрался в листы,
Замерцали белые меж листьями цветы.

Было утро снежного и сиверкого дня,
Но когда ты ласково взглянула на меня,

Чудо совершилося — желания зажглись
И на ветках красные черешни налились.

Каждая черешенка так и горит, любя,
Каждая шепнула бы: «Я только для тебя,

Все же мы, любимая, на ласковый твой свет
Сердца благодарного мы — ласковый ответ».

Но со смехом в поле ты, к подругам ты ушла,
И, дрожа, увидел я, как набегала мгла,

Как плоды срывалися, как цвет мой опадал,
Никогда я, кажется, сильнее не страдал.

Но зато не холоден мне больше зимний день.
Если в сетке снежной я твою завижу тень.

А когда б в глаза твои взглянуть мне хоть во сне,
Пусть опять и чудо мне, пусть и мука мне.

264. РАСКАЯНИЕ У ЦИРЦЕИ

Красу твою я проклинаю:
Покоя я больше не знаю,
Нет сердцу отрады тепла.

Чем дети мои виноваты?
Кольцо и червонцы взяла ты,
Что знал я, чем был я, взяла.

Я вынес ужасную пытку,
Но губ к роковому напитку,
Клянусь, не приближу я вновь.

С детьми помолюсь я сегодня:
Слова их до бога доходней,
Целительней сердцу любовь.

Генри Лонгфелло

265. ДНЯ НЕТ УЖ...

Дня нет уж... За крыльями Ночи
Прозрачная стелется мгла,
Как легкие перья кружатся
Воздушной стезею орла.

Сквозь сети дождя и тумана
По окнам дрожат огоньки,
И сердце не может бороться
С волной набежавшей тоски,

С волною тоски и желанья,
Пусть даже она — не печаль,
Но дальше, чем дождь от тумана,
Тоска от печали едва ль.

Стихов бы теперь понаивней,
Помягче, поглубже огня,
Чтоб эту тоску убаюкать
И думы ушедшего дня,

Не тех грандиозных поэтов,
Носителей громких имен,
Чьи стоны звучат еще эхом
В немых коридорах Времен.

Подобные трубным призывам,
Как парус седой кораблю,
Они наполняют нас бурей,—
А я о покое молю.

Мне надо, чтоб дума поэта
В стихи безудержно лилась,
Как ливни весенние хлынув,
Иль жаркие слезы из глаз,

Поэт же и днем за работой,
И ночью в тревожной тиши
Всё сердцем бы музыку слышал
Из чутких потемок души...

Биенье тревожное жизни
Смиряется песнью такой,
И сердцу она, как молитва,
Несет благодатный покой.

Но только стихи, дорогая,
Тебе выбирать и читать:
Лишь музыка голоса может
Гармонию строф передать.

Ночь будет певучей и нежной,
А думы, темнившие день,
Бесшумно шатры свои сложат
И в поле растают, как тень.

Фредерик Мистраль

266. МАГАЛИ

ИЗ ПОЭМЫ «MIRÉIO»

Юноша

Магали, моя отрада,
Слышишь: льются звуки скрипки.
Это — тихая обада
Ясной ждет твоей улыбки.

Небеса в лучах синеют.
Много звезд там золотых...
Но взгляни!.. и побледнеют
Звезды в блеске глаз твоих.

Магали

Не пленит меня собою
Песнь твоя, что шум ветвей.
Лучше рыбкой золотою
Я уйду в простор морей.

Юноша

Магали, но если в волны
Ты уйдешь, я не сробею;
Есть и неводы, и челны:
Скоро будешь ты моею.

Магали

Вот и нет... Как только в море
Ты закинешь невод свой,
Птичкой вольной на просторе
Распрощаюсь я с тобой.

Юноша

Магали! Для милой птички
Я охотником явлюся:
Против пташки-невелички
Злым силком вооружуся.

Магали

Ну, уж если жить на воле
Ты и пташке не даешь,
Я былинкой скроюсь в поле,
И меня ты не найдешь.

Юноша

Магали, мой голубочек,
Всё же буду я с тобою —
На душистый тот листочек
Я живой паду росою.

Магали

Ты росой... Я стану тучей...
И туда, на край земли,
Вольной, гордой и могучей
Унесется Магали.

Юноша

Магали! И я с тобою...
Ветром сделаюсь я бурным
И помчу тебя стрелою
По полям светло-лазурным.

Магали

Ну, тогда я стану ярким,
Ярким солнечным лучом,
Что живит лобзаньем жарким
Земли, скованные льдом.

Юноша

Магали! А я — я стану
Саламандрою зеленой
И тебя с небес достану —
Выпью луч тот раскаленный.

Магали

Нет, не быть тебе со мною:
Ползай здесь между кустов!
Я ж... я сделаюсь луною,
Что глядит ночной порою
На косматых колдунов.

Юноша

Магали моя!.. Напрасно
Светлой станешь ты луною...
Как туман, я пеленою
Обовью тебя так страстно.

Магали

И пускай луна в тумане...
Молодая Магали
Свежей розой на поляне
Может спрятаться вдали.

Юноша

Если розой безмятежно
Зацветешь ты в неге сладкой,
Мотыльком я стану нежно
Целовать тебя украдкой.

Магали

О, целуй, коль сердцу любо!
Я ж от солнца и небес
Под кору густого дуба
Скроюсь в темный-темный лес.

Юноша

Магали!.. Я не покину
Дуба... в мох я обращуся...
Прилепившись к исполину,
С лаской вкруг я обовьюся.

Магали

И обнимешь дуб зеленый,
Магали ж твоя уйдет
В монастырь уединенный:
Там приют она найдет.

Юноша

Магали! Не спорь со мною...
И под кровом тем священным
Я явлюсь перед тобою
Исповедником смиренным.

Магали

Ты придешь и крепко спящей
Там увидишь Магали:
Черный гроб и хор молящий
Охладят мечты твои.

Юноша

Магали! Моя родная,
Не расстанусь я с тобою:
Стану я сырой землею,
Милый прах твой обнимая!

Магали

Не на шутку начинаю
Верить я твоей любви.
Вот кольцо мое... лови!
В нем залог я посылаю!

(Показывается в окошке.)

Юноша

Магали! Ты здесь... со мною!
О! ты жизни мне милее...
Посмотри — перед тобою
Звезды сделались бледнее!

1879

Шарль Бодлер

267. ИСКУПЛЕНИЕ

Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?
Тоска, унынье, стыд терзали вашу грудь?
И ночью бледный страх... хоть раз когда-нибудь
Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали?
Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?

Вы, ангел кротости, знакомы с тайной злостью?
С отравой жгучих слез и яростью без сил?
К вам приводила ночь немая из могил
Месть, эту черную назойливую гостью?
Вы, ангел кротости, знакомы с тайной злостью?

Вас, ангел свежести, томила лихорадка?
Вам летним вечером, на солнце у больниц,
В глаза бросались ли те пятна желтых лиц,
Где синих губ дрожит мучительная складка?
Вас, ангел свежести, томила лихорадка?

Вы, ангел прелести, теряли счет морщинам?
Угрозы старости уж леденили вас?
Там в нежной глубине влюбленно-синих глаз
Вы не читали снисхождения к сединам?
Вы, ангел прелести, теряли счет морщинам?

О ангел счастия, и радости, и света!
Бальзама нежных ласк и пламени ланит
Я не прошу у вас, как зябнущий Давид...
Но, если можете, молитесь за поэта
Вы, ангел счастия, и радости, и света!

268. ПРИВИДЕНИЕ

Ядом взора золотого
Отравлю я сон алькова,
Над тобой немую тьму
Я крылами разойму.

Черным косам в час свиданья —
Холод лунного лобзанья,
Руки нежные твои —
В кольца цепкие змеи.

А заря зазеленеет,
Ложе ласк обледенеет,
Где твой мертвый гость лежал,

И, еще полна любовью,
Прислоненный к изголовью
Ты увидишь там — кинжал.

269. СОВЫ

Зеницей нацелясь багровой,
Рядами на черных березах,
Как идолы, старые совы
Застыли в мечтательных позах.

И с места не тронется птица,
Покуда, алея, могила
Не примет останков светила
И мрак над землей не сгустится.

А людям пример их — наука,
Что двигаться — лишняя мука,
Что горшее зло — суета,

Что если гоняться за тенью
Кого и заставит мечта,
Безумца карает — *Движенье.*

270. ПОГРЕБЕНИЕ ПРОКЛЯТОГО ПОЭТА

Если тело твое христиане,
Сострадая, земле предадут,
Это будет в полночном тумане,
Там, где сорные травы растут.

И когда на немую путину
Выйдут чистые звезды дремать,
Там раскинет паук паутину
И змеенышей выведет мать.
По ночам над твоей головою
Не смолкать и волчиному вою.
Будет ведьму там голод долить,
Будут вопли ее раздаваться,
Старичонки в страстях извиваться,
А воришки добычу делить.

271. СТАРЫЙ КОЛОКОЛ

Я знаю сладкий яд, когда мгновенья тают
И пламя синее узор из дыма вьет,
А тени прошлого так тихо пролетают
Под вальс томительный, что вьюга им поет.

О, я не тот, увы! над кем бессильны годы,
Чье горло медное хранит могучий вой
И, рассекая им безмолвие природы,
Тревожит сон бойцов, как старый часовой.

В моей груди давно есть трещина, я знаю,
И если мрак меня порой не усыпит
И песни нежные слагать я начинаю —

Всё, насмерть раненный, там будто кто хрипит,
Гора кровавая над ним всё вырастает,
А он в сознаньи и недвижно умирает.

272. СПЛИН

Бывают дни — с землею точно спаян,
Так низок свод небесный, так тяжел,
Тоска в груди проснулась, как хозяин,
И бледный день встает, с похмелья зол,

И целый мир для нас одна темница,
Где лишь мечта надломленным крылом
О грязный свод упрямо хочет биться,
Как нетопырь, в усердии слепом.

Тюремщик — дождь гигантского размера
Задумал нас решеткой окружить,
И пауков народ немой и серый
Под черепа к нам перебрался жить...

И вдруг удар сорвался как безумный,—
Колокола завыли и гудят,
И к облакам проклятья их летят
Ватагой злобною и шумной.

И вот... без музыки за серой пеленой
Ряды задвигались... Надежда унывает,
И над ее поникшей головой
Свой черный флаг Мученье развевает...

273. СЛЕПЫЕ

О, созерцай, душа: весь ужас жизни тут
Разыгран куклами, но в настоящей драме.
Они, как бледные лунатики, идут
И целят в пустоту померкшими шарами.

И странно: впадины, где искры жизни нет,
Всегда глядят наверх, и будто не проронит
Луча небесного внимательный лорнет,
Иль и раздумие слепцу чела не клонит?

А мне, когда их та ж сегодня, что вчера,
Молчанья вечного печальная сестра,
Немая ночь ведет по нашим стогнам шумным

С их похотливою и наглой суетой,
Мне крикнуть хочется — безумному безумным:
«Что может дать, слепцы, вам этот свод пустой?»

Шарль Леконт де Лиль

274. СМЕРТЬ СИГУРДА

Сигурда больше нет, Сигурда покрывает
От ног до головы из шерсти тяжкий плат,
И хладен исполин среди своих палат,
Но кровь горячая палаты заливает.

И тут же, на земле, подруги трех царей:
И безутешная вдова его Гудруна,
И с пленною женой кочующего гунна
Царица дряхлая норманнских рыбарей.

И, к телу хладному героя припадая,
Осиротевшие мятутся и вопят,
Но сух и воспален Брингильды тяжкий взгляд,
И на мятущихся глядит она, немая.

Вот косы черные на плечи отвела
Герборга пленная и молвит: «О царица,
Горька печаль твоя, но с нашей не сравнится:
Еще ребенком я измучена была...

Огни костров лицо мое лизали,
И трупы братние у вражеских стремян
При мне кровавый след вели среди полян,
А свевы черепа их к седлам привязали.

Рабыней горькою я шесть ужасных лет
У свева чистила кровавые доспехи:
На мне горят еще господские утехи —
Рубцы его кнута и цепи подлый след».

Герборга кончила. И слышен плач норманнки:
«Увы! тоска моя больней твоих оков...
Нет, не узреть очам норманнских берегов,
Чужбина горькая пожрет мои останки.

Давно ли сыновей шум моря веселил...
Чуть закипит прибой, как ветер встрепенутся,
Но кос моих седых уста их не коснутся,
И моет трупы их морей соленый ил...

О жены! Я стара, а в ком моя опора?
В дугу свело меня, и ропот сердца стих...
И внуки нежные — мозг из костей моих —
Не усладят — увы — слабеющего взора»...

Умолкла старая. И властною рукой
Брингильда тяжкий плат с почившего срывает,
И десять уст она багровых открывает
И стана гордого чарующий покой.

Пускай насытят взор тоскующей царицы
Те десять пылких ран, те жаркие пути,
Которыми душе Сигурдовой уйти
Судил кинжал его сокрытого убийцы.

И, трижды возопив, усопшего зовет
Гудруна: «Горе мне,— взывает,— бесталанной,
Возьми меня с собой в могилу, мой желанный,
Тебя ли, голубь мой, любовь переживет?

Когда на брачный пир, стыдливую, в уборе
Из камней радужных Гудруну привели,
Какой безумный день мы вместе провели...
Смеясь твердила я: «О! с ним не страшно горе!»

Был долог дивный день, но вечер не погас —
Вернулся бранный конь — измученный и в мыле,
Слоями кровь и грязь бока ему покрыли,
И слезы падали из помутневших глаз.

А я ему: «Скажи, зачем один из сечи
Ушел, без короля?» Но грузно он упал
И спутанным хвостом печально замахал,
И стон почудился тогда мне человечий.

Но Гаген подошел, с усмешкой говоря:
«Царица, ворон твой, с орлом когда-то схожий,
Тебе прийти велел на горестное ложе,
Где волки лижут кровь убитого царя».

«О, будь же проклят ты! И если уцелею,
Ты мне преступною заплатишь головой...
А вы, безумные, покиньте тяжкий вой,
Что значит *ваша* скорбь пред мукою *моею*?»

Но в гневе крикнула Брингильда: «Все молчать!
Чего вы хнычете, болтливые созданья?
Когда бы волю я дала теперь рыданью,
Как мыши за стеной, вы стали бы пищать...

Гудруна! К королю терзалась я любовью,
Но только ты ему казалась хороша,
И злобою с тех пор горит во мне душа,
И десять ран ее залить не могут кровью...

Убить разлучницу я не жалела — знай!
Но он бы плакать стал над мертвою подругой.
Так лучше: будь теперь покинутой супругой,
Терзайся, но живи, старей и проклинай!»

Тут из-под платья нож Брингильда вынимает,
Немых от ужаса расталкивает жен,
И десять раз клинок ей в горло погружен,
На франка падает она и — умирает.

275

Над синим мраком ночи длинной
Не властны горние огни,
Но белы скаты и долина.
— Не плачь, не плачь, моя Кристина,
Дитя мое, усни.

— Завален глыбой ледяною,
Во сне меня ласкает он.
Родная, сжалься надо мною.
Отраден лунною порою
Больному сердцу стон.

И мать легла — одна девица,
Очаг, дымя, давно погас.
Уж полночь бьет. Кристине мнится,
Что у порога гость стучится.
— Откуда в поздний час?

— О, отвори мне поскорее
И до зари побудь со мной.
Из-под креста и мавзолея
Несу к тебе, моя лилея,
Я саван ледяной.

Уста сливались, и лобзанья,
Как вечность долгие, росли,
Рождая жаркие желанья.
Но близко время расставанья.
Петуший крик вдали.

276. ДОЧЬ ЭМИРА

Умолк в тумане золотистом
Кудрявый сад, и птичьим свистом
Он до зари не зазвучит;
Певуний утомили хоры,
И солнца луч, лаская взоры,
Струею тонкой им журчит.

Уж на лимонные леса
Теплом дохнули небеса.
Невнятный шепот пробегает
Меж белых роз, и на газон
Сквозная тень и мирный сон
С ветвей поникших упадает.

За кисеею сень чертога
Царевну охраняла строго,
Но от завистливых ночей
Эмир таить не видел нужды
Те звезды ясные очей,
Которым слезы мира чужды.

Аишу-дочь эмир ласкал,
Но в сад душистый выпускал
Лишь в час, когда закат кровавый
Холмов вершины золотит,
А над Кордовой среброглавой
Уж тень вечерняя лежит.

И вот от мирты до жасмина
Однажды ходит дочь Эддина,
Она то розовую ножку
В густых запутает цветах,
То туфлю скинет на дорожку,
И смех сверкает на устах.

Но в чащу розовых кустов
Спустилась ночь... как шум листов,
Зовет Аишу голос нежный,
Дрожа, назад она глядит:
Пред ней, в одежде белоснежной
И бледный, юноша стоит.

Он статен был, как Гавриил,
Когда пророка возводил
К седьмому небу. Как сиянье,
Клубились светлые власы,
И чисто было обаянье
Его божественной красы.

В восторге дева замирает:
«О гость, чело твое играет,
И глаз лучиста глубина;
Скажи свои мне имена.
Халиф ли ты? И где царишь?
Иль в сонме ангелов паришь?»

И ей с улыбкой — гость высокий:
«Я — царский сын, иду с востока,
Где на соломе свет узрел...
Но миром я теперь владею,
И, если хочешь быть моею,
Я царство дам тебе в удел».

«О, быть с тобою — сон любимый,
Но как без крыльев улетим мы?
Отец сады свои хранит:
Он их стеной обгородил,
Железом стену усадил,
И стража верная не спит».

«Дитя, любовь сильнее стали:
Куда орлы не возлетали,
Трудом любовь проложит след,
И для нее преграды нет.
Что не любовь — то суета,
То сном рожденная мечта».

И вот во мраке пропадают
Дворцы, и тени сада тают.
Вокруг поля. Они вдвоем.
Но долог путь, тяжел подъем...
И камни в кожу ей впились,
И кровью ноги облились.

«О, видит бог: тебя люблю я,
И боль, и жажду, всё стерплю я...

Но далеко ль идти нам, милый?
Боюсь — меня покинут силы».
И вырос дом — черней земли,
Жених ей говорит: «Пришли.

Дитя, перед тобой — Ловец
Открытых истине сердец.
И ты — моя! Зачем тревога?
Смотри — для брачного чертога
Рубины крови я сберег
И слёз алмазы для серег;

Твои глаза и сердце снова
Меня увидят, и всегда
Среди сиянья неземного
Мы будем вместе... Там...» — «О, да»,—
Ему сказала дочь эмира —
И в келье умерла для мира.

277

Пускай избитый зверь, влачася на цепочке,
Покорно топчет ваш презренный макадам,
Сердечных ран своих на суд ваш не отдам,
Принарядивши их в рифмованные строчки.

Чтоб оживить на миг огонь заплывших глаз,
Чтоб смех ваш вымолить, добиться сожаленья,
Я ризы светлые стыда и вдохновенья
Пред вами раздирать не стану напоказ.

В цепях молчания, в заброшенной могиле
Мне легче будет стать забвенной горстью пыли,
Чем вдохновением и мукой торговать.

Мне даже дальний гул восторгов ваших жуток,—
Ужель заставите меня вы танцевать
Средь размалеванных шутов и проституток?

278. ПОСЛЕДНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Глаза открыты и не видят... Я — мертвец...
Я жил... Теперь я только падаю... Паденье,
Как мука, медленно и тяжко, как свинец.

Воронка черная без жалоб, без боренья
Вбирает мертвого. Проходят дни... года,
И ночь, и только ночь, без звука, без движенья.

Я понимаю всё... Но сердце? И сюда
Схожу ли стариком иль пору молодую
Покинул... и любви сияла мне звезда?..

Я — груз, и медленно сползаю в ночь немую;
Растет, сгущается забвенье надо мной...
Но если это сон?.. О нет, и гробовую

Я помню тень, и крик, и язву раны злой...
Всё это было... и давно... Иль нет? Не знаю...
О ночь Небытия! Возьми меня... я твой...

Там... сердце на куски... Припоминаю.

279. ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПРИЗРАКИ»

I

С душой печальною три тени неразлучны,
Они всегда со мной, и вечно их полет
Пронзает жизни сон, унылый и докучный.

С тоской гляжу на них, и страх меня берет,
    Когда чредой скользят они безгласны,
И сердце точит кровь, когда их узнает;

Когда ж зеницы их в меня вопьются властно,
Терзает плоть мою их погребальный пыл,
Мне кости леденит их пламень неугасный.

Беззвучно горький смех на их устах застыл,
Они влекут меня меж сорных трав и терний:
Туда, под тяжкий свод, где тесен ряд могил...

Три тени вижу я в часы тоски вечерней.

2

Уста землистые и длани ледяные,—
Но не считайте их за мертвецов.
Увы! Они живут, укоры сердца злые!

О, если бы я мог развеять тучи снов,
О, если б унесла скорее месть забвенья
Цветы последние торжественных венцов!

Я расточил давно мне данные куренья,
Мой факел догорел, и сам алтарь, увы!
В пыли и копоти лежит добычей тленья.

В саду божественном душистой головы
Лилее не поднять,— без страсти, без желаний
Там влагу выпили, там корни выжгли вы,

Уста землистые и ледяные длани.

3

Но что со мной? О нет... Теней светлеют вежды!
Я солнце, я мечту за ними увидал:
В какой блаженный хор слились вокруг Надежды!

О вы, которых я безумно так желал!
Кого я так любил, коль это ваши тени,
Отдайте счастья мне нетронутый фиал!

За робкую любовь, за детский жар молений,
О, засияйте мне, лучи любимых глаз,
Вы, косы нежные, обвейте мне колени!

Нет! Ночь... Всё та же ночь. Мираж любви погас,
И так же, с сумраком таинственно слнваясь,
Три тени белые в немой и долгий час

Мне сердце леденят, тоской в него впиваясь...

1902

280. ОГНЕННАЯ ЖЕРТВА

С тех пор, как истины прияли люди свет,
Свершилось 1618 лет.
На небе знойный день. У пышного примаса
Гостей по городу толпится с ночи масса;

Слились и яркий звон и гул колоколов,
И море зыблется на площади голов.
По скатам красных крыш и в волны злато льется,
И солнце городу нарядному смеется,

На стены черные обители глядит,
Мосты горбатые улыбкой золотит,
И блещет меж зубцов кривых и старых башен,
Где только что мятеж вставал и зол, и страшен.

Протяжным рокотом, как гулом вешних вод,
Тупик, и улицу, и площадь, и проход,
Сливаясь, голоса и шумы заливают,
И руки движутся, и плечи напирают.

Всё в белом иноки: то черный, то седой,
То гладко выбритый, то с длинной бородой,
Тонсуры, лысины, шлыки и капюшоны,
На кровных скакунах надменные бароны,

Попоны, шитые девизами гербов,
И ведьмы старые с огрызками зубов...
И дамы пышные на креслах и в рыдванах,
И белые брыжи на розовых мещанах,

И винный блеск в глазах, и винный аромат
Меж пестрой челяди гайдучьей и солдат.
Шуты и нищие, ханжи и проститутки,
И кантов пение, и площадные шутки,

И с ночи, кажется, все эти люди тут,
Чтоб видеть, как живым еретика сожгут.
А с высоты костра, по горло цепью скручен,
К столбу дубовому привязан и измучен,

На море зыбкое взирает еретик,
И мрачной горечью подернут строгий лик.

Он видит у костра безумных изуверов,
Он слышит вопли их и гимны лицемеров.

В горячке диких снов воздев себе венцы,
Вот злые двинулись попарно чернецы;
Дрожат уста у них от бешеных хулений,
Их руки грязные бичуют светлый гений,

Из глаз завистливых струится темный яд:
Они пожрать его, а не казнить хотят.
И стыдно за людей прикованному стало...
Вдруг занялся огонь, береста затрещала,

Вот пурпурный язык ступни ему лизнул
И быстро пó пояс змеею обогнул.
Надулись волдыри и лопнули, и точно
Назревшей мякотью плода кто брызнул сочной.

Когда ж огонь ему под сердце подступил,
«О боже, боже мой!» — он в муках возопил.
А с площади монах кричит с усмешкой зверской:
«Что, дьявольская снедь, отступник богомерзкий?

О боге вспомнил ты, да поздно на беду.
Ну, здесь не догоришь — дожаришься в аду».
И, муки еретик гордыней подавляя
И страшное лицо из пламени являя,

Где кожу черную кипящий пот багрил,
На жалком выродке глаза остановил
И словом из огня стегнул его, как плетью:
«Холоп, не радуйся напрасно... междометью!»

Тут бешеный огонь слова его прервал,
Но гнев и меж костей там долго бушевал...

281. ЯВЛЕНИЕ БОЖЕСТВА

Над светлым озером Норвегии своей
Она идет, мечту задумчиво лелея,
И шею тонкую кровь розовая ей
Луча зари златит среди снегов алее.

Берез лепечущих еще прозрачна сень,
И дня отрадного еще мерцает пламя,
И бледных вод лазурь ее качает тень,
Беззвучно бабочек колеблема крылами.

Эфир обвеет ли волос душистых лен,
Он зыбью пепельной плечо ей одевает,
И занавес ресниц дрожит, осеребрен
Полярной ночью глаз, когда их закрывает.

Ни тени, ни страстей им не оставят дни,
Из мира дольнего умчались их надежды:
Не улыбалися, не плакали они,
И в голубую даль глядят спокойно вежды.

И страж задумчивый мистических садов
С балкона алого следит с улыбкой нежной
За легким призраком норвежских берегов
Среди бессмертных волн одежды белоснежной.

17—19 января 1901
Царское Село

282. НЕГИБНУЩИЙ АРОМАТ

Если на розу полей
Солнце Лагора сияло,
Душу ее перелей
В узкое горло фиала.

Глину ль насытит бальзам
Или обвеет хрусталь,
С влагой божественной нам
Больше расстаться не жаль:

Пусть, орошая утес,
Жаркий песок она пóит,
Розой оставленных слез
Море потом не отмоет.

Если ж фиалу в кусках
Выпадет жребий лежать,
Будет, блаженствуя, прах
Розой Лагора дышать.

Сердце мое как фиал,
Не пощаженный судьбою,
Пусть он недолго дышал,
Дивная влага, тобою;

Той, перед кем пламенел
Чистый светильник любви,
Благословляя удел,
Муки простил я свои.

Сердцу любви не дано,—
Но, и меж атомов атом,
Будет бессмертно оно
Нежным твоим ароматом.

283. НАД УМЕРШИМ ПОЭТОМ

О ты, чей светлый взор на крыльях горней рати
Цветов неведомых за радугой искал
И тонких профилей в изгибах туч и скал,
Лежишь недвижим ты,— и на глазах печати.

Дышать — глядеть — внимать — лишь ветер,
пыль и гарь...
Любить? Фиал златой, увы! но желчи полный.
Как бог скучающий покинул ты алтарь,
Чтобы волной войти туда, где только волны.

На безответный гроб и тронутый скелет
Слеза обрядная прольется или нет,
И будет ли тобой банальный век гордиться,

Но я твоей, поэт, завидую судьбе:
Твой тих далекий дом, и не грозит тебе
Позора — понимать, и ужаса — родиться.

284. МАЙЯ

О Майя, о поток химер неуловимых,
Из сердца мечешь ты фонтан живых чудес!
Там наслажденья миг, там горечь слез незримых,
И темный мир души, и яркий блеск небес.
И самые сердца рожденных на мгновенье
В цепи теней твоих, о Майя, только звенья.
Миг — и гигантская твоя хоронит тень
В веках прошедшего едва рожденный день
С слезами, воплями и кровью в нежных венах...
Ты молния? Ты сон? Иль ты бессмертья ложь?
О, что ж ты, ветхий мир? Иль то, на что похож,
Ты вихорь призраков, в мельканий забвенных?

285

О ты, которая на миг мне воротила
Цветы весенние, благословенна будь.
Люблю я, лучший сон вздымает сладко грудь,
И не страшит меня холодная могила.

Вы, милые глаза, что сердцу утро дней
Вернули,— чарами объятого поныне
Забыть вы можете — вам не отнять святыни:
В могиле вечности я неразлучен с ней.

Поль Верлен

286. СОН, С КОТОРЫМ Я СРОДНИЛСЯ

Сонет

Мне душу странное измучило виденье,
Мне снится женщина, безвестна и мила,
Всегда одна и та ж и в вечном измененьи,
О, как она меня глубоко поняла...

Всё, всё открыто ей... Обманы, подозренья,
И тайна сердца ей, лишь ей, увы! светла.
Чтоб освежить слезой мне влажный жар чела,
Она горячие рождает испаренья.

Брюнетка? русая? Не знаю, а волос
Я ль не ласкал ее? А имя? В нем слилось
Со звучным нежное, цветущее с отцветшим;

Взор, как у статуи, и нем, и углублен,
И без вибрации, спокоен, утомлен.
Такой бы голос шел к теням, от нас ушедшим...

287. LE RÊVE FAMILIER[1]

Мы полюбили друг друга в минуты глубокого сна:
Призрак томительно-сладкий и странный — она.

Маски, и вечно иной, никогда предо мной не снимая,
Любит она и меня понимает, немая...

Так, к изголовью приникнув, печальная нежная мать
Сердцем загадки умеет одна понимать.

Если же греза в морщинах горячую влагу рождает,
Плача, лицо мне слезами она прохлаждает...

Цвета назвать не умею ланиты ласкавших волос,
Имя?.. В нем звучное, помню я, с нежным слилось.

Имя — из мира теней, что тоскуют в лазури сияний,
Взоры — глубокие взоры немых изваяний.

Голос — своею далекой, и нежной, и вечной мольбой,
Напоминая умолкших, зовет за собой...

1901

288. COLLOQUE SENTIMENTAL[2]

Забвенный мрак аллей обледенелых
Сейчас прорезали две тени белых.
Из мертвых губ, подъяв недвижный взор,
Они вели беззвучный разговор;

---

[1] Привычный сон (фр.).— *Ред.*
[2] Чувствительная беседа (фр.).— *Ред.*

И в тишине аллей обледенелых
Взывали к прошлому две тени белых:
«Ты помнишь, тень, наш молодой экстаз?»
— «Вам кажется, что он согрел бы нас?»
— «Не правда ли, что ты и там всё та же,
Что снится тень моя тебе?» — «Миражи».
— «Нет, первого нам не дано забыть
Лобзанья жар... Не правда ль?» — «Может
быть».
— «Тот синий блеск небес, ту веру в силы?»
— «Их черные оплаканы могилы».
Вся в инее косматилась трава,
И только ночь их слышала слова.

289

Начертания ветхой триоди
Нежным шепотом будит аллея,
И, над сердцем усталым алея,
Загораются тени мелодий.

Их волшебный полет ощутив,
Сердце мечется в узах обмана,
Но навстречу ему из тумана
Выплывает банальный мотив.

О, развеяться в шепоте елей...
Или ждать, чтоб мечты и печали
Это сердце совсем закачали,
И, заснувши... скатиться с качелей?

290. ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Сердце исходит слезами,
Словно холодная туча...
Сковано тяжкими снами,
Сердце исходит слезами.

Льются мелодией ноты
Шелеста, шума, журчанья,
В сердце под игом дремоты
Льются дождливые ноты...

Только не горем томимо
Плачет, а жизнью наскуча,
Ядом измен не язвимо,
Мерным биеньем томимо.

Разве не ху́же мучений
Эта тоска без названья?
Жить без борьбы и влечений
Разве не хуже мучений?

291

Я долго был безумен и печален
От темных глаз ее, двух золотых миндалин.

И всё тоскую я, и всё люблю,
Хоть сердцу уж давно сказал: «Уйди, молю»,

Хотя от уз, от нежных уз печали
И ум и сердце вдаль, покорные, бежали.

Под игом дум, под игом новых дум,
Волнуясь, изнемог нетерпеливый ум,

И сердцу он сказал: «К чему ж разлука,
Когда она всё с нами, эта мука?»

А сердце, плача, молвило ему:
«Ты думаешь, я что-нибудь пойму?

Не разберусь я даже в этой муке.
Да и бывают ли и вместе, и в разлуке?»

292. ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ СБОРНИКА «SAGESSE» [1]

Мне под маскою рыцарь с коня не грозил,
Молча старое сердце мне Черный пронзил,

И пробрызнула кровь моя алым фонтаном,
И в лучах по цветам разошлася туманом.

---

[1] Мудрость (фр.).— *Ред.*

Веки сжала мне тень, губы ужас разжал,
И по сердцу последний испуг пробежал.

Черный всадник на след свой немедля вернулся,
Слез с коня и до трупа рукою коснулся.

Он, железный свой перст в мою рану вложив,
Жестким голосом так мне сказал: «Будешь жив».

И под пальцем перчатки целителя твердым
Пробуждается сердце и чистым и гордым.

Дивным жаром объяло меня бытие,
И забилось, как в юности, сердце мое.

Я дрожал от восторга и чада сомнений,
Как бывает с людьми перед чудом видений.

А уж рыцарь поодаль стоял верховой;
Уезжая, он сделал мне знак головой,

И досель его голос в ушах остается:
«Ну, смотри. Исцелить только раз удается».

293. ТОМЛЕНИЕ

Сонет

Я — бледный римлянин эпохи Апостата.
Покуда портик мой от гула бойни тих,
Я стилем золотым слагаю акростих,
Где умирает блеск пурпурного заката.

Не медью тяжкою, а скукой грудь объята,
И пусть кровавый стяг там веет на других,
Я не люблю трубы, мне дики стоны их,
И нестерпим венок, лишенный аромата.

Но яд или ланцет мне дней не прекратят.
Хоть кубки допиты, и паразит печальный
Не прочь бы был почтить нас речью
погребальной!

Пускай в огонь стихи банальные летят:
Я всё же не один: со мною раб нахальный
И скука желтая с усмешкой инфернальной.

294. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Средь золотых шелков палаты Экбатанской
Сияя юностью, на пир они сошлись
И всем семи грехам забвенно предались,
Безумной музыке покорны мусульманской.

То были демоны, и ласковых огней
Всю ночь желания в их лицах не гасили,
Соблазны гибкие с улыбками алмей
Им пены розовой бокалы разносили.

В их танцы нежные под ритм эпиталамы
Смычок рыдание тягучее вливал,
И хором пели там и юноши, и дамы,
И, как волна, напев то падал, то вставал.

И столько благости на лицах их светилось,
С такою силою из глаз она лилась,
Что поле розами далеко расцветилось
И ночь алмазами вокруг разубралась.

И был там юноша. Он шумному веселью,
Увит левкоями, отдаться не хотел;
Он руки белые скрестил по ожерелью,
И взор задумчивый слезою пламенел.

И всё безумнее, всё радостней сверкали
Глаза, и золото, и розовый бокал,
Но брат печального напрасно окликал,
И сестры нежные напрасно увлекали.

Он безучастен был к кошачьим ласкам их,
Там черной бабочкой меж камней дорогих
Тоска бессмертная чело ему одела,
И сердцем демона с тех пор она владела.

«Оставьте!» — демонам и сестрам он сказал
И, нежные вокруг напечатлев лобзанья,
Освобождается и оставляет зал,
Им благовонные покинув одеянья.

И вот уж он один над замком, на столпе,
И с неба факелом, пылающим в деснице,
Грозит оставленной пирующей толпе,
А людям кажется мерцанием денницы.

Близ очарованной и трепетной луны
Так нежен и глубок был голос сатаны
И треском пламени так дивно оттенялся:
«Отныне с богом я,— он говорил,— сравнялся.

Между Добром и Злом исконная борьба
Людей и нас давно измучила — довольно!
И если властвовать вся эта чернь слаба,
Пусть жертвой падает она сегодня вольной.

И пусть отныне же, по слову сатаны,
Не станет более Ахавов и пророков,
И не для ужасов уродливой войны
Три добродетели воспримут семь пороков.

Нет, змéю Иисус главы еще не стер:
Не лавры праведным, он тернии дарует,
А я — смотрите — ад, здесь целый ад пирует,
И я кладу его, Любовь, на твой костер».

Сказал — и факел свой пылающий роняет...
Миг — и пожар завыл среди полнощной мглы:
Задрались бешено багровые орлы,
И стаи черных мух, играя, бес гоняет.

Там реки золота, там камня гулкий треск,
Костра бездонного там вой, и жар, и блеск;
Там хлопьев шелковых, искряся и летая,
Гурьба пчелиная кружится золотая.

И, в пламени костра бесстрашно умирая,
Веселым пением там величают смерть
Те, чуждые Христа, не жаждущие рая,
И, воя, пепел их с земли уходит в твердь.

А он на вышине, скрестивши гордо руки,
На дело гения взирает своего,
И будто молится, но тихих слов его
Расслышать не дают бесовских хоров звуки.

И долго тихую он повторял мольбу,
И языки огней он провожал глазами,
Вдруг — громовой удар — и вмиг погасло пламя,
И стало холодно и тихо, как в гробу.

Но жертвы демонов принять не захотели:
В ней зоркость божьего всесильного суда
Коварство адское открыло без труда,
И думы гордые с творцом их улетели.

И тут страшнейшее случилось из чудес:
Чтоб только тяжким сном вся эта ночь казалась,
Чертог стобашенный из Мидии исчез,
И камня черного на поле не осталось.

Там ночь лазурная и звездная лежит
Над обнаженною евангельской долиной,
Там в нежном сумраке, колеблема маслиной,
Лишь зелень бледная таинствено дрожит.

Ручьи холодные струятся по каменьям,
Неслышно филины туманами плывут,
Так самый воздух полн и тайной, и забвеньем,
И только искры волн — мгновенные — живут.

Неуловимая, как первый сон любви,
С холма немая тень вздымается вдали,
А у седых корней туман осел уныло,
Как будто тяжело ему пробиться было.

Но, мнится, синяя уж тает тихо мгла,
И, словно лилия, долина оживает:
Раскрыла лепестки, и вся в экстаз ушла,
И к Милосердию Небесному взывает.

1901

295. ВЕЧЕРОМ

Пусть бледная трава изгнанника покоит,
Иль ель вся в инее серебряная кроет,
Иль, как немая тень, исчадье тяжких снов,
Тоскуя бродит он вдоль скифских берегов,—
Пока средь стад своих, с лазурными очами
Сарматы грубые орудуют бичами,—
Свивая медленно с любовию печаль,
Очами жадными поэт уходит в даль...
В ту даль безбрежную, где волны заклубились;
Редея, волосы седеющие сбились,
И ветер, леденя открытое чело,
Уносит из прорех последнее тепло.
Тоскою бровь свело над оком ослабелым,
И волосом щека подернулася белым,
И повесть мрачную страстей и нищеты
Рассказывают нам увядшие черты:
О лжи и зависти они взывают к свету,
И цезаря зовут, бесстрашные, к ответу.
А он всё Римом полн — и болен и гоним,
Он славой призрачной венчает тот же Рим.
На темный жребий мой я больше не в обиде:
И наг, и немощен был некогда Овидий.

1901

296

Я устал и бороться, и жить, и страдать,
Как затравленный волк от тоски пропадать.
    Не изменят ли старые ноги,
    Донесут ли живым до берлоги?
Мне бы в яму теперь завалиться и спать.
А тут эти своры... Рога на лугу.
Истерзан и зол я по кочкам бегу.
Далеко от людей схоронил я жилье,
Но у этих собак золотое чутье,
    У Завистливой, Злой да Богатой.
    И в темных стенах каземата
Длится месяцы, годы томленье мое.
На ужин-то ужас, беда на обед,
Постель-то на камне, а отдыха нет.

297. Я — МАНИАК ЛЮБВИ

Во мне живет любви безвольный маниак:
Откуда б молния ни пронизала мрак,
Навстречу ль красоте, иль доблести, иль силам,
Взовьется и летит безумец с жадным пылом.
Еще мечты полет в ушах не отшумит,
Уж он любимую в объятьях истомит.
Когда ж покорная подруга крылья сложит,
Он удаляется печальный,— он не может
Из сердца вырвать сна,— часть самого себя
Он оставляет в нем...
Но вот опять любя
Ладья его летит на острова Иллюзий
За горьким грузом слез... Усладу в этом грузе
В переживаньи мук находит он: свою
Он мигом оснастил крылатую ладью
И, дерзкий мореход, в безвестном океане
Плывет, как будто путь он изучил заране:
Там берег *должен быть* — обетованье грез!
Пусть разобьет ладью в пути ему утес...
С трамплина нового он землю различает,
Он в волны прыгает, плывет и доплывает
До мыса голого... Измучен, ночь и день
Там жадно кружит он: растет и тает тень,
Безумец всё кружит средь дикости безвестной:
Ни травки, ни куста, ни капли влаги пресной;
Палящий жар в груди, часы голодных мук,—
И жизни ни следа, и ни души вокруг,
Ни сердца, как его... Ну, пусть бы не такого,
Но чтобы билось здесь, реального, живого,
Пусть даже низкого... но сердца... Никого...
Он ждет, он долго ждет... Энергию его
Двоят и жар, и страсть... И долго в отдаленьи
Безумцу грезится забытому спасенье,
Всё парус грезится... Но безответна твердь,
И парус, может быть, увидит только Смерть.
Что ж? Он умрет, земли, пожалуй, не жалея...
Лишь эта цепь потерь с годами тяжелее!
О, эти мертвецы! И, сам едва живой,
Души мятущейся природой огневой
В могилах он живет. Усладу грусти нежной
Лишь мертвые несут его душе мятежной.
Как к изголовью, он к их призракам прильнет.

Он с ними говорит, их видит, и заснет
Он с мыслию о них, чтоб, бредя, пробудиться...
Я — маниак любви... Что ж делать?
Покориться.

298. IMPRESSION FAUSSE [1]

(Из сборника «Parallèlement» [2])

Мышь... покатилася мышь
В пыльном поле точкою чернильной...
Мышь... покатилася мышь...
По полям чернильным точкой пыльной.

Звон... или чудится звон...
Узникам моли покойной ночи.
Звон... или чудится звон...
А бессонным ночи покороче.

Сны — невозможные сны,
Если вас сердцам тревожным надо,
Сны — невозможные сны,
Хоть отравленной пойте нас усладой.

Луч... загорается луч...
Кто-то ровно дышит на постели.
Луч... загорается луч...
Декорация... иль месяц в самом деле?

Тень... надвигается тень...
Чернота ночная нарастает.
Тень... надвигается тень...
Но зарею небо зацветает.

Мышь... покатилася мышь,
Но в лучах лазурных розовея.
Мышь... покатилася мышь,
Эй — вы, сони... к тачкам поживее!..

---

[1] Галлюцинация, ложное впечатление (фр.).— *Ред.*
[2] «Параллели» (фр.).— *Ред.*

299. КАПРИЗ

Неуловимый маг в иллюзии тумана,
Среди тобою созданных фигур
Я не могу узнать тебя, авгур,
Но я люблю тебя, правдивый друг обмана!
Богач комедии и нищий из романа,
То денди чопорный, то юркий балагур,
Ты даже прозу бедную одежды
От фрака строгого до «колеров надежды»
Небрежным гением умеешь оживить:
Здесь пуговицы нет, зато свободна нить,
А там на рукаве в гармонии счастливой
Смеется след чернил и плачет след подливы.
За ярким натянул ты матовый сапог,
А твой изящный бант развязан так красиво,
Что, глядя на тебя, сказать бы я не мог,
Неуловимый маг, и ложный, но не лживый,
Гулять ли вышел ты на розовой заре
Иль вешаться идешь на черном фонаре.
Загадкою ты сердце мне тревожишь,
Как вынутый блестящий нож,
Но если вещий бред поэтов только ложь,
Ты, не умея лгать, не лгать не можешь.
Увив безумием свободное чело,
Тверди ж им, что луна детей озябших греет,
Что от нее сердцам покинутым тепло,
Передавай им ложь про черное крыло,
Что хлороформом смерти нежно веет,
Покуда в сердце зуб больной не онемеет...
Пой мукн их, поэт. Но гордо о *своей*
Молчи,— в ответ, увы! Эльвнра засмеется.
Пусть сердце ранено, пусть кровью обольется
Незримая мишень завистливых друзей,—
Ты сердца, что любовью к людям бьется,
Им не показывай и терпеливо жди:
Пусть смерть одна прочтет его в грудн,—
И белым ангелом в лазурь оно взовьется.

Сюлли Прюдом

300. ПОСВЯЩЕНИЕ

Когда стихи тебе я отдаю,
Их больше бы уж сердце не узнало,
И лучшего, что в сердце я таю,
Ни разу ты еще не прочитала.
Как около приманчивых цветов
Рой бабочек, белея нежно, вьется,
Так у меня о розы дивных снов
Чтó звучных строф крылом жемчужным бьется.

Увы! рука моя так тяжела:
Коснусь до них — и облако слетает,
И с нежного, дрожащего крыла
Мне только пыль на пальцы попадает..
Мне не дано, упрямых изловив,
Сберечь красы сиянье лучезарной,
Иль, им сердец булавкой не пронзив,
Рядами их накалывать попарно.
И пусть порой любимые мечты
Нарядятся в кокетливые звуки,
Не мотыльков в стихах увидишь ты,
Лишь пылью их окрашенные руки.

301. ИДЕАЛ

Прозрачна высь. Своим доспехом медным
Средь ярких звезд и ласковых планет
Горит луна. А здесь, на поле бледном,
Я полон грез о той, которой нет;

Я полон грез о той, чья за туманом
Незрима нам алмазная слеза,
Но чьим лучом, земле обетованным,
Иных людей насытятся глаза.

Когда, бледней и чище звезд эфира,
Она взойдет средь чуждых ей светил,—
Пусть кто-нибудь из вас, последних мира,
Расскажет ей, что я ее любил.

⟨1899⟩

302

С подругой бледною разлуки
Остановить мы не могли:
Скрестив безжизненные руки,
Ее отсюда унесли.

Но мне и мертвая свиданье
Улыбкой жуткою сулит,
И тень ее меня томит
Больнее, чем воспоминанье.

Прощанье ль истомило нас,
Слова ль разлуки нам постыли?..
О, отчего вы, люди, глаз,
Глаз отчего ей не закрыли?

303. КОГДА Б Я БОГОМ БЫЛ...

Когда б я богом стал, земля Эдемом стала б,
И из лучистых глаз, сияя, как кристалл,
Лишь слезы счастия бежали б, чужды жалоб,
Когда б я богом стал.

Когда б я богом стал, среди душистой рощи
Корой бы нежный плод, созрев, не зарастал,
И самый труд бы стал веселым чувством мощи,
Когда б я богом стал.

Когда б я богом стал, вокруг тебя играя,
Всегда иных небес лазурный сон витал,
Но ты осталась бы всё та же в высях рая,
Когда б я богом стал.

Ночь на 28 декабря 1900

304. ТЕНИ

Остановлюсь— лежит. Иду — и тень идет,
Так странно двигаясь, так мягко выступая;
Глухая слушает, глядит она слепая,
Поднимешь голову, а тень уже ползет.

Но сам я тоже тень. Я облака на небе
Тревожный силуэт. Скользит по формам взор,
И ум мой ничего не создал до сих пор:
Иду, куда влечет меня всевластный жребий.

Я тень от ангела, который сам едва
Один из отблесков последних божества,
Бог повторен во мне, как в дереве кумира,

А может быть, теперь среди иного мира,
К жерлу небытия дальнейшая ступень,
От этой тени тень живет и водит тень.

305. UN BONHOMME [1]

Когда-то человек и хил, и кроток жил.
Пока гранению им стекла подвергались,
Идею божества он в формулы вложил,
Такие ясные, что люди испугались.

С большою простотой он многих убедил,
Что и добра и зла понятия слагались
И что лишь нитями незримо подвигались
Те *мы*, которых он к фантомам низводил.

Он Библию любил и чтил благочестиво,
Но действий божества он в ней искал мотивы,
И на него горой восстал синедрион.

И он ушел от них — рука его гранила,
Чтобы ученые могли считать светила,
А называется Вару́х Спиноза он.

306. СОМНЕНИЕ

Белеет Истина на черном дне провала.
Зажмурьтесь, робкие, а вы, слепые, прочь!
Меня безумная любовь околдовала:
Я к ней хочу, туда, туда, в немую ночь.

[1] Честный малый (фр.).— *Ред.*

Как долго эту цепь разматывать паденьем...
Вся наконец и цепь... И ничего... круги...
Я руки вытянул... Напрасно... Напряженьем
Кружим мучительно... Ни точки и ни зги...

А Истины меж тем я чувствую дыханье:
Вот мерным сделалось и цепи колыханье,
Но только пустоту пронзает мой размах...

И цепи, знаю я, на пядь не удлиниться,—
Сиянье где-то там, а здесь, вокруг темница,
Я — только маятник, и в сердце — только страх.

307

У звезд я спрашивал в ночи:
«Иль счастья нет и в жизни звездной?»
Так грустны нежные лучи
Средь этой жуткой черной бездны.

И мнится, горнею тропой,
Облиты бледными лучами,
Там девы в белом со свечами
Печальной движутся стопой.

Иль всё у вас моленья длятся,
Иль в битве ранен кто из вас,—
Но не лучи из ваших глаз,
А слезы светлые катятся.

308. АГОНИЯ

Над гаснущим в томительном бреду
    Не надо слов — их гул нестроен;
Немного музыки — и тихо я уйду
    Туда — где человек спокоен.

Все чары музыки, вся нега оттого,
    Что цепи для нее лишь нити;
Баюкайте печаль, но ничего
    Печали вы не говорите.

Довольно слов — я им устал внимать,
Распытывать, их чисты ль цели:
Я не хочу того, что надо понимать,
Мне надо, чтобы звуки пели...

Мелодии чтоб из одной волны
Лились и пенились другие...
Чтоб в агонию убегали сны,
Несла в могилу агония...

Над гаснущим в томительном плену
Не надо слов,— их гул нестроен,
Но если я под музыку усну,
Я знаю: будет сон спокоен.

Найдите няню старую мою:
У ней пасти стада еще есть силы;
Вы передайте ей каприз мой на краю
Моей зияющей могилы.

Пускай она меня потешит, спев
Ту песню, что давно певала;
Мне сердце трогает простой ее напев,
Хоть там и пенья мало.

О, вы ее отыщете — живуч
Тот род людей, что жнет и сеет,
А я из тех, кого и солнца луч
Уж к сорока годам не греет.

Вы нас оставите... Былое оживет,
Презрев туманную разлуку,
Дрожащим голосом она мне запоет,
На влажный лоб положит тихо руку...

Ведь может быть: из всех она одна
Меня действительно любила...
И будет вновь душа унесена
К брегам, что утро золотило.

Чтоб, как лампаде, сердцу догореть,
Иль, как часам, остановиться,
Чтобы я мог так просто умереть,
Как человек на свет родится.

Над гаснущим в томительном бреду
Не надо слов — их гул нестроен;
Немного музыки — и я уйду
Туда — где человек спокоен.

1901

Артюр Рембо

309. ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Один из голубых и мягких вечеров...
Стебли колючие и нежный шелк тропинки,
И свежесть ранняя на бархате ковров,
И ночи первые на волосах росинки.

Ни мысли в голове, ни слова с губ немых,
Но сердце любит всех, всех в мире без изъятья,
И сладко в сумерках бродить мне голубых,
И ночь меня зовет, как женщина в объятья...

310. БОГЕМА

Не властен более подошвы истоптать,
В пальто, которое достигло идеала,
И в сане вашего, о Эрато́, вассала
Под небо вольное я уходил мечтать.

Я забывал тогда изъяны... в пьедестале
И сыпал рифмами, как зернами весной,
А ночи проводил в отеле «Под луной»,
Где шелком юбок слух мне звезды щекотали.

Я часто из канав их шелесту внимал
Осенним вечером, и, как похмелья сила,
Весельем на сердце и лаской ночь росила.

Мне сумрак из теней там песни создавал,
Я ж к сердцу прижимал носок моей ботинки
И, вместо струн, щипал мечтательно резинки.

311. ФЕИ РАСЧЕСАННЫХ ГОЛОВ

На лобик розовый и влажный от мучений
Сзывая белый рой несознанных влечений,
К ребенку нежная ведет сестру сестра,
Их ногти — жемчуга с отливом серебра.
И, посадив дитя пред рамою открытой,
Где в синем воздухе купаются цветы,
Они в тяжелый лен, прохладою омытый,
Впускают грозные и нежные персты.
Над ним, мелодией дыханья слух балуя,
Незримо розовый их губы точат мед;
Когда же вздох порой его себе возьмет,
Он на губах журчит желаньем поцелуя.
Но, черным веером ресниц их усыплен,
И ароматами, и властью пальцев нежных,
Послушно отдает ребенок сестрам лен,
И жемчуга щитов уносят прах мятежиых.
Тогда истомы в нем подъемлется вино,
Как мех гармонии, когда она вздыхает...
И в ритме ласки их волшебной заодно
Всё время жажда слез, рождаясь, умирает.

Стефан Малларме

312. ДАР ПОЭМЫ

О, не кляни ее за то, что Идумеи
На ней клеймом горит таинственная ночь!
Крыло ее в крови, а волосы как змеи,
Но это дочь моя, пойми: родная дочь.
Когда чрез золото и волны аромата
И пальмы бледные холодного стекла
На светоч ангельский денница пролила
Свой первый робкий луч, и сумрак синеватый
Отца открытием нежданным поразил,
Печальный взор его вражды не отразил,
Но ты, от мук еще холодная, над зыбкой
Ланиты бледные ты склонишь ли с улыбкой
И слабым голосом страданий и любви
Шепнешь ли бедному творению: «Живи»?

Нет! Если б даже грудь над ней ты надавила
Движеньем ласковым поблекшего перста,
Не освежить тебе, о белая Сивилла,
Лазурью девственной сожженные уста.

313. ГРОБНИЦА ЭДГАРА ПОЭ

Лишь в смерти ставший тем, чем был он
изначала,
Грозя, заносит он сверкающую сталь
Над не понявшими, что скорбная скрижаль
Царю немых могил осанною звучала.

Как гидра некогда отпрянула, виясь,
От блеска истины в пророческом глаголе,
Так возопили вы, над гением глумясь,
Что яд философа развел он в алкоголе.

О, если, туч и скал осиля тяжкий гнев,
Идее не дано отлиться в барельеф,
Чтоб им забвенная отметилась могила,

Хоть ты, о черный след от смерти золотой,
Обломок лишнего в гармонии светила,
Для крыльев Дьявола отныне будь метóй.

Шарль Кро

314. СУШЕНАЯ СЕЛЕДКА

Видали ль вы белую стену — пустую, пустую, пустую?
Не видели ль лестницы возле — высокой, высокой,
высокой?
Лежала там близко селедка — сухая, сухая, сухая...
Пришел туда мастер, а руки — грязненьки, грязненьки,
грязненьки.
Принес молоток свой и крюк он — как шило, как шило,
как шило...
Принес он и связку бечевок — такую, такую, такую.

По лестнице мастер влезает — высоко, высоко, высоко,
И острый он крюк загоняет — да туки, да туки, да туки!
Высоко вогнал его в стену — пустую, пустую, пустую;
Вогнал он и молот бросает — лети, мол, лети, мол,
лети, мол!
И вяжет на крюк он бечевку — длиннее, длиннее,
длиннее,
На кончик бечевки селедку — сухую, сухую, сухую.
И с лестницы мастер слезает — высокой, высокой,
высокой,
И молот с собою уносит — тяжелый, тяжелый, тяжелый,
Куда неизвестно, но только — далеко, далеко, далеко.
С тех пор и до этих селедка — сухая, сухая, сухая,
На кончике самом бечевки — на длинной, на длинной,
на длинной,
Качается тихо, чтоб вечно — качаться, качаться,
качаться...
Сложил я историю эту — простую, простую, простую,
Чтоб важные люди, прослушав, сердились, сердились,
сердились,
И чтоб позабавить детишек таких вот... и меньше...
и меньше.

315. СМЫЧОК

У нее были косы густые
И струились до пят, развитые,
Точно колос полей, золотые.

Голос фей, но странней и нежней,
И ресницы казались у ней
От зеленого блеска черней.

Но ему, когда конь мимо пашен
Мчался, нежной добычей украшен,
Был соперник ревнивый не страшен.

Потому что она никогда
До него, холодна и горда,
Никому не ответила: «Да».

Так безумно она полюбила,
Что когда его сердце остыло,
То в своем она смерть ощутила.

И внимает он бледным устам:
«На смычок тебе косы отдам:
Очаруешь ты музыкой дам».

И, лобзая, вернуть он не мог
Ей румянца горячего щек,—
Он из кос ее сделал смычок.

Он лохмотья слепца надевает,
Он на скрипке кремонской играет
И с людей подаянье сбирает.

И, чаруя, те звуки пьянят,
Потому что в них слезы звенят,
Оживая, уста говорят.

Царь своей не жалеет казны,
Он в серебряных тенях луны
Увезенной жалеет жены.

. . . .

Конь усталый с добычей не скачет,
Звуки льются... Но что это значит,
Что смычок упрекает и плачет?

Так томительна песня была,
Что тогда же и смерть им пришла;
Свой покойница дар унесла;

И опять у ней косы густые,
И струятся до пят, развитые,
Точно колос полей, золотые...

316

Do, re, mi, fa, sol, la, si, do.
Ням-ням, пипи, аа, бобо.
Do, si, la, sol, fa, mi, re, do.

Папаша бреется. У мамы
Шипит рагу. От вечной гаммы,
Свидетель бабкиных крестин,

У дочки стонет клавесин...
Ботинки, туфельки, сапожки
Прилежно ваксит старший сын
И на ножищи, и на ножки...
Они все вместе в Luxembourg[1]
Идут сегодня делать тур,
Но будут дома очень рано
И встанут в шесть... чтоб неустанно

Do, re, mi, fa, sol, la, si, do.
Ням-ням, пипи, аа, бобо.
Do, si, la, sol, fa, mi, re, do.

Морис Роллина́

317. БОГЕМА

Сонет

Последний мой приют — сей пошлый макадам,
Где столько лет влачу я старые мозоли
В безумных поисках моей пропавшей доли,
А голод, как клеврет, за мною по пятам.

Твоих, о Вавилон, вертепов блеск и гам
Коробку старую мою не дразнят боле!
Душа там скорчилась от голода и боли,
И черви бледные гнездятся, верно, там.

Я призрак, зябнущий в зловонии отребий,
С которыми сравнял меня завидный жребий,
И даже псов бежит передо мной орда;

Я струпьями покрыт, я стар, я гнил, я — парий
Но ухмыляюсь я презрительно, когда
Помыслю, что ни с кем не хаживал я в паре

---

[1] Люксембургский сад (в Париже), произносится: Люксамбур (фр.).— *Ред.*

318. БИБЛИОТЕКА

Я приходил туда, как в заповедный лес:
Тринадцать старых ламп, железных и овальных,
Там проливали блеск мерцаний погребальных
На вековую пыль забвенья и чудес.

Тревоги тайные мой бедный ум гвоздили,
Казалось, целый мир заснул иль опустел;
Там стали креслами тринадцать мертвых тел.
Тринадцать желтых лиц со стен за мной следили.

Оттуда, помню, раз в оконный переплет
Я видел лешего причудливый полет,
Он извивался весь в усильях бесполезных:

И содрогнулась мысль, почуяв тяжкий плен,—
И пробили часы тринадцать раз железных
Средь запустения проклятых этих стен.

319. БЕЗМОЛВИЕ

(тринадцать строк)

Безмолвие — это душа вещей,
Которым тайна их исконная священна,
Оно бежит от золота лучей,
Но розы вечера зовут его из плена;
С ним злоба и тоска безумная забвенна,
Оно бальзам моих мучительных ночей,
Безмолвие — это душа вещей,
Которым тайна их исконная священна.
Пускай роз вечера живые горячей,—
Ему милей приют дубравы сокровенной,
Где спутница печальная ночей
Подолгу сторожит природы сон священный...
Безмолвие — это душа вещей.

Лето 1898
Каменец

320. ПРИЯТЕЛЬ

Одетый в черное, он бледен был лицом,
И речи, как дрова, меж губ его трещали,
    В его глазах холодный отблеск стали
Сменялся иногда зловещим багрецом.

Мы драмы мрачные с ним под вечер читали,
Склонялись вместе мы над желтым мертвецом,
Высокомерие улыбки и печали
Сковали вместе нас таинственным кольцом.

Но это черное и гибкое созданье
В конце концов меня приводит в содроганье.
«Ты — дьявол»,— у меня сложилось на губах.

Он мигом угадал: «Вам боженька милее,
Так до свидания, живите веселее!
А дьявол вам дарит Неисцелимый Страх».

Тристан Корбьер

321—322. *ДВА ПАРИЖА*

1

НОЧЬЮ

Ты — море плоское в тот час, когда отбой
Валы гудящие угнал перед собой,
А уху чудится прибоя ропот слабый,
И тихо черные заворошились крабы.

Ты — Стикс, но высохший, откуда, кончив лов,
Уносит Диоген фонарь, на крюк надетый,
И где для удочек «проклятые» поэты
Живых червей берут из собственных голов.

Ты — щетка жнивника, где в грязных нитях рони
Прилежно роется зловонный рой вороний,
И от карманников, почуявших барыш,
Дрожа спасается облезлый житель крыш.

Ты — смерть. Полиция храпит, а вор устало
Рук жирно розовых взасос целует сало.
И кольца красные от губ на них видны
В тот час единственный, когда ползут и сны.

Ты — жизнь, с ее волной певучей и живою
Над лакированной тритоньей головою,
А сам зеленый бог в мертвецкой и застыл,
Глаза стеклянные он широко раскрыл.

2

ДНЕМ

Гляди, на небесах, в котле из красной меди
Неисчислимые для нас варятся снеди.
Хоть из остаточков состряпано, зато
Любовью сдобрено и потом полито!

Пред жаркой кухнею толкутся побирашки,
Свежинка с запашком заманчиво бурлит,
И жадно пьяницы за водкой тянут чашки,
И холод нищего оттертого долит.

Не думаешь ли, брат, что, растопив червонцы,
Журчаще-жаркий жир [1] для всех готовит солнце?
Собачьей мы и той похлебки подождем.

Не всем под солнцем быть, кому и под дождем,
С огня давно горшок наш черный в угол сдвинут,
И желчью мы живем, пока нас в яму кинут.

Франсис Жамм

323

Когда для всех меня не станет меж живыми,
С глазами, как жуки на солнце, голубыми,
Придешь ли ты, дитя? Безвестною тропой
Пойдем ли мы одни... одни, рука с рукой?

---

[1] Le gras grouillon grouillant.

О, я не жду тебя дрожащей, без одежды,
Лилея чистая между стыдливых дев,
Я знаю, ты придешь, склоняя робко вежды,
Корсажем розовым младую грудь одев.
И, даже братского не обменив лобзанья,
Вдоль терний мы пойдем, расцветших для терзанья,
Где паутин повис трепещущий намет,
Молчанья чуткого впивая жадно мед.
И иногда, моей смущенная слезою,
Ты будешь нежною рукой мою сжимать,
И мы, волнуясь, как сирени под грозою,
Не будем понимать... не будем понимать...

Вьеле Гриффен

324. ОСЕНЬ

Как холодный дождь изменницей слывет,
Точно ветер и глуха, да оборвет.
Подозрительней, фальшивей вряд ли есть,
Имя осень ей — бродяжит нынче здесь...
Слышишь: палкой-то по стенке барабанит,
    Выйди за́ дверь: право, с этой станет.
Выйди за́ дверь. Пристыди ж ты хоть ее,
Вот неряха-то. Не платье, а тряпье.
Грязи, грязи-то на ботах накопила,
Да не слушай, что бы та ни говорила.
Не пойдет сама... швыряй в нее каменья,
А вопить начнет — не бойся. Представленье.
    Мы давно знакомы... Год назад
    Здесь была, ходила с нами в сад,
Улыбалась, виноградом нас дарила,
Так о солнышке приятно говорила:
«Слышишь, летний, мол, лепечет ветерок,
Поработал, так приятно — на бочок».
Ужин подали — уселась вечерять.
Этой женщины да чтобы не узнать.
Дали нового отведать ей винца,
Принесли потом в сарай мы ей сенца.
Спать ложилася меж телкой и кобылой,
Смотрим: к утру и вода в сенях застыла.

Лист дождем посыпался с тех пор.
Нет, шалишь. Теперь и ставни на запор.
Пусть идет в другие греться сени:
Нынче места нет на нашем сене,
Околачивать других ищи ступе́ней...
Листьев, листьев-то у ней по волосам,
А глаза-то смотрят точно бы из ям.
Голос хриплый — ну, а речи точный мед;
Только нас теперь и этим не возьмет.
Золотом обвесься — нас не тронет,
Подвяжи звонок-то, пусть трезвонит.
Да дровец бы для Мороза припасти,
Не зашел бы дед Морозко по пути.

Анри де Ренье

325. ПРОГУЛКА

Заветный час настал. Простимся, и иди!
Побудь в молчании, одна с своею думой,
Весь этот долгий день — он твой и впереди,
О тени, где меня оставила, не думай.

Иди, свободная и легкая, как сны,
В двойном сиянии улыбки, в ореолах
И утра, и твоей проснувшейся весны;
Ты не услышишь вслед шагов моих тяжелых.

Есть дуб, как жизнь моя, увечен и живуч,
Он к меланхоликам и скептикам участлив
И приютит меня — а покраснеет луч,
В его молчании уж тем я буду счастлив,

Что ветер ласковым движением крыла,
Отвеяв от меня докучный сумрак грезы,
Цветов, которые ты без меня рвала,
Мне аромат домчит, тебе оставя розы.

326

Грозою полдень был тяжелый напоен,
И сад в его уборе брачном
Сияньем солнца мрачным
Был в летаргию погружен.
Стал мрамор как вода, лучами растоплён,
И теплым и прозрачным,
Но в зеркале пруда
Казалась мрамором недвижная вода.

Ада Негри

327. ПОД СНЕГОМ

На поля и дороги, легко и неслышно кружася, падают снежные хлопья. Резвятся белые плясуны в небесном просторе и, усталые, неподвижные, целыми тысячами отдыхают на земле, а там заснут на крышах, на дорогах, на столбах и деревьях.

Кругом — тишина в глубоком забытьи, и ко всему равнодушный мир безмолвен. Но в этом безбрежном покое сердце обернулось к прошлому и думает об усыпленной любви.

328. ТУЧИ

Я стражду. Там, далеко, сонные тучи ползут с безмолвной равнины. На черных крыльях гордо прорезая туман, каркая, пролетают вороны.

Печальные остовы деревьев с мольбой подставили свои нагие ветви под жестокие укусы ветра. Как мне холодно. Я одиа. Под нависшим серым небом носятся стоны угасшего и говорят мне: «Приди. Долина одета туманом, приди, скорбная, приди, разлюбленная».

Гроза прошла от улиц [illegible]
[illegible]
[illegible] недвижной
Над садом солнце и преображенье
[illegible] И [illegible]
Прозрачен как вода меж мрамор в прудах
Казалось прозрачной недвижная вода
[illegible]
[illegible]
И на плечи деревья [illegible]
[illegible]
[illegible]
Под зеленью венца и [illegible]
[illegible]

И на плечи деревья [illegible]
Сбросили кудри [illegible] труд
[illegible] от [illegible] венца
Гордым [illegible]
И пурпуром [illegible]

Гроза прошла. Еще тяжелые капли
И сад пурпурными
Сияньем солнца [illegible]
Весь в изумрудном уборе
Остался [illegible] вода
И [illegible] прозрачной
Как в зеркале пруда
Казалось [illegible] недвижимая вода

329. ЗДРАВСТВУЙ, НИЩЕТА

Кто это стучится в мою дверь?

Здравствуй, нищета, ты не страшна мне.

Войди и повей холодом смерти.

Я приму тебя, суровая и спокойная.

Беззубое привидение с руками скелета, посмотри — я смеюсь тебе в лицо.

Тебе и этого мало! Что ж, подойди, проклятое видение, отними от меня надежду, когтистой лапой захвати мое сердце и простри крыло над скорбным ложем моей матери, которая умирает.

Ты беснуешься. Напрасно.

Молодость моя, жизнь моя, ты не увидишь моей погибели в роковой борьбе. Над грудой обломков, над всеми муками жизни горят и блещут мои двадцать лет.

Тебе не отнять у меня божественной силы, что сжигает мне сердце, тебе не остановить бешеного полета, который влечет меня. Твое жало бессильно.

Я иду своей дорогой, о черная богиня.

Посмотри там, в мире, сколько там солнца, сколько роз, слышишь ли в радостном небе веселые трели ласточки, что за блеск верований и идеалов, что за трепет крыльев.

Старая бескровная мегера, что ты там прячешь в своем черном чепце? В моих жилах течет кровь, черная и гордая мужицкая кровь. Попираю страх, и слезы, и гнев и стремлюсь в грядущее.

Я ищу вдохновенного труда, который все подчиняет своей благородной власти, я ищу вечно юного искусства, лазурного смеха, воздуха, напоенного цветами, я хочу звезд, поцелуев и блеска. Ты же проходи мимо, черная колдунья, проходи, как роковая тень отходит от солнца.

Всё воскресает, всё надеется, в чаще улыбаются фиалки, и я смело выскользну из твоих сетей и пою гимн жизни.

330. ПЕСНЯ ЗАСТУПА

Я грубая шпага и рассекаю грудь земли. Я сила и невежество, во мне скрежет голода и блеск солнца. Я нищета и надежда. Мне знаком и раскаленный бич

жгучего полдня, и грохот урагана в долине, и тучи, мечущие молнии. Я знаю дикие и вольные ароматы, которые, торжествуя, разливает по земле май с его душистыми цветами, бабочками и поцелуями. От труда ежечасного, ежеминутного я становлюсь острее и блестящее, и я иду решительная, страшно сильная и постоянная, иду, прорезывая твердую землю.

Я вхожу в низкие покосившиеся лачужки, в грубо сколоченную сыроварню, куда пробирается сквозь дверные щели резкий зимний ветер, туда, где у стонущего пламени очага приютилась малодушная лень и где дрожит голодная старуха с худым и желтым лицом. Я вхожу туда и всё это вижу. И вот, брошенная в угол в глубокую и страшную ночь, которая налегла на сырую равнину и на дымную комнату, пока ржавая лихорадка треплет разбитые женские тела и слышно только, как храпят мужики, я не сплю, и дуновение желания воспламеняет меня. Я грежу о новой заре, когда, как сельское победное знамя на солнце, что золотит воздух, в ясном блеске колеблясь над вдохновенной толпой, я восстану над плодородной землей, сияя жизнью и мощью.

На железе не будет крови, знамена будут белы. Под молодецкими ударами, раздавленная, умрет змея ненависти, и из земли, насыщенной любовью, благоухающей розами, очищенной юным пылом, до самой небесной лазури будет доноситься шум грубых человеческих голосов, не то гимн, не то вопль.

Мира... труда... хлеба.

331. ПОБЕЖДЕННЫЕ

Сколько их — сотня, тысяча, миллионы.

Их без числа и счета.

Сдержанный гул несется издалека из их тесных рядов.

Они идут среди сурового ветра ровным и медленным шагом, с голой головой, в грубых одеждâх, с воспаленными взглядами. Они ищут меня.

Они меня настигли, и вот толпа серых фигур, масса изможденных лиц колеблющейся волной окружила меня, сдавила, скрыла, замкнула. Я слышу хриплое дыхание, долгий плач звучит в тумане, проклятия, вздохи.

Мы собрались из домов без огня, с беспокойных постелей, где осиленное тело сначала должно скорчиться, потом подается и, наконец, сляжет. Мы пришли из рвов и из тайников и бросаем на землю чудовищную тень скорби и опасностей.

Мы искали ее, идеальной веры. И она предала нас. Мы искали любви, которая надеется и верит, и она предала нас. Мы искали труда, который бодрит, возрождает, и он отверг нас.

Где же надежда? Где сила?

О, пощади, пощади нас. Мы побеждены. Над нами и вокруг нас в сильном золотом свете солнечных лучей ярко разносится веселый и громкий гимн лобзаний и труда.

Железной змеей с шумом влетает поезд под горные своды. Промышленность военной трубой зовет умы и руки на жатву.

Тысячи уст горят влюбленным желаньем.

Тысячи жизней отважно бросаются в это пылающее жерло.

А нас не нужно. Кто бросил нас на эту землю, злую мачеху?

Кто не дает нам свободно дышать? Кто гнетет и давит нас? Чья ненависть тяготеет над нами? И чья неизвестная рука нас оттолкнула? Почему слепая судьба кричит нам: напрасно.

О, милосердие, милосердие к побежденным.

332. НЕ ТРЕВОЖЬ МЕНЯ

Если иногда, поглощенная думой, я не внимаю твоим любовным речам, если мои глаза горят, а по лицу и губам разливается непривычная бледность, если я всё забываю и, склонив темно-русую голову, вся отдаюсь своим мыслям, не трогай меня: передо мной в эти минуты открывается огромный божественный мир. Разорванные тучи окружили солнце, нагое и смеющееся. Небо держит в могучих объятьях землю всю в миртах и фиалках.

И отовсюду, со скошенного луга и с волнующихся безбрежных полей, с листвы дубов и кипарисов, из оазиса и из пустыни, из бесконечных лесов, где воет, бешено ревет сердитый ветер с трепетом чувственной любви,

что живит все созданное, я чувствую, как отовсюду несется вместе с беспокойным полетом рассеявшихся в воздухе птиц широкое, свежее, торжествующее дыхание, веет силой и здоровьем.

Всё зацветает розами, надеждой, чистой, верующей думой, торжествующим трудом, благородным одушевлением, талантом, подвигом.

Не пьет больше крови скорбная земля.

Война, эта свирепая и непокорная колдунья, не наводит больше ружей и не разражаются больше пушки яростными выстрелами, а на боевом поле не слышно больше военных песен.

Весь мир одно отечество, и всех оживляет один священный энтузиазм, и песня торжественной и кроткой любви летит с одного берега на другой.

Паровик дымит, плуг разрывает плодородную грудь земли, ревут и стучат машины, пылают очаги, и над этим диким львиным ревом земли в брожении Свобода распустила свои белые крылья, и гул их гордо разносится по ветру.

333. АРАБСКИЙ КОНЬ

Не желтые ли пустыни тебе грезятся?

Не горячие ли равнины, все золотые от солнца?

Безбрежные миражи раскаленных песков?

Бег и ржание смелых коней на твоей родине?

Когда ты взмахиваешь косматой гривой и, кусая удила, и боевым копытом бьешь в землю, когда ты ржешь с диким завываньем, в груди у меня внезапно зажигается жажда видеть новые страны.

Знаешь ли? Меня влекут те ясные равнины, те блестящие пески, что золотятся на солнце.

Дай мне оседлать твою быструю спину, черный скакун мой, живее в путь и пожирай землю.

Беги от туманов, застывших над равниной, топчи эту грубую толпу, рви на скаку колючий кустарник. Вскачь промчись через долины и леса.

Ты свободен, ты царь.

Скачи через пропасти и стремнины, через надувшиеся потоки, через сплетшиеся лианы, попирай цветы.

Вперед, всё вперед, и если дорога наша слишком

длинна, пусть вместе с тобой упаду я в прах, о мой борзый конь.

О, розовое пламя тихих вечеров, и вы, призраки гибких пальм, отражающие в море суровые и обрывистые силуэты, и вы, хриплые трели арабской песни, уходящие в голубое небо.

Раскаленный песок мечет искры.

В галоп, Ахмед! Нет преград твоему вольному бегу.

Вихрем улетай в неведомую даль.

Всё нипочем, если в лицо повеяло свободой.

ТРАГЕДИИ

334. МЕЛАНИППА-ФИЛОСОФ

Трагедия

Посвящается
Борису Васильевичу Варнеке

I

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В десятых годах V века до Р. Х., в Афинах, знаменитый трагический писатель Еврипид, уже стариком, поставил на сцену пьесу, которая носила то же название, что и помещаемая ниже,— «Меланиппа-философ». Эта пьеса не дошла до нас. Об ней сохранились только довольно редкие отзывы, да из нее цитировали 13—16 строк. По счастью, миф, точнее основа драматического сюжета, хотя и не вполне, сохранилась у одного историка античной эры (I века до Р. Х.), Дионисия Галикарнасского, и у византийца XII века нашей эры, Григория Коринфского. Автор воспользовался этим мифом, а равно и всем, что осталось от легенды о Меланиппе и Эолидах. Но этого оказалось слишком мало даже для контура, и автору пришлось быть не только драматургом, но и мифургом. Ни расписные вазы, ни саркофаги не помогали ему при этом. Схемы он взял античные. Это было не случайно, и уже во всяком случае не потому, чтобы автор взял на себя неблагодарную задачу подделываться под Еврипида. По его глубокому убеждению, античный миф органически связан с тою формой, в которой он изображался на сцене афинскими трагиками V века. Шекспировские формы драмы существуют для более сложных фабул. *Ограниченность времени* (в этой трагедии около 18 часов), которую, если хотите, можно назвать *единством времени*, имела для автора весьма существенное значение. Он представлял себе трагедию не в комнате, а под чистым небом; а различные ее стадии — в связи с положением солнца на горизонте или за горизонтом. Начинается трагедия в исходе ночи; в жаркий полдень завязывается ее страшный узел. Трогательный закат связан с апофеосой и т. д. *Единство места* вызывалось желанием автора сохранить в трагедии *хор*. Но хор новой «Меланиппы» совсем не тот, что был в античной трагедии. Он индивидуализован, составляя гармоническое дополнение к героине трагедии. Но если мы в современной драме так часто невольно хотим музыки, то не вполне ли естественным оказывается желание автора трагедии ввести лирический музы-

кальный элемент в качестве определенной части в состав своего произведения? Содержание хоровых партий по большей части мифическое, но оно понятно без особых объяснений. Читатель поймет также, что в некоторые моменты, для того чтобы ослабить излишнее напряжение нервов и освободить душу для новых впечатлений, чтобы, так сказать, *ободрить* ее, автору приходилось прибегать в хорах к простоте и спокойствию почти эпическим. Таков переход к третьему действию. Для трактования античного сюжета в распоряжении автора было два способа или метода: *условно-археологический*, более легкий, и *мифический*, который показался ему заманчивее. Этот метод, допускающий анахронизмы и фантастическое, позволил автору глубже затронуть вопросы психологии и этики и более, как ему казалось, слить мир античный с современной душою.

«Меланиппа» Еврипида славилась в древности изложением в ней рационалистической системы Анаксагора. По счастию, система знаменитого друга Перикла известна нам довольно хорошо. Но автор отнюдь не хотел делать центром своей трагедии младенческих попыток рационализма. Жизнь своей красотой, силой и умственной энергией безмерно превосходит всякую систему, плод единоличных, хотя бы и гениальных усилий. Только эта жизнь, кристаллизовавшаяся в ярких героических явлениях и славных муках, и может быть предметом трагедии.

Автор трактовал античный сюжет и в античных схемах, но, вероятно, в его пьесе отразилась душа современного человека.

Эта душа столь же несоизмерима классической древности, сколь жадно ищет тусклых лучей, завещанных нам античной красотою. Автор томится среди образчиков современных понятий о прекрасном, но он первый бы бежал не только от общества персонажей еврипидовской трагедии, но и от гостеприимного стола Архелая и его увенчанных розами собеседников с самим Еврипидом во главе.

И. Анненский

II

МИФ ОБ ЭОЛЕ И МЕЛАНИППЕ

У Зевса было много смертных детей. На их род распространялись обыкновенно трагические несчастия: мифы о Геракле, Танталидах и Эолидах показывают в достаточной мере, что божественная кровь влекла за собой испытания для поколений, исходящих от Кронида. Ревность Геры к поколениям ее мужа от нимф и жен-

щин стала провербиальиой. От ннмфы Дориппы у Зевса родился сын Геллен, царь Фтии. У Геллена был сын Эол. Первым браком Эол был женат иа Евридике, от которой родил сыновей Крефея, Сисифа, Салмонея, Макарея и дочь Канаку. Когда Евридика умерла, он женился на дочери мудрого кентавра Хирона, жнвшего неподалеку от Магнесин, на склонах горы Пелия. Эту дочь звали Гиппа. Перед тем как жениться на Гиппе, Эол должен был победить ее в борьбе. Затем она тайно родила ему дочь Меланиппу, или Арну, и уже потом сделалась его официальиой женой. Она жнла недолго, но по смерти боги сделали ее звездою. У Эола в семье был ряд несчастий. Последнее перед тем, которое будет изображено в этой трагедии, заключалось в следующем: его дети, Макарей и Канака (от первого брака), заключили между собой нечестнвый брак. Узнав о нем, отец послал Канаке меч. Макарей выпросил жизнь для своей несчастной жены и сестры, но когда он поспешил с вестью о прощении к Канаке, то застал ее плавающей в собственной крови; она была мертва. Макарей тут же убил себя на ее трупе, а Эол ушел иа год в добровольное нзгнанне. Тем временем Меланиппа зачала и родила от Посейдона двух сыновей, которых по прнказанию их божественного отца положили иа царское пастбище. Там отыскали их коиюхи только что вернувшегося Эола и, приняв за демонов или вообще за дурное предзнаменование (детей кормила корова), принесли к царю. Царь определил их сжечь. Когда красноречивая защита Меланиппы, доказывавшей, что это дети, а не демоны, не удалась,— ей пришлось открыть, что она их мать. Тогда детей решили отнести на прежнее место, а Меланиппу ослепили и заключили в темницу. Посейдон спас детей и дал им вырасти, сделав потом Эола и Бэота эллинскими эпонимами.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

в порядке их появления:

Меланиппа, дочь фессалийского царя Эола.
Хор из 15 девушек с Пелия.
Старая кормилица Меланиппы.
Первый вестник, молодой и хвастливый.
Эол, царь Магнесии, еще не старый, рано поседевший.
Конюх Эола.
Геллен, сын Зевса, отец Эола, белый старец.
Второй вестник, угрюмый старик.
Гиппа, мать Меланиппы, в апофеосе.

Гости и гостьи Эола.
Свита Эола.

Действие происходит в старом фессалийском городе, на полуострове Магнесии. Местность горная и лесистая.

ПРОЛОГ

Сцена представляет фасад дворца Геллена (близ старого города в Магнесии).

Фасад в дорийском стиле с тремя дверьми, из коих главная — средняя. К главному зданию прилегают два боковых с особыми входами. Перед домом алтарь Зевса, хранителя алтарей. Поздняя ночь. Луна. Начинается предрассветный туман. Небо в звездах, уже начинающих бледнеть. Из дома выходит Меланиппа. Она худая, бледная, высокая. У ней черные волосы, густые, волнистые, с синеватым отливом, и черные тонкие брови на очень белом, мягко очерченном лбе. Глаза большие, влажно-синие с пламенем, но без лучей, глубокие. Морщина между бровей указывает на раннюю работу мысли. Походка и жесты — людей, живущих созерцательной жизнью. Она выходит медленно, сначала подходит к алтарю и молча склоняется перед ним. Потом поднимает глаза к небу. Молча молится несколько времени, поднимая к небу белые, трсгательно нежные руки, и начинает тнхо, голосом музыкальным, но будто идущим издалека.

О праотец могучего Эола,
О Геллена великого отец
И старости его хранитель белой!
Кто б ни был ты, о Зевс, на небесах
Эфирных — бог иль разум, сновиденье
Ожившее иль гордая мечта...
Но я тебя зову, великий пращур...
Не твоему ли внуку мать меня,

Дочь мудрого Хирона, подарила
И Арною в чертоге нарекла?
В Магнесии уж после Меланиппой
Я прослыла за волны черных кос...
О, выслушай, Кронид, я не дерзала
К тебе взывать, пока эфир горел
От огненной иль алой колесницы.—
И ночи я ждала...

Пауза.

Меланнппа закрывает лнцо руками, потом отнимаег руки и опускает голову.

В такую ж ночь
Росистую и лунную, когда
Черней вода и ярче ароматы...
На берегу Сперхая, где тростник
Сухой шумит и ива обнялась
С другою ивою, я уступила бога
Желаниям и ласкам. Посейдон
То был, и темнокудрый, и могучий...

(Тихо.)

И в брачную так говорил он ночь
Избраннице:
«Двух сыновей родишь ты,
Вели на луг их нежный отнести,
Где царское Эола стадо ходит,
И более о них не думай, Арна!
Я имена, я им и славу дам».
Без матери — ты взял ее у нас —
И без отца державного, который
В изгнание ушел на долгий год
За кровь сестры, моей Канаки нежной,
И Макарея-брата, я слова
И тяжкое носила бремя бога...
От острых глаз и злоречивых уст
Я девять долгих месяцев таилась.
Лишь верная кормилица моя
Про злую честь узнала Меланиппы,
О, *злую* честь. Когда же наступил
Мученьям срок положенный, в лачуге,
Где, верно бы, последняя рабыня
Побрезгала остаться, на циновке,

Что пастухи, скрываясь в непогоду,
От холодов осенних расстилали...
Я, старою повита няней, ночи
Двух сыновей явила, красотой
Сияющих... Увы! зачем не мать
В девятый день мне ложе освятила
И внукам улыбнулась?.. Во дворец
Вернулась я, недуг изображая
Для рабских глаз... Исподтишка, в лачужке
Покинутым на няню торопливо
Я ласкою, слезой и грудью нежной
Малюткам долг платила материнский...
Но долго ли?.. Герольд оповестил,
Что царь-отец, Фессалии властитель,
Трофония покинул старый храм
И что домой на Дельфы путь он держит...
Веселием тогда, и позолотой,
И пурпуром чертог наш засиял,
И потекли толпами фессалийцы
Царя встречать. С богами примирен,
Эол горит родной очаг увидеть.
От крови кровь на пышных алтарях
Готовится очистить Гелленида...
И только я в толпе его рабынь
Хотела бы пугливо затеряться...

Пауза.

Или, детей кормившая, дерзну
Я в хоровод войти девичий, или
Я на алтарь душистый свой венок
С безбрачными решусь отдать богине?
Как на отца осмелюсь я глядеть?
Как матери услышу, не краснея,
Я имя беспорочное, увы!..

(Поднимая глаза к небу.)

О ты, звездой горящая, прости мне!
Но не о том мои слова тебе,
О пращур мой эфирный и державный...
Детей моих ты сбереги. Отца
Их волю я исполнила покорно:
К стадам они отнесены — пока
Питает их другая мать... и нежно
Зеленые их сон лелеют травы.

Так няня мне — в утеху, может быть,
На мягкий луг отнесшая малюток,
Сказала — я уж не увижу их...

Пауза.

Но страшное в груди встает сомненье:
Кто их отец, не знаю я... Иль имя,
Иль локоны синевшие, и риза
Блестящая, и пар соленой влаги...
И самая эмблема — не могли
Обманом быть, приманкой маскарадной?..
Иль демонской уловкой?.. Я не жду
Ответа, Зевс, но если муки или
Бесславие потомства твоего
Во что-нибудь ты ставишь, сжалься, боже.

(Снова подходит к алтарю. Молитва.)

В орхестру тихо спускается Хор девушек с Пелия и его окрестностей. Некоторые из них одеты в костюм, напоминающий амазонок, короткий хитон; одежды на них яркие, праздничные. Корифей — девушка в длинном белом хитоне с оранжевым напуском — брюнетка. Пояс подвязан высоко. У некоторых волосы убраны пышно, у других, наоборот, напоминают моду, взятую из охотничьего быта, длинные вуали у многих покрывают диадемы или стефаны на волосах. На двух легкие шлемы.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ ХОРА

СТРОФА I

О Пелий!
Зеленый и с белой короной!
И ели,
И токи смолы благовонной,
О Пелий!

АНТИСТРОФА I

Для новых
Небес не забудем тебя мы...
Еловых
Храним мы ветвей фимиамы,
О Пелий!..

СТРОФА 2

В эфире
Дельфийской не внемлю я лире...
Безмолвны
Померкшие синие волны
В эфире.

АНТИСТРОФА 2

Там звезды,
Как поздние бледные грозды,
За дальной
Повисли оградой печальны,
Там звезды...

СТРОФА 3

Как во́лос
В траве или тонкие нити,
Вы голос
Во мраке и шаг затаите,
Как волос...

(Останавливаются и прислушиваются.)

АНТИСТРОФА 3

(Увидев царевну.)

Охрана
Отцовских палат молодая!
Как рано
Ты встала, отца ожидая,
Как рано!

ЭПОД

О, привет тебе, желанной,
Меланиппа, дочь Эола,
Гаснет сумрак, и в туманной
Ризе гладь и волн и дола,
Чадо дивное Эола,
Поздний цвет благоуханный...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Меланиппа и Хор

О, радуйтесь и вы, и меж вершин
Та белая вершина, и зеленый
Душистый скат, где наших матерей
Веселая охота увлекала...
Одной из них уж не дочтемся мы,
Но не дерзну ее святое имя
Вам повторять средь бед моей зимы
Печальными устами я моими...

Корифей

Ты говоришь о Гиппе, что родил
На Пелии твой дед Хирон премудрый?

Меланиппа

(указывая на небо)

Я говорю о трепетной звезде —
Перед зарей она восходит, дева...

Корифей

(обращаясь к небу)

Божественной молюсь, но как о том
Узнали вы, скажи мне, Меланиппа!

Меланиппа

Посланница прекрасная богов,
Ирида нам поведала о дивной.

Корифей

Ты в трауре, царевна, ты бледна,
Из глаз твоих катились долго слезы...

Меланиппа

Они бегут еще... над гробом нежной
Моей сестры, загубленной отцом.

Корифей

Храни уста, хранить мы будем уши...
Пред ужасом, что вами пережит.

Меланиппа

Я черное сниму — на пир сегодня
Я уберусь... Но отдыха и сна
Уже давно не знаю я, подруги...

Корифей

Тебя томит недуг... или печаль?

Меланиппа

Не знаю, чем томлюсь, но только гасну.

Корифей

Ты в хоровод девичий наш войдешь?

Меланиппа

(в ужасе)

О нет... О нет... Не надо хоровода.

Корифей

Иль девы ты божественной не чтишь?

Меланиппа

Я чту ее... Но издали... увы...

Корифей

Иль демоны душой твоей играют?

Меланиппа

Боюсь, что да... боюсь, что да... Увы!..

Корифей

(подходя к Меланиппе, ласково)

От матери моей, с которой Гиппа
Была дружна покойная, тебе
Мы принесли ее уборы, дева,
Ее фату, что обвивал венец
Из темных роз, повязку, что драконом
Эмалевым украшена, и пояс...
Послушай, он еще благоухает...

(Подносит к лицу пояс и потом протягивает его ей.)

Первые лучи солнца. Меланиппа стоит молча, опустив руки, вся бледная. Немая сцена. Знаки удивления в Хоре.

Корифей

(успокаивая жестом Хор, мягко)

Твоя печаль понятна... О другой
Ты вспомнила утрате свежей, дева,
Не грубо ль я коснулась сердца ран?
Или в тебе недуг ожесточился?..

Меланиппа

(справившись с собою и благосклонно принимая дар)

Отраден дар твой, дева, дай его
Я унесу и спрячу... и да будут
Любовь богов и счастье их с тобой!..
Я вспомнила о прошлом... Эти слезы
Последние... О Гелиос! твоих
Колес, о бог, сияющие спицы...
Так радостно мелькают... снизошли
Ты встречу нам веселую, ты праздник
Нам золотом и пурпуром залей...
Простите мне, подруги... Я в чертоге
Устроить пир должна... И алтари
Богам убрать... А этот траур долгий
Похоронить в углу... И пусть навек.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хор. Затем Старая кормилица из левых дверей.

Корифей

Таит она недоброе. И чувства
В ней смущены, подруги... Но не тем
Унынием, которое на сердце
Зеленою осесть успело ярью...
Нет, новая, как яркий меч, над ней
Беда висит, должно быть...
Ба... Из дома
Служанка старая выходит... О, теперь
Чего-нибудь, подруги, мы добьемся.

(К Кормилице.)

Привет тебе, почтенная жена!
Кого-нибудь ты ищешь здесь, конечно?..
Царевны нет: она ушла в слезах...

Кормилица

(несколько смущенная)

Привет и вам, о гостьи молодые!
Здесь плакала царевна? Так ли, девы?
Но кто же вы? О Пелии родном
Мне пеплосы напоминают ваши;
Такой наряд носили при дворе
Хирона,— мир его великой тени!

Корифей

Близ Пелия мы точно рождены.

Кормилица

Душа горит послушать вас, о девы.

Корифей

Я отвечать готова... Но сперва
Царевны нам ты объясни несчастье...
Нас новости нежданные страшат...

Кормилица

(опешив, некоторое время смотрит вопросительно, стараясь угадать, в какой мере им известен секрет Меланиппы)

Как? Новости?.. И страшные? Ты шутишь!..
Несчастие?.. Храни свои уста.

Корифей

О, я бы с ней делить хотела слезы...
Когда бы мне причину их узнать.

Кормилица

(собравшись с духом)

Причина слез... Иль их одна причина?..
С женой на свет родится и недуг...

Корифей

Не вражье ль то, скажи мне, наважденье,
Что хоровод священный ей не мил.

Кормилица

Чур-чур меня... И смелы же вы стали!
Нет, были мы куда скромнее вас...

Пауза.

Корифей

И все-таки тут тайна есть, жена.

Кормилица

(слабо улыбаясь)

Коль тайна есть, как знать ее рабыне?

Пауза.

Корифей

Так извелась царевна, так бледна...

Кормилица

Распустится в лучах отцовской ласки...

Корифей

Давай-то бог... А жениха нашли?..

Кормилица

Нам царские неведомы решенья...

(Вкрадчиво.)

Но что же вы могли слыхать и где?..

Корифей

Не слишком ли, жена, ты любопытна?

Кормилица

С кем виделись, пока сюда вы шли?

Корифей

Встречали мы людей довольно всяких...
Но отчего, скажи мне, ты дрожишь?

Кормилица

Дрожу?.. О нет... Я ж ни при чем, поверьте...

Пауза.

Корифей

Ты ни при чем?.. А кто же помогал?

Немая сцена.

Кормилица

Коль точно вы что знаете, ни слова...
Девичьих уст — вас Пелием молю,
Святынею бебидской Артемиды
И счастием, которого вкусить
Вы жаждете весной в зеленых сенях,—
Храните уст девичьих чистоту,
И если враг уж осквернил вам уши
Невинные... Клянитесь онеметь...

Корифей

(поднимая вверх руку)

Клянусь тебе я горним алтарем
Кронидовым и алтарем Нерея...
Твоей, раба, царевне не вредить...
Но я могу ль над горькою не плакать?

Знаки участия и скорби.

Кормилица

(таинственно)

Я верю вам... Молите же богов,
Да да́руют они успокоенье
Двум матерям — небесной и земной.

Корифей

Я слов твоих, жена, не понимаю...
Но за тобой я вышнему молюсь,
Да укрепит царевну он в несчастьях,
Которых мне никто не открывал.

Кормилица

Благослови вас мать богов, о девы...
Но с этих пор — завесу на уста.

(Уходит.)

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

СТРОФА

О Феб-Аполлон!
Дивною музыкой, боже,

Множил стада ты Адмету,
К сладкой твоей свирели
Робкие лани сбегались.
Белеющих бабочек легче
И снов золотых лучезарней
В разбитую муками душу
Со струн твоих вещих, дельфиец,
Мелодии нежные льются.
Безумное сердце царевны
Врачуй, небожитель, а демон,
Что мыслями девы играет,
Пускай под твоею стрелою
Пифонову участь разделит,
О Феб-Аполлон!

АНТИСТРОФА

О Феб-Аполлон!
Боже, когда ты родился,
Пальма над ложем Латоны,
Чуждым страданий тяжких,
Нежно к тебе склонилась...
И остров цветущий на синем
Сребристом просторе, где смерти
Бессилен крылатый демон,
Был первой твоей юдолью.
Когда же в обитель Аида
Уж руки Кронида с Олимпа
Низвергнуть тебя простирались,
Не мать ли за сына молила...
О, будь же заступником, Сминтий,
Царевне, что мать схоронила...
О Феб-Аполлон!..

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Хор. Вестник с внешней стороны, за ним гости.

Хор

Одеждами торжественно сияя
И крыльями сандалий, как Гермес,
Сюда герольд идет. Вниманье, девы!

Вестник

(справа)

К царевне я, о жены, Меланиппе.
Кто вызовет ее из царских зал,
Чтоб радостной она внимала вести?
Ее принес я первый... не забудь...

Корифей

Она идет сюда... Ты счастлив, быстрый...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Меланиппа, нарядная, в белом; внутреннее волнение лихорадочно проступает только на бледных губах и расширенных зрачках. На щеках легкий слой румян. Служанки несут зеркала, опахала, пурпуровые ковры, курения. Рабы поспешно убирают алтарь зеленью. Собираются гости, нарядные, с цветами. Вестник выступает навстречу Меланиппе с поклоном.

Вестник

О, радуйся, державного Эола
Царевна-дочь, краса магнесских дев!
Очищенный постом и покаяньем
И благостью увенчанный, затем,
Что храма он срединного святыню
Сподобился узреть, сюда Эол,
Фессалии державный повелитель,
Вернулся... Как он счастлив, как чело
Сияет у царя — уже давно мы
Не видели таким его... Печали
И гнев забыт, и милости вас ждут
Великие, рабы и домочадцы,
А вас пиры, приветливых гостей...

Движение и гул в толпе.

Он кобылиц отпрячь велел, чтоб раньше
Родимых трав вкусили и они
И с табуном подруг смешались в поле.
Так говорил нам царь — ему в ответ
Улыбками мы расцветали, дева.
Кругом народ, и медлен царский путь.
Там с Пелия, из Иолка,[1] Фер богатых

[1] Произносить «Елка».

Из Фтии есть, и северные есть
Среди гостей, царевна, фессалийцы.
Всех ласкою наш царь очаровал.
Теперь толпа, конечно, задержала
Вельможного, но если б кобылиц
Не отпустил так рано он на волю,—
Сандалии крылатые мои
Благую весть всё ж принесли бы раньше...
Ведь Гелия всегда быстрей Гермес.

Меланиппа

(с оттенком пренебрежения)

Благодарим гонца, конечно, он
Почетное на нашем пире место
Уж заслужил... А ласки и даров
Ужель ему сегодня пожалеем?..
Но отдохни, Гермес, ты весь в поту...

Отворачивается к рабам, Вестник отходит несколько сконфуженно.

А вы, рабы, пурпуровою тканью
Подножие увейте алтаря!
Пред Зевсовой святыней преклоняясь,
Пусть будет царь великий наш почтен.

(К Хору.)

Из ваших уст пэана жду я, девы,
Помолимся, чтобы возврат царя
Веселием нам заплатил за слезы
Пролитые... Я умолчу о том,
Что, кроме слез, здесь выпила немая
И пурпуром прикрытая земля...

(К небу.)

Бессмертные, мы в вашей тяжкой воле...

Хор

Славьтесь, синие пучины
Сребровласого Нерея!
Славьтесь, гордые вершины,
Где снега лежат, белея,
Где орлы повисли, рея
По-над стадом лебединым!

Но славнее и отрадней
Нет твоих, о Пелий, скатов...
Веял сумрак, и прохладней
Стали волны ароматов...
Дымно факелы мерцали,—
Пелий ярко обвивая,
Лента двинулась живая,
Лиры нежные бряцали
У гостей Нерея... Ели,
У кентавров в мощных дланях,
Смоляные пламенели;
Нимфы ехали на ланях.
Серебристой вереницей
Там клубились нереиды,
Мягко плыли аониды,
Кто со свитком, кто с цевницей,
И с сияющей царицей
Шел властитель Эолиды...

Движение в толпе. С нарядной свитой и массой гостей, увенчаиный лавром, медленно входит Эол, будто помолодевший, улыбающийся

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Хор. Эол. Меланиппа. Толпа.

Хор

(громче и светлее, обращаясь к Эолу)

Слава! Геллена великий
И блестящий сын Эол!
Ты венчанную гвоздикой
Дочь Хирона поборол
И с добычей нежноликой
Улетел ты, как орел...
Цвет любви вдыхая дикий,
Лучезарный и великий,
Славься, радостный Эол!..
Славься, радостный Эол!..

Минута затишья. Меланиппа не выходит навстречу. Она дает гостям загородить себя от Эола.

Эол

Магнесии священные твердыни...
Дворец отца, и силуэты гор
Любимых, и лесов немые сени,

И моря шум привычный. Лучше вас
И слаще вас нет сердцу... Алтари,
Венчанные моих лугов цветами,
Вам первым мой привет...

(Подходит к алтарю.)

Я не царем
К вам прихожу, отеческие боги,
А грешником раскаянным и сыном...
О Зевс, о Геллена могучего отец,
На этот дом, так много испытавший,
На твой народ, на избранных, пелазгов,
Которым ты, великий, обещал
Безбрежный мир в грядущем, призри, боже.
Залога ждем твоих теперь же, Зевс,
Обетов мы... И внук, тобой прощенный,
Сегодня, на алтарь припавши, молит,
Чтобы в ему дарованной земле
Умножились стада, чтоб в пашнях черных
И трудовых Димитры золотой
Не иссякал налитый солнцем колос...
Чтоб дети... О, детей воспоминанье,
Ты за собой ведешь их тени... Дети
Чтоб выросли на радость и на славу
Родителям, которым ты велишь
Их вырастить... Победы и трофеи
Кровавые с их паром — для других
Оставь их, боже вышний, для потомков.
Мы ж мира, бог, мы жаждем только мира
И в городах, и в тишине палат...
Но дочери не вижу... Меланиппы:
Здорова ли она?.. И где ж отец,
Богами нам еще хранимый Геллен?..

Меланиппа

(выступая вперед)

Отец и мой державный царь, твоим
Так сладко мне внимать словам, и взору
Так милы глаз веселые лучи...

Эол

(обнимая ее)

Малютка, ты бледна и похудела...

Пусть счастием и миром над тобой
Луч Гелия отныне засияет...
Ты не больна, надеюсь, Меланиппа?..

Меланиппа

С тобой, отец, я расцвету опять.
Скучала я в старинном доме нашем
И без вестей томилась о тебе...
Ни арфа мне отрады не давала,
Ни ткацкий стан с узорным полотном.
О Геллене ты спрашивал... В чертоге
Готовит он, чтобы богов почтить
И твой возврат восславить — жертву, верно...
Он слаб и стар становится, увы!
И седина чело ему склонила...
Но дай сказать привет твоим гостям.

(Подходит к гостям с поклоном.)

Приветствую вас, жены! Фессалийцы,
С вершин родных и дальних, из полей,
Из городов прославленных и с моря
Лазурного... Да сохранит вас бог,
Да будет вам очаг наш благодатен!

Эол

(подходя за ней к гостям)

О, радуйтесь, соратники, и вы,
Мои соседи мирные, вы, жены!
Мой царский дом для дорогих гостей
Всегда открыт... Но мне милей сегодня
Ваш ласковый и радостный привет...
Я подданных в Магнесии своих
И сколько есть покорных фессалийцев
Под скипетром моим прошу со мной
Участвовать во всенародной жертве
И трапезу в чертоге разделить.
Старинных вин я предложу им критских...
И вы, рабы, смелее... Кто из вас
Тяжелым ли уроком или карой
Обременен грозящей... Успокойтесь...

(Хору.)

Вы прощены... Берег я под конец
Привет цветам, которыми Эола

Сегодня сад зацвел... Я ваш пэан
С особенным прослушал чувством, девы...
Он сладостной росою освежил
Мои давно не плакавшие вежды.

Корифей

Ты в Дельфах был, державный, в волосах
Я вижу лавр твоих златисто-белых.

Эол

Сподобился я увидать земли
Срединный храм, там бледной пифониссы
Вещаниям я трепетно внимал,
Но светел я их толкованьем, девы.

Корифей

Мне радости твоей отрадна весть.
Душа горит послушать, в чем же радость.

Эол

О, тайны нет... Я бы хотел, чтоб все
Со мной теперь благую весть делили
И счастия Эолова лучи.
Пифийский бог сказал, что счастлив буду
Я внуками, что славою они
Широкий мир наполнят, и далеко
Эолов дуб ветвями прошумит...
О дочь моя, для радостного брака

Меланиппа отшатывается, бледнея.

Давно готов и царственный жених...
Ты смущена?.. Он выбран, Меланиппа...
Краснеешь ты? Спусти скорей фату,
И за фатой ты можешь улыбнуться...

Меланиппа

(бледно улыбаясь)

С тобою кто ж останется, отец?
Мне терема еще не скучны стены...
И тихие со мною говорят
Бессонными, отец, ночами звезды...

Эол

До брака все вы, Арна, таковы...

(Подходя к ней, ласково.)

Но ты, дитя любимое, не думай,
Чтоб я не знал, какой алмаз в венец
Тобою мне вложила дочь Хирона...
Но погоди: я вижу, что сюда
Из конюхов идет один... Так странен
И спешный шаг, и невеселый вид...
Что скажешь, раб и верный мой товарищ?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вестник

(с внутренней стороны)

О царь Эол, державный господин...
Прости рабу, коль вестником не в пору
И, может быть... Не знаю, как сказать...
И, может быть, ну, скажем, неудачным
Я вестником к тебе являюсь, царь...

Эол

Твоих речей начало неудачно,
Ровнее их, надеюсь, будет ход.
Пожалуйста, не бойся кары, конюх:
Мой царский гнев отсюда далеко.

Тем временем из дворца показывается старый Геллен. Он совсем белый, согбенный, в сетчатой одежде прорицателя, его ведут двое, третий несет посох. На Геллене венок из дубовых листьев.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Геллен.

Меланиппа

Отец, к тебе державный прорицатель,
Кронида сын увенчанный идет!

Эол выступает навстречу отцу.

Геллен

О, радуйся, мой сын и царь Магнесский!

Эол

Ты радуйся, державный мой отец!
В тебе залог блаженства Эолидов,
И сладостно глядеть мне на тебя.

Рабы сажают Геллена. Однн из рабов начинает медленно махать над ним веткой, отгоняя мух.

Геллен

Но вестника послушаем: гаданий
Я знаменья хочу сообразить,—
Его рассказ нам может пригодиться.

(Указывая на Вестника.)

Недаром же в нем сердце смущено.

Минута общего, несколько смущенного молчания.

Эол

Так говори ж, возница, без опаски.

Вестник

Давай-то бог. Но слушай, царь. Ты помнишь,
Что приказал крылатых кобылиц —
Клянусь, таких Магнесия уж много
Не знала лет — стреножить и на луг,
Копытами их целый год не мятый,
Пустить, Эол... Стреножив кобылиц,
В беседу мы с табунщиком вступили...
Но, как на грех,— ты помнишь ту — у ней
Над правым глазом звездочка,— не видел
Я более шкодливой,— путы прочь...
И что уж там завидела... Но мимо
Подруг и вон из стада... Там Алфей-
Поток бежит — шагов, пожалуй, будет
Две тысячи — за нею мы гнались.
Холодная вода потока, верно,
Крылатую сманила... На нее
Накинул я узду и потихоньку
С укорами шкодливую назад
В табун повел. Идем мы перелеском:

Путь выбирал короче я, и вот —
Ты знаешь луг, весь желтый от цветов,
Где пастухи твоих коров и телок
Свирелью, царь, с зари и до зари,
А может, и пастушек забавляют...
Их утомил, не знаю, солнца свет,
Любовь иль труд, но спящими нашли мы
Бездельников... А в за́сенке... О, нет...
Бессмертные!.. Нет... нет, такого дива
Ни мой отец, ни дед, ни прадед, верно,
Не видывал,— увидит ли и внук?..
Корову мы увидели, по виду —
Уж не вчера телилась... рядом с ней
Порядочный мычал нетерпеливо
И землю рыл раздвоенным копытом
Бычок... а мать, ты не поверишь, царь,
Двух мальчиков — я об заклад побьюсь,
Что были то особенные дети,—
Ты не найдешь таких красивых здесь
И рослых, царь,— двух мальчиков кормила.
И долго мы стояли... Не могли
Мы губ разжать от изумленья, даже
Как будто бы и ноги отнялись,
С испуга, царь, что этот вид чудесный
Обозначать нам должен. Пастухов
Толчками мы тут подняли, но толку
В породе той кто и искать бы мог,
Которая иль спит, или играет
На дудочке? И спор тогда пошел
Меж нами, что за дети. Не корова ль
Их принесла? Чего ведь не бывает...
Иль демоном положены на луг...
Ну видано ль, чтобы, свое рожденье
От вымени сурово оттолкнув,
Плод женщины кормить корова стала!
Кричали мы немало. Ничего
Из нашего не вышло крика только,
И решено...
Нет! раньше... погоди...
Когда детей, иль бесенят,— уж, право,
Не знаю, как созданья те назвать,—
Корова-мать, так скажем, откормила,—
Здоровы же сосать они... На луг
Склонившихся она тихонько стала,

Как маленьких теленочков, лизать...
Тут подошли другие телки... Следом
Бык подошел, но молча, и никто
Диковинных детишек тех не трогал.
Обиженный один не замолкал,
Пока травой он сердца не натешил...
Давно бы так... И было решено
Меж нами тех гостей сюда доставить:
Что ты велишь, то с ними мы, Эол,
И сделаем... Но было нелегко
Их унести... Мычаньем недовольным
Всё стадо нас почти что до ворот
Твоих, Эол, от речки провожало.
По глупому совету моему —
Так и другой тебе, владыка, скажет,—
Недоброе то знаменье... Скорей
Убрать бы их... А впрочем, как прикажешь.

В середине рассказа конюха два другие приносят корзинку со спящими детьми. Движение в толпе гостей и рабов и в Хоре. Меланиппа сначала стоит молча, скрестив руки. Только бледность проступает сквозь румяна. Она будто спáла с лица, но владеет собою вполне. Сухие губы строго сжаты. Наконец, при виде слишком назойливых и любопытных гостей и рабов, она дает еле заметный знак глазами Старой кормилице, которая успокоительно кивает ей головой и, отстраняя толпу, становится на страже около детей. Геллен всё время сидел неподвижно, будто спал... Не поднимая головы, он говорит, наконец, точно в дремоте.

Геллен

О, боги!.. О, гадания! О, сын
Эол, Эол! Иль цепь твоих несчастий
Не оборвали боги?.. Ты, пятно,
С кого же ты растешь?.. О, демон злобный!

Общее смущение.

Меланиппа
(подходя к Геллену)

О, тяжкий бред... Осмелюсь ли я, царь...
Ты, кажется, устал, и это солнце...

Геллен
(поднимает голову и, точно только что проснувшись, смотрит перед собой мутными глазами)

Кто говорит?.. Что солнце?.. Это ты?
Ты, дочери Хирона чадо, Арна?

Меланиппа

Да, я помочь хотела бы тебе,
Державный дед... Боюсь я, что недужный
Твой бред отца счастливого смутит
И праздник наш расстроить может, Геллен...

Геллен

(вставая, к Эолу)

Боитесь вы для праздника моих
Тяжелых слов... Что ж делать?! Я не бредил.
Я — в ужасе... Ты понимаешь, царь?

Садится опять. Раб, точно автомат, снова машет над ним зеленой веткой.

Эол

(нежно отстраняя Меланиппу)

Перед твоей священною, родитель,
Я волею склоняюсь. Мудрых уст
Вещания твоих — моя святыня.
И если новую беду сегодня мне
В нить тонкую и черную моей
Всучить должна седая парка жизни,
Я не уйду от ней... Но, может быть,
Позволишь ты, чтобы с возницей этим
И чудом я покончил раньше, царь?

Геллен молчит.

Коль слов моих ты не одобришь, можем
Мы подождать решением... Молчишь
Ты, царь-отец? Согласием молчанье
Позволь считать твое...

Геллен молчит.

Рассказ твой, конюх,
Действительно, особенный — его,
Однако, я назвать покуда страшным
Не вижу оснований. Вы детей
Иль демонов, но вид детей принявших,
Туда ж теперь могли бы отнести,

Откуда их вы взяли. Если точно
Их положил туда на благо нам
Бессмертный бог — он их спасет, конечно,
И мы греха на душу не возьмем,
Что знаменье сгубили торопливо...
А если то была игра бесов,
Нам дикие помогут ночью звери...
При алтарях нет места палачу,
И жертвы бог... сомнительной не любит.

Конюх скрывается в толпе. Нянька торопливо берет корзину. Служанки ей помогают.

Геллен

Сомнительной?!. Останови рабынь:
Богами, сын, молю и заклинаю.

По знаку Эола корзину снова ставят на место.

Остатки сил берег я, мой Эол,
Чтобы тебя увидеть и зарею
Полюбоваться славы Эолидов,
Что некогда мне обещал Кронид...
Но лучше бы... О, лучше б этот свод
Слабеющим глазам моим не видеть...
Я три раза гадал и три раза
Рабам свой нож я отдавал печально
И заливал зловещий огнь алтарный;
Я три раза глядел, как до зари
Вели быка на жертву... Все три раза
Понурый шел и не мычал, едва
Он тучные передвигая ноги.
И три раза всё те же знаки — мне
Не обманул очей и призрак счастья...
От желчи был раздут пузырь быка,
И черною обильно заливал он
На алтаре передо мной, Эол,
Ножом жреца раскрытую утробу.
Я вижу лавр Аплуна[1] на тебе,
Но светлого обеты олимпийца
Не отвратят над головой твоею
Нависшую беду... Ты бойся, сын,
Гадателей, читающих по звездам,

---

[1] Фессалийская форма — вместо «Аполлона».

И мудрых дев, и свитков бойся, царь,
Украшенных вещаньями Орфея...
Отцовского предания держись
И мудрости, от нас ушедшей в землю,
Лишь белым, царь, пелазгам откровенной.
В Феспрот иди! Очищен не совсем
От крови ты здесь пролитой, а раньше
От нечисти домашней, да скорей
Освободись и сжечь вели явле́нных.

Во время этой речи надвигались тучи Но грозы нет В конце речи слышатся какие-то странные звуки, точно подземный ропот. Потом треск, крики. Общее смятение Эол стоит молча, поникнув головой. Меланиппа в ужасе расширенными глазами смотрит на Геллена. Кормилица испуганно пригнулась к земле, все еще инстинктивно закрывая корзину Многие из толпы молитвенно пали ниц. Другие простирают к небу руки. Волна землетрясения затихает.

Хор

О Посейдон!.. Земли колебатель!..
О синекудрый!
Сжалься над нами!
Нам алтари,
Боже, оставь!
Пламени, бог, на очагах
Не погашай, молю...
Мысли тоскливо мятутся:
Вещего старца слова
Ты покарал ли иль смерти
Этих детей просишь?
Сжалься, владыка морей,
Ужас развей и сомненья
Душные волны,
О Посейдон,
Бог синекудрый!..

Полная тишина. Всё затихло в ожидании второй волны землетрясения. Она набегает, но останавливается дальше от чертога. Мало-помалу светлеет. Показывается солнце. Смущение успокаивается.

Эол

Гадания твои, отец, печальны,
Печальней их вещания твои,
И этот знак, венчавший их, ужасен...
Мне радости луч Гелия, увы!

За облаком таившийся и снова
Блеснувший средь эфира, не вернет,
И лавра я сухие листья брошу...
Возьмите их.

(Снимает венок и отдает его рабам.)

Должно быть, ризы мне
Торжественной не надевать сегодня...
Мой светлый пир погиб. Но, царь-отец,
Не вижу я, зачем же лишней кровью
Иль копотью от адского огня
Свой покрывать должны мы пурпур царский...

Геллен

О, маловер... Иль ропота богов
Подземного твоей гордыне мало?
Чего ты ждешь? Кровавого дождя?
Иль, может быть, чтоб Тартара разверзлось
Для нас жерло сокрытое? Когда б
Здесь речь была лишь о тебе... Но рода
Главою ты останешься...
А мне
Постылый век, усталому, коль боги
И длят еще, так чтобы вразумить
Тебя я мог и славу уберечь
Моих грядущих правнуков... и только...
На алтари и статуи богов,
Которых мы еще не знали, право,
Глаза бы не глядели... Но чего ж
Боишься ты? Иль эти бесенята
Тебе детей твоих, детей дороже,
И правнуков, и всех, кого на муки
Преступною ты слабостью своей
Теперь, Эол, быть может, осуждаешь...
Но вижу я опять гонца... Еще
Нам новости из стада... Тот же конюх...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и конюх с той же стороны, что и первый раз.

Конюх

О царь Эол... Сегодня день чудес...
О новом мне позволь поведать диве.

Эол

Мы ждем речей твоих, мой верный раб.

Конюх

Корова та, которая кормила
Найденышей чудесных, на глазах
У пастухов твоих, да и на наших
Исчезла, царь, растаяла... Удар
Ее унес в земные недра, что ли?
Где мальчиков нашли мы, господин,
Провал образовался... ключ горячий
Струится там... Свидетелей у нас
Хоть отбавляй... Нет, царь, неладно это
Явление... Должно быть, Посейдон
На демонов, что алтарей священных
Его не постыдились, рассердился...
А телки как жалеют пастухи...
Не брезгает и животиной демон.

Пауза. Сильное впечатление среди слушателей.

Эол

О, тяжкое сомненье... Поглядеть
Я всё ж хочу на знаменье...

По знаку ему подносят корзину с детьми.

Какие
Чудесные детишки!.. Как они
Кого-то мне напоминают... Да...
О нет! о нет... возьмите их, рабыни...
Моей душой играет демон точно...
И если всё, за радостью теперь
Свидания забытое с отчизной,
Припомню я... И смутный сон... И Арны
Печальный взор... И птиц... Да разве ж бог,
Чтоб обольстить наш ум, ошибок полный,
Жалеет чар?.. Иль мало есть у них,
У демонов, приманок?.. Покажите
Опять детей...
Дочь, Меланиппа, им
Надень убор в чертоге погребальный
И принеси сюда...
Коль иго жизнь,
Его Эол поднимет не бледнея...

Привесок бед... Мгновение... И пусть
Узнает под ножом тот черный демон,
Как славу у потомков отнимать
Эоловых... красой и состраданьем
Его мужское сердце растопляя,
Как крыльев воск Икаровых... Отец,
Минутную прости Эолу слабость...
Не женщиной его, орлом родил
Кронидовым ты горным...
Я Феспрота
Увижу дуб священный и, страданий
Приняв удел, священный голос бога
Услышу вновь, коль этим осквернен
Я зрелищем и демонской игрою.

(Гостям.)

Прошу гостей войти теперь в чертог
И без меня там пир уготова́нный
Вкусить... Богов они не раздражали,
И Гелленов не погасал очаг...

Гости входят в дом.

Меланиппа

(Эолу)

Дозволишь ли?..

Эол

Ни слова, дочь, ни слова!..

(Рабам.)

А вы, рабы, готовьте поживей
Костер, посуше наберите елей,
Чтоб тот огонь, который поднесу
Я бережно к неласковой постели
Найденышей, моей грозящих славе,
Чтоб ярче он и веселей пылал,
В Додону путь Эолу озаряя...

(Со свитой, налево.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же без Эола.

Меланиппа подходит к корзине, вынимает оттуда детей и, плача и молча целуя их, уносит в дверь направо.

Геллен

Последний день... Последние лучи...
Последнее звено тяжелой цепи
Сейчас сольет огонь костра, чтоб цепь
Мне самую потом расплавить... О,
Скорей, рабы, скорей, скорей отсюда...

(Уходит с своими провожатыми в ту же сторону, куда ушел и Эол.)

ВТОРОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

Хор

СТРОФА

Страшен богов без меры
Гнев и зоркая сила,
Но меж бессмертных Геры
Небо грозней не носило.
Сказку ли, быль ли златого
Детства душа удержала,—
С дальнего Пинда крутого
В Аргос река побежала.
Сколько там было богатых
Сёл и полей-раздолий,
Лесу и ланей на скатах —
Стало Инаховой долей.
В Аргосе царствовал славный,
Тезка с рекой золотою...
Дочери не было равной
Ни у кого красотою.
Очи Кронида пленились
Чадом Инаховым милым,
И меж аргосцев разлились
Воды, богатые илом.
Плутос в земле поселился.
Год пировали там целый.
Гермий с царем веселился,
Зевс с его дочерью белой.

АНТИСТРОФА

С трона небес золотого
Гера увидела диво.
Месть ее мигом готова:
Сердце недаром ревниво.
Радугу Гера послала,
Дивную станом и видом:
Влага с полей убежала,
Плутос ушел за Кронидом.
Стали пустынею села,
Смертного полные страха,
И из румяно-веселой
Мумией стала Инаха.
Где от обильной Димитры
За́кромы раньше ломились,
В сети паучьей и хитрой
Мухи голодные бились.
Шерстью одеты, смотрели
Девы глаза благородной;
Гермий уныло-голодный
Телке играл на свирели...
Страшен богов без меры
Гнев и зоркая сила,—
Но меж бессмертных Геры
Небо грозней не носило.

ЭПОД

О, чье ж это страшное дело?
    Чья тайна? Иль козни?
    Ту ночи ли поздней
Преступницу риза одела?
Иль Гелий своей золотою
Сиял колесницей победной
    Над тою
Огню обреченной красою...
    Над матерью бледной,
    Грехом ли гонимой,
    Стыдом, нищетою
    Томимой?..
О, чье ж это страшное дело?
Душа говорит: то не бес;
Чье ж око, о боги, с небес
На грешную деву глядело?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Меланиппа; за ней рабыни несут детей в погребальных костюмах и длинных черных вуалях.

Корифей

Вот... вот они... найденыши... О, боги!
О, зрелище печальное! Когда
Подходит к старцу смерть иль от недужной
Постели врач отходит молча, нам
Тоска сжимает грудь... Но если видишь,
Как маленьких детей для палача
Или жрецов — то не одно ль и то же? —
Оденет риза погребальная,
Как трауром играть готовы дети
И алые смеются их уста,—
В душе встает холодный ужас, девы!
О, как могла, царевна, этот труд
Ты, нежная, среди рабынь исполнить?

Меланиппа

В сердцах людей, покуда жизни луч
В них теплится, есть искра упованья...
Пока детей я одевала, мне
Мелькнула мысль, и ей дышу я, девы...
А может быть, печальный этот вид,
Убор, который подобает старцу,
Смягчит отца... Ведь беззащитней вдвое
Они теперь, малютки эти... Нет
Коровы даже в человечьем стаде,
Чтоб молоком уста их освежить.
О, слов и слез скопила я довольно...
И нежностью глубокою мое
Так эти крошки истерзали сердце...

(Вглядывается в ту сторону, откуда в это время слышится оживленный шум.)

Но подожди... Костер... Отец... и старец,
И Геллен там... Он что-то говорит...
Они идут сюда... Старик остался...
Он будет ждать малюток...

Посейдон!
Уста мои окованы... Ты моря
Отдай им, бог, и блеск, и шум; и речи
То ласковой, то грозною волной
Пускай идут мои к сухому сердцу...

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Эол со свитой и частью гостей.

Эол

(в руке у него блестит длинный фессалийский нож)

О дочь моя... Готово всё... И ждет
Костер и нож найденышей... Надеюсь,
Что, разумом излишек победив
Девической чувствительности, Арна
Достойною своих великих предков
Себя теперь покажет... Иль Хирон
Малюткою водил ее в пещеру,
Чтоб демонов игралищем потом
В Магнесии она покорно стала!

По знаку Меланиппы детей относят в сторону.

Меланиппа

Отец мой, я хотела гордый ум
Туманом слез окутать, чтобы сердце
Решения его остановило:
Я показать найденышей тебе
Одетыми по-старчески хотела...
О, из руки твоей холодный нож,
Наверно бы, дрожа, упал... Но стыдно
Мне этого желания... Ты сам
Передо мной открыл стезю рассудка.

(Подходит к нему ближе.)

Рабыни тихо забавляют детей.

Я — женщина, но дочь твоя. Во мне
Кровь царская, кровь избранных, быть может,
И голубой божественной хоть капля
Во мне, отец, есть крови. Я едва ль
Узнала б мать.

Но свитки муз прилежно
Читала я, и Истины златой
Средь дальних звезд и мне лучи мелькали...
Не бреду, царь, и не капризным снам,
Нет, ты ночей бессонных, ты трудов,
Холодного вниманья и проверки
Мучительной внемли словам, отец,—
И не моим...— Чтó эллинская дева? —
А мудрых, царь, в учение, в систему
Уложенным словам.
Но передать
Могу ли всё тебе? Земля и небо,
Весь этот мир, и всё, что в нем горит,
И гаснет, и растет, благоухает
И движется, и умирает, царь...
Всё это вечно... Только вещи были
Вначале странно смешаны. И Хаос,
Наш первый мир, исполнен был семян,
Мироначал неразвитых... А семя
Там каждое начатки всех вещей
Незримые таило: и железа
В нем был закал, и розы аромат,
И радуги цвета. Из этих зерен
Составились и небо, и земля.
И всё, что в них, в извечных семенах,
Холодного таилось, всё, что было
Иль твердо в них, иль жидко, иль темно,
Сцепилось и образовало землю,
С ее водой, горами и лесами
И тварями... А влажное и всё,
Что жаркого таили зерна мира
И тонкого, и легкого, в эфир
Ушло от нас и стало синим небом.
А смерть?.. О, смерть — разлука, но и только.
Коль на гробах мы видим огоньки,
Когда темно, а на могилах пышно
Трава растет; и если только пыль
В могилах от скелетов остается,
Так потому, что к расцепленью нет
Уж более преграды, чтобы пламя
Ушло в эфир и чтоб землей земля
И влажною травою соки стали.
О мой отец! Для светлого ума
Весь этот мир так строен, так прекрасен,

Что и у муз на нежных лирах нет,
Наверное, аккордов музыкальней.
Но он бы трупом был, когда бы Дух,
Иль вышний бог, когда-то вихрем зерна,
Из Хаоса подъяв, не закружил,
Чтоб части их сцеплялись, а другие
Бежали друг от друга...
Этот дух,
Он всё живит, и нет созданья в мире,
Где б чистый он и вечный не дышал...
А в нас сильней он только, чем в твореньях
Других, отец... Но кто вкусил его
Пленительной и бесконечной власти,
Не может уж на веру слабых душ
Без ужаса глядеть и омерзенья...
Я чту богов, отец, я им молюсь,
Но не могу ни раскаленной глыбой,
Ни морем их, ни молнией считать.
Они — ступени пламенного духа,
Бессмертные.
И жалкий жрец с ножом,
Который воли их в утробе бычьей
Прилежно ищет знака иль, бледнея,
От демона бежит, шепча молитву,
Иль жаждет кровь невинную пролить
Лишь потому, что в нем мутится разум...
От божества он далее, чем та
Детей, отец, питавшая корова...
О, прекрати весь этот бред безумный!
В душе своей великой не гаси
Ты дивного эфира. И Крониду
Всесильному угоден будешь, царь...
Но, страстию нечисто-малодушной
Закутав ум, удара берегись...
Того, чей дух препон не знает наших...

Корифей

Твоим словам прекрасным я дивлюсь,
Но смелый их полет меня пугает.

Эол

Подумаешь, что молнии Кронид
Ириде дал... что радужною ризой
Прикрыла их богиня и грозит,

А розы губ улыбкой зацветают.
Заслушался тебя я... Соловьем
Поистине ты стала... От Хирона ль,
От дочери ль его — да будет мир
Среди теней почившей — эти речи...
О, за тобой я, вместо царских дел,
Средь облаков желал бы вольной птицей
Летать, дитя... Суров и сух мудрец,
Но розовых вещания так сладки
Девичьих губ. Сломить копье с тобой
В словесном состязании, конечно,
Задачею бы было жениху
Нелегкою. Но я — отец и царь...
И мудрые босых учителей
Не раз, поверь, я эти речи слышал...
Я одному дивлюсь: когда богам
Иль Разуму исконному так верно
Все эти люди служат, отчего ж
Их нет среди царей? И отчего
Не падают твердыни наши, Арна,
Пред мудрыми словами? Почему же
К ним серебро рекою не течет?
И гонит их от своего порога
Немудрый селянин?.. И даже глаз
Изгнаннику покрыть не даст померкших
Отечество комка родной земли?
Нет, дочь моя, оставим это... Жертвы
Обречены, и их сейчас сожгут...
Пусть там казнит меня босой ваш Разум!
Боялась ты мне сердце размягчить
Их детскими невинными глазами.
О, этот страх напрасен... Про сирен
Рассказов я наслушался ребенком
И демону водить себя не дам.
Со слабостью покончили мы счеты.

Рабыни подносят Эолу детей. Он машет рукой.

Меланиппа

Постой, отец! Но разве ж царский ум
От общих всем ошибок безопасен?
Иль и богов, которым веришь ты,
На грешный путь не уводили страсти?

Иль Аполлон разгневанный отцу
Не перебил великому преступно
Его перуна гордых ковачей?
Скажи мне, царь... А если эти ж боги
Бессмертные, чтобы сгубить тебя,
Твой ум теперь мутят?
Когда убийство
Виновного готовится, то суд
Его решил, я думаю... А кто же
Судьею был, решившим смерть малюток?
Иль дряхлый тот уже незрячий жрец,
Иль, может быть, твой конюх? Или надо
Среди рабов трусливых судей нам
Искать, отец?.. Мне стыдно...
Говорил
Про вещий знак Эол землетрясенья,
Что Геллену он речь венчал. А если
То Посейдон разгневанный тебе
Свою волну послал для вразумленья?
Какой пророк, скажи, тебе, отец,
Истолковал божественную волю?
Пропавшая телица? Но она
Угодною явилась божеству,
А вовсе не наказанной. Иль Реса,
Трофония, Амфиарая грех
Земле обрек, ее пещерам вещим?

Минута молчания.

Эол

(сдержанно)

Надоедать мне пестрый твой узор
Немножко начинает... Мы не в ткацкой...
Коль этою богам не угожу
Я жертвою,— не ты ж в ответе, Арна...
Меж эллинских, коль ты Элладу чтишь,
Обычаев — такого я не помню,
Чтоб с дочерью советовался царь.
Нам вытканный приятней рук ее
Искусством плащ, чем слов ее плетенье...
Немедленно вели за мной теперь
Нести детей На дождь похоже будто,—
Шипящего я не люблю костра..,

Меланиппа

(нежно)

Отец, мне матери моей покойной имя
Так тяжело произносить... Но груз
Тяжелый я возьму и этот, если
Он снимется с души твоей, отец.

(Приближаясь к Эолу, тихо.)

Ты помнишь, царь?.. О, для меня не тайна
Рождение мое... Скрывалась мать,
И ничего не знал Хирон о браке,
На Пелии свершенном...

Эол

Замолчи!

Меланиппа

О нет! О нет... Я знаю, что ты властен
Меня казнить, но выслушай: тебя
Я Гиппою покойной умоляю —
Хоть посмотри на крошек...

По ее знаку детей подносят к Эолу.

Ведь они
Такие же, как некогда и я,
И ты, Эол, мы были... Только жалче...
Как тихо спят они...

(Рабыням.)

Разденьте их.

Детей раздевают.

Иль демонов на них найдешь ты знаки?
Подумал ли, отец, ты, что тайком
Могла родить их девушка и ночью,
Как некогда меня, таясь, отец,
Хиронова в лесу родила дочерь?
Ты демонов задумал жечь... А что
Как демоны — один девичий страх
Да стыд, отец, девичий были?.. Нет,
Ты не казнишь малюток... Заклинаю
Священною и нежною тебя
Звездой, отец... Неведомую эту

Ты пощади, как некогда Хирон
Мою простил таившуюся мать...
И не ее прости... детей невинных!..

Эол

Я б не хотел бранить тебя. Но стыд
Девичий и дочерний, Меланиппа,
Ты, кажется, забыла... Исступил,
Пожалуй, нас один и тот же демон,
Лишь путы я его порвал скорей.
Гей, вы, рабы, змеенышей за мной...
Царевна, здесь не место вам, я вижу,
Покинутый давно вас терем ждет.

(Приглашая жестом Меланиппу во дворец.)

Меланиппа

(порывисто обращается к детям)

О, с ними, да! Но не одна, державный...

Эол

Опомнись, дочь, что говоришь!..

Меланиппа

Тебе
Я говорю, опомнись, или внуков
Ты погубить задумал?.. Мать казни...

Восклицания в Хоре и среди присутствующих.

Эол

Га... Тяжкий бред... О боги! Это иго
Признания снимите с плеч моих!
Скажи, скорей скажи, что ты шутила...

Меланиппа

Шутила? Нет... Мне не до шуток, царь...
И если вам, о фессалийцы, надо
Иль вашему владыке, иль жрецам,
Чтоб царский дом не делать бойней гнусной,
Признания девичьего... Оно
Уж с этих губ сорвалось...

Эол

Дочь... Дитя...

Меланиппа

И мать... увы... твоих несчастных внуков.

Эол

Проклятие... О демоны... Ее
Оставите ль?

Меланиппа

Отец мой, я здорова...
И разум мой не поврежден... Детей
Я принесла, и этих самых, точно,
Двадцатый раз луна сегодня им
Свой факел зажигает. Их отец —
Великий Посейдон. Его веленьем
На нежный луг они отнесены.
Ты сам, Эол, хотел моих признаний.

Корифей

То нега лжи под игом палачей?
Иль истине в устах ее я внемлю?
О, призраки ожившие ночей!
О, туча, камнем павшая на землю!

Пауза.

Эол

(не глядя на дочь)

О, да... Теперь всё ясно мне — ее
Печаль, ланиты бледные, тревога
И странная заносчивость речей.
Позорные мгновенья!.. Эта мудрость,
Весь этот блеск ораторский... Куда ж
Они ведут, скажите, покоренных
Красою их и силой?
Ты, о бог,
Чье имя здесь нечистыми устами
Произнесла девица эта... Дочь
Злосчастного Эола... Пощади нас
И гневом лжи бесстыдной не карай...

Я накажу и сам ее... Законы
В Элладе есть еще, и совесть также
К тем мудрецам босым покуда в их
Дырявые мешки не уходила...

(К окружающим фессалийцам, которые в течение этого явления приходили на сцену.)

Вы, граждане всех четырех концов
Фессалии... у вас прошу я правды...
Устройте суд, обычаю отцов
Покорные, и эту Эолиду
Последнюю, которая мои
Еще срамить седины остается,
Коль камнями побить или живой
Решите сжечь с ее приплодом вместе,
Молящего не встретите, клянусь,
Во мне отца... Костер стоит готовый...
Ты ж, дар отца, прочь фессалийский нож!
Из сердца дочь я вырвал... Но ее
Волос твое железо не коснется.

(Бросает нож. Рабам.)

Мать и детей немедля разлучить —
Ее связать, а их отдать рабыне.

(Уходит со свитою во внутренние покои.)

Слуги подходят к Меланиппе.

Меланиппа

Веревки? Прочь... Пусть я не дочь Эолу,
Я все-таки царевна, и бежать
Или бороться с вами не унижусь.

(Детям.)

А вы, давно оплаканные дети,
Простите... Вас увижу ль?.. Но судом
Спасенья я для вас добьюсь... Ты, дивный,
Ты, Посейдон! Иль именем его
Украсивший мне ночь стыда и страха,
Кто б ни был ты... Спасти твоих детей
Мне помоги теперь, о синекудрый!

(К Хору.)

Простите вы, о Пелия краса,
О нежные подруги... Я не знаю,

Хоть смерть глядит в глаза мне... Кто из нас
Счастливее теперь?.. Весь этот ужас —
За мной, как сон тяжелый. И надежд
Игрушкою, забавой Олимпийца
Иль дерзкого обманщика — не быть
Уж никогда мне больше. Брак... рожденье
Детей — я дань свою вам отдала.
Другим очам одеждой золотой,
Таящей смерть и тленье, оставайтесь.

Уходит, окруженная фессалийцами и плачущими женщинами; детей уносят за нею.

ТРЕТИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

Хор

СТРОФА I

Сестры, будем молиться!
Звездные темны нам выси,
Девичий разум наш беден,
Только и в нас состраданье
Жаркой кипит слезою.
Мы о царевне нашей,
Тяжкой борьбой томимой,
Будем молиться, сестры...

АНТИСТРОФА I

Сестры, будем молиться
Той, что теперь незримо
На небесах мерцает
Чистой своей душою...
Нежной звезде молиться.
Пусть Посейдону Гиппа
Дочери муку скажет,
Будем молиться, сестры.

СТРОФА 2

Золотой и трехвечерний,
Зевсу вечному рожденный,

Потопил ты Гидру в Лерне,
Царь, никем не побежденный.
Содрогнулись и кентавры
Перед палицей Геракла,
Но Алкида вянут лавры,
Счастье гордое иссякло.
И, язвим богиней мстящей
Средь паров безумья винных,
Бросил он в костер горящий
Трех детей своих невинных...

АНТИСТРОФА 2

О царица Гера, Гера,
Если ты отцу велела
Горделивым для примера
Это злое сделать дело,
Со смиренною мольбою,
С фимиамом и слезами
Мы стоим перед тобою,
Гера с гордыми глазами!
Сердцу сердца голос чуток:
Пожалей в тоске рожденных,
Из огня отдай малюток
Нежной матери спасенных!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Эол

(за сценой)

О, боги!..

Корифей

Подруги... Тише... Стон мне из дворца
Почудился...

Эол

(за сценой)

О, мой отец... О, царь...

Корифей

Отца зовет... Иль Геллена словам
Разгневанным он внемлет?

(Прислушивается.)

Нет, там плачут.

Иль с Гелленом неладно? Я рабынь
Стенания... я вопли различаю...
Произнести мне страшно это слово,
Но кажется, что жизнь угасла там.

Из чертога, из средних дверей выходит Эол в трауре, обритый, с небольшой траурной свитой, за ним несколько гостей и рабов.

Эол

О Пелия приветливые гости,
Вы, граждане, вы, верные рабы!
Понизьте голоса... Волос в печали
Терзайте пряди... потому что Геллен,
Великий Геллен умер, и его
На смертное уж положили ложе.

Обрядовая сцена плача.

Корифей

Печаль твою делю я, властелин...
Но если скорбь Эолу позволяет
Нам передать, как царь почил, горит
Твоих речей мое послушать сердце.

Эол

Без муки он почил. И не успел
Плаща ему я на лицо набросить
В минуту расставанья с жизнью, девы,
Как ветерок, в морщинах лицевых
Последнее прошло усилье жизни
И сделалось как мраморным лицо.

Корифей

Ты говорил в то время с ним, владыка?

Эол

Про наш позор — о, лучше б никогда
Мне не рождать ее — ему смущенно
Я говорил... Вдруг вижу, что с ланит
Сбежала кровь у старца... «Посейдон»,—
Он прошептал с усильем... Не расслышал,
Что бледные еще шептали губы,
Но кажется, что было то «прости»,
И не «прости» разлуки, а любовью
К виновному звучащее «прости».
Просил ли сам прощенья он, не знаю,
И у кого... Иль завещал простить,—
Он медленно склоняться начал, точно
Хотел он сесть... На ложе мы его
Перенесли поспешно... Там он умер.
Увы! Кого б ни завещал простить
Эолу он, сходя в могилу,— это
Напрасный был завет... Давно рабам
Я отпустил их вины... А над тою,
Кого назвать я не хочу, чтоб вам
Не оскорбить ушей девичьих, гостьи,
Творится суд не мой... Эол — один,
Двух жен имел... Шесть сыновей и шесть
Он дочерей родил на зависть вышним,
А кто придет ему глаза закрыть?
О, Аполлон!.. Игрушкою твоей
Я сделался? Или твоих не понял
Священных слов Эол? Но о каких
Ты говорил мне внуках, славе царской?

Корифей

Прости мне, царь! Последние слова
Великого когда бы фессалийцам
Ты передать велел... Не смертным мужем,
Кронидом был почивший царь рожден...
Прощение — завет его священный...

Эол

О, это было бы уж поздно... Там
Клубится пыль. Гонца я различаю.
Не знаю как, но дело решено.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Вестник, угрюмый старик, жаркий, запыленный (слева). Время послеполуденное, ближе к закату.

Вестник

Царь, да хранит тебя с небес бессмертный
Твой дед и бог... Что вижу я? Хитон
Растерзан твой, и волосы обриты...
Иль ранее кто был здесь, не пойму.

Эол

О, вестник зол... Ты более, чем думал,
Сказал, гонец... Постой... Ее сожгли?
Покончили с детьми?.. Скорей, не медли...

Вестник

(неторопливо)

Не знаю, как сказать тебе: явленных
На луг снесли: пускай, мол, ищет их
Кто их рождал... А мать их ослепили.

Восклицания среди окружающих.

И, кажется, от непосильных мук
В ней помутился разум...

Корифей

Ужас, ужас!

Эол

Ты всё сказал?

Вестник

Чего ж еще, Эол?
Иль, может быть, ты ждал конца другого —
Я ни при чем. Меж судий не сидел
И ваших дел позорных я не ведал.
Вот погоди: еще накажет бог
Обидчиков девицы, и престол
От божьего суда им не защита.

Эол

(помолчав)

Награды дать тебе я не могу
За эту весть — отраднее бывают...

В чертог иди к своим занятьям, раб,
И царские оставь царям печали.

Вестник уходит налево в дверь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Без Вестника.

Хор

О, горе! О, сын
Кронида блаженный, в сребристых
Сединах почил ты... О, лучше б,
Владыка, вослед за твоими
Мои молодые, о Геллен,
Закрылись и светлые вежды,
Не так, как царевны кровавой
Печатью сожженные веки,
А сном благодатным и тихим,
Как лебедя песня, как утра
Осеннего бледное солнце,
Так тихо закрылись, о Геллен...
Чтоб этой семьи разоренной
Чертога пустого и муки,
Снедающей сердце, и жизни
В Магнесии, пышной когда-то
Эоловой славой, не видеть.

Корифей

Но вот они... О, вот они... владыка,
Собрать теперь все силы должен ты...
То, что сейчас увидишь ты, ужасно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

С той же стороны, откуда приходил последний вестник, среди нескольких вооруженных и толпы фессалийцев идет Меланиппа, ослепленная, в узах. За ней, плача и робко причитая, идет Старая кормилица.

Меланиппа

Я слышу дым жаровен... Это наш
Старинный дом... Или к жилью другому
Вы привели меня? Как затаились,

Однако, вы, о судьи... Иль со мной
Вас больше нет? А мой отец, тот муж,
Который так когда-то назывался?..
Иль голоса и царь уже не смеет
Возвысить около слепой, чтобы она
Проклятьями его не осыпала?

. . . .

О, если есть живые люди здесь,
Скажите мне, слыхали ль вы, чтоб ноги
Иль руки у кого, когда отпилят
От тела их, болели? Отчего ж
Мои глаза так чешутся? Ведь их
Уж нет... Кровавый этот студень, верно,
Растоптан уж давно... Мои глаза!
О, солнце... О, цветы... О, сны... О, дети..

Корифей

Несчастная царевна... Голос мой
Ты, может быть, узнаешь... Я подруга,
Я сверстница твоя... О, горький вид!

Меланиппа

Я узнаю!.. Вас с Пелия послала
За мной сюда Хирона дочь... Ведь так?

Корифей

Страдания ей разум помутили.

Меланиппа

Я, кажется, напутала. Мои,
Действительно, ко тьме еще не могут
Привыкнуть ни шаги, ни мысли, девы...

Корифей

Я, может быть, могла бы чем-нибудь
Страдания смягчить твои, царевна...

Меланиппа

Смягчить мои страдания? Иль труп
Ты вылечить возьмешься? Или глаз
Ты лишнею владеешь парой, дева?
Могу я сесть, о судьи, или нет?..
Истома мне колени подломила.

Вы, может быть, ослабить этот узел
Позволите мне, судьи? О рабыни,
Эола розе тесно... Тесно розе...
О, мой отец заплатит вам. Жалеть
Он ничего своей не будет Арне
И тем, кто верно, девы, ей служил.

Эол

Освободить ее, и пусть садится.

Меланиппу развязывают. Кормилица, плача, обнимает и поддерживает ее.

Меланиппа

(поворачивает голову к Эолу)

Державный мой отец... Осмелюсь я...
«Ни слова, дочь моя, ни слова больше».
О, господи... А сыновья мои?..
Скажи, Эол... Куда ж ты дел малюток?
За этими несчастными глазами
О детях я забыла... Что за мать
Презренная!

Эол

О, боги!.. Точно, разум
Ее померк, как свет ее очей...
Скажите ей, что Геллен умер, девы!

Меланиппа

Как? Умер мой отец? Но он сейчас
Со мною здесь беседовал... Иль демон
То был, завистник славы Эолидов?
А тот старик, который всё грозил
И жечь детей хотел, он тоже умер?

Корифей

Царевна Меланиппа, твой отец
Не умирал... На славу нам живет он,
А это дед твой, Геллен, старец белый,
В блаженное жилище перешел.
Пред смертию его уста шептали
«Прости ее» царю... Но суд тебя
Приговорил уж раньше и глаза
Кровавою тебе прижег печатью...

Меланиппа

Печатью, да... О, боги... Как мне больно...
Два глаза у меня, и было два
У Меланиппы сына... Где они?
Где? где они? О, сжальтесь... Принесите
Ко мне детей... В груди моей волною
Горячею теснится молоко...
Последняя волчица... крыса... в яме
Детенышей выводит, и кормить
Отцы и боги ей не запрещают...
Отдай детей, старик, мне... Иль скажи,
Что их убил... Да и меня прирезать
Вели зараз... чтоб не порочить род.

Эол

О, боги... Луч сознания верните
Ее душе... Мне кажется, что ум
И у меня мутиться начинает.

(Справившись с собою, с усиленной суровостью.)

О женщина... Я дочерью тебя
И девою назвать уже не смею...
Твоих детей не резали, не жгли,
А в стадо их на то же место судий
Решением вернули... Если их,
Как говоришь ты, бог родил, чего ж ты
Волнуешься?.. Он должен их спасти,
А смертному и рабскому, быть может,
Отродью нет спасенья, и не надо...
Осуждена в темницу ты, но здесь
Ты кончишь дни, не в узах, на свободе,
Благословлять ты Геллена должна.

Меланиппа

О царь, прости безумный ропот сердца;
Рассудок мой немного просветлел,
И если бы не эти боли... О!..
Как будто гвоздь тот раскаленный... мира
Последний луч для Арны... там в мозгу
Осколок свой оставил... Сжалься, вышний,
Ты разума мне мукой не гаси...
Державный царь, я лгала... Я не знаю,

То Посейдон ли был... Коль ты бесов
С детьми смешал, или возможно деве
Обманщика от бога отличить?
О, если б был то бог, ужели ж эти
Он выносить заставил бы меня,
Свою жену, не муки — поношенья...
Я покорюсь судьбе моей... Но тенью
Я Геллена, касаяся колен
Твоих, о царь, смиренно умоляю:
Вели своим ты пастырям, Эол,
Не отдавать детей моих зубастым
Зверям, отец... Ах, виновата, царь...
И трупы их, когда умрут, позволь мне
Самой убрать, и вымыть, и одеть,
Холодные их лобызая лица.

ИСХОД

Близок закат солнца. Одно из розовых облаков спускается с неба. В нем на довольно далеком расстоянии от сцены вырисовывается в апофеосе закутанная в розовую дымку Гиппа (мать Меланиппы); на темных волосах у ней мерцает бледная золотая звезда.

Меланиппа

О, дивное благоуханье... Где?..
Где я, отец? Со мною дети?.. Нет!
Иль я сама — дитя?.. О, что со мною?
Сирийских смол я слышу аромат:
Мать, это ты!.. Твоих волос, родная,
Я запах узнаю!.. Там солнце... горы...

Гиппа

О, дочь моя... О, Арна... Как обнять
Хотела бы тебя я...

Меланиппа

(протягивая руки по направлению голоса)

Обними же.
Дай голову прижать к твоей груди...
Дай выплакать измученное сердце...

Гиппа

Увы... Я тень... Я только тень и сон...
Но слушай: я к тебе от Посейдона,
То Посейдон был точно...

Эол

Умереть...
О, умереть... Не надо продолженья...

Гиппа

Твоих детей прославлен будет жребий...
Их далеко везут теперь... У них
Кормилицы нарядные, игрушки,
И в роскоши малютки возрастут.
А имена наречены им будут
Эола и Бэота... И когда,
Прекрасные и мощные, они
Поднимутся, как тополи, за Понтом,
Они сюда придут... А Посейдон
Мне обещал вернуть тебе и зренье,
Чтоб дивными натешились глаза.
Ты, царь Эол...

Эол

Мне смерти, только смерти..

Гиппа

Неведеньем оправдан... Но ее
Ты береги теперь... За эти двери
Переступать не надо ей. Тебе ж,
Как Аполлон сказал, от внуков слава
Пойдет вовек. О, сколько городов
И островов, героев и поэтов
Под сенню Эола процветет...
Простите мне, отец и дочь, ее
Ты обними, Эол.

Эол

(Меланиппе)

Прости... прости...

Меланиппа

(в экстазе)

Как сладко мне... О, мне не надо солнца...
Меня прости, отец... Перед разлукой,
В дверях тюрьмы. Я, как на брачный пир,
Туда войду... для славы Эолидов...
О, как тебя люблю я, Посейдон...

Гиппа

(Эолу)

В Феспрот поди, Эол, для очищенья...
Там плоть постом прилежно изнуряй,
Грядущее тебе оракул скажет...

Закат.

Но на поля Магнесии... уж сумрак
Вечерний набегает... О, прости,
Мое дитя несчастное... Мне нужно
По голубым темнеющим ступеням
В эфир подняться... Там мой факел робко
Затеплится, чтобы светить под утро
Идущему на ниву фессалийцу,
Рабыне, что кувшин несет, и всем,
Кому печаль или недуг на ложе
Покоя не дает... Прости, дитя...
И ты прости, Эол... Вы, девы, тоже...

Корифей

И нас прости... о, дивная звезда!..

Свет и видение исчезает. Луна прячется в тучах. Поднимается ветерок. Роса. Свежеет. Меланиппа точно просыпается от сна.

Эол

Я Геллену усопшему в чертоге
Пойду сказать последнее прости.
Рабыни, вы слепую берегите.

Уходит со свнтой в дом. Фессалийцы расходятся.

Меланиппа

Замолкли вы, сирены? Кто со мною?

(Нащупывает руку Кормилицы.)

Тюремную одна я не сыщу,
Пожалуй, дверь... О нет, не надо больше
Мучительных и невозможных снов.
Несчастием и слепотою точно
Унижена царевна. Но свечи
Она своей еще не потушила,
И, чтобы жить, обманов и надежд
Не надо ей... О бог, о чистый Разум!
Пусть кровь глаза моя запечатлела,
Пусть язвы сердце мне терзают... Ты
Не угасай во мне, эфир, и жребий
Свой не сменю на счастье темных душ.
Вы ж, дети, если живы, мать простите...

(Вместе с рабыней медленно уходит в дверь налево.)

Хор

(покидает орхестру под пение следующих стихов, которые замирают вдали)

О, печальная, тихая ночь,
О, гнездо разоренной семьи!
Не на радость тебя на земле
Свил когда-то небесный орел.
Над тобой, о безумная дочь,
Плачут нежные очи мои,
И жалею в полуночной мгле
Я тебя, одинокий Эол...
О, гнездо разоренной семьи,
О, печальная, тихая ночь...
. . . .

Март 1901
Царское Село

Примечания к лирическим партиям

1. Первый музыкальный антракт посвящен прославлению Аполлона. Этот бог был отцом Асклепия (Эскулапа), мифического существа и героя, столь сильного, что этот герой дерзнул даже воскрешать людей, не только исцелять их. За это Зевс, верховный бог и защитник установленного миропорядка, соблюдая нарушенные права Смерти, убил Асклепия. Аполлон, рассерженный на отца, перебил его сыновей, киклопов, как исполнителей приговора верхов-

ного Кронида (Зевса, сына Кронова). Зевс уже собирался ввергнуть своего дерзкого сына в Тартар, но жизнь ему вымолила его мать, Латона, и Аполлон, взамен смерти, должен был целый год быть в батраках у ферского царя Адмета (в Фессалии, около Бебидского озера). Аполлон, пася стада Адмета, играл на свирели, и слушать его собирались даже дикие звери.

В антистрофе упоминается о рождении Аполлона; он и его сестра, Артемида, родились на острове Делосе; Латона, рождая их, не страдала.— На Делосе запрещалось хоронить мертвых, их должны были увозить оттуда.— Сминтий — прозвище Аполлона, неясной этимологии.

2. Хор в четвертом явлении славит брак между Пелеем и одной из нереид, Фетидой; от этого брака впоследствии произошел Ахилл. Брак происходил на Пелии и отличался блеском. В числе гостей со стороны невесты были и кентавры. В представлении об этих сказочных существах слились представления аттические о грубом быте горных наездников и старые, еще арийские верования в горных или, может быть, облачных духов. Отсюда двойственное представление о побеждаемом грубом народе-наезднике (полуконь, получеловек) и о мудреце Хироне, который в своей пещере воспитал самого доблестного и совершенного представителя героической эпохи.— Нереиды это были дочери Нерея, отца невесты, так называемого «морского старика» (он был предшественником Посейдона как повелитель морей). Нереиды изображаются в хороводном танце: их быстро мелькающие ноги кажутся серебряными,— всех сестер было пятьдесят. Аониды — то же, что музы.— Властитель Эолиды — Эол. О его сражении с дочерью Хирона уже говорилось.

3. Второй музыкальный антракт посвящен старой легенде о Гере и Ио, которая послужила в этом виде сюжетом для одной не дошедшей до нас и, вероятно, сатировской драмы Софокла. В ней отразились природные явления, связанные с народным благосостоянием: с одной стороны — разлив илистой горной реки Инаха, с другой — засуха. Кроме того, здесь слышны отзвуки аргосского мифа об Инахе и Ио. Инах — царь Аргоса, а Ио — его дочь, красотой которой пленяется Зевс. Ревнивая Гера, жена Зевса, посылает Ириду (радугу), свою вестницу, в свой излюбленный край, Аргос, распорядиться. Плутос — бог богатства, который поселился было среди аргосцев, имевших обильный урожай после разлива, уходит. За ним уходит и Зевс, потому что Ио обратилась в телку. Гермес остается забавлять и утешать телку, играя ей на свирели. Инах от голода обратился в мумию.

Связь мифов о ревнивой Гере с несчастиями Меланиппы ясна. Ведь она также происходила от незаконного Зевсова потомка. Эол был внуком Зевса, но не от Геры.

4. Во второй строфе третьего музыкального антракта хор воспевает Геракла. Это сын Зевса от Алкмены и одна из жертв Геры. Он называется здесь «трехвечерним», потому что Зевс сделал брачную свою ночь с Алкменой втрое длиннее обыкновенной. Геракл должен был сделать ряд очень трудных дел, которые налагал на него аргосский царь Еврисфей по наущению мстительной Геры; между прочим он убил Гидру и перебил кентавров. Его первым оружием была палица. Гера преследовала незаконного сына своего мужа не только трудными задачами, но и несчастиями. Одна из греческих легенд передает, что, охваченный безумием, Геракл бросил в огонь своих малюток детей. В антистрофе третьего антракта является параллель к только что рассказанному: там был гордый герой-отец, бросающий своих детей в огонь; здесь нежная мать и ее смиренные подруги, которые хотят спасти детей от огня. Речь идет о том, чтобы Гера, которая вдохновляла Геракла на преступление, здесь восстановила нарушенную справедливость спасением других детей от той же огненной смерти, но на этот раз не ею решенной.

335. ЦАРЬ ИКСИОН

Трагедия в пяти действиях
с музыкальными антрактами

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Сын Флегии Иксион (царь Гиртона, в Фессалии), женившись на дочери (царя) Деионея Дие, обещал, что отдаст за нее (отцу) богатые дары; но когда Деионей прибыл к нему за этими дарами, то Иксион приказал сделать яму и, затаив там огонь, заложил ее тонкими досками и пеплом. Деионей упал в яму и погиб, а на Иксиона в наказание напала Лисса (богиня безумия), и никто не хотел очистить его ни из богов, ни из людей, потому что он первый убил человека своей филы. Иксиона пожалел Зевс и очистил его, но Иксион влюбился в Геру. Тогда Зевс сделал для ложа Иксиона облачное подобие Геры, а позже, устроив «колесо о четырех спицах», привязал к нему Иксиона, и тем покарал». Вот как рассказывается в одной из схолий к «Аргонавтам» Аполлония Родосского (+ 186 г. до Р. Х.)[1] миф об Иксионе, послуживший автору помещаемой ниже пьесы сюжетом для его «драматической сказки».

Миф об Иксионе, как рассказ, не восходит особенно далеко в древность: это был первоначально местный фессалийский миф, и он отлился в определенную форму позже Гомера и даже Гесиода. Сравнительно позднее происхождение мифа явствует хотя бы из того обстоятельства, что между вариантами его нет почти никаких противоречий. Для древнего мира Иксион был одним из прототипов нечестия и вероломства, тем не менее, благодаря необычности и особой дерзости его преступлений, все три великих греческих трагика V века сделали его предметом своих трагедий, и Аристотель (Poet. c. 18) говорит о патетичности самого сюжета. Фантазия древнего грека, помимо моральной стороны мифа, несомненно, поражалась и представлением о необычной пытке Иксиона. На одной Куманской расписной вазе, находящейся в Берлине (N 3023; cf W. H. Roscher, Ausf. Lex. s. v. Ixion; Baumeister, Denkmäler d. kl. Alt. s. v.), распяленный Иксион привязан змеями к спицам огненного колеса, которое представлено колеблющимся в воздухе (это символизируется двумя крылатыми женскими фигурами, его под-

---

[1] Arg. 3, 62, Schol. cf. W. H. Roscher. Ausf. Lexic. d. gr. u. röm. Mythol., s. v. Ixion.

Расшифровку сокращенных условных обозначений (авторских) вместе с переводом цитат и необходимыми пояснениями к ним — см. в примечаниях.— *Ред.*

держивающими). Около колеса изображен с одной стороны Гермес в островерхом шлеме, с другой — Гефест с клещами, а снизу Эриния с горящим факелом.

Материала для драматической сказки, которая печатается ниже, не могли дать скудные остатки от античных трагедий на сюжет об Иксионе. От произведений Эсхила и Софокла не осталось ничего (может быть, одно слово от Софокла), а от драмы Еврипида $5^5/_6$—$9^5/_6$ строк. Я даю перевод этих остатков по тексту Наука (Trag. gr. fragm. Lipsiae, 1889², pp. 838, 490):

1. О сын Флегии, деспот Иксион —
2. Тот муж, что был рожден сограждан выше
(Неправеден и волей и умом),
Теперь друзьям и городу — чума.
3. Ты высшее, что смертные свершили,
Старайся превзойти,— ни власть царей,
Ни пышный дом без муки не даются.

---

1. Приобрети хвалу за справедливость
И делай всё, что прибыльно потом.
2. То враг, но чту я больше справедливость.

Об «Иксионе» Эсхила Диндорф предполагает, что в нем изображалась лишь первая вина Иксиона, т. е. вероломное убийство тестя, и трагедия заканчивалась тем, что Зевс очищал его (Dind. ad fragm. inc. 329), К. О. Мюллер предположил у Эсхила целую трилогию Иксиона (Götting. Anzeig., 1827, s. 670; Eumen. s. 138 cf. F. G. Welcker Die gr. Tr. 1839, I, 52).

Еврипидовский «Иксион» обрисовывался предположительно Велькером (a. a. o. 1839 1, 749 ff.) и Гартунгом (Eur. restit. 1843; II, 370 sqq.).

Согласно их догадкам, Еврипид выводил Иксиона дерзким софистом, который в корне оспаривал идеи долга и добродетели. Кроме того, Гартунг сделал попытку обрисовать и самый ход действия, потратив на это, без особых результатов, и в этом случае, как во многих других, немало рвения, остроумия и любви к Еврипиду.

Были черты в мифе Иксиона или его античных обработках, которыми автор настоящей трагедии не воспользовался. Так, в одной из схолий к «Финикиянкам» (ad v. 1185) говорится, будто Зевс приказал бичевать Иксиона, привязанного к колесу, причем самому Иксиону было приказано повторять: «Надо почитать благодетелей». Кроме того, по одному из вариантов мифа, от облачного подобия Геры и Иксиона родились кентавры, «надменный род, чуждый харитам», и, вероятно, в прологе или исходе одной из античных трагедий об этом упоминалось.

Автору драматической сказки пришлось быть отчасти мифургом. Например, он ввел в действие лицо, которое едва ли являлось в античной трагедии, Апату, богиню обмана, дочь Ночи и сестру Лиссы. Что касается Лиссы, то она являлась и у Эсхила, и в «Геракле» Еврипида. Мимоходом автор внес еще вариант мифа об Оресте. Рафинирование пытки Иксиона сделано в этой драматической сказке во вкусе Сенеки (Apocol. p. 361) и Вергилия (Georg. 4, 484), а Эрот, как сын Ириды и Зефира, встречается у лириков (Alc. Bergk. fr. 13B. 4. Aufl.).

Автор старался как можно меньше подражать античной трагедии и потому старательно освобождал свою пьесу от мифологических прикрас в хорах. Он хотел как можно более слить хор с действием и антракты с актами, но все-таки ему пришлось коснуться двух мифов, не имеющих прямого отношения к легендам об Иксионе: во-первых, мифа о Тантале, сыне Зевса, который был наказан за то, что, допущенный к трапезе богов, не сдержал потом своего дерзкого языка (Cf. Eur. Or. 9 sq); во-вторых, так называемого «священного брака»: так называется брак между Кронидом и Герой. Мы знаем из «Илиады» (XIV, 294—296, 346 sqq) об этом браке на Иде, где Гера, при помощи пояса Афродиты, возбуднла в Зевсе горячие желания, причем на ложе богов выросли гиацинты, шафран и лотос, и золотистая туча покрыла Зевса и Геру во время брака. Но в «Илиаде» мы находим лишь сравнительно поздний отзвук древнего гимна, который воспевал первое объятие детей Кроноса на западных пределах мира, в саду Гесперид.

Автор сказки о царе Иксионе уже изложил в предисловии к своей «Меланиппе» причины, которые заставили его воспользоваться античными схемами, несмотря на модернизацию в психологической разработке мифа. Ему остается указать здесь на единство действия, к соблюдению которого он всемерно стремился. Антракт не должен, по его мненню, нарушать впечатления от развивающейся перед зрителем драмы: не загромождая действия и отличаясь от него своим лиризмом, он всё же должен идти в тон с ямбической частью пьесы, с диалогом. С другой стороны, желая сохранить единство действня, как драматического сюжета, автор взял за начало своей пьесы заключение первого несчастия и первого дерзания Иксиона: таким образом драма избегла двоения и двух центров, что мы находим в некоторых из античных драм (например, «Орест»).

В заключение не лишним будет упомянуть, что миф об Иксионе, в отличие от мифа Ореста или Промефея, всецело принадлежал античному миру. По крайней мере, автору настоящей трагедии не удалось найти в новых литературах обработки мифа о «сверхчеловеке» эллинского мира.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

в порядке появления их на сцену:

Лисса, богиня безумия, дочь Ночи.
Иксион, царь фессалийский.
Хор горных нимф, ореад.
Корнфей, старшая из нимф.
Сон, сын Ночи.
Гермес, сын Майи, посланник богов.
Ирида, посланница богов, жена Зефира и мать Эрота.
Гера, жена и сестра Зевса.
Апата, богиня обмана, сестра Лиссы.
Гефест, божественный кузнец.
Свита Геры.

Действие происходит на склонах Олимпа.

Театр представляет дикую горную местность. Близок рассвет. На скалистой постели между старых елей спит Иксион. Он еще очень молод, но выглядит почти стариком, бледный, небритый, больной, оборванный. Сон его тревожен, со стонами, бредом. Около него и близ потухшего костра сидит Лисса; она — худощава, зеленоватое лицо ее некрасиво, а длинные черные жгуты волос напоминают змей, особенно при нервных и быстрых ее движениях. Она сидит близко к Иксиону, охватив руками колени. Из-под лилового пеплоса выставляются огромные, костлявые, но сильные ноги. Руки у ней белые, небольшие и цепкие, с длинными острыми ногтями и изумрудами в кольцах. Сквозь брезжущий рассвет вдали, еще гораздо выше, среди слабо розовеющих облаков, еле вырисовывается силуэт Зевсова дворца.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лисса и спящий Иксион.

Лисса

(встает, но не сводит глаз с Иксиона)

Как нежная подруга до рассвета
Покинет ложе ласки, и волос

Душистые поднимет в узел волны,
И розы щек водою освежит,
А тихий сон еще покоит мужа,
Так спутника печального мне жаль
Тревожить сон безумный... хоть не ласки
Связали нас, а муки, и моих
Он жарких рук во сне искать не будет.

Богиня я, увы! бессмертных дочь,
Но я ни в ком желаний не будила;
Иную власть божественная Ночь,
Меня рождая в муках, мне судила.

Нет, никогда Эроту не зажечь
Безумнее страстей... Огню Киприды
Не извести, испепеляя, сердца
С такою адской силой, как моих
Зеленых глаз печальному огню
И уст моих холодному дыханью.
И никогда ни за одной женой,
Носи она хоть пояс Афродиты,
Ей отданный богами человек
С такой собачьей верностью не бегал.

(Опять садится около Иксиона.)

Сегодня год, как мой он... Но узнать
Кто мог бы Иксиона? Клочья пены
На бороде... На впалые виски
Уж серебро пробилось. Он в лохмотьях.
Он изможден... А год... ведь только год,
Как мы спознались... Помню, царь так молод,
Так дерзок был... Над сумрачным дворцом
Уж облако пожара розовело,
А за оградой уст у гордеца
Светилось столько жизни, столько счастья,
И золота на пурпуре плаща
Душистого горело.

Первые лучи солнца.

Иксион

(в бреду)

Гей... Лови их...
Пересчитай... они сгорят... сгорят...

Их было двадцать семь,
Их было двадцать семь,
Их было двадцать семь!

Лисса

Про кобылиц своих огнистокрылых
Забредил царь. Иль и сквозь тяжкий сон
Его златые солнца иглы колют?

(Набрасывает на Иксиона свой темный платок.)

Пусть ночь его покоит... Спи, дитя!

(Встает и делает несколько шагов по сцене, осматривая окрестности, которые значительно прояснились.)

Но где же мы? Безвестный и суровый
Утесами нас обступает край.
Проснулись и шумят по скалам ели...
Вот облако, уж розовое, дремлет
И улетать еще не хочет... Там
Дворец вдали на выси недоступной
Чернеет... Золотою нитью солнца
Обведены колонны...

Прислушивается, издали несутся мелодические звуки и свежие голоса.

Аромат
Послышался... Откуда он?.. Я луга
Не вижу здесь... Не лилии... Нежней...
Как сладкое дыхание, несется
Незримый хор. Богини... Это вы.
Таких цветов сады людей не знают.
Ни птицы так, ни девы не поют.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

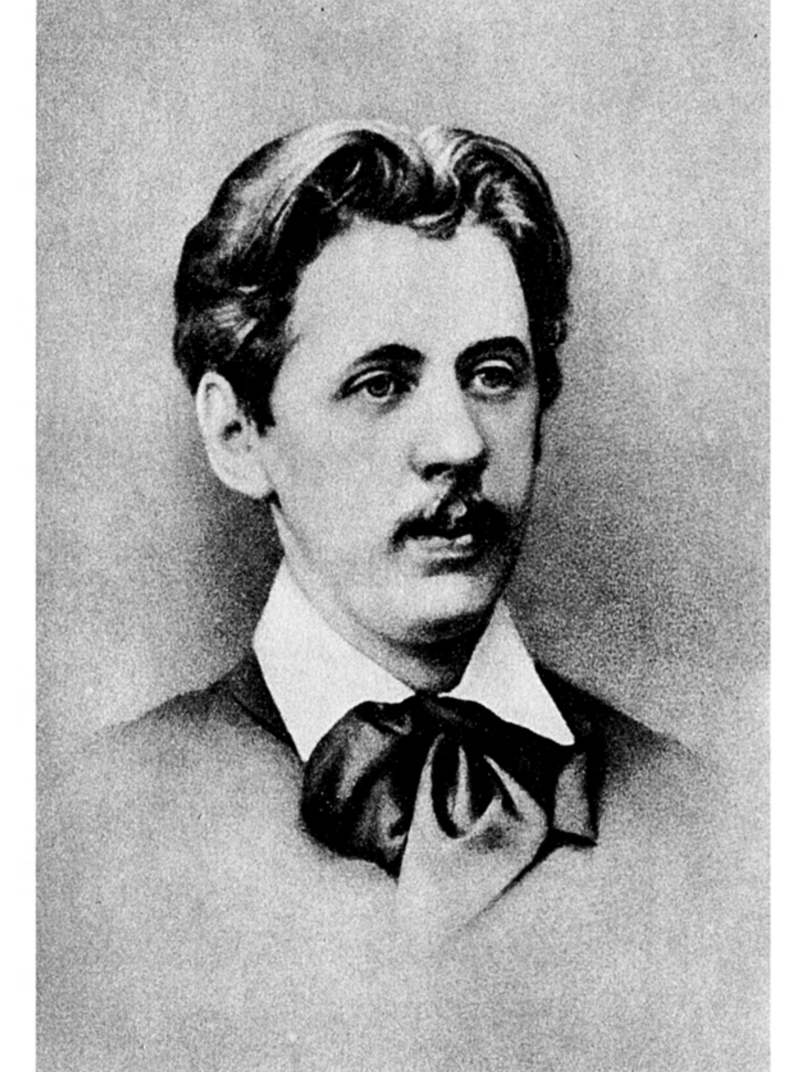
Снизу показываются ореады. Они в золотистых и белых туниках и розовых или оранжевых напусках, напоминая горы на восходе и на закате. У блондинок жемчужные гребни на косах, у брюнеток — золотые. У иных кувшины, заткнутые букетами. Цветы на поясах, цветы в виде ожерелий, цветы в руках и на волосах. У некоторых арфы.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ ХОРА

Хор

СТРОФА I

Когда звезд огневые
Станут лики белее,



П № 2. 1

И. Ѳ. Анненскій.

Кипарисовый ларецъ

Вторая книга стиховъ.

ИННОКЕНТІЙ АННЕНСКІЙ
ѲАМИРА КИѲАРЭДЪ
ГИПЕРБОРЕЙ

ИННОКЕНТІЙ
АННЕНСКІЙ

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦЪ

ГРИФЪ

А лучи заревые
Всё алей и алее,
Еле-еле златимы,
Мы постели покинем,
И к озерам летим мы
Серебристым и синим.

АНТИСТРОФА 1

Там со смехом наяды
Нам наполнят кувшины,
И в цветах, ореады,
Мы летим на вершины,
Где в пурпуровом дыме
Пробуждаются ели
И совсем золотыми
Стали наши постели.

СТРОФА 2

Молоденькая нимфа

(в белом с оранжевым поясом)

Небо нежной пеленою
Уж синеть над нами стало,
Я не знаю, что со мною:
Я больна или устала.
Зной и холод спорят в теле,
Как тростинка, гнутся ноги,
И на сердце налетели
Непонятные тревоги.
Путь такой далекий, трудный,
Сил моих, боюсь, не станет,—
Зеленея, изумрудный
Мох меня на ложе манит.

АНТИСТРОФА 2

(в сопровождении мимической сцены)

Хор

Над твоим зеленым ложем
Белой сядем мы гурьбою
И цветы перед тобою
Мы гирляндами разложим,

Чтоб темней казались розы
От лилеи белоснежной
И теплей от туберозы
Аромат левкоя нежный.

Большая черноволосая нимфа

(с пунцовыми розами и золотым гребнем в волосах)

Скоро солнце разгорится,
Воздух полон томной лени...
Ляг, родная, ляг, сестрица,
Головой мне на колени.

Хор располагается неподалеку от группы странников, хотя еще не замечая ее. Белую нимфу окружают. Тихо воркуя, ореады приинимаются разбирать цветы, плести венки, вязать снопы, убирать кувшины

Корифей

(вставая)

Тише... о нимфы... о сестры,
Мы не одни здесь.
Там, меж деревьев мелькает
Пеплос лиловый... О, ужас...

Лисса выходит к ннмфам.

Мертвая кожа... И змеи...
Черные змеи... не косы...
Кто ты?.. О, кто ты?.. Скажи нам,
Женщина ты или призрак,
Здесь на земле
Бледною ночью забытый?

Лисса

Я Ночью рождена... Ты угадала,
Красавица... Но я не призрак... Нет.
Не женщина я тоже, потому что
Амвросией меня поила мать...
Иль на своих вершинах золотых
О Лиссе вы, о нимфы, не слыхали?

Корифей

Не повторяй... Печален этот звук
И для ушей божественных ужасен.

Лисса

Ужасен он, конечно, но, увы!
Услуг моих уста такие просят,
Которым нет отказа. И тогда
Блаженным я сердцам мила бываю.
Я знаю, ты жалеешь раздавить
И червяка, красавица... Но если б
Избранник твой с улыбкой поглядел
На женщину, то ласковое слово
Для Лиссы бы ты, нежная, нашла.

Корифей

О будущем я не гадаю, дева.
Чар, может быть, нам хватит и своих.
Но расскажи мне, правда ли, что дивный
Кронида сын великого, герой,
Которому не страшен был и Тартар,
Твои оковы тяжкие носил? [1]

Лисса

Он танцевал под музыку мою,
И танца вам такого не увидеть.
Детей своих безумец перебил,
Мегарой мне пожертвовал, беснуясь...

(Усмехаясь.)

Сказать, что Лиссы не любил никто.

Корифей

Ты мучила Ореста?.. При дворе
Кронидовом мы слышали. И сердце
Горит узнать, то правда ли...

Лисса

Орест?
О, это был еще совсем ребенок.
Он нежен был, как ты, и, чтобы мать
Зарезать он решился, я кровавый
Три ночи над его держала ложем
Платок,— во сне убийца созревал.

---

[1] Геракл.

Мои потом его гоняли сестры
И о землю кидали, и от них,
Как раненый олень, бежал он долго...
Но у меня и здесь товарищ есть;
Я покажу его, пожалуй, нимфам.

(Подходит и становится над Иксионом.)

Царь Иксион под этой черной тканью;
Он был богат, и молод, и могуч.
Теперь — он мой, и в этом слове всё;
Любуйтесь на мою работу, детки.

(Сдергивает платок, в Иксиона ударяет солнечный луч.)

У нимф вырывается крик удивления, смешанного с ужасом. Иксион вздрагивает и открывает глаза. Потом привстает, садится. Волосы его полны игл и пыли, лицо исцарапано, ноги избиты. Лохмотья его и вся фигура кажутся еще ужаснее от соседства блистательных нимф и от яркого солнечного света. Глаза воспаленные, взгляд мутный,— у него вид пьяного.

Иксион

О, дайте пить... О, дайте пить... Горит
У Иксиона в сердце камень черный.

(Увидев кувшины и нимф.)

О светлые богини! Или девы...
Коль есть у вас отцы и братья, мне
Вы ради них уста водой смочите...

Одна из нимф робко подходит к Иксиону и дает ему напиться.

Иксион

(напившись)

Будь счастлива, дитя... Богов, увы!
На светлое чело твое не смею
Я призывать, малютка,— я нечист.

Корифей

Ты призывать богов не смеешь, странник?
Что ж сделал ты? Не бойся ореад.

Иксион

(увидев Лиссу, которая делает пассы)

О, подожди мучительным круженьем
Сводить меня и, как на колесе,

Вытягивать и бить о землю, пеной
Кровавою уста мне наполняя...
Помедли... Нет? Не хочешь? Может быть,
Не можешь ты? Проклятие! О, сжальтесь!
Молитесь вы, о нимфы, за меня,
Назвать его не смею... там... в эфире...
Пусть усыпит ее... Пусть усыпит...

Хор

делится между тремя группами

А

Мой моляще-призывный
Голос нежно тебе поет:
О крылатый! О дивный!
Тихо с синих спустись высот.

Б

Алым маком венчанный
Из лазурных кошниц,
Ночи сын богоданный,
Ты, как мать, бледнолиц,
Бог, отрадно-обманный.

В

Ты безумной рабыне цариц,
Бог, отрадно-обманный,
На чернеющий завес ресниц
Опусти золотые туманы.

Общий хор

(в сопровождении хороводного танца и мимики)

Если ж, солнцем опьяненный,
Ты мольбам моим не внемлешь
И, на облако склоненный
Сам на розовое, дремлешь.
Вкруг безумной, сестры, сами,
Как зарницы, замелькаем,
Всю душистыми цветами
Мы завеем, закидаем.
Кто косою золотою
Чуть заденет деву Ночи,
Кто кисейною фатою
Заслепит безумной очи.

Чтоб застыли в косах змеи,
Чтоб смежились веки Лиссы,
Станут снегом ипомеи,
Вихрем белые нарциссы...
Ты же, если жарким часом
На мольбы покинешь ложе,
Приходи на помощь, боже,
Нашим танцам, нашим пассам...
То кругами, то рядами
Мы взовьемся, замелькаем,
Всю душистыми цветами,
Всю цветами закидаем.

Мимическая сцена и танец хоровода нимф с цветами и вуалями вкруг Лиссы продолжается. Обессиленная и улыбающаяся, Лисса склоняется на землю. В это время легкими скользящими шагами в хоровод, разнимая его, входит Сон. На нем белый хитон и короткая дымчатая перекидка. За плечами большие крылья — одно белое, другое черное; на легком серебряном шлеме, который надвинут на лоб, такие же крылья, только маленькие и в обратном порядке. У бога бледное овально-матовое лицо и опущенные глаза с длинными и темными стрельчатыми ресницами. Он совсем еще молодой, безбородый. В правой руке у него рог с маковыми зернами. Войдя в толпу без торопливости, он кропит Лиссу зернами; некоторые из них попадают в одну из нимф, и она в дремоте склоняется на плечо к подруге. Другие нимфы тихо берут ее и укладывают на землю, устраивая ей ложе из цветов и моху. Лисса, сидя, качается, но еще борется со сном. Тогда Сон со словами: «Здравствуй, сестра!» — подходит к Лиссе и целует ее в щеку. Лисса падает как подкошенная и тотчас засыпает. Нимфы расходятся розовые, возбужденные танцем. Одни пьют, припав к кувшинам или поднимая их, другие — закидывая белые руки за голову; третьи обмахиваются кисеей или большими листами папоротника. Некоторые поправляют волосы. Сон, ни на кого не глядя и даже не поднимая головы, легкими, как бы рассеянными, волнистыми шагами покидает сцену, проходя через нее.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Корифей, Иксион и спящая Лисса.

Корифей

Свободен ты, и если бы укрыться
Хотел бы, гость... вот лес... иди туда...
Несчастие твое мои сковало
Уста и ум пытливый, Иксион.
Беги, пока не пробудилась Лисса.

Иксион

Бежать? О нет... богини... На земле
Приюта царь без царства не имеет.

Корифей

А где же был, скиталец, ты царем?

Иксион

В Фессалии отважные лапиты
Мне чистили крылатых кобылиц...
Их двадцать семь взрастил я золотистых,
Мой город был прославленный Гиртон.

Корифей

А где ж твоя дружина?.. Или Лиссы
И латники и конные бегут?

Иксион

Они бегут несчастных, ореада...

Корифей

(после раздумья)

Ты говоришь: несчастных, и боюсь
Недужное я растревожить сердце.
На золотых вершинах алтарей
Не ставят нам... И помощи не молят
У слабых нимф... Но муки состраданье
Живое, царь, встречают и у нас.
И нет для сердца нимфы виноватых.

Иксион

Я не таю несчастий... И терять
Мне нечего под солнцем, ореада.
Иль думаешь — с мольбою в первый раз
Издалека к душистым розам, дева,
Я припадая плачу? Сколько их,
И нежных губ, и гордых, для отказа
Я разжимал мольбами.
                                        И цари,
И женщины, и дети, и герои,
Вчерашние рабы и боги мне...
Кто не сказал еще... «Оставь нас, грешник!»

И, от стыда поднять не смея глаз,
Я к Лиссе шел печальный, только Лисса,
Как черная могила, никого
От очага холодного не гонит.
И дальше шли мы с ней из дома в дом,
А по пятам за нами голод бледный,
Как брошенный ребенок, шел и плакал.
О, сколько мы безрадостных ночей
Под ливнями холодными не спали!
Впадала всё ж и Лисса в забытье
Тяжелое... его ты видишь, нимфа,—
Но сладкий сон меня не обнимал
До утренней зари... И мрак печальных
Мне высылал детей... тогда... Они
У моего садились изголовья
Безмолвные... иль, руки над кострами
Озябшие согревши, исчезали.
И я двоих запомнил и потом
Их узнавал. В серебряных сединах
Я старика запомнил: телом был
Как уголь он. Но с ним являлась дева
Белее вас, о нимфы, с золотой
Тяжелою волнистою косой...

Нимфа

(которая слушала молча и, лежа на груди, опираясь на локти, не сводила глаз с рассказчика)

С волнистою и золотой, как я...

Другие нимфы

Тс... с...

Иксион

И иногда часами у костра,
Беззвучною обмениваясь речью,
Те призраки играли в кости — страх
Охватывал мне сердце — то не кости,
То уголья горячие в их пальцах
Краснели и дымились... и старик
Дрожащей их хватал рукой, а дева
Мне, плача, простирала руки... Верно,
Обманывал старик ее, и видел
На пальцах я у ней обжогов след,

И ей хотел помочь я... И метался.
Она ж, ломая руки, исчезала.

Корифей

Безумный сон больного, страшный сон!

Иксион

(после паузы)

О, если бы всё это только сном,
Одним обманом было, ореада...

(Проводит рукой по лицу.)

Но слушай... Я женат был... день один
Я был женат на златокосой Диве.
Без выкупа мне царь Деионей
Поверил дочь.
Он только двадцать семь
Моих кобыл в залог огнистокрылых...
Оставил у себя... Царь алчен был,
И глух, и стар. На золото одно
Потухшие зеницы разгорались.
Дрожавшая, не рукоять меча
Рука сжимать любила, только деньги.
Двух раз зайти над Дивою моей
В Гиртоне не успело солнце, видим —
Со свитой тесть явился. В сединáх
Душистых и одеждою пурпурной
Согбенные покрывший рамена.
О, он не дочь горел тогда увидеть,
А сундуки гиртонские открыть
И выкуп взять бессчетный.

(Помолчав.)

Выкуп точно
Он получил, и с ли́хвою...

(Ниже тоном.)

Царю
Велел я яму вырыть за порогом
Глубокую, и тлеющих углей
Туда рабы костер ввалили целый,
Золою их засыпав и ковром
Душистым их застлав из веток ели.
Почету рад, на ветви царь ступил,

Но, пламенем охваченный и дымом,
Он вмиг исчез.
Так исчезает волк,
Что овцами полакомиться думал
И в западню попал.

Хор

О, ужас! ужас!

Иксион

Гиртонского с тех пор чертога я
Уж не видал. Какой-то силой дивной
Меня метнуло прочь. Пожарный вой
Да крики я одни вдогонку слышал...
Вот с этих пор за Лиссой и хожу,
Как мальчик безоружный... Страшно ярок
Был бред ночей, но дни мои туманны,
И, как во сне, я кланялся и плакал.
Где ж царство? Где жена? Кто кобылиц
Мне возвратит моих огнистокрылых?
Кто путь домой укажет?.. И искать
Где буду дом... отверженный богами?

Пауза.

Есть, говорят, у Лиссы под землей
Имения и храмы. Иксиону ж,
Должно быть, нет угла и там.

(К нимфам.)

У вас
Я вижу, ореады, ужас в ваших
Расширенных зрачках... Не знаю только,
Мои ль то от недуга веки влажны,
Или слеза и из небесных глаз
Хотя одна над мукой Иксиона
Должна упасть. Мне более сказать
Вам нечего, о дивные... Простите...

(Хочет уходить.)

Корифей

(жестом останавливая его)

Не мне судить тебя, печальный гость.
Ты сердце мне наполнил странным чувством,

Но ужаса там меньше, чем любви
И жалости. И о тебе Кронида
Хотела бы молить я.

(Указывая на облачный чертог Зевса.)

Видишь там
Дворец его... Иди к отцу бессмертных
И смертных, царь... Нет зависти в душе
Великой и прекрасной. И боязни
Перед судом детей не знает Зевс.

Иксион

Нет, нимфа, нет! Моленья бесполезны.
Тумана нет на сердце,— и в глазах
Уж не родятся слезы... Я ребенком
Заснул... Гляди — старик перед тобой.
Да и о чем молиться? Разве дома
Сокровища сгоревшие, иль имя,
Покрытое позором, может Зевс
В их красоте загубленной восставить?
Из пламени жену вернуть, иль мне
Другое сердце дать?..
Мне выход нужен,
Но чтобы он достоин мужа был
И эллина. Повеситься на ели,
Или жгутом перетянуть себе
Из этой рвани горло мог бы варвар:
Мне нужен меч, о дева, царский меч...

Корифей

Ты не найдешь меча здесь, фессалиец,
Пред нимфами мечи из ваших рук,
Истомою объятых, выпадают,

(Указывая на Лиссу.)

И Лисса спит в цветах у ореад.
Но погоди. Мне кажется, что вижу
Я вестника крылатого богов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С вершины быстро спускается Гермес. Он в характерном фетровом шлеме, из-под которого выбиваются волнистые волосы. На сандалиях, как шпоры, поблескивают крылышки. В руках у него стик с головой змеи. В лице, несколько утомленном, характерны профиль и складка губ, обличающая скептика.

Хор, Гермес, Иксион и спящая Лисса.

Корифей

Будь счастлив, бог, сын Майи легкокрылой.

Гермес

Вы радуйтесь, богини, легче птиц,
Как облака вы, нимфы. Если девой
И нежною, и томной кто из вас

(смотрит на уснувшую нимфу)

Не вздумает, играя, притвориться.
Но в этот край, холодный, грустный край
Что ж привело моих сестер воздушных?

Первая нимфа

Что привело? Желание с тобой
Увидеться, конечно.

Вторая нимфа

К солнцу ближе,
Где ж и искать посла богов, Гермес?

В это время Лисса привстала и прислушивается, но Гермес делает вид, что не замечает ни ее, ни Иксиона.

Гермес

Бьюсь об заклад, что вы кого-нибудь
Спасали здесь. Нет тучки в небесах
Такой воздушно-розовой, чтоб дождик
Не мог пойти из ней, и нимфы нет,
Чтоб каждый день немножко не всплакнула.
Но не хочу сердить вас, девы, нет!
И перед вами сцены удивленья
Разыгрывать не буду. Я не сам
Сюда спешил, конечно. Я от Зевса.

(Быстро оборачиваясь.)

Смелее, царь без царства, Иксион,
Ты ж, Лисса, дочь божественная Ночи,
Нам не нужна пока. Вернись домой.

Знаки радостного удивления в Хоре.

Лисса

(вставая и сдержанно, хотя не без иронии, обращаясь к Гермесу)

Сын Майи речь со мною начинает
С прощального приветствия. Иль там
(указывает наверх)
Всё наверху так мирно? Или жертва
Готовится мне новая?
Открой,
Крылатый бог...
И жребий Иксиона
Хотела бы узнать я. Целый год
Мы прожили, и мой туман тяжелый
Был сладостней измученной душе,
Чем яркие лучи сознанья будут.
Что станет с ним, Гермес? И где приют,
Где силы он найдет для жизни новой?
Я думала отдать его другим
Богам, надежней вас, небесных, Гермий.

Гермес указывает на дворец Зевса. Пауза.

Молчишь ты, бог, рукою в облаках
Кронидов дом указывая Лиссе?
О, слов не надо ей, тебя поймет
Она и так.

(К Хору.)

Простите, нимфы,— ваши
Я унесу цветы в мой тихий дом.
У очага холодного напомнят
Они мне нашу встречу, ваши хоры,
Напомнят и того, кому «прости»
Сказать теперь должна я.

(К Иксиону.)

Ты ж, тоскуя,
Меня не раз помянешь, Иксион.

(Уходит, унося с собой несколько цветков, которые она прикладывает к лицу.)

Несколько мгновений длится общее смущенное молчание.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Лиссы.

Гермес

(провожая Лиссу глазами, к Иксиону)

Печальную ты проводил подругу,
Царь Иксион, бессмертные тебе
Готовили иное ложе, впрочем.
Но ободрись. Верховный бог небес,
Отец людей, мой светлый повелитель
Тебя спасти решил, и мы сейчас
К нему идем.

Хор

Победа! Радость! Радость!

Иксион

(начинает тихо)

К безумию и слабости зачем
Меня зовешь, крылатый?
Иль, как Лисса,
Из дома в дом меня ты поведешь?
Иль, может быть, ошибка тут? Иль сердце
Ты среди нимф над нищим тешишь, Гермий?
Мне нужен меч, мне нужен только меч...

Гермес

Один ли меч? Рассудок Иксиону
Не помешал бы также... Но Кронид
На этот счет мне не дал указаний...
Ты рассмешил меня. Я не сержусь.

Иксион

О Майи сын! С тобою острой речью
Бороться мне невмочь. Но ум мой цел.

Ты выслушай меня, посланник Зевса.
Немало благ мне жребий даровал,
Но ты ведь знаешь всё, мне ж память, Гермий,
И так тяжка.
Я дерзко погубил
Всё, что вы мне, небесные, вручили,
Сам погубил. Ты слышишь? Ни при чем
Ни фурии, ни Лисса в этом страшном
Деянии. Вы, боги, как один,
Передо мной захлопывали двери,
Когда меня, как слабое дитя,
К вам Лисса приводила, и молил,
И плакал я у алтарей душистых.
Год... целый год мой длился сон. Но вот
Безволья цепь порвалась. Я хочу
Себя убить. Ужель своею жизнью,
Остатком этим жалким от игрушек
Ребяческих, которыми Кронид
Мне колыбель наполнил, я не смею
Располагать? Но для чего ж тогда
Вы волю в грудь мою вложили, боги?
Иль ветру я, или волне морской
Завидовать, избранник неба, должен?

Гермес

(помолчав)

Нет, Иксион, ни ветру, ни волнам
Завидовать не должен ты. Я знаю:
Ты завистью иной томишься, царь,
И уж давно. Но что же делать? Богом
Не быть царю Фессалии, избей
Хоть всю родню коварством он. Он будет
Преступником, и только. Есть одна,
Царь Иксион, свобода... Там, в эфире,
На небесах она, и ею нас
Из золотых поит богиня кубков.

Иксион

Увы, Гермес! Зачем же к очагу
Меня ведешь ты Зевсову, коль богом
Не стану я среди его гостей?
Дай умереть... дерзанием насытив
Тень божества в груди моей. Равны
Все гости там, в туманном царстве мертвых.

Гермес

Я не могу сказать тебе, зачем
Тебя веду к Крониду, фессалиец.
Но гордеца такого и дракон
Не зародит, насытив землю ядом,
Чтоб от порога Зевсова бежал.
Одумайся, лапит, и повинуйся.

Корифей

Он исцелит тоску твою, герой:
Он, может быть, вернет тебе и Диву —
Никто еще божественных путей
Кронидовых постичь не мог гаданьем.

Гермес

Да, наконец, при Зевсовом дворе,
Там в глубине чертога ты найдешь
И демона [1] того в одеждах черных,
Которому ты столько гордых слов
И мыслей, царь, здесь посвятил сегодня.
Силач, с его таинственным мечом
Средь Зевсова чертога, безопасен,
Усерден он, и, черный сдев доспех,
Нередко он гостям готовит ванны.
Идешь ли ты, однако, иль вернусь
Один, а ты здесь подождешь перуна?

Иксион

Иду, Гермес. Но только не с мольбой
К отцу богов и без надежды тайной
Понравиться державному, чтоб лесть
Ему продать дороже.
С богом черным
Охотней бы сошелся я в лесу,
Где б говорить могли мы, алых уст
И жемчуга зубов твоих не видя...
Не Лисса ты и не безумец я,
Недугом обезволенный. И Зевсу
Понравлюсь ли, не знаю. Да и сам
Хорошее ль, слуга, ты дело сладил
Для строгого хозяина, смотри.

[1] Θάνατος — демон смерти.

Гермес

Идем, идем. Да, вижу: не безумец,
Ты хуже, чем безумец, Иксион.
Ты с божества, но неудачный слепок.
Я не смеюсь... Ты для меня больной.

Уходят.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

Хор

СТРОФА 1

Где, сиянием Феба
Без огня налиты,
Голубее, чем небо,
Зацветают цветы,

Где меж листьев пушистых,
В свежей гуще садов
Много зреет душистых,
Небывалых плодов,—

АНТИСТРОФА 1

Там, гурьбою веселой
Облетая сады,
Золотистые пчелы
Собирают меды,

Чище раннего неба
И заката желтей,—
И Кронидовых Геба
Ими поит гостей.

СТРОФА 2

Если краев золотых
Бога уста коснутся —
В сердце мечты проснутся,
Полны огней святых.

Мощная сила дланей
В этой влаге златой,

Жар высоких желаний,
Сердца гордый покой.

АНТИСТРОФА 2

Если к чаше прильнут
Губы рожденных в прахе,
Муки, сомненья, страхи
В сердце людском уснут...

Сын Кронида блаженный,
Та́нтал ту чашу пил,
Тяжко потом надменный
Сладость ее искупил.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

С гор в виде клубящегося облака спускается Ирида. Она нежная и тонкая блондинка, вся в пышных волнах шелковистой ткани, которая переливается цветами радуги; в руках у нее в виде жезла золотой лотос. На голове белые лилии. Из-под длинной одежды видны золотые туфли с крылышками.

Хор и Ирида.

Лирическая сцена

1

Хор

Сквозь туман, как видение сна,
Отливая живыми цветами,
Будто радуга, сестры, над нами.

Корифей

Здравствуй, Ирис, Зефира жена!
Но богиня сегодня бледна,
Яркой ризы увита клубами.

Ирида

Ваши ландыша щеки свежей,
Безмятежны девичьи отрады:
Рады стрелам вы жарких лучей,

Рады волнам вечерней прохлады,
Одного у отца, ореады,
Не просите — красавцев мужей.

(Тихо.)

Когда тени сгустятся черней,
А луна не осветит эфира,
Подарите улыбкой сатира,—
Но не надо венчальных огней.

Корифей

Разве ты уж не любишь Зефира?

Ирида

Всё сильнее, увы! и сильней
Я люблю дуновенье лиле́й
И венчанного ими кумира,
Но красавец от вечного пира
Средь златых сицилийских полей
Стал Борея со мной холодней,
И на ложе не знаю я мира.
Стали ночи черней и длинней,
Стало в радуге меньше огней
С той поры, как люблю я Зефира.

2

Хор

Ты не найдешь Зефира между нами,
Спроси о нем вечернюю звезду.
Мы не его увенчаны цветами
И не в твоем срывали их саду.

Ирида

Я не за ним, за Герой я иду,—
Она гостит в своем Самосском храме.

Корифей

О, как тяжел, богиня, твой удел,
Как вечная томительна забота...

Ирида

Когда своих нам не уладить дел,
Чужие нам улаживать охота...

Кронид слегка задет стрелой Эрота,
И сцен бы он семейных не хотел.

Корифей

Царица чар! Тебе дивиться надо:
Иль негой слов, или обманом сна
Богов мирить умеешь ты одна...
Но кто ж очей Кронидовых услада?

Ирида

Вы чарам нимф дивиться бы должны,
А не моим... Узнать была я рада,
Что во дворце, украдкой от жены,
Одна из вас... Дориппа-ореада.

Смех.

Корифей

Мы польщены, мы очень польщены.

Ирида

Но удалить Дориппу всё же надо...

Корифей

Постой, жена Зефира! при дворе
Верховного ты видела, конечно,
Сегодня Иксиона... К очагу
Кронидову он вестником крылатым
Был отведен. Душа узнать горит,
Что сталось с ним... Он сердце мне растрогал.

Ирида

Про гордого царя ты говоришь,
Что кровью был покрыт и всеми проклят?
Надменного узнала я, когда
Переступал порог он... Все невольно
На темное пятно мы обернулись.
Державный царь, и тот со ступене́й
Своих спустился, чтобы видеть гостя.
Но гордо шел оборванный лапит.
Чела он не склонил, и даже ветви
Он не держал молящих.
К очагу
Кронидову прошел он за Гермесом,

Не кланяясь и не разжавши губ.
Молчание сковало нас,— мы ждали,
Что станет он молить и плакать, нем
И прям стоял пред ними олимпиец.
Так несколько мгновений пронеслось,
И на чело Кронида будто тучка,
Мы видим, набежала, но грозы
В ней не было; державный улыбнулся...
Как из-за тучи солнце иногда
Проглянет, и нахмуренные сосны
И гордые осыпаны, глядишь,
Златистыми лучами скалы,— лица
Улыбкою и наши засветились
Кронидовой.
И так сказал отец
Бессмертных и людей:
«Дитя, тебя я
Призвал сюда, чтобы простить»,— и губ
Тут дрогнула у Иксиона складка.
«Я не хочу,— так продолжал Кронид,—
Признаний и молений — за порогом
Пускай злодей и грешник остается,
Отверженный богами и людьми,
Живи у нас моим веселым гостем».
И шум слова венчал его, но был
То светлый шум. Кронид на трон высокий
Вернулся свой,— у царских ног его
С златой косой и белыми плечами,
Сверкавшими из-под небриды, нимфа
Влюбленная уселась, и играть
Ее косой рука Кронида стала.
А Иксион из нежных рук харит,
Как из руки художника картина,
Пленяя глаз, выходит, обновлен,
И свеж меж нас явился, и прекрасен.
С его ланит недуга и страстей
Тяжелое упало иго. Пурпур
Сияющий плечо ему покрыл,
Заколотый аграфом многоценным,
И волосы на голове царя
Как завитки клубились гиацинта.
Тут с чашами, как повелел Кронид,
Из тени две богини вышли. Геба
Была в тунике розовой, как утро,

И с золотою чашей. А за ней
Печальная и в пепельных одеждах,
Потупившись, стояла муза Лета,
И кубок был серебряный в руках
Обвит змеей у девы среброглавой.
От дочери Эриды мы гурьбой
Отхлынули пугливо: вид ее
Хранил глубин подземных отраженье.
И Зевс сказал лапиту:
«Сам решай,
Которую ты чашу выпьешь. Геба
Амвросией язык твой усладит,
И смерти не познаешь, а у девы,
Которая печально вежды клонит,
Забвения холодную струю
Ты обретешь в ее нездешнем кубке».
И первою неслышно, точно тень
Ступая, дочь Эриды к Иксиону
Приблизилась и стала, и в царя
Она, подъяв ресницы, взор глубокий
И черный, как земля, вперяет молча.
И без улыбки к розовым губам
Ему печальный кубок придвигает.
Минутное сомненье по лицу
Его скользнуло, вижу, но рукой
Решительной он отклоняет чашу...
И тихий стон послышался... Эфир
Объемлет дочь Аида... Ризы серой
Расходится унылое пятно,
И кубок, и змея, и всё исчезло.
Тут весело воскликнули кругом
И боги и богини. И неспешно,
Победою заранее гордясь,
Свой подает красавцу кубок Геба...
И светлый хор младых твоих подруг
Блаженное воспел рожденье бога.
Не видела я пира, и тебе
Я не могу сказать, что дальше было,
Но думаю, что розовый венок
Возлегшему с богами Иксиону
Надел Эрот... Тот маленький... его
Ты видела и крошкой любовалась...
С утра ко мне сегодня он пристал,

Чтобы ему свила из роз пурпурных
Пышнее я венок. Я нарвала
У Геры роз, в саду ее — душистей
Не знаю я и ярче,—и Эрот
В восторге был, конечно... Любят дети
И у богов за трапезой бокал
Допить порой тайком от няни, нимфа,
Но не таков мой маленький Эрот:
Он, как орленок, когти потихоньку
И крылышки попробовать не прочь,
А иногда и укусить, целуя...
Но солнце уж клониться начинает,
И мне пора... На перепутьи ваш
Мы навестим веселый табор с Герой.

Корифей

Не забывай, Ирида, ореад.

Ирида уходит.

Корифей

Сюда идет блаженный фессалиец...
Что будет здесь он делать? Поскорей...
Мы спрячемся... Хотите, ореады?

Наскоро поднимают уснувших и легко взбираются на заросшую лесом скалу, так что Иксион их не видит, но они его видят и слышат. Входит Иксион, молодой, нарядный, свежий, в розовом венке.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Иксион один, Хор (притаившись).

Иксион

И шум, и блеск чертога, точно сон
Горячечный, мне утомили сердце...
Так вот он, тот Олимп, который наш
Ласкал одним названьем в старых сказках
Ребячий слух. «Там с белою волной
Лазурная в эфире не сольется»,—
Мне няня говорила... Но волны
Я не искал лазурной над собою...
И в золотых и в темно-синих там
Глазах огни я видел, и желанья
В них зажигал я даже, может быть...

Но мало ль и у нас фригийских пленниц,
Кокетливых, душистых, молодых?..
Как дышится легко здесь... И прохладой
Какой ущелье веет... До зари
Останусь здесь, средь этих темных елей,
Один... совсем один... Мы с Лиссой тут,
Я помню, ночевали. Пусть же богу
Они шумят теперь...
Иль точно бог,
Амвросии вкусивший, я? Но где ж
Дерзание? Где знойный жар желаний?..
Где сил покой божественный?.. Клеймо
На мне горит убийцы, и Крониду
Его с души измученной не смыть
Елеем уст его осеребренных.

Корифей

О, грешные, о, страшные слова!

Иксион

Как чувствуешь себя ты, Иксион,
Скажи, в твоих нетленных ризах? Юность
С тобой опять. Ты можешь с алых губ
Душистые срывать лобзанья... Впрочем,
Коль угодить сумеешь господам,
Ты прихотью Державного себе
Добудешь вновь, пожалуй, царство...
Нищим
Там видели рабы тебя... Иди ж
Фессалии показывать свой пурпур,
Как паразит счастливый.

Пауза.

Сколько раз
Я тосковал еще ребенком — путы
Сорвать мое горело сердце... Вот
Разорваны лежат они... И что же?
Решусь ли я душистое кольцо
Богов порвать? Иль в сонме их навек
Игрушечным божком останусь мирно?
Когда мне кубок свой там, во дворце,
Печальная протягивала дева,

Я оттолкнул ее. Я не хотел
Забвенья их, души их белой... сердцу
Чего-то жалко стало... А чего?
Безумия? Позора? Мук голодных?
Нет, я жалел мечты, я аромат
В тот миг вдыхал дерзаний безнадежных.

Корифей

Он болен?.. Счастьем он, быть может,
опьянен?

Иксион

Уж не царька ничтожного в мечтах
Толкал в огонь я, не закон, богами
Придуманный, чтоб человек дрожал
Пред волей их,— я рушил дерзновенно...
Нет, сон души... был ярче: гневно брови
Косматые под царственным челом
Задвигались у бога... перед дерзким...
Мечты... мечты!.. Да есть ли паразит,
Чтоб не мечтал с надрывом сладострастным
Хозяину за ласки заплатить,
Седых кудрей его терзая пряди
Иль на его покорную страстям
И нежную подругу зарясь жадно,

. . . .

Или тот бог крылатый угадал,
И с божества я точно слепок бледный?

. . . .

Но что со мной? Как будто кто из рук
Мне вынул меч и дал держать ребенка...
И негою, и трепетом мечта
Объята Иксиона... Воля гаснет...

(Вынимает из венка розу и подносит ее к лицу.)

Как эти розы сильно пахнут... Мне
Они щекочут шею. Точно шепчут
Их лепестки невнятные слова
Мне на ухо. Ваш розовый язык,

Цветы, мне непонятен. Я не богом
На свет рожден...

(Снимает венок.)

Тот мальчик, что венчал
Меня, заколдовал вас, верно, розы.

. . . .

И грезятся мне черные, как ночь,
Две душные волны, как будто запах
Божественных волос и силуэт
Прически вы запечатлели, розы.
На белое чело они упали
Так тяжело, те волны, но чела
Над синими и влажными глазами
Коснуться не посмели... и легли
На две других прозрачно-нежных розы...

. . . .

Не надо... Нет... не надо. Я цепей
Носил уже довольно... Этой страсти
Я не хочу, Эрот.
Рисуешь ты
Мне всю ее... Под солнцем величавей,
Под солнцем нет прекрасней, и луна
Такой косы еще не целовала.

Во время последней части монолога нимфы одна за другой собираются вокруг Иксиона.

Нимфа

Но Дива с золотой была косой?

Иксион

(увидев нимф)

О нежные богини! Исцелите
Мне сердце... Вам Эрот не надевал
Еще венков на пире... Кто же скован
С моей душой, скажите...
Я ее
Как будто вижу, нимфы... Влажно-синий
Мерцает взор сквозь занавес ресниц,

Уста ее так алы и так гóрды,
А мрамор шеи так и тепл и бел,
И грудь ее высокая не страсти
Таит, а то, что выше всех страстей,—
Спокойное сознанье сил... Пред дивной
Я не могу дерзать... но не молить
Я тоже не могу, младые нимфы.

Корифей

Тебе назвать ее не смею, царь,
Но воздух полн ее очарованьем.
Она должна быть близко...
Как росой
Окроплены, сильней благоухают
У нас цветы... Приветней елей шум,
И самые лучи как будто ярче
На небесах горят... Ты слышишь, гость,
Ее коней копыта... Чу... колес
Жужжание... Смотри... Ее рабыни
Самосские... О, нимфы! в хоровод
Скорей, скорей совьемся. Слава дивной!

На сцену выезжает блестящий кортеж Геры. Сама богиня на белых лошадях; колесиица ее украшена серебряными лилиями и золотыми гранатами (ее эмблемы). С ней Ирида, а правит смуглая рабыня в желтом. Гера вся в белом. На голове у ней стефана из лилий и роз. Лицо напоминает помпеянскую фреску.

ВТОРОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

СТРОФА

Хвала, царица мира,
Отрада жен и дев!
Средь нежного эфира
Ты вся и блеск, и гнев.
Твоею славой полны
И Аргос и Самос,
И ароматны волны
Твоих тяжелых кос.

Ты в сумраке пурпурном
Незримо возросла,
Но небесам лазурным
Душой верна была.

АНТИСТРОФА

И я мольбы призывной
Твоей не утаю,
Таинственный и дивный
Я брак твой воспою,
На голой выси Иды
Зацветший мигом сад
И пояса Киприды
Всевластный аромат...
На ложе свежей гущей
И лотос и шафран,
И золотистой кущей
Покрывший вас туман.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Хор, Гера, Ирида и Иксион.

Корифей

О, радуйся, блаженная меж жен!
С тех пор как ты, таясь от Океана
И от Тефиды[1] нежной, в первый раз
Наедине с Кронидом увидалась
И на ковре из гиацинтов вас
Покрыла золотым туманом туча,—
Ты никогда так дивно хороша,
Так не была неотразима, Гера.

Гера

Пленительней отыщутся меж вас...
Иль красоты одной в нас боги ищут?

(Указывая на Ириду.)

Или моей Ириды нежных чар
И белизны, и тонких очертаний,
И васильковых глаз в толпе рабынь
Сицилии, и грубых, и мясистых,
Не забывал Зефир?
Нет, нимфа, нет!

[1] Приемные родители Геры.

Как лилия, или звезда в эфире,
Иль розовая тучка, для себя
Хотим мы быть, не для мужей прекрасны.
Пленять богов довольно и без нас
Меж девами и женами найдется...

(Увидев Иксиона.)

Но не одни вы, нимфы... Этот муж?...

Корифей

Царь Иксион.

Иксион

(с глубоким поклоном)

Державного Кронида
Недавний гость. Он кубок жизни пил
Там, на златистой выси. Только в сердце
И нектар, и улыбки, и туник
То белые, то розовые волны,
И сам Кронид — всё в серое пятно
Слилось теперь, когда тебя он видит.

Гера

Царь думает, что аравийских смол
В моем Самосском храме было мало.

Иксион

Я ничего не думаю... с тобой
Я воздухом одним дышу... и счастлив.

Гера

(помолчав)

Ты опьянен недавним счастьем, гость.
Перенеси на ореад восторги...
Сердца у них нежнее моего.

(Хочет взойти на колесницу.)

А мне пора... Благодарю вас, нимфы.

Иксион

(с живостью)

О, не спеши... Иль дальняя звезда
Моления боится?.. Или тучка
Своих жалеет розовых паров?

Иль, чтобы ей влюбленный не дышал,
Не доцветет лилея и завянет?
Ты красотой холодною, жена,
Мечтала им равняться. Разве хочешь
Быть холодней лилеи и луны?

Гера

Ты дерзок, царь... я мать... и я любила.

Иксион

Ты говоришь: «Любила»... а теперь?
Ты больше не ревнуешь, ты не любишь?
Ты золотых не ненавидишь кос?

Гера

Га... Тяжкие слова... Ты видел нимфу?..

Иксион

Соперниц ли бояться, волны, вам,
Душистые и черные?

Гера

Ты бредишь?

Иксион

Я никогда не бредил меньше... Нет,
Не брежу я... С тех пор как грудь дыханьем
Моя полна, мне кажется, тобой
Я только и дышал...

Гера

Но ты ж не видел,
Безумец, никогда меня...

Иксион

Как тень,
Ты надо мной жила. И невозможным,
И сладким сном дразнила...
Это ты
Мне отравляла дни, сжигала ночи,
И всё туда, на золотой Олимп
Меня звала с собою.

Гера

Этот сон
Исполнился, ты видишь, фессалиец...
Умерен будь в желаньях... Ты не бог...

Иксион

О, если сон безумный к этим высям
И уносил меня... то лишь затем,
Чтобы сказать тебе, что ты любима,
Как никогда никто ни на земле,
Ни на Олимпе золотом, ни в недрах
Аидовых любить не мог... Сказать,
Что ты меня не полюбить не можешь
И что таких у Зевса пыток нет,
Которых бы боялся я.
Я знаю,
Что скажешь ты...
Нет, уст не открывай,
Пока Эрот могучим дуновеньем
Дыханья их, царица, не зажжет...

Гера

Таким речам тебя учила, верно,
Та грустная подруга, Иксион,
С которою вы по дворам бродили
Посмешищем для смертных целый год.

Иксион

Да, может быть, страданья обнажили
Передо мною душу. Только ты
Там, в глубине ее, живешь с рожденья,
Как воздух, как сознание, как я.

Гера

(задумчиво)

Ты сердце мне тревожишь... Мы не слышим
Таких речей на высях золотых.
Их сладкий яд опасен и богиням.

Иксион

Ты говоришь: их яд. Но ложь и смерть
Таятся в яде... Разве лжет мой голос?
Мои глаза о смерти говорят?

Гера

Или сильней, чем боги, люди любят?

Иксион

Да разве боги любят? Разве тот,
Кто не страдал, кого не жгло сомненье,
Когда-нибудь умел любить?.. Любовь
Без трепета и тайны... Как убор
Тех дальних высей ледяной, царица,
Он нежит глаз на солнце... но его
Холодной радуги не любят нимфы...

Гера

Иль оттого и нас бросает бог,
А в ваших дев влюбляется?..

Иксион

Не знаю.
Их для меня нет больше... Ни богов,
Ни жен, ни дев... Будь остров подо мною
Весь голубой от моря и от неба,
Иль розовая туча... Я твоих
Волос, твоих ланит, твоей туники
Искал бы красок там и чар искал.
Прости меня... Но у любви есть право...

Гера

Царь Актеон погиб из-за любви
К одной из нас... Иль много вас, безумцев?

Иксион

Я не умру. Я чашу жизни пил...
Но если бы, мучительный три раза
Свершая круг, три раза умереть
И вновь ожить три раза ты велела,
На зов бы твой пошел я... чтоб добыть
Тебя, жена... что́ муки! Я изведал
Всю горечь мук... Меня рабов моих
Травили псы и рвали... Может Зевс
Изобрести, пожалуй, пытку вроде
Сизифовой... Но мы об ней потом
Подумаем... Бессилен образ муки
Расшевелить мой ум... Меня пьянит
Дыханье уст чуть слышное...

И не́ктар
Мне сладостный и розовый твоих
Открытых губ мерещится...
О, ночь!
О, ночь волос твоих благоуханных,
Сквозь эту ночь глядеть на звезды глаз,
В ней целовать твой белый, жаркий мрамор.

Гера

(к Ириде)

О нежная подруга! Ты скажи,
Чтоб перестал, Ирида, Иксиону.
Вы, нимфы, от меня его возьмите.

Ирида

Что я скажу? Увы! Когда бы так
Когда-нибудь меня любили, Гера.

Хор

СТРОФА

На ветке росистой,
Когда уже розовой тканью,
Чуть-чуть золотистой,
Трон Эос увит и обмотан,
Поет соловей голосистый.
И всякому в мире дыханью
Под розовой тканью
Так нежно, так сладко поет он
На ветке росистой.

АНТИСТРОФА

Гляди — розовеют
Верхушки нахмуренных елей,
Эфир золотится;
И волны из темных ущелий
Прохладные веют.
О, дай же... О, дай же, царица!
Любви и желания трелям
На радость и нимфам, и елям,
Их нежа, сребриться.

Гера

Довольно чар... я золотые крылья
Эротовы видала. Он не раз
Их на груди моей слагал покорно,
И головой кудрявою ко мне
Склонялся на плечо, летать усталый.
Его пожива — слабые сердца...
Не Герою владеть ребенку. Царь,
Киприда мне очарованьем новым
Глаза и стан сегодня облила,
Но не тебя пленять она хотела.
И если ты на розовых устах
Хотел прочесть желанье, фессалийцы
Здесь ни при чем, поверь.
У очага
Кронидова меня увидишь завтра
Ты царственно спокойною.
Пусть ночь
Желанная пройдет и мне оставит
Воспоминаний негу.
Для тебя ж
Лекарства я не знаю.
На соперниц
Я иногда сержусь, но, право, в счет
Не ставлю их надолго. Золотистой
И никакой косы я не боюсь...
А ты забыл, скажи, златую Диву?
Не долго же ты любишь, Иксион.
И слабое, должно быть, сердце хочешь
Лишь дерзостью желания прикрыть.
Но ты красив... Давно твоих прекрасней
Я не видала глаз... Забудь скорей,
Что говорил, и к нам веселым гостем
Вернись делить наш пир... Там нимфу я
Тебе отдам, Дориппу, царь, и будешь
Ты злато кос душистое ласкать.

Становится на колесницу, потом снимает с головы лилию, закусывает ее и со смехом бросает в Иксиона; потом, по данному ею знаку колесница быстро уезжает. Иксион протягивает к ней руки, делает несколько шагов за колесницей, но в раздумье останавливается, потом отходит к дереву и садится, закрыв лицо руками. Солнце закатывается. Быстро наступает южная ночь. Ели и горы чернеют и точно вырастают.

КОММОС
ВМЕСТО ТРЕТЬЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО АНТРАКТА

Хор

СТРОФА 1

Когда над землей усталой
Ночь на своем воздушном
Тихо челне плывет,
С весел ее черных
Падают людям на веки
Нежные брызги.

АНТИСТРОФА 1

О дивная ночь, о дева!
Много даров везешь ты
В черном челне своем,
Но из даров слаще
Нет и отрадней забвенья,
Сна-богоборца.

СТРОФА 2

Мы у тебя не просим
Свитка ярких видений,
В мраке твоем, царица,
Мы не хотим лобзаний.

АНТИСТРОФА 2

Дай Иксиону только
Черные крылья друга,
Здесь, на холодном ложе,
Сон ему дай свинцовый!

Иксион

Сна мне не надо, нимфы.
Нимфы, она меня любит,
Сердце мое полно
Жарким ее ароматом.

Хор

Царь, перестань, безумный,
Сердце горело у Геры,
Видеть горело Зевса,
Только его она любит.

Иксион

Бросила мне зачем же
Лилию, девы, Гера?
След от зубов остался
На стебле ее нежном.

Хор

Царь, ты женского сердца,
Сердца не знаешь Геры,
Чувства в тебе дразнила,
Только играя, Гера.

Загорается луна, полная и необыкновенно яркая.

Первая нимфа

Сладкого сна
Время настало...
Видишь, луна
Там в облаках заблистала.

Вторая нимфа

В небе, смотри:
Тучка, что птица,
Плывет, златится,
Смотри... смотри.

Третья нимфа

Надо ложиться...
Тихо молитву, сестра, твори
Дивной на небе синем...
Мы до зари
Мхов этих мягких не кинем.

Четвертая нимфа

(засыпая)

Ты же, луна, богиням...
Луна, богиням
Ярче гори,
Ярче гори!

Молятся и мало-помалу засыпают.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Иксион (один) и спящий Хор.

Иксион

Один... Зачем я ей давал уехать?
Зачем ее рабыни не столкнул
С злаченой колесницы? Иль на дышле
Я не повис зачем ее? Зачем
Я не молил ее?.. Она с собою
Меня звала... Безумец... Ночь идет...
С кем, с кем она теперь?
Луна так ярко
Мне светит, точно что-то говорит...
Остановись, скажи мне.
Ты с призывом?
С насмешкой ты? Ты с жалобой, луна?
Так вот о чем томился я? Гордыней,
Жестокостью, проклятьем... Чем любовь
Безумная не делалась, скрываясь...
Я потерял ее... Неужто ж больше
Ее я не увижу?.. О, зачем
Я ей давал уехать? «Во дворце
Мы свидимся»,— она сказала... Разве ж
Туда вернусь теперь я?.. Для чего?
Чтобы в глазах Кронида образ Геры,
Ее любовь читать? О нет... О нет...
Проклятие!.. Я жизнь отдать не властен
Властителям судеб... но пусть же кровь
По капле всю из сердца выпьешь, сила
Безвестная, пусть стану я куста
Иссохшего печальней и чернее,
И ветра бесприютней, если ты
Мне дашь сегодня Геру...
О, не смейся,
Там, яркая, в эфире, да своей
Владычице поведай заклинанье.

(Пристально глядит на луну.)

Ты мне сказала *да*? Сказала *да*?

В отдалении от Иксиона появляется высокая женская фигура в сером. Лицо у нее закрыто фатой; она худая, движенья вкрадчивы, мягки. Это Апата. Фигура ее, сначала туманная, теперь ярко залита месячными лучами. Она делает несколько шагов к Иксиону.

О, бледный дух! Откуда ты? Луною
Ты рождена иль из глубин земли
Ты поднялась с ночным туманом, дева?

Апата

Не спрашивай об имени меня,
Царь Иксион, и не проси, чтоб дымку
Перед тобой с лица сняла я... Чары
Мои узнаешь скоро...

Иксион

Ты сама
Услышала меня?.. Иль это Гера
Тебя ко мне послала?

Апата

Тише, царь!..
Мы не одни здесь.

(Указывая на спящих нимф.)

Иксион

Успокойся, дева...
Их сладок сон невинный.

Апата

Хорошо,
Что нежные заснули нимфы. Тайна
Меня ведет, и ласточками их
Я собиралась сделать... Спите, нимфы.
Царь Иксион... Я за тобой... Но сил
И дерзости скопил ли ты, и сердце
Не дрогнет ли твое пред гневом, царь?

Иксион

О дивная! Какой ценой куплю я
Волшебную твою помогу? Нет,
Перуны мне не страшны... Повтори,
Что я ее увижу.

Апата

Ты обнимешь,
Я говорю, ее... Но только мук,
Скажи мне, царь, не ужаснешься ль?.. Эту
Добычу трудно выкрасть.

Иксион

Чем тебя
Заверю я? Я клялся... Ты слыхала...

Апата

Царь Иксион... Ты молод... Много их,
И нимф... и дев пленительных, а Зевса
Еще светла улыбка над тобой.

Иксион

Не знаю, как назвать тебя, богиня,
И до твоих я не дерзну колен
Дотронуться с мольбою, но коль бога
Иль смертного любовь когда-нибудь
Твоим владела сердцем... Заклинаю
Тебя, не медли больше... Час не дремлет...
Его минуты быстры... И никто
Златой не остановит колесницы...
Смотри — луна зовет нас...

Апата

А залог,
Залог, нетерпеливый?

(Протягивает ему руку, где на четвертом пальце блещут два одинаковых оникса.)

Мы не любим,
Но мы в расчетах честны... Вот кольцо...
Дай, я тебе его надену.

(Надевает ему одно из колец на мизинец.)

Завтра,
Когда пройдет блаженства ночь, с тобой
Мы их сличим... Я серую фату
Здесь в утреннем тумане пред тобою
Приподниму и назовусь... Идем.

(Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Спящие нимфы и Лисса (войдя на сцену, она кого-то ищет)

Лисса

Я тень сестры узнала. Здесь Апата
Сейчас была. Как чешуя змеи,
В траве она мелькнула... и царя
Уж нет... В сетях ее он... Ужас... Ужас...

(Продолжает искать, потом останавливается.)

Мой Иксион... Я мучила тебя,
Но я тебя любила... иго власти
Нам тяжелей порою, чем быку
Его ярмо... Я мучила тебя,
Но я тебя любила. Я отравы
Бессмертия в твой кубок не лила.
Где ж ваша правда, боги? Взять у Лиссы,
Чтобы отдать Апате... Пламя бреда
Сменить холодной ложью... Тихий гроб —
Неугасимой пыткой.

(Увидев нимф.)

О, зачем,
Зачем его пустили вы? Зачем
Не нáзвали коварной Иксиону?
Апата здесь бродила, и ее
Дыхания вы, нимфы, не узнали?
Но девы спят... Заворожила их
Та, желтолицая, пожалуй...

(Подходя к крайней златокосой нимфе.)

Нимфа,
Дитя мое, проснись...

Между тем темнеет. Ползут черные тучи. Луна закрыта ими. Поднимается ветер.

Первая нимфа

(еще не вставая)

Я не спала,
Но скована была я... Эта лампа
Меня околдовала.

(Приподнимается на локти и ищет глазами луну.)

Погасил
Ее Кронид, иль тучею завесил...
Как хорошо!

(Встает.)

Гей, сестры. Все сюда!
Долой очарованье...
Здравствуй, Лисса!

Вторая нимфа

Я слышала от слова и до слова
Их разговор. Но мне казалось, будто
Я сплю и будто два крыла у плеч
Тунику поднимают, а язык
Мой заострен, как птичий.

Третья нимфа

(задумчиво)

Этот дух
Под серою был дымкой, и названья
Он не хотел сказать, но ложь его
И холод речь на сердце навевала.

Нимфы встают одна за другой, иные еще потягиваются.

Корифей

(Лиссе)

Но как сюда попала ты, скажи,
Печальная богиня, и подземный
Зачем чертог покинула?

Лисса

Увы!
Есть сила выше Лиссы, ореада:
И у нее под пеплосом дрожит
Любовью и печалью сердце.

Корифей

Что же
Ты хочешь делать?

Лисса

Умолять богов.

Корифей

О чем? Не поздно разве?

Лисса

Умолять,
Чтобы его мне отдали...

Корифей

Зачем?

Лисса

Я б увела его в чертог мой черный
И сон дала ему, отрадный сон,
Чтоб иногда, об иге власти грустной
Своей забыв, украдкой приходить
В тот тихий дом и любоваться спящим.
Он мой, его мне отдали. И нас
Связали мукой боги.

Корифей

Нет, богиня...
Мечта его сбылась. И здесь ему
Обещано иное счастье было.

Лисса

Увы! Увы!.. Зачем не знала я?

Корифей

Здесь страшным и торжественным заклятьем
Сам Иксион связал себя навек.

Лисса

Увы! Увы! Он больше не придет...

Корифей

Я слышала, что дева с Иксионом
Увидеться хотела на заре
На этом самом месте...

Лисса

Я увижу
Тогда его.

Корифей

Зачем же лишних слез
Ты хочешь? Всё равно, ведь Иксиона
Тебе не взять. Увы! расплата ждет
За эту ночь его.
Как душно, нимфы...
Где звезды? Где луна? Какие там
Тяжелые ползут по небу тучи.
О, страшная! О, тягостная ночь!

Целая кисть молний, рассыпаясь, падает из черной тучи. За ней без промежутка следует страшный, короткий удар. Потом другой, уже с раскатом.

Корифей

(молитвенно поднимая руки)

Кронид-отец! Ты в гневе. Пощади
Душистые сады, и беззащитных
Овец, и в хижине малюток спящих.

Буря, гроза, порывами холодный шумный дождь. Нимфы разводят костер. Лисса им помогает.

ВМЕСТО ЧЕТВЕРТОГО МУЗЫКАЛЬНОГО АНТРАКТА

Одна из нимф

Отец, пощади
Дрожащую дочь,
Ей страшно, ей холодно стало.
Скорее, скорей уходи
На отдых, владычица ночь,
И черное прочь
И влажное скинь покрывало
С лилейной груди
На плиты безмолвного зала.
Отец, пощади
Дрожащую дочь,
Ей страшно, ей холодно стало.

Хор

Ты же, златом горя колесницы
И шафраном туники горя,

Подними, улыбаясь, ресницы,
Розоперстая дева-заря,
И, над розовым утром паря,
Пусть проснутся веселые птицы.

Буря продолжается порывами, но грозы и дождя нет. Нимфы молча молятся, и в темноте мелькают их тонкие, белые руки. Потом, когда погода стихает, они садятся около потухающего костра, и некоторые, прислонившись к деревьям и кутаясь в одежды, было сброшенные на ночь, дремлют. Одни сидят опустя голову; другие стараются согреться одна о другую, обнявшись. Лисса стоит молча, как зачарованная, не сводя глаз с той точки, где должен показаться Иксион.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Чуть брезжит зеленоватый холодный рассвет. Буря затихла, но ветер порывами еще кружит листья и брошенные нимфами цветы. Входит Апата под фатой. За нею Иксион.

Иксион, Апата и Хор

Иксион

Как холодно и сыро здесь. Рассвет
Уныл и бледен. Ризою зеленой
Едва прикрыто небо... Ба... Цветы
Вчерашние... И лилия... А нимфы...
Какую ночь бедняжки провели
Здесь у костра!
Но для чего ж так рано
Ты увела меня, богиня?.. Аромат
Ее цветов дыханья мне не нежит,
И волосы ее моих ланит
Горячих не щекочут... Как далек он,
Тот тихий дом, где спящею ее
Оставил я и жаркой... Ты жалела
Своих минут, но плату всё равно
Ты заслужила честно.

Апата

У твоей,
Как верная раба, опочивальни
Я провела прескверно ночь, и спать
Мне хочется ужасно. А тебе?

Иксион

Мне хочется вернуть ту ожиданья
Последнюю минуту... Шум шагов
Ее вернуть и первый долетевший
До слуха шелест шелковых одежд.
И редкие и сильные удары,
Что отбивало сердце, пережить
Мне хочется опять.

Апата
(зевая)

Желанье странно.
Всё в этом воздухе пустом, увы!
Волшебное нелепо. И у нас
Нет чар передрассветных. Сам Эрот,
Сам Дионис смущается пред первой
Зеленою улыбкой утра, царь.

Иксион
(помолчав)

Расплаты ждешь ты, дева... Я остаться
Наедине хотел бы.

Апата

Что же дать
Ты можешь мне в награду, фессалиец?

Иксион

Что дать могу? Ты можешь, как змея,
Из этого все выпить сердца соки.
Ты иссушить меня иль обратить
В косматого медведя можешь, дева.
О, за ценой за верную твою
Не постою я службу, чародейка...

Апата

Нет, Иксион. Ты счастлив был, и мне
Не надо ничего.

Иксион

Но кто ж ты, дева?
Ты кажешься не тою, что вчера...
И голос твой слабей, и стан твой ниже...
Дай руку мне.

Апата

(протягивая руку)

Возьми ее.

Иксион

(отдергивает руку)

Ай!

Апата

Что?

Иксион

Что держишь ты в руке?

Апата

(равнодушно)

Свою игрушку,
Остаток чар вечерних.

Иксион

Пробежал
По всей руке мороз.

Апата

(равнодушно)

Ты кольца, верно,
Хотел сличить...

(Прикладывает свою руку с кольцом к его руке.)

Я та же, Иксион.
Но повтори, что точно был ты счастлив.

Иксион

Зачем тебе об этом знать, жена?

Апата

Я — не жена, во-первых, и женою
Не сделаюсь... Мне слишком жалок род
Ваш слабый и надменный. Насмотрелась
Довольно я на олимпийцев, царь,
Да и на вас, мужчин, их подражанья.

(Интимно.)

Ты говоришь, что счастлив был. Тебе
Она шептала, верно, к изголовью
Прильнув и белою обвив тебя рукой,
Что никого так не полюбит. Мужа
Звала «старик», не правда ли?

Иксион

(закрыв глаза рукою)

Оставь!
О, не буди воспоминаний. Сердце
Возьми мое. Ты в нем сама прочтешь,
Чего забыть не в силах я, но воздух
Чего не смеет знать.
Но кто же ты?
Ты имя мне открыть хотела. Жертву
Я на алтарь твой должен принести.

Апата

Ни алтарей, ни слез, ни обожанья
Не надо нам. Но родом я горжусь
И имени таить не буду больше.
Апата я, и Ночью рождена.

Иксион слегка вздрагивает.

Спустить фату ты, может быть, прикажешь...
Ты наш должник, и я пока твоя
Прислужница, рабыня, фессалиец.

По легкому утвердительному знаку Иксиона сбрасывает фату. Большое и некрасивое лицо с мешковатой желтой кожей, будто налитое; маленькая детская грудь над очень высоким и пестрым поясом.

Иксион

Га... ужас... Образ Лиссы на тебе.

Лисса подносит к глазам сжатые кулаки.

Апата

Мы сестры, царь.

Лисса

(выступая вперед)

Да, сестры... Но добычу
Перенимать мою с каких же пор
Ты принялась?

Апата

Напротив, я спасала
Девичью честь твою. Ведь враг силен.
Не для себя ж, конечно, фессалийца
Я тешила, пойми...

Лисса

Ты лжешь... Ты лжешь...

Иксион

(останавливая их жестом)

Оставьте спор — он мало интересен.

Лисса отходит в сторону.

Апата, я должник твой?

Апата

Лично мне
Ты ничего не должен, нет...

Иксион

Но с кем же
Я расплачусь?

Апата

Не торопись... Придет
Другой сюда за платою... Простимся.
Ты с Лиссой год, с Апатой только час
Один провел, но, верно, веселее.

(Смотрит на притаившуюся Лиссу; потом хочет идти и возвращается, увидев нимф, которые уже не дремлют, а жадно прислушиваются.)

Два слова, Иксион. А знаешь ты,
За что меня все эти девы...

(указывает на нимф)

даже...
Сестра моя родная, даже та,
Так искренно порою ненавидят?

(Таинственно и в то же время шутливо.)

Вышучивать умею я любовь.

Иксион

Что хочешь ты сказать, не понимаю...
Моей... ты помогла.

Апата

Кому могла,
И помогла, а прочих обманула...
Реши-ка на досуге и прощай.

Уходит, Иксион загораживает ей путь.

Иксион

Ты не уйдешь... Я не терплю загадок.

Апата, пожав плечами, остается.

Апатой ты зовешься оттого,
Что лжи и чар в тебе источник. Так ведь?
Ты чарами мне помогла замки
Ее дворца сорвать? Ты усыпила
Ее рабынь? Не правда ль? Повтори ж,
Что робости, стыда и даже гнева
Сломила ты опору... что любви
Ее дала ты разгореться?.. Правда?

Апата

(покачивая головой)

Нет, я зовусь Апатой, Иксион,
Не потому, что доставала Геру.

Пауза.

Иксион

Га... Тяжкий бред... Иль чарами опять
Меня опутать хочешь? Ты на ложе
Мне привела царицу? Говори...
Или сама пришла она?.. И кто же
Послал тебя? Не медли... отвечай!

Апата

О, не проси ответа... Я — Апата,
Ты — Иксион безумный. Разве ж мы
Не пара, царь? Была я Зевсу даже
Апатой раз...

Иксион

Ни слова... Ты... меня?
Ты предала меня?

Апата

(в тон ему)

Когда бы только...

Длинная пауза. Светлеет. Показывается заря. Восток розовеет

Иксион

Я таинства перед тобой и этим
Меж розовых пеленок там в эфире
Новорожденным солнцем не дерзну
Разоблачать, ты знаешь...
Но мне стоит
Глаза закрыть... Со мной она... На мне
Горят еще ее лобзанья.
Сонным
То не было мечтаньем. О, не лги...

(Берет ее руку со вторым кольцом и снимает с нее оникс.)

Дай мне кольцо свое. И тайну, дева,
Молю, душе измученной открой!
Я никогда так не страдал, сгорая
На медленном огне.

(С усилием.)

Она была
Не Гера?

Апата

(тихо и серьезно)

Нет, она была не Гера.

Пауза.

Иксион

(криво усмехаясь)

Но кто ж была она? Или раба,
С ней схожая, ты скажешь, или призрак?

Апата

(шепотом)

Последнее.

Иксион

Ты вызвала ее?

Апата

Из нежного эфира и с любовью
Я сделала ее... И отличить
Ее не мог от настоящей Геры
Всевидящий отец богов.

Иксион

Молчи!
Иль нет... Скажи, что ты солгала. Разве
Тепло, и блеск, и жизнь?.. Нет, никогда...
Твоим словам, Апата, я не верю.

Апата

(вкрадчиво)

Ты слышал голос Геры, Иксион?

Иксион

Как ты хитра... Ты хочешь незаметно
Мой вынудить рассказ...
О, чистота!
О, девственность, которая боится
Любви, стыдится ласки, а во тьме
Картинами желанья разжигает...
Слова любви твердит себе, чтоб ей
Бесплодно слух они ласкали...

Апата

(настойчиво)

Голос?
Ты слышал голос Геры? Вспомни, царь.

Иксион

О, тяжкое сомненье... Разве ласки
В одних словах?

Апата

(в тот же настойчивый тон)

Ты не слыхал его.
Я говорить ее не научила.

Восклицания в Хоре.

Иксион

Теперь ты лжешь, иль раньше ты лгала,
О Ночи дочь? Мутится разум... что...
Что говоришь?

Апата

Ты сам просил признаний...
Иль истины боится Иксион?
Или любовь его была такою
Высокой и священной, что ее
Коснуться не дерзнут и игры наши?
Нет, Иксион, тебе я дивный сон
Сегодня подарила. К ложу Геры
Не подходил никто еще так близко,
Как подошел ты только что...
Мечта
Ожившая твоей не будет ярче
Ничья, поверь. Работой же горжусь
По совести своей... Она удачна...

Иксион

(проводя рукой по лицу)

Довольно лжи и правды... всей тебя,
Искусница, довольно. Повторяться
Ты начала... Уйди!.. Да не забудь

(срывает кольца и бросает ей. Апата ловит на лету)

Своих колец... Других морочить.
Больше
Я за себя не отвечаю... Прочь!..
Кровавою спирает горло пеной,
В глазах огни. И давит, как котел,
На плечи голова.

Апата

Неблагодарный.

(Исчезает.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Иксион, Лисса и Хор.

Лисса подходит к Иксиону сзади неслышными шагами и кладет ему руку на плечо.

Лисса

Царь, ждет тебя расплата. Хочешь — мы
Уйдем от них? Тебя я спрячу в черный
Далекий дом.

Иксион молчит.

Мученья ждут тебя,
И вечные, подумай.

Иксион

Что тут думать?
Мне всё равно. Не лжет она? Скажи!

Лисса

Она не лжет... Но есть еще спасенье.

Иксион

Быть может, луч надежды, что она
Солгáла?

Лисса

Я не думаю... Решайся:
Ириду там я вижу... О, бежим,
Бежим. Тебя люблю я, это странно,
Но я тебя люблю...

Иксион

(вздрагивая)

Ползи, змея,
В свою нору... Твоих услуг не надо.

Отталкивает ее ногой. Лисса, молча и ни на кого не глядя, уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же без Лиссы и Ирида (сверху).

Корифей

О дивная! Ты точно солнца луч,
Отрадна нам после кошмара ночи.

Ирида

О, нежные и бедные мои
Подруги... Вы еще дрожите... Буря
Измяла вас, цветы садов моих.

Корифей

Ты поднялась так рано?

Ирида

Неспокойно
Мы провели, о нимфы, эту ночь.

Корифей

Мирила ты?

Ирида

Мирила.

Корифей

Что ж? Удачно?

Ирида

Решай сама... Когда на царский пир
Приехали мы с Герой,

Иксион поднимает голову и жадно слушает.

пир кончался,
И по своим чертогам расходились
Бессмертные. Но за столом еще
Сидел Кронид, и кубок золотой
Ему Дориппа наполняла. Быстро
К ней подошла царица и на стол
Из рук ее выплескивает кубок...
И розовым стал мрамор, розы ж губ
И нежных щек у Геры побелели.

Но глаз поднять на грозного царя
Она еще не смела.
Тнхо-тихо
Из-под ресниц украдкой наконец
Она кндает взор... другой, смелее
Потом, но так спокоен Зевс сидел;
Лишь странная усмешка между глаз
Лучистых пробегала.
Точно что-то
Припоминал он давнее. И все,
Кто был еще в чертоге, мы примолкли.
На розовую нимфу между тем,
Что, от стыда очей поднять не смея,
Стояла перед Зевсом, снова взгляд
Царица вызывающий бросает
И, не сводя с нее горящих глаз,
Подходит к нимфе.
Может быть,
В лице царя прочла желанье Гера
Иль гнев ее сильнее страха был,
Но, нимфу взяв за золотую косу
И губы закусив до крови, повлекла
Ее к порогу, как рабыню, молча
И тяжело дыша, царица.
Встал
Со стула Зевс.
Все поднялись, и холод
По жилам побежал у нас.
Но царь
Остановил движеньем Геру только,
И нимфа убежала с плачем.
Зевс
Уселся вновь за стол, и Гере кубок
Он твердою рукою протянул,
И, будто ничего и не случилось,
Так он сказал царице: «Зачерпни
Послаще да отпей... Ну, что в Самосе?»

Корифей

И всё? Но ты мирила, говоришь...

Ирида

Я не могу рассказывать — мне грустно.

Корифей

Иль весть твоя печальна?

Ирида

Не простил
Кронид жены... Немало чар и ласки,
И даже слез царица пролила,
И всё напрасно было... Напоследок
Она его решилась насмешить...
И смехом взять. Она ему сказала...
Она ему сказала... Нет, оставь:
Зачем тебе подробности?

Иксион

(хрипло)

Ты скажешь
Не им, а мне.

Ирида

Царь Иксион, молчи
И, если есть убежище, спасайся.

Иксион

(обнимает ее колени)

О нежная, о добрая, твои
Не лгут глаза, и светлою улыбкой
Уста твои алеют. Не таи же
Всей истины...
Иль ты ее сказала?

Ирида

(лаская ему волосы)

Обманут ты, несчастный Иксион.

Иксион

Я знаю, что обманут, что рабыню
Иль призрак я на ложе обнимал.
Я пережил уж эту муку. Муки
Иной я жду из уст твоих, жена,
Страшнее той, что пережил... Апату
Кто ж посылал ко мне, скажи.

Ирида

Зачем?
Зачем тебе слова мои?

Иксион

Кронидовой
Посланницей была она, скажи?

Ирида

Ее послал Кронид... Довольно, бросим
Бесплодные сомненья... Иль помимо
Кронида что творится на земле?

Иксион

Ее послала Гера?.. Слушай... Гера?..

Ирида

Ты этого хотел... Ну что ж, узнай...
Ее послала Гера...

Иксион

Горе!.. Горе!..

Пауза.

Бессмертие... Ты, кубок жизни, вам
Проклятия мои... и пусть же вместе
Когда-нибудь с Кронидом и Олимпом,
И с Герою, которую любил
Я больше, чем вместить душа умела,
Вас черный ад пожрет... Проклятье вам!..

Из среды нимф раздается жалобный вопль. Некоторые пугливо убегают. Другие остаются, но сбившись, как стадо в бурю. Ирида молча уходит и показывает им на Гермеса и Гефеста, которые в это время спускаются с вершины.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

Иксион, Гермес и Гефест; он прихрамывает и несет цепь, молот и клещи.

Иксион

(сдержанно и кланяясь)

Вот, наконец, развязка. Мой привет
Приспешникам державного Кронида.

Гермес

(отдавая поклон)

Царь Иксион простит мне каламбур,
Но для него в *развязке* будут *узы.*

Иксион

(указывая на цепь)

И даже цепь. Нельзя ли поскорей?

(Протягивает руки.)

Избавлю вас от обвиненья, боги.
О деле я не менее, чем вы,
Осведомлен. И желтая Апата,
И нежная Ирида, уж о Лиссе
Не говорю, и всех семи цветов
Меня давно здесь нимфы охраняют.

Гермес

Тем лучше, царь. Но цепи ведь не всё.
Другая казнь отцом моим тебе
Назначена державным.

Иксион

(слегка вздрагивая)

Остается
Мне что-нибудь и новое узнать?
Я слушаю тебя, крылатый вестник.
А ты, Гефест, и тяжкий молот твой
Ручаются за артистичность пытки.

Гермес

Ты, может быть, освободишь посла
От лишних слов? Я объяснить бы должен
Тебе значенье кары, что Кронид
В неизреченной милости тебе
Назначил вместо Тартара, бессмертный.

Иксион

Освобождаю, да.

Гермес

Царь Иксион,
Кронид велел Гефесту обруч сделать,

Уж из чего — не знаю. Ты на нем
Своим распятым телом образуешь
И втулку, царь, и спицы. К ободку ж
Тебя притянут не канаты — змеи.

Иксион вздрагивает.

В том обруче волшебном будешь ты
Кататься по эфиру, раскаляясь
От быстрого круженья, а когда
Ты на пути щит Гелия огромный
И жаркий встретишь, царь, то вместе с ним
Кружиться долго будешь.

Хор

Ужас! Ужас!

Гермес

И, ложе ласк покинув поутру,
Любовники счастливые на солнце
Глядеть иные будут и игрой
Веселою светила любоваться.

Иксион

Мятется дух невольно. Есть же срок
Какой-нибудь для пытки?

Гермес

Ты не думал
О сроке, царь, когда ты золотой
У Гебы брал и жизни полный кубок.

Иксион

Ты прав, Гермес... Но человеком я
Рожден. Предел для сил моих положен.
Ведь чувствовать и муку наконец
Когда-нибудь, пойми, я перестану.

Гермес

На этот счет спокойны мы. Кронид
Расчетлив как никто. Близ ложа солнца
На влажном и багровом ложе ты
Два раза в год подремлешь. Не отраду
Тебе отец дарует. Он продлить
Твои, о царь преступный, муки хочет.

Пауза.

Иксион

Ты ждешь моих проклятий...
Говорят,
Что человек, идя на казнь иль пытку,
Прощается и проклинает.
Нет,
Вся из груди моей уж вышла злоба.
. . . .

Да, мука мне страшна... и только, бог...
Идем, пока не отказались ноги.

(К Хору.)

А вы цветите, нимфы... Да прости
Мое сказать не позабудьте... Гере...

Корифей

Прости и нас, страдалец. За тебя
Мы никогда молиться не устанем.

Иксиона заковывают и уводят.
В Хоре слышится плач.

Не надо слез... Но песен и цветов
Не надо также... Молча на вершины
Пойдем и тихо... Человека мучат.

Хор молча уходит.

336. ЛАОДАМИЯ

Лирическая трагедия в 4-х действиях с музыкальными антрактами

Dum careo veris, gaudia falsa juvant.

Ovidius [1]

ПОСВ. СЫНУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трагедия Лаодамии взята нами из античной версии мифа о жене, которая не могла пережить свидания с мертвым мужем.

Один из любимых мотивов римской лирики и трогательное украшение саркофагов, эта сказка о фессалийской Леноре не считалась, однако, в древности богатой сценическими эффектами, и Еврипид с своим «Протесилаем» был едва ли не единственный греческий трагик, которого она пленила. От «Протесилая» уцелели скудные отрывки, и ученым не удалось до сих пор восстановить не только хода действия, но даже содержания этой трагедии.

Мужа Лаодамии звали Иолай, он был сыном Ификла, царил в Фессалии, над городом Филакой, и был убит на троянском берегу, куда ступил первым.

П р о т е с и л а й стало его прозвищем, и этим словом отмечалось его п е р в е н с т в о. Дóма он оставил, по словам Гомера, «едва заведенное хозяйство» (δόμοσ ἡμττελήσ B. 701, cf. lat. domum inceptam frustra).[2]

Беглый след мифа о Протесилае в каталоге кораблей стал зерном Еврипидовой трагедии, но поэт со свойственной ему чуткостью к легендам страдания перенес ее центр с погибшего героя на его погибающую жену.

Пафос и гибель Лаодамии в последующей литературе и у ваятелей стали, под влиянием Еврипида, почти исключительным центром художественного интереса. Только 23-й разговор «из царства мертвых» Лукиана рисует загробное желание Протесилая, обращенное к Плутону и Персефоне (Luc. op. ex recogn. Jacobitz, I, 177 sq), и там он — первый и главный.

---

[1] Когда я лишена радостей истинных, мне отрадны и ложные. Овидий (лат.).— *Ред.*

[2] Расшифровку условных сокращений (авторских) вместе с переводом цитат и необходимыми пояснениями к ним см. в примечаниях.— *Ред.*

У Еврипида Протесилай назавтра после свадьбы или даже прямо с брачного пира уходит в поход под Трою, но об этом, конечно, только передавалось в трагедии. Разгневанная прерванным браком, Афродита не дала Протесилаю и после его геройской смерти разлюбить Лаодамию, и он вымолил себе у подземных богов три часа свидания с своей молодой женой. Действие происходит в Филаке, перед хором местных женщин, мужья которых ушли с Протесилаем, и это теснее сближало орхестру со сценой. Декорацию составлял фасад того дворца, где Лаодамия, дочь царя Акаста из Иолка, была новой и одинокой хозяйкой. Отпущенный из преисподней Протесилай появлялся и говорил на сцене, но, вероятно, не в виде загробной тени, как Клитемнестра «Евменид», а так, что жена могла принять его за живого человека. Когда из его слов, или, может быть, по миновании трех условных часов, Лаодамии становилось ясно, что возвращение Протесилая, а следовательно, и начало ее новой счастливой жизни — только обман, она закалывалась, или в порыве отчаяния, или покорная призыву мужа.

Вот остов содержания пьесы Еврипида, как устанавливается он в современной литературе предмета (см. особенно: Maximilian Mayer, Hermes, 1885. 20. B. Der Protesilaos des Euripides (SS. 101—143) и W. H. Roscher, Lexikon (s. v. Laodamia).

Он содержит зерно драмы, но мы еще не различаем в его очертаниях Еврипида.

В «Протесилае» несомненно были черты, которые трудно включить в намеченные рамки. В трагедии играл роль Акаст, отец Лаодамии, и очень вероятно, по аналогии со старыми отцами в пьесах Еврипида, что роль эта так или иначе соприкасалась с трагической смертью героини.

Позволю себе выписать по этому поводу несколько строчек из моего послесловия к переводу «Ипполита»: «Еще одна чисто еврипидовская черта в исходе «Ипполита»: этот поэт любит, разрешая драму, т. е. убивая, исцеляя и примиряя людей, оставлять в ней до конца одно разбитое сердце, на жертву тоске, которая уже не может пройти: таков у него Кадм «Вакханок», таков старый Амфитрион, таков и Фесей. Буря утихла, трупы убраны, но безветренное море все еще тихо качает около берега черный остов разбитой барки» (Отд. отт. из Ж. М. Н. Пр. за 1902 г., стр. 85 сл.). Затем не подлежит никакому сомнению, что у Лаодамии (подобно Адмету «Алькесты» vv. 348—356) была портретная статуя ее мужа и что она не только любила своего «бездушного друга» (слова Еврипида), но, по-видимому, и защищала статую от людей, которые восставали против ее болезненно страстного отношения к восковому Протесилаю.

Кроме того, героиня Еврипида, действительно ли или только напоказ, но соединяла свой страстный культ Протесилая с вакхическими обрядами, может быть, в честь Диониса-Загрея, бога мертвых.

Наконец, способ и момент самоубийства Лаодамии остаются неразъясненными. Имели ли они какую-нибудь связь, и если имели, то какую именно, с восковым слепком Протесилая, мы не знаем. Один латинский мифограф-компилятор Гигин рассказывает (Hyg. CIV), что Лаодамия бросилась в костер, на котором Акаст приказал сжечь ее воскового мужа. Остроумные соображения критики подорвали нашу веру в то, что компилятор точно передал содержание исхода Еврипидовой драмы. Но загадочными по-прежнему остаются слова Овидия (Rem, a. v. 723):

Si potes, et ceras remove. Quid imagine muta
Carperis? Hoc periit Laodamia modo.

т. е.

Если можешь, удали и восковые портреты.
Зачем пленяться немым изображением?
Именно таким способом погибла Лаодамия.

От них еще далеко, конечно, до рассказа Гигина.

В новой литературе мне известна на сюжет «Протесилая» лишь трагедия Станислава Выспянского «Protesilas i Laodamia», напечатанная в 1899 г. в Кракове, в журнале «Przegląd polski».

Автор заставляет свою героиню заколоться после галлюцинации таинственного брака ее с Протесилаем. С большим художественным тактом польский поэт сделал героя безмолвным. Пьеса написана в эсхиловском стиле, вычурным архаизирующим языком; проза причудливо мешается в ней со стихами, а ремарки местами заглушают текст.

Теперь несколько слов pro domo mea.

У меня Лаодамия бросается в огонь. Я не хочу этим реабилитировать текст Гигина и вполне допускаю, что Овидий знал трагедию Еврипида лишь по пересказам, и, может быть, искаженным. Но смерть от вольного удара мечом кажется мне столь же мало соответствующей натуре Лаодамии, сколько характеру ее пафоса. Замечу при этом, что и для героинь Еврипида такая смерть не была обычной: Канаке *прислали* меч, а Поликсену *закололи*; нож *не достиг* Ифигении, и Электра *не успела* воспользоваться мечом Ореста.

Во всяком случае, Лаодамии более всего подобала огненная смерть, смерть жертвы; трагический жест Эвадны[1] мог один соедннить ее с мужем, хотя бы in effigie. Костер является у меня по ходу действия, и его вовсе не раскладывают, чтобы растопить восковую куклу. Может быть, так было и у Еврипида. Выходнл ли на сцену Еврипида Гермес, как предположил Велькер? (Die gr. Trag. 2. Abt. 497).

Если допустить, что боги, а за иими и Еврипид, дали Протесилаю трагедии реальиое существование, то психопомп с его золотой тростью был бы, коиечио, только сценическим балластом, тем более что Еврипида ие стесняла иикакая мифическая традиция.

В трагедии, которая следует, скептический и задумчивый Гермес-созерцатель не претендует быть ничем, кроме бледного отражения своего классического собрата.

Если на богов Олимпа не распространяется закои эволюции, им суждено, по крайией мере, вырождаться.

И. А.

---

[1] Жена Капанея, которая в трагедии Еврипида «Молящие» бросалась в костер у гроба своего мужа.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

в порядке их появления на сцену.

Хор — девушки, жены и вдовы.
Лаодамия — дочь царя Акаста из Иолка в Фессалии и жена царя Иолая.
Кормилица ее — старуха.
Вестник.
Гермес.
Тень Протесилая (раньше Иолая)
Мальчик — раб.
Акаст — царь Иолка, отец Лаодамии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет фасад царского дворца в Филаке (в Фессалии) На сцене никого.
Раннее утро. Небо синее, но в облаках густо-белых и разорванных. В воздухе осень. Перед домом большой ткацкий стан с закрытой работой. У средних дверей золотая статуя Артемиды.

Женский Хор за сценой.

СТРОФА I

Мех на плечах,
Пламя в очах,
Где ты кружишь, менада?
Факел чадит,
Бубен гудит,
Сердцу любви не надо.

Звуки приближаются, изредка перебиваясь печальными и тяжелыми ударами бубна.
На орхестру спускается толпа женщин и девушек, старых и молодых. В одеждах мало нарядного и пестрого: преобладают серые и лиловые тона. Часть несет кувшины и после вступительной песни покидает орхестру. Образуются группы. Иные поднимаются на сцену и убирают цветами подножие статуи Артемиды.

В это время часть Хора, одетая в короткие одежды и с кинеями на головах, поет.

АНТИСТРОФА I

Темен покой,
Дерзкой рукой
Ложе мое не смято,

И холодна,
В полночь одна,
Тенью лежу объята.

СТРОФА 2

Невесты

Группа в белом сопровождает пение мимикой.

Пена волны
Моет челны́,
Море, клубясь, златится,
Парус дрожит,
Птица кружит,
Сердце мое — та птица.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Во время строфы второго мелоса из правых дверей дворца выходит Старая кормилица, простоволосая и в коричневом. Она обменивается с женщинами приветом и подходит к краю сцены.

Хор молодых жен

АНТИСТРОФА 2

Простертые руки и лица обращены в сторону моря.

Спишь или нет,
Сладок ответ
Из серебристой дали.
Нежной игры
Тира ковры
Ночью напрасно ждали.

Кормилица

(к певшим)

Росу ланит Владычица морей
Вам, нежные невесты, пусть осушит,
Пусть факелы желанные скорей
Сперва зажжет она, потом потушит.

Сцена пляски женщин. На орхестру спускается Хор вдов со спущенными вуалями, у иных волосы обрезаны, у других косы распущены и иногда, свешиваясь на лицо, заменяют откинутый вуаль.

СТРОФА 3

Не политы,
Вянут цветы.
Страшны голодные осы.
И завились
И развились
Даром тяжелые косы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Из средних дверей во время пения этой строфы выходит Лаодамия. Она высокая и тонкая, с пышными белыми косами и в белом. В линиях и движениях что-то стыдливо-девическое. Розовые локти и тонкие белые пальцы без колец. Глаза карие с розоватым отблеском.

Знаки почтения и участия в Хоре. Кормилица обращается к царице лицом. Лаодамия останавливается в дверях и кланяется Хору. Во время пения следующей антистрофы она делает несколько шагов по сцене, и по ее знаку сопровождающие ее рабыни, открыв работу, начинают налаживать ткацкий стан.

АНТИСТРОФА 3

С дальних брегов
Мне жемчугов
В нитях не путать змеистых.
Не целовать,
Не миловать
Лады волос златистых.

Пение, по-видимому, взволновало Лаодамию: она шла работать, но остановилась и обращается то к небу, то к женщинам, простирая руки то вверх, то перед собою.

Лаодамия

Как парусов далекой синевы,
Не разогнать желанья полным словом,
Мне не дано утешить вас, увы!
Вы, бледные, и в сером, и в лиловом.

Пауза.

А как узнать — за ясной синевой,
Быть может, плач уж носится по стану...

(Тихо.)

В печальный хор с обритой головой
И я войду тогда, и тихо стану.
Но золотом еще горит игла,
За ней узор бежит гирляндой пестрой,
И даль небес передо мной светла,

. . . .

Простите мне мою надежду, сестры.

(Отходит к работе и начинает быстро и ловко водить челноком над основой, мягко отстраняя рабынь.)

После минуты молчания Кормилица тихо подходит к царице и несколько мгновений смотрит на не поднимающую от работы глаз Лаодамию.

Кормилица

Пресветлая царица и дитя
Любимое, Лаодамия, здравствуй!

Лаодамия

(поднимая голову)

Кормилица... что ж? Новостей всё нет?..
Плывут они иль под стенами Трои
Раскинули шатры?.. А ведь сегодня
Четвертая луна свой круг заполнит,
С тех пор как царь уехал... бросив пир,
Невестою меня покинув думам...

Кормилица

О госпожа! Царицу от рабынь
Порою наш не отличает жребий.
Терпением повиты мы... Что делать!..
Но расскажи, что снилося тебе:
Глаза твои еще слезами полны.
Скажи: во сне ты плакала, дитя?

Лаодамия

Мне снился сон, кормилица, и солнцу
Я расскажу его... Ты знаешь: он
Не в первый раз мне грезится. Так странно —
Порвется нить, а сердце, как рабыня,
Уж новую мотает... и в один
На полотне узор свивает обе.

Я видела, что будто босиком
Я по траве иду... Такой Филака
Не видела, и в Иолке нет такой.
Густая и высокая, цветами
Лиловыми поросшая, она
Мне резала босые ноги. Свод
Над головой алел, как от пожара,
День или ночь, понять, на небесах —
Я не могла... И не было кругом
Ни дерева, ни птицы и ни тени...
Лишь человек высокий — кто он был,
Не знала я,— мне долго шлем свой тяжкий
На белые надеть старался косы
И путал их, взбивая... С головой
Я уходила в каску, было душно
И страшно мне, и кожей пахла медь.
Хотела я кричать, сопротивляться,
Но голоса не издавала грудь
И мягкие мои не гнулись руки,
И только слез горячие ручьи,
Когда проснулась я, со щек катились.

Кормилица
(после некоторой паузы)

Гадателя позвать бы... Только сон
Хорош, дитя... Ведь слезы — это к счастью...

Лаодамия

Нет, сердца дум гадателям нести
Я не хочу... Ты, бог, ты пламя утра,
Коль этот сон недоброе сулит,
Укрой его в немое лоно поля,
Им голову утесу опали,
Или волну ударь в злаченый гребень,
Но сбереги мне Иолая... Нет
Защиты у меня и нет веселья
Без милой головы... и царский род
Я не могу одна продолжить, солнце,
Чтоб алтари богам он охранял,
Сердца жрецов пленяя жиром нежным.

(Несколько минут молится молча, поднимая руки к солнцу, потом поворачивается, чтобы стать на работу.)

Гадателя не надо...

Кормилица

(несколько мгновений молча следит за работой Лаодамии и, рассматривая работу, покачивает головой)

Что за вид
Чудеснейший... И звезды, и луна,
И челноки какие-то, и птицы
На парусах... А это что ж? Одна
Лететь устала, видно... Иль на мачте
Ей не нашлось местечка?.. Между волн
Она трепещет крыльями... Какая
Искусница... Ведь умудрит же бог...
Вот только птица-то зачем упала?

Лаодамия

(оставила работу и бродит глазами в небе, где в это время пролетают осенние птицы)

Зачем она упала?.. Видно, так
Ей боги присудили... Иль никто
Там, думаешь, в лазурной выси, няня,
Летать и не устанет, и земли
Далекой Африканской всем достигнуть
Придется им?.. А бури? Разве бурь,
Как на море, в эфире не бывает?
Вот, может быть, которая-нибудь
Так радостно пускалась в путь сегодня,
А завтра... Нет, сегодня даже, ей
Подломит крылья ветер, или коршун
Из стаи вырвет жадный, и птенцов
Не выводить уж никогда голубке...

Пауза.

Лаодамия работает.

Лаодамия

Не выводить птенцов... А мне зачем
Ты сладкого залога не оставил,
Мой Иолай?..
Качай я колыбель,
Я повторять теперь могла бы имя
Любимое... И, слушая меня,
Уж люди бы вокруг не улыбались,
Что с куклой я или сама с собой
Всё говорю.

Кормилица

Придет, Лаодамия,
Всему черед... Немало их потом
По именам ты назовешь... Пожалуй,
Придумывать наскучит имена...
Вот только бы Приамовой столицы
Им удалось разрушить стены... Мне
Рассказывал один купец фригийский,
Что боги им слагали их... Легко ль
Строение богов сровнять с землею?..
Да, дерзок род царей, и никому
Таких гребней для шлема непокорных
Не выбивал кузнец, мехи вздувая,
Сам золотой в своей пещере черной...

Лаодамия

(рассеянно слушая ее)

Как думаешь... меня он не забудет?
Другой жены себе он не возьмет?
Ведь дочери Приамовы уж, верно,
Не то, что мы, лесные пташки, им
И нежные румяна шлет лидиец,
И золотые ткани, и духи.
Пожалуй, есть у них и зелье — сердце
Привязывать мужское.

Кормилица

Иль рабынь
Бояться дочь царя Акаста может?

Лаодамия

Нет, няня, нет... Я знаю, что никто
Его нежней и крепче не полюбит.
Бывало, мать печальную не раз
Я ласками смеяться заставляла,
Улыбку я сумею и царю
На строгие уста его, как кистью,
Перевести горячим поцелуем.
Я арфой в нем желанье разбужу
На нежные полюбоваться руки,
И зеркалом мне будет он, когда
Душистые свивать начну я волны
И белые... О, горе! О, зачем
Вы, факелы, так быстро догорели?

Ты, хор, умолк так рано? И царю
Я ласковых имен шепнуть не смела?
День был как сон...
Но трепетной руки
Мне ласково не тронул царь... Вуаля
Он с розовых ланит моих не поднял
И яркий шлем надел... Мои цветы
На мягкие ковры упали грустно...
. . . .
О, женщины! О, цвет подруг моих,
Вы, белые невесты! Вы, гречанки
Со всей Эллады дивной — все, кому
Крылатые ладьи вернут ли счастье,—
Я вас молю, что б ни таила даль,
Еленами не будем мы...
И если
Обнять дано героев нам, один
Пускай огонь священный Гименея
Сжигает вас, покуда, догорев,
Под пеплом мы его не станем, девы,
Старухами седыми...
Сколько слез,
О, сколько слез в твоем безумном браке
И змей среди цветов твоих, жена
Неверная, в улыбках сколько яду...
. . . .

(Подняв глаза и руки.)

Вы ж, белые и быстрые, эфир
Рассекшие крылами... вас молю...
Желания мои и этих горьких
Несите в даль эфирную, туда,
На берега троянские... от меди
Безжалостной пусть оградят сердца
Суровые... и нежные... и наши...

Хор

ПЕСНЯ БУБНА

Старухи

СТРОФА I

Скованы тяжкие латы...
Что ж молот несытый гудит?

И бурое пламя чадит
Зачем, озаряя палаты?
О, нет, позабыть не могла ты,
Эллада, кровавых обид...
Иль меч на Париса еще не отбит,
Что, искрами брызжа, железо журчит
И молот кричит:
«Расплаты! Расплаты! Расплаты!..»

АНТИСТРОФА 1

Горы с зеленой дубравой
Отважный забудет стрелок,
Там долго он черных берлог
Тревожить не будет облавой;
Милее ему златоглавый
Приама высокий чертог...
Вот, веслами пеня Эгейский поток,
Помчались ахейцы, и пыл их жесток..
Туда, на восток:
«За славой! За славой! За славой!»

ПЕСНЯ ФЛЕЙТЫ

СТРОФА 2

(один женский голос)

Розовым утром
Если бы ланью я стала
Иды высокой,
Я бы Париса,
Я бы Париса красою,
Легкостью гибких движений
В чащу сманила и жаждой
Быстрого б там затомила...
Шлем потерявшего в дебрях
Я б чародея с глазами,
Полными синего блеска,
Нежной зеленой трясиной
Тихо потом засосала...

АНТИСТРОФА 2

(другой женский голос)

Если бы птицей
Сладко-певучей я стала,

В терем Елены,
Пленницы нежной,
Плакать бы я прилетала
В тихие лунные ночи,
Чтобы, очей не смыкая,
Слушала песни царица
И умирала тоскуя,
Чтобы хотелось ей страшно
Дочку увидеть и мужа,
Гулкую белую залу
И тростники на Евроте.

ПЕСНЯ АРФЫ

СТРОФА 3

Синевою небес пролетая,
Бог далекой земли,
Ты Парису лелеял зачем корабли,
Бог далекой земли?
Белый Аргос и Спарта златая
Нежной дивы таить не могли,—
Унесла ее белая стая —
С ней не волей ли Зевса свитая?
Лель... лели...
Розовея, дымятся угли,
Облака разбегаются, тая,
Гименея, о дева, моли.

АНТИСТРОФА 3

Златокудрое Зевсово чадо
Цепи роз обвили,
Пока луч, отдыхая, в пыли
Цепи роз обвили...
Убежала, рыдая, менада...
А когда тени ночи легли,
Не горела в огнях колоннада,
О, не надо Париса... не надо...
Лель-лели!..
Розовея, дымятся угли,
Голубая мерцает лампада,
Гименея, о дева, моли...

Корифей

Оставьте петь... Я вижу вдалеке,
Там облако... но только не на небе...

Молчание.

Женщины вглядываются вдаль, по направлению пальца Корифея

Первый парастат

(к Лаодамии)

Там облако, царица... и в движеньи..

Лаодамия

(тоже смотрит)

Да, облако... я вижу — это пыль...

Кормилица

Я видела давно, что стадо гонят.

Второй парастат

Твои глаза не зорки... Погляди:
Уж радужной просвечивает дымкой
Пыль серая... Где ж видишь ты овец?

Одна из женщин

Смотри — вот конь... а вот и всадник..
Видишь?
Царица, к нам гонец...

Другая

Его коня
Уж приняли... Идет он, окруженный,
Не разобрать лица.

Лаодамия

Откуда он?
И что несет?.. О сердце!.. Колотиться
Не надо так... Или одна я жду
Его вестей?.. Как шаг его неровен!
Он кажется смущенным... О, зачем
Сомнения? Уж вот он! Он не мрачен,
Не в трауре.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Вестник с моря.

Он имеет утомленный, обветренный и запыленный вид; на лбу рубец, рука завязана, шлема нет.

Лаодамия

(к входящему Вестнику)

Привет тебе, посол,
А если ты из Трои, и награда.

Вестник

Державная царица... Я из Трои.

Лаодамия

И наша рать?

Вестник

Осада началась.

Лаодамия

Сражения дружины Иолая
Не видели еще?..

Вестник

Оно царя
Филейского венчало вечной славой...

Лаодамия

Хвала богам и родине! А мне
Какое счастие!.. О, мой избранник!
Но воины?..

Вестник

(с некоторым усилием)

Мы счастливы: пока
Детей Филаки гибель не коснулась...

Радостные восклицания в Хоре.

Лаодамия

Но начал ты про славу... Расскажи
Подробнее...

В е с т н и к

Ахейские триэры
Задержаны стояли под Авлидой.
Безветрие сковало...

Л а о д а м и я

Это мы
Уж слышали... Про смерть Ифигенйи
И брак ее обманный вести к нам
Давно пришли. Рассказывай о Трое...
И о вожде дружин.

В е с т н и к

У берегов
Уж корабли ахейские толпились,
А нас еще кружило море... Путь
Последний труден был — волна нас била,
И парусам оранжевым царя
Тяжелая борьба досталась. Якорь
Был брошен наконец. Но меж вождей
Ахейских спор застали мы... С Авлиды
Раздоры шли... А тут еще беда,
Гадателем прочтенная на жертвах,
Прибавилась,— и злобились цари,
И печени от желчи черной пухли:
Им объявил гадатель, что тому
Убитым быть, кто первый землю вражью
Бесстрашною стопою оскорбит...
И не хотел никто быть больше первым,
Сопернику соперник уступал
. . . .

О дочь царей... О нежная подруга
Славнейшего из греков... Ты дрожишь?

Л а о д а м и я

Ты говорил о славе Иолая?..

В е с т н и к

О, госпожа!..

Л а о д а м и я

Он был там? Говори...

Вестник

Дозволишь ли?

Лаодамия

Он вынул страшный жребий?

Вестник

Нет, жребия наш царь не вынимал,
Но он не снес глумления троянцев
И дал нам знак... Он первый победил

Лаодамия

Я слов твоих не понимаю, вестник...
О, не спеши... Еще надежда есть...
Я слушаю... Он жив еще?

Вестник

Царица!
Обуза зол твоих так тяжела...
. . . .
Царь умер, и его похоронили.

Вопли в Хоре. Лаодамия стоит вся белая. Вопли, не поддержанные ею, как-то неловко обрываются. Воцаряется продолжительное и полное молчание.

Лаодамия

Не может быть... Опомнись — наш ли ты?
Он здешний ли, скажите мне.

Смущенное молчание.

Ошибся
Ты, вестник, я с тобой и незнакома.
Ты не был там с царем?..
О, отвечай.

Вестник

Протесилай, мой повелитель, умер...

Лаодамия

Как ты сказал? Как на́звал ты вождя?

Вестник

Нет, бедная царица, то ахейцы,
Не мы, его дружина, в похвалу
Царево имя заменили новым:
Протесилай.

Лаодамия

Протесилай... А кто ж
Жене отдаст... отчизне... Иолая?

Вестник

Протесилай — за то, что первый он
На вражеский вступил бесстрашно берег.

Лаодамия

Мне всё равно, как на́звали его,—
Как вы его убийцам отдавали?

Вестник

Противиться не смели мы...

Лаодамия

Его
Зачем не умолили? Или старых,
Иль опытных меж вами не нашлось?
А что ж Атрид? А жребий? А другие?
Нет, нет... и ты не в трауре... Зачем
Ты шутишь так жестоко?.. Или ты
Сюда привез его для погребенья?
Что говорю? Живого? Может быть,
Лишь ранен он? Ведь если, вслед за мужем,
Ты говоришь — другие вышли, все,
Так как же вы его не отстояли?
И кто ж его ударом поразил?
Чей меч доспех разбил ему? Дай имя!
Смущен ты? Ты молчишь?
. . . .

Вестник

Что я скажу?

Лаодамия

Что ты шутил... Но, может быть, ты бредишь:
Твое лицо так красно, и глаза
Твои как у больного... Или можешь
Ты дать мне знак какой-нибудь? Тебе
Иначе как поверю?

Вестник

Я б подробней
Пересказал весь бой... Но всё равно
Ты скажешь, что я выдумал...

Лаодамия

Еще бы!
И кто ж послал тебя? Команду кто
После царя над нашим войском принял?
И где ж твоя табличка, если сам
Тебя в послы начальник выбрал новый?

Вестник молчнт потупившись.

Лаодамия

Ты, может быть, беглец? Ты изменил?
Ты волновать народ сюда явился?..

Вестник

(тихо и мрачно)

Обратный путь был труден... Буря нас
Трепала, и едва я спасся... Было
Письмо... оно в волнах... Но я не лжец.
Увы! Когда бы точно лгал я...

Пауза.

Лаодамия

...Вестник!
Прости меня! Да, может быть, ты прав...
Несчастье мне рассудок ослепило,
Как яркий свет сову слепит... Солгать
Не мог посол и храбрый сын Филаки...
Шутить? О нет! он не жесток — своей
Царицы бы он пожалел. Не болен
Ты также — речь твоя разумна, вестник.

О, я молю тебя... О чем?.. сама
Не знаю я... Скажи, что сон, который
Я видела недавно, длится... Нет...
Что это правда... Нет... Что брежу я...
Что бредишь ты... Постой...
Я всё стерплю!
Не перебью тебя, всему поверю...
Скажи мне: там, когда кончался он,
Он что-нибудь сказать велел... домашним,
Жене... и как? Как умер он?.. Страдал?
Метался он? или спокойно умер?
А та рука, которая ему
Разрезала на нежной шее жилу,
Она еще и носит меч, и жертвы
Приносит, и вздымается к богам?
Или ее вы обрубили тут же?
Всё говори... Я слушаю, посол...
В какой хитон одет он был?

Вестник

В лиловый...
Да,
кажется...

Кормилица

(тихо)

Лиловые поля.

Лаодамия

Молчи...

Вестник

Когда толпой на берег вражий
Мы хлынули, Калхантовы слова
Нам баснею казались... белогривый
И яркий шлем царя, как бастион,
Над нашею толпой вздымался гордо,
И робкие троянские стрелки,
От пóножей, не знаю, светлых, что ли,
Иль тяжкого отхлынули меча...
На кораблях меж тем пэан победный
Уже звучал... и, славой опьянен,

Соперника искал наш царь... Всё дальше
Он уходил, и не могли за ним
Дружинники поспеть... Вот на минуту
Из глаз его я выпустил — ряды
Троянские уж снова пополнялись —
Вдруг слышу гул — и прямо на царя
Несется колесница. Было трудно
Пробиться нам... Когда же наконец
Глазам моим открылся он... возница
Едва держал взбешенных кобылиц,
А около... огромный, вождь, конечно,
Из сыновей Приама кто-нибудь,
Боролся с Иолаем — копья были
Уж сломаны, и царское копье
Попало в пристяжную... Кобылицы
Метались в пене дико... А мечи
Разбитые валялись бесполезно...
И долго шла безмолвная борьба,
Но берег был далеко... И не видно
Его ахейцам было. С чем бы мы
Пошли к царю?.. А крики лишь троянцев
Собрали бы... От ужаса и горя
Мы молча умирали... Наконец,
Послышалось проклятье... и со стоном
Царь падает на землю, за собой
Троянского героя увлекая...
И долго там они в траве густой,
Как нежные щенки порой играя,
Катались... хрип, и треск, и стон стоял...
Но бой решил троянский витязь... вожжи
Он бросил наконец, и четверня
Взбешенная умчалась. Безоружен,
К товарищу он поспешил... И шлем
Тяжелый и косматый опустился
На голову царя... И брызнул мозг,
И кровь потоком алым заслепила
Глаза борцу... О, горе... горе нам!..
Почившему ж — и слезный дар, и слава
Он ничего пред смертью не сказал,
И, жив иль нет убийца, я не знаю...
С трудом мы тело царское тогда
На корабли доставили... И больше
Не знаю ничего я... Сам не царь,
Но и лжецом, хоть низок родом, тоже

Я не бывал... Избавь и похорон
Описывать не заставляй подробно:
Я вытерпел довольно.

Лаодамия

Ты сказал
Всё, что умел... Не буду мучить больше
Тебя, солдат... Ты мне оставил тень
Надежды... Я тебя... благословляю.
Но, может быть, нашел ты что-нибудь,
Что было с ним... Какую-нибудь память.

Вестник

(вынимает печать)

В щите его нашли мы эту вещь
Привязанной ремнем... Возьми, царица.

Вопли в Хоре.

Лаодамия

Его печать... Да, да... его печать —
Благодарю... ну отдохни, оправься,
Будь гостем здесь...

Вестник молча и потупившись уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же без Вестника.

Кормилица

Осмелюсь, госпожа...
Прикажешь ли?

Лаодамия

Чего ты просишь, няня?..

Кормилица

Рабынь обрить... Убрать ковры и пурпур...
И лошадям подрезать гривы... Плач
Приличен был бы, кажется.

Лаодамия

Успеем...
Известия так смутны...

Кормилица

Но народ
Поднимет он... Не примешь ли старейшин?

Лаодамия

(молча отходит к средней двери, потом останавливается)

Ты скажешь им, что ничего пока
Мы верного не знаем. Этот бедный,
Измученный солдат один за всех:
И вестник, и свидетель, и порука...
Да, ночь вокруг темнее что ни миг,
Но горю я не сдамся, как ребенок,
Как девочка больная иль рабыня...
Никто за мной пусть не идет... Себя
Я не убью... Не бойтесь... Но не плакать..
Пожалуйста, не плакать...
Да, цветы
Лиловые... Тяжелый шлем... О ночь!
Как ты темна, темна и бесконечна.

Уходит в среднюю дверь. Кормилица следом, ио в дверь налево

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

РЕЧИТАТИВ

Первый голос

Горе... о горе!.. кого,
Кого я оплачу?..
Мертвого или живую?..
Мертвый, он там, зарыт иль сожжен,
И не оплакан.
Здесь живая — безумна...
Горе, о горе! Зачем
В ней погасило огонь ты,
Чистый и синий огонь
Разумной души?..
Если умрет человек,
Душа на могиле
В темную ночь
Пламенем синим мерцает...
Но у безумного нет

Света в душе —
Холодно там и темно,
И одни только тени,
Как ночью черные тучи,
Плывут и дымятся...

Второй голос

Сердце мое —
Точно осеннее солнце
Меж тучей и тучей,
Точно осеннее небо оно
Над морем лиловым,
Где гребни белее
Нагорного снега,
От бури до бури
. . . .
Или ей боги открыли,
Точно, царице,
То, что для нас сокровенно?
Или умерший,
Точно, не умер
Для Лаодамии?
Горе... о горе... кого,
Кого я оплачу?
Мертвого или живую?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Хор и Кормилица (из левых дверей).

Кормилица

Тс... Тише... Тише, женщины... Она
Уснула, кажется...

Корифей

А бред ее? всё длится?
Душа темна всё так же?.. Или слез
Пролился дождь? и солнце показалось?..
О, не таи... Ты видела ее,
Не правда ли?

Кормилица

Неужто ж так оставить?

Нежнее сна, лукавее змеи
И комара назойливей я стала,
И старину сегодня довелось
Сквозь слезы мне припомнить... Больше часу
Меж пеплосов развешанных, как моль,
Таилась я... тоска мне сердце грызла,
И не глядят глаза мои от слез,
От темноты ль...
Мы с ней, бывало, в прятки
Играли так... «Ну, няня, прячься»... Вот
Я и стою в углу,— а эта крошка
Уж что-нибудь иголкой мастерит,
Иль с куклою играет... На *игру*
Смотрела я сегодня *тоже*, только
Игра была печальная...

Корифей

Скажи,
О женщина, яснее: точно разум
Ее погас?.. Иль это только горе
С ее душой играет?

Кормилица

Как узнать?
Ты знаешь ли, что делала царица?
Ты думаешь: молилась? Иль слезам
Вдали от глаз свободно отдавалась?
Иль, может быть, гадала, чтоб богов
Решение проверить?.. Нет, она
Со статуей играла, точно с куклой,
Но тихо и серьезно, как больной
Иль матерью оставленный ребенок.
Я статуи подобной никогда,
О женщины, не видела... конечно,
Из воска лил мудрец ее... живым
Казался муж... и локоны, и панцирь
Весь из колец, и поножи... Футляр
Со статуи так бережно царица
Сперва сняла,— отделан кипарисом
И броизой был богато он... Потом,
Обняв ее подножие рукою,
Шептать ей стала что-то... Кто бы мог
Пересказать слова, которым губы
У матери, качающей ребенка,

Бывают отданы, иль девушки, когда
Застанете ее вы на закате
Мечтающей?.. Улыбка, дрожь, слеза —
Как золото, а щеки — меловые...
Так с куклою царица в тишине,
К ее ногам прильнув щекою нежной,
Мечтательно и робко говорила...
Пред ней потом кошницею цветы
Рассыпала душистые и, взявши
Курильницу, насытила кругом
Каким-то сладким ароматом воздух...
И мне казалось даже, словно с губ
Царицыных, цикады осторожней,
Мелодия слетела... Но как будто
Она кого боялась разбудить.
К губам свой белый палец приложив,
Царица замолчала...
И другою
Сменилася игра, еще чудней:
Два фароса — оранжевый и нитью
Лиловою расшитый — отобрав,
Их примерять старательно на куклу
Царица стала... Было и смешно
И грустно... и от смеху ядовитей
Текли из глаз и жгли мне кожу слезы.
Так первенцу любимому порой,
Малютке, мать наряды выбирает.
То в желтое оденет, то белей
Закутает невесты... и глядит,
И, шпильки позабыв меж губ, смеется...
Но кончилась игра, и на постель,
С украшенной забавы не спуская
Влюбленных глаз, царица прилегла,
А я тихонько вышла, не придет ли
Целитель сон к горячей голове...
Но чу... шаги... она.... Лаодамия.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Лаодамия с распущенными косами, всё еще в белом.

Лаодамия

Минута сна... И точно нежный бог
Своим крылом... благоуханно-белым

Обвеял изголовье... Грудь полна
Несознанных желаний...

(К солнцу.)

О светило
Жестокое и жаркое! Зачем
Мои мечты ты топишь, точно крылья
Надменного царя?.. Тот нежный бог,
Их навевая сердцу, улыбался...
Иль боги лгут? Или недуг один
Рождает в нас надежду и желанье?..
Эфир... пустой эфир, и так тяжел...
Иль ваша правда, люди, только в муках?

(Кормилице, видя ее слезы.)

Ты, старая, что́ плачешь? Разве я
Уж так жалка? А если вести ложны?.

Кормилица

Дитя мое! Прости мне... Но богов
Ты, кажется, забыла...

Лаодамия

О, помедлим
Хоть эту ночь еще...

Кормилица

А если царь
Пред медными дверьми — твоих молений
И жертвы ждет... И тяжело ему,
Как путнику усталому, который
Не вымолит ночлега?..

Корифей

Преклонись
Перед судьбой, царица, раб не бредил,
Он вырос здесь, он верен был царям.
Ужель тебя такой посол обманет?
О, не теряй мгновений — каждый шаг
Седого старика над головою
Приносит забытье... Зачем одна
Ты, гордая, его услуг не хочешь?..
В утеху нам и слезы рождены...
И долгие молитвы... Надо только

Смиренно раньше выпить чашу — пусть
Она горька, ее мешали боги...

Пауза.

Лаодамия

Не знаю, что сказать вам...
Я слова
Ужасные глубоко затаила,
И, точно туча, сердце у меня
От капель слез разбухло и чернеет...
Но луч за ней еще горит.
Зачем
Я буду звать грозу! Дождемся утра...
Два сердца... две любви перед судьбой
Склоняются теперь и тихо молят...
Не будем им мешать... Я не найду
Разумных слов... Но я желать умею...

Корифей

Ты чуда ждешь?

Лаодамия

Не знаю... Пусть для вас
Безумною останусь я и грешной,
Я брака жду сегодня... в эту ночь,
Иль смерти... я не знаю. Ум мой темен,
Но Иолай придет — он обещал...

Солнце закатывается... Последние бледные сумерки.

О жены, о невесты... все желайте!
Вы, вдовы, слез подруги, все со мной
Зовите ночь желаньем... Крылья бога
Меня сейчас обвеяли... Он жив...
В моей груди горит его желанье...
О тени... вас зову я... всею вас
Зову я кровью сердца... и биеньем
Зову вас сердца каждым... Этот свод
Скорее погасите... Дайте слышать,
Чего не слышит ухо, и глазам
Неясное откройте сердцу, тени...
Сном наяву... сойди, царица ночь,
И окрыли мольбы мои, царица.

(Уходит.)

Хор

Замолкли колёса светила...
Холодная пала роса,
И синяя ночь распустила
Над миром свои паруса...
Далекие нежные волны
Обвиты ее пеленой...
И к югу волна за волной
Уносит крылатые челны...
Но флот ее царственный тих:
Во мраке триэры слилися,
И только на мачтах у них,
Как факелы, звезды зажглися.
А в полночь, порвав пелену,
Всех ярче звезда загорится:
На щит золотую луну
Над миром поднимет царица.

Первый голос

За тьмой и светом,
Среди эфира,
Который глаз
Ничьих не нежил...
Есть тихий берег...
Туда мечтою
Теперь лечу я...
Там два чертога
И две царевны.
И старшей имя
Царевны — Ночь,
Другая дева
Зовется Смертью.
С черною раной
На шее белой
Там моя радость
В мраморной зале
Спит и не грезит...
Девы не любят,
Только ревнивы:
Милого друга
Жарким моленьям
Не отдадут

Страшные сестры:
Одна с косою
Белой, как сумрак
Влажной долины
Перед рассветом;
Другая с черной,
Душной косою,
С грудью, что снега
Высей белее
И холоднее;
Друга желанью
Страшные сестры
Не отдадут
В час, когда дышит
Небо любовью
И растворился
Белый цветок
Пурпурной чашей...

Другой голос

(арфа)

Нет сил желать... Крыло мечты
Разбито медною стеною;
Лазурной тенью залиты,
Там недоступны кущи зною...
Там девы бледные персты
Тому, кого уж нет со мною,
Свивают черные цветы,
Осеребренные луною...
Нет сил желать... Крыло мечты
Разбито медною стеною.

Плач.

Третий голос

(мелодекламация)

О, грустные аккорды... О, листы
Пурпурные, но тяжкие разлуки!..
В груди горит желание... а ты
Рвешь волосы... Дрожа ломаешь руки...
Не из любви ль у соловья свиты
Его легенд чарующие звуки?
Не молят ли душистые цветы,

Полны любви, луны и сладкой муки?
Из скольких глаз, со скольких нежных лир
Желания теперь струятся волны...
О, если бы один волшебный мир
Из них создать могла я, прошлым полный...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лаодамия

Какая тишь и тьма... Ни зги вокруг...
Сейчас луна взойдет... В чертоге пусто...
Там и молиться жутко даже... с вами
Хочу побыть опять...

Луна.

О дева, дочь
Невинная Кронида, из колчана
Злаченого серебряные я
Твои благословляю стрелы, здравствуй...

Кормилица

(выходя за ней следом)

Царица, ждет постель тебя.

Лаодамия

На ней
И холодно и страшно мне.

Кормилица

С тобою
Я лягу, если хочешь...

Лаодамия

Подождем:
День был жесток и страшен. Может быть,
Добрее ночь. Мои напрасно губы
Молитву повторяли...
Я дрожу...
Я не пойму, надеждой иль тоскою
Кровь движется, и мне в виски стучит,
И синие мои вздувает жилы...

О тени, я... звала вас... а теперь
Мне страшно вас увидеть... Что там, няня,
За деревом?..

Кормилица

Другое, госпожа.

Лаодамия

А это что? Шаги... Иль только сердце
Мое стучит?..
Да, сердце... Как дитя
Я делаюсь.
Боюсь сказать, но близко
Решение... Я чувствую: глаза судьбы
На мне остановились... Тс... Идут...

Полная тишина.

Слушают. Корифей приник ухом к земле. Пауза.

Корифей

(не поднимаясь)

Действительно шаги... И будто голос...

Кормилица

Да, чей-то шаг, но женский иль мужской,
Не разобрать... и сколько ног, не слышу...
Не лошадь ли?.. Звонки как будто...

Корифей

(вставая)

Нет,
Шаг — и мужской... а с ним как будто тихий
Слился не шаг, а шорох... Точно мышь
Летучая меж веток... Вот и глаз
Идущих различает... Странно — двое...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Гермес и тень Протесилая.

Набегает тучка. Лиц не видно. Оба в длинных плащах. Протесилай в шлеме. Гермес в фетре.

Гермес

(точно не замечая Лаодамии; к Хору)

О женщины! Привет вам... Труден путь
Усталому, и дверь ему милее

Любимых глаз, когда весь день, как мы,
Меж золотых шагал он нив, по пыли...
Чей это дом? И дома ль царь? Цари
Владеют им, конечно... Селянину
Таких колонн не снилось...

Корифей

И от нас
Тебе привет, прохожий... Вот царица .

Гермес

(с поклоном к Лаодамии, которая пристально всматривается в его спутника)

Владычица... Фессалии... Гостям
Найдется ли в твоих чертогах угол?..
В походе царь, конечно... Иолай...

Лаодамия вздрагивает

Так, кажется? Ведь мы в Филаке? Правда?

Лаодамия

(справившись с собой)

Наш путников еще высокий дом
Не прогонял. Рабы сейчас проводят
В палату вас... и, пыль пути омыв,
Вы вкусите отрадной пищи... Вам
Фракийское вино поправит силы
И призовет на ваши вежды сон...
Но женщине простите, не царице...
Душа горит узнать, откуда вы,
Не слышали ль вестей из Илиона?
Узнали вы Филаку... Разве здесь
Когда-нибудь вы были уж?

Гермес

Царица,
Имен у нас немало... И любой
Тебе назвать я мог бы город... Храмы
Мои везде... И шаг мой окрылен,
А нектаром меня поила Майя.

Лаодамия

Гермес... О бог... Ко мне ты?.. А с тобой?

Корифей

О, диво див... бессмертные... О, чудо!
Прости нас, путник дивный.

Лаодамия

(делая несколько шагов)

Не обман?
Ты не мираж?.. А это кто же?

(Быстро подходит к другому и старается разглядеть лицо.)

Гермес

Гей!
Сестра, чего не светишь?

Выходит полная луна.

Лаодамия

Ай... что вижу?
Ты?.. Ты?..

(Склоняется к его ногам.)

Но что ж — молчит он? О Гермес,
О добрый бог... скажи, что я не брежу,
Что, точно, ты привел царя... Его
Окованы уста зачем? Он слышит?
Скажи, Гермес! Иль это только сон,
Полночный сон из дум моих?.. О милый,
Дай руку мне... И назови меня
Своей женой.

Тень Протесилая
(глухо, протягивая руку)

Моя Лаодамия...

Лаодамия

Кормилица, ты слышишь?

Кормилица

Как во сне,
Он говорит... О силы неба... Сжальтесь

Над бедной... И жестокою игрой
Царице вы не надрывайте сердца,
Бессмертные...

Лаодамия тихо целует руку мужа и не выпускает ее.

Тень

Моя Лаодамия...

Лаодамия

Ты болен, царь. Ты ранен... О, позволь
Омыть твои запекшиеся раны,
Пойдем со мною в дом наш... Ты устал...
О милые рабыни! Посветите...
Ты ж на мое плечо, мой Иолай,
Не правда ль, обопрешься?... Сколько силы,
О, сколько сил я чувствую... Пойдем,
Тебе сказать должна я много... Сердце,
Не разорвись от счастья... Погоди
Считать свои минуты, время... Вестник
Из Трои был здесь... Только бредил он.
Но бледен ты... Ты хочешь сесть?

Тень

(снимая шлем)

Мне душно.

Лаодамия

Повязкою покрыта голова
Твоя, о Иолай... Такой повязки
Переменить мы не сумеем... Чем
Ты ранен, царь?

(Поддерживая его.)

Твое прикосновенье
Мне так легко... Ты, верно, похудел,
Иль сил в руках прибавилось?.. Но только
Не чувствую тебя почти я...

Тень

Мне
Мои одежды тяжки... Воздух тяжек...

(Сбрасывает плащ — и остается в лиловом хитоне.)

Я умолил богов, чтоб Илион
Позволили оставить, и с тобой

Пробуду до рассвета... Я хочу
Свои чертоги видеть и тихонько
Тебе сказать слова любви... Войдем.

(Входят в дом с факелами и рабынями.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гермес, Кормилица и Хор.

Гермес

Да, три часа даны ему, и должен
Ударами я возвещать их... Срок
Положен для свиданья.

Кормилица

О бессмертный!
Коли тебя спросить я смею, царь
Останется?..

Гермес

Нет, женщина.

Кормилица

Куда же
Ты поведешь его теперь? Для ран
Покой и врач нужны, а не далекий
И трудный путь.

Гермес

Он будет дома. Есть
Покойный дом у Иолая. Солнца
В том крае нет, там сумерки царят.

Кормилица

(тихо и с усилием)

Ты мертвого привел?

Гермес

Да, царь уж умер

Кормилица

Увы! Увы! Оплаканный, прими
Еще слезу, и тайную опять!

В Хоре начинаются вопли

Гермес

(останавливая женщин жестом)

Нет, женщины, не плачьте.
Этим смертным
Отрадный дан обман, и три часа
Царь вымолил себе у полунощных
Властителей. Пусть сердце усладит
Лобзанием бесплодным он. И слезы
На бледные ланиты упадут,
Но брака не тревожьте...

(Ударяет в дверь один раз.)

Первый час!..

Корифей

О Майи сын, должна ль узнать царица,
Что гость ее уж умер, или ей
Оставишь ты хоть луч надежды, Гермий?

Гермес

Она должна узнать всю правду...

Корифей

Кто ж,
Кто скажет ей? Ты сердце разрываешь...
Не пережить ей этого, Гермес...

Гермес

О женщина, что значат ваши слезы
Пред муками богов? Слыхала ль ты
Когда о Прометее? Поколенья
Сменялись тридцать раз — и в тридцать раз,
Чем тридцать, больше, роща риз зеленых
Переменить успела, а титан
Прикованный висел, и коршун печень
Выклевывал ему, но что ни день,
Она для клюва кровью набухала...
А Иксион бессмертный?.. А Сизиф?..
А Та́нтал? — все они еще страдают...
Увы, жена... Я видел столько мук,
Что жалости не стало б места в сердце.
Утешится вдова или умрет,

Что значит лист — опавший иль на ветке
До времени живой, дрожащий лист?

Корифей

О, жребий твой невесел, бог... Ты мертвых
Пасешь, Гермес... Так говорят у нас.

Гермес

Да, женщина, и стадо мертвых грустно...
. . . .

И если в нем есть сын и мать, не дам
Я матери обнять ее ребенка,
И сын ее испуганно бежит...
Но мертвые послушны в общем... Любят
Они покой... воспоминанья им
Приятней разговора...

Корифей

Ужас! Ужас!

Гермес

Но всё сама узнаешь ты, когда
Коснется трость тебя златая...

Корифей

Ужас!

(Заметив движение Гермеса.)

Ты хочешь вновь стучать... Неужто час
Еще прошел, Гермес?

Гермес

(стучит два раза)

Для них минутой
Свиданья час проходит — всё равно...

Корифей

О бог, ужель страданья наши точно
Для вас игра?
А жертвы? А мольбы?

Гермес

Они нужны, но вам... Свободны боги,
И этот мир, о женщины, для нас —
Раскрытая страница книги, только...

Корифей

Живете ж вы, небесные, тогда,
О Гермий, чем? Пирами и любовью?

Гермес

О нет! Пиры нам скучны, как и вам,
Иль тем из вас, кто мудр, а пир Эрота
Нас тешит очень редко...
На пиру
За свитком мы. Нам интересен пестрый
И шумный мир. Он ноты нам дает
Для музыки и краски для картины:
В нем атомы второго бытия...
И каждый миг, и каждый камень в поле,
И каждая угасшая душа,
Когда свою она мне шепчет повесть,
Мне расширяет мир... И вечно нов
Бессмертному он будет...
А потом,
Когда веков минует тьма и стану
Я мраморным и позабытым богом,
Не пощажен дождями, где-нибудь
На севере, у варваров, в аллее
Запущенной и темной, иногда
В ночь белую или июльский полдень,
Сон отряхнув с померкших глаз, цветку
Я улыбнусь или влюбленной деве,
Иль вдохновлю поэта красотой
Задумчивой забвенья...
Но пора...

Три стука.

И третий час прошел... Довольно, дети...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Из дверей идут Протесилай и Лаодамия.

Корифей

О, горький вид... Скорее проходи,
Ужасная минута... За тобою
Другие легче будут... Как он бледен...
А у нее пылают щеки... О,
Филейского ужасный дома жребий!
Ее глаза блистают... ты, обман
Божественный! ты, брак холодно-лунный!

Лаодамия

Тебя война зовет, властитель мой?

Протесилай

Бессмертные зовут меня.

Лаодамия

Но утра
Ты, может быть, дождешься... До зари
Недалеко уж... Сном не освежился
Ты, Иолай... А холодно. И путь
Далек, и камни на дороге горной
Сливаются с туманом...

Протесилай

Плащ и шлем!

(Одевается, принимая плащ и шлем из рук рабынь.)

Мне тяжела разлука... но простимся
Скорей... Луна бледнеет, и восток
Уж побелеть готов...

Лаодамия

Твой голос глуше,
Чем был... Боюсь — не выдержишь пути.

Гермес

Царь, торопись — последние минуты...

Лаодамия

(оставляя мужа, к Гермесу)

О Майи сын, пощады! Если мать
Ты нежную любил... Я грудью Майи
Тебя, о бог, молю... Оставь царя
Со мною... Он так слаб и бледен, рана
Его горит... и стынет кровь от мук.

Гермес

О женщина!.. Ты просишь не о том,
Что могут дать тебе Кронид и Гермий.

Лаодамия

Не может дать Кронид... Кого ж тогда
Мне умолять?..

Гермес

Неумолимы двери
Аидовы, царица...

Лаодамия

Говоришь
В насмешку ты или шутя, крылатый?

Гермес

О нет, жена,— нет силы воротить
Умершего сиянью солнца.

Лаодамия

Умер?
Ты говоришь, он умер?..

Гермес

И давно...

Лаодамия

(бросается к Иолаю, тот отодвигается. Немая сцена)

Ты не мертвец?.. О, отчего не хочешь
К моей груди прижаться? И колен
Мне не даешь своих коснуться... Губы
Твои без слов шевелятся. Скользишь
Ты по земле, как тень... Ты мертвый... точно?

Тебе, о царь, и больше никому
Я не поверю...

Протесилай утвердительно кивает головой.

Лаодамия

Собери дыханье
Последнее... как ты убит и точно ль
Засыпан ты землею?

Протесилай снимает шлем и делает жест удара.

Вопли в Хоре.

Протесилай

(с усилием, глухо)

Да... землей...

(Губы его шевелятся без звука.)

Лаодамия

О, если так мучительно... Не надо.
Я буду на тебя глядеть... Глаза
Тобою я насы́щу... Нет, насытить
Нельзя тобою глаз... Когда ж опять
Увидимся... Придешь ты?

Тень кивает отрицательно.

Лаодамия

Нет?.. О Гермий,
Еще одну минуту... До него
Коснись и дай сказать ему... Покойно ль
Ему в чертогах новых?.. Кто с ним?..

Гермес касается до Протесилая жезлом.

Протесилай

О...
Не шевели ужасных теней... Вечно
Я с ними буду... Черви... на ногах
Людей... Как пауки, и медленны и серы
Во всех углах. И серый дом... И ночь...
И ночь вокруг, как день без солнца... Губы
Беззвучные... Шаги как шорох.

Лаодамия

Звук
Твоих речей ласкает сердце... Там бы
Меня узнал, любимый, ты иль нет?
Прийти к тебе?

Протесилай

Оплачь меня. Но рук
И уст моих не прикасайся больше...
Не вижу я, чуть слышу... Сладкий дух..
О, дом... о, мир... Побудь со мною, радость.
Но день идет... Расходится состав
Моих костей.

(С усилием.)

Моя Лаодамия...

Гермес снова касается до Протесилая тростью — и он становится недвижим и беззвучен.

Лаодамия

(тихо)

Похоронить не дашь его, о бог?

Гермес

Совсем дитя ты, кажется... Иль хочешь,
Чтоб, не дойдя до дерева, как тень
От ветви, он растаял... Вестник утра
Уж прокричал...
Идем, товарищ... Ты ж
Почти его слезой и возлияньем.
Вам, женщинам, отрадна и печаль,
Согретая любовью. До свиданья.

Протесилай и Гермес скрываются.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лаодамия, Кормилица и Хор.

Лаодамия

Ушли... они ушли... Вот и шагов
Не слышно уж. И ты с улыбкой бледной

Уходишь, ночь, за ними... День и жизнь
Сейчас опять начнутся... О, покуда
Еще обманы живы, мрак, обвей
В чертоге мне глаза и сердце.
Дева,
Помедли выходить... Пускай Тифон,
Согрет тобой, еще отрадно дремлет.
Счастливому любовью сладок сон.

Уходит. За ней Кормилица.

ТРЕТИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

1

Медленные движения по орхестре.

Айлинон... Айлинон... Между колонн
Тени мешаются, тая.
Черен смычок твой, о Феб-Аполлон,
Скрипка зачем золотая?
О, для чего же раздумьем, как сон,
Черным и нежным свита я?
Лучше б померкший вокруг небосклон
Молнии рвали, блистая.
Айлинон... Айлинон... между колонн
Тени мешаются, тая.

2

(С мимикой)

Развейтесь, косы,
Падите, росы
Из тучи черной!
Увит цветами,
Стань лоскутами,
Вуаль узорный!
Ты ж, к изголовью
Залитой кровью
Прильнув щекою,
В тоске бесслезной
И ночью звездной
Не знай покою.
Дай ей забвенья, о Феб-Аполлон —
Думами с нею в дому я...
Айлинон... Айлинон! Между колонн
День или ночь, не пойму я...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Из левых дверей дома выходит Мальчик-раб, оживленный, трудно понять — радостно или печально взволнованный, он обращается к Хору.

Мальчик

О женщины!.. Беда у нас... и срам
Неслыханный.

Корифей

Ты грустно начинаешь...

Мальчик

Я каждый день к царице по утрам
Ношу цветы и воду, как ты знаешь.
Сегодня, роз нарвав, сперва червей
Я с листьев снял... Под осень лист узорный...
Вхожу в чертог...
Лицо себе обвей,
Коль покраснеть боишься. О, позорный,
О, горький вид... То и рабу тяжел...

Корифей

Или в покой без спросу ты вошел?

Мальчик

Вот то-то нет... Я о себе ударом,
Как и всегда, царицу известил,
Но до сих пор стоял бы, верно, даром,
Когда б сам бог пути не осветил...
Оттуда луч к дверной пробился щели,
А я к лучу...

Корифей

И что ж ты увидал?

Мальчик

Увитый жезл и розовый фиал
. . . .
И не одну царицу на постели.

Корифей

Гекатою клянусь: ты всё солгал.

Мальчик

С царицею на ложе гость лежал,—
Как шишке мне пускай висеть на ели...

Корифей

О, скольких змей лишил ты речью жал...

Мальчик

Иль я один... Рабыни подоспели:
Спроси рабынь, весь дом перевидал:
Увитый жезл и розовый фиал,
И не одну царицу на постели...
И город, чай, уж вести облетели.

(Скрывается.)

Корифей

О, тяжкое сомненье! Что придумать?
Безумия припадок? Может быть,
Насилие? Но ризы Диониса?..
Она кричать бы стала... Кто же в дом
Проникнуть мог? Иль мертвые воскресли?

. . . .

Просвет в тяжелой туче... Царь Акаст.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Акаст с небольшой свитой.

Он старик седой, но еще довольно бодрый. В трауре, волосы подрезаны. Вид желчный. Приходит со стороны города.

Акаст

О ранние непрошеные гостьи,
Что привело вас к царскому жилью?
Позор его иль горе?.. Как огонь,
Расходится хула меж вас, но капли
Последней из фиала добродетель
В устах у женщин медленней... Увы!..

Корифей

О царь Акаст!

Акаст

Я знаю всё... Довольно!
Печальным вы не верите вестям,
И за богов своих любезных выдать
Порой не прочь... Кто в полночь разберет?

Корифей

О, как не прав ты, царь, и как ты... грешен!

Акаст

Моих грехов не замолить тебе,
Потатчица... И не утешить сердца
Акастова сорочьим языком.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и из левой двери дома Кормилица.

Акаст

Ты, старая рабыня... У отца
Ты выросла в его высоком доме.
Я доверял тебе. И молоком
Вспоила ты... Назвать не смею больше
Я дочерью ее... Ту, что теперь
Отцовские седины осрамила...
Как допустить могла ты?..

Кормилица

Господин,
Таких чудес мы за ночь насмотрелись...

Акаст

Теперь не ночь, и, отвечая нам,
Не спрячешь глаз за ласковым покровом
Пособницы-луны, рабыня... Нет...
А госпожа твоя еще в постели?
Что ж пир ее? За полдень перейдет?
И траур ваш? Где ж траур? Иль обрить
За целый день рабынь вы не успели?
Хоть солнца б постыдились, коль не глаз...
Прочь эту ризу пеструю!

Рабыни поспешно убирают стан Лаодамии. Кормилица на цыпочках прокрадывается в дом.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же без Кормилицы.

Акаст

Вы, слуги,
У алтаря из елей молодых
И лиственниц смолистых и побегов
Жасмина мне устроите костер...
Пусть отберут овец и крутобоких
Быков, да нож отточат...

(Простирая руки.)

О герой,
Вдали от дома павший, но его
Прославивший от моря и до моря...
Прости мне, сын... коль пеною вина,
И молоком, и медом в чаше медной
Ты не почтен. Рука твоей вдовы
В чужой руке. И факел Гименея
Преступного, но сладкого, увы!
Отрадней ей теперь раздранной ризы
И погребальных воплей... О, позор!..

Корифей

О злой старик... Твой царский суд поспешен,
И речь твоя сурова. Но твоей
Где ж правоты порука? Это солнце

Показывается солнце, которое едва поднялось, большое и красное.

Я видела отсюда же, когда
К багровому оно катилось ложу...
Я с места не сходила. Точно был
Крылатый здесь. Но я не смею солнцу
Сказать, кого с собой он приводил.
А весть твоя, Акаст, о новом браке
Безумна... Иль молве поверил ты
Своих рабов?.. Иль вестник оскорбленный
Оклеветал царицу пред тобой?
Я слышала рассказ мальчишки. Странен,
Конечно, он. Но правда где-то... глубже,
И дочь твоя светлее солнца, царь...
Ты сам себя обидел в тяжком гневе...

Акаст

Защитница, добра ты, но увы!

Бессонною твой ум, пожалуй, ночью
Смущен, жена. Иль в самом деле ты,
Не покидая места, от событий
Отстала? Я в волнении застал
Филаку — чернь озлоблена, вельможи
Престол царя там делят... А посол
Из дома в дом с рассказом переходит.
Пока вы здесь мечтаньям иль чему,
Не знаю уж, с Лаодамией вместе
Безумно предавались, ожила
И ненависть смиренная, и низость,
Угодница успеха, желтый хвост
Свой показать успела. Эта весть
Последняя совсем нас с толку сбила.
Ошеломлен, сюда иду... и что ж?
Уж целый час мы говорим... безмолвен
И тих чертог...
                    Кормилица опять...
Что скажешь нам, старуха?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же и Кормилица в слезах и с воплями.

Кормилица

                              О, казни,
Казни меня, владыка, я не стою
И не хочу я жизни...

Корифей

                         Что с тобой?
О, тяжкое предчувствие!..

Кормилица

                              Рассудок
Ее совсем оставил. Не придет
Она сюда... Она кружится в пляске...

Акаст

Что говорил я, женщиина!..

Корифей

                              Увы!

Акаст

О, лучше бы права была ты.

Кормилица

Ужас!

Акаст

(Кормилице)

Оставь — теперь не нужен плач...
А что ж, отец при новом браке лишний?
Поди скажи ей, воду освятить
Зачем меня не позовет?.. Вы, пряди,
Покрытые позором... головы
Моей не защищайте.

(Рвет волосы.)

Пусть, лучами
Опалена и ветром, точно дуб,
Что молнией забрызган, почернеет...

Голос Лаодамии

(за сценой)

Ио! Ио! Эван! Эвоэ!
О, златокудрый, о, бог,
Дважды рожденный!
Тебе влюбленных
Объятье сладко,
О, Дионис,
О, синеглазый...
Муж Ариадны.

Через сцену, направляясь к костру, проходит погребальное шествие.
Хор поет.

Звуки бубна.

Айлинон! Айлинон! Феб-Аполлон,
Будь милосерд,
Феб-Аполлон,
Миром почивших,
Бог, обвей.
Тяжки ворота Аида,
Кто их увидел, за тем
Им затвориться...
Больше дракона
Глав окрыленных
Мертвый не узрит...

Без ступеней,
Скатом всё ниже
Скользким гонимый
Будет он падать
Среди мокриц,
Падать и плакать,
За мокрые стены
Рукой бескровной
Напрасно цепляясь.
Айлинон! Айлинон! Феб-Аполлон.
Но асфоделей
Бледно-лиловых
В пепельном поле
Он не увидит,
В свинце волны
Реки Рыданья
Не отразится,
Пока из нежных
Любимых рук
С моленьем слезным
Пчелы златой
Дар не прольется
На грудь земли
С струею белой
Телицы черной.
Айлинон! Айлинон! Феб-Аполлон.
Не забывайте,
Живые, мертвых...
Сердцам застывшим
Милы стенанья.
Пурпура крови,
Пепла на лицах,
Ризы раздранной
Мертвые жаждут.
Айлинон! Айлинон! Феб-Аполлон!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Из средних дверей выходит Лаодамия. Щеки горят, одета вакханкой.

Лаодамия

О, вороти мне мужа... Ты один
Твердыни смерти можешь, улыбаясь,
Румяный бог, разрушить, как ребенок

Песочные дворцы, когда ему
Надоедят, ногою рушит резвой.

Акаст

Несчастие... и ужас... и позор —
Чего здесь более? Глаза зачем же
Оставил ты, старик, себе?

(К Лаодамии.)

А мужа
Где дела ты, несчастная?..

Лаодамия

(видит отца... и приходит в себя. Она закрывает лицо)

О, солнца
Багряный луч! отец!.. О, горький стыд!
Зачем меня вы звали, люди?
Мертвых
Холодное объятье любит мрак,
И бледные на солнце руки тают.

Акаст

Нечистыми устами до имен
Священных не касайся...

Лаодамия

Горе! Горе!

Акаст

Не горестен наряд твой... Где твой муж?

Лаодамия

У Гермия спроси, старик...

Акаст

А с кем же
Ласкалась ты?

Лаодамия

О, горький брак! Увы!

Акаст

Да, горький и преступный... Но счастливец?
Ужель бежал?

Лаодамия

Меж нежных рук моих
Как мертвый он лежал, ребенок, долго,

И я согреть лобзаньем не могла
Его ланит...

Корифей

(царю)

Ты видишь, царь, в ией разум
Потух, а бред в ней крылья распустил,
Как над овцой убитой коршун.

Акаст

Ловок
Подвох ее... А... может быть, пьяна:
Глаза горят, и щеки раскраснелись.

Лаодамия

О Дионис!..
Своей рабыне,
Которой смерти
Презренны ковы,
Очарованье
Ты ниспошли.
На дальней Ниссе,
В лазурном море
Обетованной,
Где в кинамонах
Пестреют птицы,
Два сердца, боже,
Соедини.
В блаженном браке,
Живое с мертвым,
Как солнце с тьмою
В душистой роще,
Слила дриада
В отрадный сумрак...

На сцену между тем мало-помалу набирается любопытная толпа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и из левых дверей Мальчик, сопровождаемый рабынями — их успели обрнть,— выносит статую Иолая, замотанную в лиловую пелену

Мальчик

О господин! на ложе мы нашли
Царицыном вот это изваянье.

Лаодамия

(быстро оборачивается)

Как смели вы касаться!.. Дай сюда...

Хочет взять статую, но по знаку Акаста останавливается.)

Акаст

Что вижу я?.. Еще обман... Оковы
Я наложу на вас... Вы все в тюрьме
Ослепнете... Иль восковою куклой
Вы думали глаза мне отвести?

Лаодамия

(выпрямляясь)

О царь Акаст! Когда свой гнев бездушный
Лишь на меня метал ты, я могла
Молчать, но раб, богами под защиту
Мне отданный, не будет отвечать
За слепоту очей твоих.
Яснее
Скажи, о муж, на муки в этот мир
Меня пославший, чем перед тобою
Виновна я и мужние рабы?

Акаст

О, дерзость!
Иль расшитый пеплос так же
Дружит с тобой, как панцирь?
Здесь народ...
Я бороды седые вижу... Женщин,
Которые носили на руках
В младенчестве тебя... И через скорбь
Улыбки в их морщинах различаю.

Лаодамия

О, если бы ты видел то, что я
Сегодня видела, старик, то все морщины
В твоих глазах слились бы...
О, зачем
Тебе назвать пришельца я не смею,
И сладкого, и страшного...

Акаст

Морочь,
О женщина, других твоею басней
И куклою... С рабами ж я сочтусь.

Лаодамия

(поднимая руки)

О Гермий! Нет! Ты видел... Если руки
Мои невластны будут и глаза
Мои погаснут — защити ж бессильных.

Пауза.

Я знака жду, крылатый...

Сильный порыв ветра, почти ураган. Мальчик бросает статую и убегает. При падении лиловая пелена размоталась.

Акаст

(рассматривает статую)

Что за вид
Чудесный! Царь как вылитый: и панцирь,
И по́ножи... и локоны... А здесь —
Что видит он... вдову свою, вакханкой
Одетую... О, лучше пусть огонь
Костра его расплавит... Утешать
Вдову другие будут!

(Берет статую.)

Лаодамия

Ты помешан,
О злой старик... когда-то мой отец...

Акаст

Не славила ль сама ты брака?

Лаодамия

С мертвым
Он заключен, пойми!

Акаст

Стыдись богов,
Коль не людей, зачем же мертвым жены?

Лаодамия

Иль их пути известны нам?.. Отдай...
Отдай, отец, мне статую.

Акаст

Возьмите
Безумную.

Лаодамия

О, нет, молю тебя
Я всем, что здесь святого есть... Отрады
Моей не тронь последней...
Если мать
Когда-нибудь мою благословлял ты
И надо мной, отец, когда-нибудь
С улыбкою склонялся, детский сон
Лелея мой. Молю: оставь со мною
Последнего из трех мужей.
Вдове,
Не тронутой ничьим прикосновеньем,
Оставь мечту...
Полна любовью грудь...
Ты молод тоже был, отец... Покорной
Печалью жить я не сумею... Ласки
Мне хочется... Желанья жарок луч...
И умереть надеждам не даю я,
Что умолю богов я и в моих
Он оживет объятьях...

Акаст

(поднимает ее и передает ей статую, потом тихо)

Тяжкий бред!
Встань, дочь моя... Ты раньше говорила
Разумнее... Рассудок не погас
В твоей душе совсем...
Чего ты просишь?
Подумала ль? О, посмотри на солнце...
И пар мечты рассеется... Тебя
Жалею я теперь, Лаодамия.
Прости мне, дочь... Всё понял я, и гнев
Уж не слепит рассудка... Вижу, муки
Не выдержал твой разум... Но к сознанью
Вернись, мое дитя.

Лаодамия на коленях прижимается к нему, не выпуская куклы

Что ж делать? Нам
Ведь не одним терпеть... Ты черный жребий
Полюбишь свой,

Лаодамия припала к его фаросу и плачет.

как к старости привык
Бессильной я, дитя, и бестолковой.
Поди к себе и черное надень,
И волосы свои, мою отраду,

(Целует волосы.)

Железу дай скосить.
Потом печаль
Отрадную разделим мы.
С молитвой
И тихими слезами обовьешь
Ты полотном немое изваянье
И, медною властителей почтив
Полнощных чашей, яркому огню
Последнее отдашь... Не надо мертвых
Мучительной мечтою огорчать
И их покой тревожить...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Лаодамия, прижимая к себе статую, молча уходит в дом. Через несколько минут она выходит с подстриженными волосами и в черных лохмотьях В руках у нее статуя, но обвитая в белое полотно. По лицу ее без рыданий текут слезы, которых она не вытирает Рабыни подносят ей медную чашу с возлияньем и берут у ней ношу. Лаодамия молча берет чашу. Шествие трогается в следующем порядке: впереди несут на носилках статую Иолая как мертвого; потом идет Лаодамия с чашей, которую держит в обеих руках. За ней Акаст, опустив голову. Потом рабы, толпа
Немая сцена.
Сцена остается пуста.

Хор

Первое полухорие

Тихой отрады полна,
Грудь не дрожит от рыданий,
И за волною волна
В ней улеглася страданий...
Бога ль, немого луча ль

Сердце мелодию слышит,
Благословенна печаль,
Если прощением дышит.

Второе полухорие

Нет, задушить не могу
В сердце я странной тревоги:
Там, у костра, на лугу
Что-то готовят нам боги:
Взмахи мне чудятся рук,
Полные смерти ланиты.
Нити безумья и мук
В узел таинственный свиты.

Корифей

Постой... Там вопли...

Первый парастат

Его хоронят —
Как хочешь, чтоб не плакали?

Второй парастат

О нет...
Нет — это страха
Прикосновенье
К устам и сердцу.

Корифей

Быть может, ветер
Завыл в костре.

Второй парастат

О нет, то ужас
Из сердца выжал не стон... а визг...

Корифей

Постойте... ближе... Уж голоса...
Я различаю...

Первый голос

(за сценой)

Раскидывай костер!..

Корифей

Зачем костер
Раскидывать?.. О, тяжкое сомненье!

Акаст

О, боги... дочь моя... Спасайте дочь...

Сильный порыв ветра.

Голоса

Воды сюда!
Рабыни, прочь!
Пожар
Не сделайте!
Дружнее...
Занялося
Еще сильней...
Не выхватить...
Увы!..

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Крики, вопли, гул.
На сцену выходит Акаст, сразу дряхлый старик, одежда разорвана, лицо и волосы опаленные.

Корифей

О царь Акаст! Где дочь твоя?

Акаст

Она
Себя сожгла... О, ужас... Молча... Молча,
Как черная овца, она в костер
За мужем прыгнула... Удар веслом безумья
А слезы ведь текли у ней из глаз
И с молоком мешались в чаше медной...
Иль боги ей велели?.. Нет... Зачем
Тревожить их?.. Угодна ль жертва даже,
Как знать?.. Как знать теперь? И примиренной
Иль с язвою в душе она от нас
Ушла?.. Мы не узнаем.
Расходитесь...
Что стали там?.. Зачем глядите вы
На старика безумного? Заразы
Его греховной бойтесь.

Корифей

Да, Акаст,

Твоей руки прикосновенье было
Грубей зимы... Пусть бог тебя простит,
Но кто любил покойную... тем страшно
И тягостно лицо твое... И сам
Теперь Гефест божественный в твой остов
Вдохнуть не мог бы пламени. В тебе
От старости обуглился и факел.

Акаст

Да, женщина! Не надо ран моих
Тебе щадить... И сладки мне укоры,
Коль что-нибудь отрадное еще
Под солнцем быть Акасту может... Спросят,
Зачем за ней я не ушел? Кому
Еще нужна сухая трость и этот
Согнувшийся старик?.. Увы!
Могилы я боюсь, чем ближе к черной...
А муки что? Умеют уверять
Они еще сердца: от жизни будто
Остался след... и в пепле сером... Вы,
О граждане Филаки... Этот дом
И царство всё сейчас возьмете... Ветки
От дерева усохшего искать
Не будете, я знаю... Но позвольте
Оплакать мне усопшую... в ее
Оставленном чертоге... Пусть отрадой
Последнею терзаюсь я, что жив
Над памятью сгоревшего ребенка.

Уходит в дом. Со сцены все расходятся.

Хор

Если нить у слепой развилась,
Ей не свиться, как раньше, вовеки,—
Но на белый и нежный атлас
Вы зачем же струитесь из глаз
По ланитам, горячие реки?

Если дума плечам тяжела,
Точно бремя лесистое Эты,—
Лунной ночью *ты* сердцу мила,
О мечты золотая *игла,*—
А безумье прославят поэты.

Лето 1902
Царское Село

337. ФАМИРА-КИФАРЭД

Вакхическая драма

MCMVI

Dis manibusque sacrum [1]

Остов сказки, лежащей в основе моей новой драмы «Фамира-кифарэд», таков: сын фракийского царя Филаммона и нимфы Аргиопы Фамира, или Фамирид, прославился своей игрой на кифаре, и его надменность дошла до того, что он вызвал на состязание муз, но был побежден и в наказание лишен глаз и музыкального дара.

Софокл написал на эту тему трагедию, в которой сам некогда исполнял роль кифарэда, но трагедия не дошла до нас.

Мое произведение было задумано давно, лет шесть тому назад, но особенно пристально стал я его обдумывать в последние пять месяцев. А. А. Кондратьев сделал мне честь посвятить мне написанную им на ту же тему прелестную сказку, где музы выкалывают Фамире глаза своими шпильками. Он рассказывал мне о своем замысле уже года полтора тому назад, причем я также сообщил ему о мысли моей написать трагического «Фамиру», но почти ничего не сказал ему при этом о характере самой трагедии, так как никогда ранее не говорю никому о планах своих произведений,— во всяком случае ни со сказкой г. Кондратьева, ни, вероятно, с драмой Софокла мой «Фамира» не имеет ничего общего, кроме мифических имен и вышеупомянутого остова сказки. От классического театра я тоже ушел далеко. Хор покидает сцену, и в одной сцене действующие лица отказываются говорить стихами, по крайней мере некоторые. На это есть, однако, серьезное художественное основание.

---

[1] Богам и теням умерших приношение (лат.).— *Ред.*

ЛИЦА

Нимфа.
Старая рабыня.
Хор менад.
Фамира-кифарэд.
Папа-Силен (πάππα-σετληνόσ)
Два са́тира — один с голубой, другой с розовой ленточкой в волосах.
Вакхический женский хор непосвященных.
Хор са́тиров.
Томный са́тир.
Тень Фила́ммона.
Гермес.

Чуть брезжит рассвет. Прозрачные тени еще лежат, но местами уже зыблются. Вдали нагромождения скал — бурых, черных, красных или заросших лесом. С гор там и сям, точно сползая вниз, осели темные и белые камни, иные причудливой формы. Ближе к авансцене бедный не то дом, не то шатер. Вокруг на примятой траве убогая глиняная утварь, губки, тростниковая корзина с хлебом, кувшины, тазы. Невысокий холм, на скате которого стоит дом Фамиры, постепенно переходит в цветущую лужайку, пятнами алую и золотистую от цветов. Тихо-тихо. Пахнет тмином.

СЦЕНА ПЕРВАЯ
БЛЕДНО-ХОЛОДНАЯ

Расходящийся туман освобождает Нимфу. Она темноволосая и несколько худая. Лицо с блуждающей, точно безысходной улыбкой у нее молодое и розовое, но наклонно быстро бледнеть под влиянием как-то разом потухающих глаз. Треугольник лба между двумя гладкими начесами томительно бел. Движения нервны. На ней широкая одежда цвета морской воды. Фата прозрачно-травянистая и отдает серебром, и пояс, похожий на стебель. Ноги белы и очень малы, но след широковат и ступня растоптана

Нимфа

(осматривается)

Так говорил Силен.
А вот и камень —
На голову быка похожий.
Дом
Из листьев — не гнездо, а дом, и царский.
Я ничего не понимаю. Хлеб?

Неужто хлеб? Так черен он. Кувшины,
И в них вода, прикрытая листами...
И как всё это бедно...
Погоди —

(нагибается, что-то поднимает и внимательно рассматривает, по-женски серьезно, причем между бровей образуется складка)

Тут женщина живет... Глядите: шпилька
Потеряна... старухой.

(Заглядывает в шатер.)

Двое спят
Под этой чахлой сенью. Нет, Силен
Солгал или напутал. Я найду
Не сына здесь, а хмурого доильца
Десятка черных коз, иль зверолов
Лохматый здесь с подругою ночует...
Гей... Отзовитесь, люди, кто-нибудь!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Нимфа и Старуха.

Откуда-то из глубины дома с вымытым бельем на плече и в руках выходит старая простоволосая и ширококостая женщина в блестящих серьгах, но темно и бедно одетая. Увидев чужое лицо, она спешно складывает наземь свою ношу и затем, остановившись в дверях дома, вглядывается в Нимфу, видимо пораженная ее небывалой красотой.

Старуха

Не досмотрю. Простите, госпожа.

(Как бы про себя.)

Из царского дворца, должно быть, гостья...

(Громче.)

Поблизости и женщин нет таких,
Так розовы да белы расцветают
Цветы, и то в садах, да поливай
Еще их раза по три.

Нимфа улыбается и делает шаг по направлению к старухе.

Сядь, малютка,
А я тебе умою ноги...

(Хочет взять таз.)

Нимфа

(останавливает ее движением)

Нет,
Я не устала, няня... и дорога
Не запылила ног. Благодарю.
Чей это дом, скажи мне. Не Фамиры?

Старуха

Так, госпожа, Фамиры.

(Смотрит на нее пытливо.)

Нимфа

Где ж он сам?

Старуха

Тебе Фамиру нужно? Он не любит,
Чтобы его тревожили.

Нимфа

Меня
Он будет рад увидеть. Да и гостья
Залетная у вас я...

Старуха

(отодвигаясь и с поклоном)

Извини,
Пожалуйста, царевна иль царица,
Глаза мои так слабы.
Может быть,
Я что не так сказала: горный угол
Безлюден наш.

Нимфа

Да нет же, право, нет.
Но отчего ж с Фамирой ты, старуха?
Его кормила ты?

Старуха

Да, эту грудь
Он обнимал, когда горело сердце
Вкусить отрадной пищи.

Нимфа

Ты — раба?

Старуха

Я куплена была... увы! увы!

Нимфа

Ребенок рос без матери, не правда ль?..
Иль, может быть, меж тесаных камней
Вы спрятали ее еще недавно?

Старуха

Ты хочешь знать всё это?

Нимфа

(нетерпеливо)

Да, хочу..

Старуха

А что ж сказать прикажешь? Во дворце
Фила́ммона и слыхом не слыхали
О матери Фамиры мы...
Угрюм
И строг наш царь... И золото он любит,
Но в слитках, а не в косах.

Нимфа

Что ж, Фамира —
Единственный?

Старуха

И неизвестно чей...

Нимфа

Филаммоном, однако ж, был он признан?

Старуха

Как не признать... Когда отец и сын
В одно лицо? Да и гаданье было,
Что, точно, он Филаммоном рожден.

Нимфа

Подкинут он — о, ужас! — а давно ли?

Старуха

О, память зол!

(Закрывает лицо руками.)

Уж скоро двадцать лет,
Как приняла его я... И была ли
Тогда ему неделя?..
Но кому
Я говорю всё это — я не знаю.

Нимфа

Я — Нимфа и зовусь Аргиопэ́...

Старуха
(задрожав)

Ты — нимфа?
О богиня! Ты к Фамире?

Нимфа

О да... и ои мие стоил миого мук.

Старуха

(окончательно сбитая с толку)

Он стоил мук? Фамира... нимфе... мук?.

Нимфа

На ложе — и древесном, как твое...

Немая сцена.

Нимфа закрылась фатой, старуха смотрит на нее раскрытыми глазами и что-то шепчет, но про себя.

Старуха

(собравшись с духом и тихо, с раздышками)

Над бедною рабыней ты глумишься,
Небесная жилица!..
Если б царь
Был, точно, сын богини, он не рос бы
Оставленным ребенком, и его
Так горячо любить, так безраздельно
Рабыне с кольцами в ушах Фамиру
Вы не давали б, боги.

Минута молчания.

Нимфа

(с подавленным вздохом)

Так хотел
Великий Зевс, отец мой... что же делать?
Но этот кров так жалок... А дворец
Филáммона?.. Или Фамира изгнан?
И где ж рабы служить ему?.. Постой...
Иль и в лесу царям не стелют ложа
Нежней твоих две белые руки?

Старуха

(поспешно)

Всё, всё скажу... богиня. Разошелся
Царевич наш с отцом... Ни воевать,
Ни торговать не хочет... Крови, нимфа,
Не только что людской, оленьей крови
Он вида не выносит... И на что ж
Рабы ему?.. Я хлеб пеку Фамире,
Кифаре ж сам он служит: до нее
Дотронуться и я не смей. А женщин
Ты больше здесь не сыщешь, госпожа...

Нимфа

Еще одно... Скажи мне... О, зачем?
Я знаю, что ты скажешь *нет*. Но звук,
Мне самый звук вопроса сердце тешит.
Он никогда во сне не повторял
«Аргиопэ», не звал меня, старуха?

Старуха

Царь сызмалу бессонный. Сон Фамиры
Я берегу, как воду бережет
Пловец в волнах соленых ключевую,
Но никогда еще в тиши ночей
Сквозь забытье я не слыхала, нимфа,
Чтобы тебя он звал — Аргиопэ.

(Помолчав.)

Куда уж нам, рабыням, спорить с вами,
Бессмертными...

(Порывисто, с мольбой и как-то разом вскипевшими слезами.)

Но пожалей старуху...
Я святостью колен тебя молю
И нежностью твоих душистых кос,—
Ты увести отсюда хочешь разве
Мое дитя?
О нет. Скажи, что нет...
Глаза мои сквозь слезы видят ласку
В уголышках еще закрытых губ,
Но розовых уже...

(Тихо.)

Ты не невеста?

Нимфа

О женщина... Мы платим мукам дань,
Но лгать, как вы, не надо нам. Не лгу я,
Не соблазнять пришла я к вам, а плакать...

Жестом отпускает кормилицу; та собирает белье и уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЕЩЕ БАГРОВЫХ ЛУЧЕЙ

Нимфа садится на камень и закрывается своей прозрачной фатой. Солнце уже поднялось. За сценой слышны звуки бубнов, медных тарелок, вакхические клики. На орхестру справа сбегает Хор. Первые такты песни еще за сценой. Менады не видят Нимфу. Она сидит так неподвижно, что ее можно принять за изваяние. Странный контраст на цветущем лугу экстаза, летающих тирсов, низко открытых шей, разметанных кос, бега, свиста, смеха и музыки с неподвижной, точно уснувшей Нимфой на белом камне.

Хор

Дзынь...
Дали милы... А вы домой?
Эвий, о милый, ты мой, ты мой...
Эвий, о где ж ты? Мольбой ты зван,
Эвий, Эвоэ... Эван... Эван...
Днем ты ничей,
Синих лучей...
Будешь ли мой
Тем горячей
Ночью немой?

Будет ли полог над ложем туман,
Белый туман?
Эвий! Эван!

Дзынь... Дали милы... Люблю, люблю.
Синее пламя твое стерплю...
Эвий, о Эвий, Эван-Эвой,
Эвий — Эвой,
Эвий — ты мой?
Силы — рулю,
Розы — стеблю,
Стрелы для бою,
Я же с тобою,
Только с тобою —
Сплю и не сплю...

Вальс.

Первая фигура — рядами.

Пусть иссушило нам пламя розы,
Синие выпило солнце грозды —
Розовы будут с зарей стрекозы,
Синие в небе зажгутся звезды...

Вторая фигура — круг.

В середине круга сцена с тирсами и вуалями; круг движется медленно, томно.

1

Эвий, о бог, разними наш круг,
О Дионис!
Видишь, как томно, сомлев, повис
Обруч из жарких, из белых рук,
О Дионис!

2

Хочешь, склонись,
О Дионис,
К нашим вуалям —
Мы не ужалим,
О Дионис...

Нежно-лилейный,
Только коснись,
Сладостно-вейный,
Затканно-цветных,
О Дионис,
Нежно-ответных
Воздухов — риз,—
Мигом совьемся
Плющем, о боже,
Я златоцветным,
Ты облетелым...
Мигом сольемся,
Сладостно-вейный
Эвий, на ложе —
Грудью лилейной
С радостным телом.

3

Эвий, о бог, разними наш круг,
О Дионис!
Не для тебя ли, сомлев, повис
Обруч из жарких, из белых рук?
Эвий, явись...

Замедление темпа. Менады готовы лечь.

Белые руки всё тянут вниз,
Белые плечи хотят на луг.
Белые груди из жарких риз,
О Дионис!
(Еле-еле... зевая.)

Эвий, о бог, разними ж ты круг...

Настораживаются. Кто-то из менад, завидев дом и, может быть, Нимфу.

Одна

Менады! Там люди... скорее... в лес!
Уж сумрак исчез с высоких небес,
А солнце глядит и пылает...
Гляди-ка: сверкая ревниво,
Там сáтира глаз нас желает,
И жжет, и зовет...
Менады, вперед!

Другая

Иль ждете другого призыва?
Вперед!..
Без шума и живо...

Начинают подниматься в гору, сначала тихо, вдруг кто-то нечаянно:

Дзынь!

Одна

(останавливается и, положив тимпан за пазуху, стягивает пояс)

Ты, медный, застынь...
Мне грудь освежая, застынь, недвижим.

Другая

(показывая на язык)

Ты ж, алый, замолкни,
Не свистни, не щелкни...
Бежим...

Бегут и скоро скрываются.

Наступает и проходит минута тишины. Но дневной шум становится все яснее. Просыпаются поздние птицы. Пчелы, стрекозы, бабочки на лугу, на цветах, в цветах... Нимфа откидывает фату, спускается на луг, поднимает брошенный тирс, перебрасывает из руки в руку, бросает, садится, встает, рвет и закусывает цветы. Из лесу между тем далекое пение.

Дзынь!.. Дали милы...
Ой, Лель-лели!
О синеглазый! Молю — вели...
Дзынь... Дали милы...
О, даль, о, синь...
Эвий... другую... забудь... покинь...

Нимфа

(с мольбой простирает к лесу руки)

Как чад полу́ночных видений,
И диких роз, и нежных смут,
Растайте, радостные тени...
Лучи найдут, лучи доймут...

Хор

(в лесу)

Дзынь... Дали милы...
Твоя — твоя...
Сердце растает,
Огонь тая...

Нимфа

Я столько вынесла печали,
Стыда из этого «люблю»...
Своих желаний, о вуали,
Не навевайте мне, молю.

Хор

(из лесу)

Эвий, о бог, разними наш круг,
Видишь, повис
Обруч из жарких, из белых рук...
О Дионис!

Нимфа

Иль мало вам иебесной шири,
И глаз и губ — их целовать?..
Менады, моему Фамире
Я только мать, оставьте мать...

Хор

(из лесу — затихая)

Боишься — вуалем
Закройся — не станем:
Мы слабых не жалим,
Усталых не раним...

Нимфа

(проводит рукой по лицу)

Как чад полуночных хотений,
И диких роз, и нежных смут,
Уйдите, радостные тени:
Вас не хотят, вас не поймут!..

(Уходит в дом.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ
ГОЛУБОЙ ЭМАЛИ

Фамира. Молодой, безбородый, белые руки, тонкий и худой — на вид он еще моложе. Одет бедно и не сознает своей одежды, без всякого оружия. За спиной лира, у пояса ветка, в руках посох.

Фамира один, потом Нимфа.

Фамира

Сердца людей мятежны. Но люблю
В горах седые камни.
Вот и пристань —

(кладет на каменья посох и ветку)

Конец дороги пыльной.
А зачем
Ты к ним ходил, Фамира! Стосковался
По золотым браслетам, влажных глаз
И суженных желаньем надо было
Для этих струн?
Иль самок соловей
Приманивать задумал, сотрясая
В щите у черепахи запертой
И плачущий по звездам горный воздух?

В дверях показывается Нимфа.

Га... женщина. Из моего шатра!
Уж завелись поклонницы талантов,
Блудливые менады — точно моль
В плаще, который позабыли выбить.

(К Нимфе.)

Оставь мой дом. Я — нищий кифарэд:
Дверями ты ошиблась.
Тут без флейты
И без венков пируют.
Голодна,
Так поищи в корзине хлеба; женам
Я ие играю, я играю звездам.

Нимфа

Дитя мое! Любимое дитя...
Что значит муки вытерпеть! Его
Из мириад я отличу. А долго ль
Он был со мной... Пока пары безумья

Не заслонили мир на двадцать лет,
На целых двадцать лет от бедной Нимфы.

Фамира

(менее уверенно)

Безумных здесь не лечат — уходи...
Да, точно, ты — безумна.
Но зачем же
Меня зовешь своим ты, не пойму...
Я не терял еще рассудка.
Разве
Ты заразишь меня своим безумьем
И трепетом печали.

(Делая шаг к ней.)

Кто ж ты? Кто?

Нимфа

Аргиопэ, рожденная на высях
И брошенная Нимфа.

Фамира

(задумчиво)

Для чего ж
Вам, нимфам, слезы? Это — не лукавство,
Чтоб сердце взять мое и растопить?

Нимфа

Не плачу я, но чувства странно смутны.

Он стоит потупившись, она смотрит на Фамиру не отрываясь, жадно.

Фамира

(тихо)

Ты назвала меня своим, жена?..

Нимфа

Я родила тебя. Ты, верно, спросишь,
Зачем же был ты брошен. Мой рассказ
Мучителен, но слушай. Дай мне руку.

Берет его за руку. Фамира следует за ней покорно.

Мы сядем здесь на камне, чтоб никто
Признаний не слыхал моих, Фамира.

Фамира

Я сесть готов с тобой. И я люблю —
О, не тебя,— но сказки роз и перлов —
Дыхание твое люблю я, речи странны.

Нимфа

Ты слышал ли когда о превращеньях
Желаньями охваченных богов?
Кронид быком и лебедем, дождем
Он ластился к невестам — даже Смертью
Семелу он любил, испепеляя...
Но белая рука, которой ты
Пожатия боишься, не пустила
Его на эту грудь...
Я помню — день
Так жарок был. Охотой утомившись,
Заснули мы в горах. И вот оса,
Запутавшись в косе моей, гуденьем
Заставила меня привстать — и вмиг
Два черные и выпуклые глаза
Меня заворожили... Там, зеленым
На солнце нежась телом...

Из-под камня выбегает ящерица.

Нимфа

(с испугом)

Ай — она!
Постой!.. Она — опять...

Фамира

Ты безрассудна.
Иль ящериц боятся?

Нимфа встает с места.

Но продолжай ласкать меня. Я звуки
Из струн твоих люблю. Их на зарю
Похоже нарастанье,— на зарю
Туманного рассвета. Дальше — сон!

Нимфа

(садится возле)

Невластная уйти от мягкой ласки
Лучей, листвой таимых, я опять
Уже заснуть была готова. Взял бы
Меня Кронид покорной. Ведь никто
До той поры мне кос пушисто-нежных
Еще не распускал. Но вновь оса
Забилась в завитки волос, и жало
Мне прокололо кожу. С диким криком
Я на ноги вскочила, и рука
Лукавую стряхнула. Изумрудный
Меж камней скрылся хвост ее, и вмиг
Из чаши той, что солнце обернуло,
Допив ее до капли, два огня
Сухие пронеслись с громовым треском,
И будто свод стеклянный рухнул,— звон,
И стон, и дым наполнили ущелье.

Фамира

Как этот сон и страшен, и красив:
Багровые лучи сквозь белый полог.

Нимфа

Зевс не простил меня. Хоть никогда
Суровых глаз его я не встречала...
С улыбкой он так ласково глядит,
Когда меня встречает и теперь...
О, Зевсова улыбка!.. *Позже* вы
Ее поймете, люди — мы в века
Передадим ее вам — в серых ка́мнях,
Где будем мы, покорны молотку
Искусного ваятеля, на ваших
Гробницах спать — с прижатыми руками
И устремив в пустые небеса
Свои глаза, пустые тоже...

Фамира

Как?
А сказка уж окончилась?.. Жалею...

Нимфа

Мне тяжело рассказывать — сойти
Хотела б я, Фамира, с этой черной,
Грозящей мне дороги...

(Спуская фату, тихо.)

Час настал,—
И Нимфа полюбила. Грустный жребий.
С Фила́ммоном спознались мы. Его
Забыла я лицо. Но ты так ярко
Напомнил мне мой брак — и эту ночь
Среди соленых брызгов, и молений,
И воющих валов, и шума сосен,
Мой алый стыд и уступивших рук
Сцепленье и распалость.

(Приоткрывает фату, сквозь которую сверкают теперь ее глаза, и, приближаясь к Фамире, который смотрит на нее серьезно и с недоверием.)

Предо мною
И ты, и он слились...
Глаза вас разнят...
Тот покорял, тот требовал, а ты
Рожден, чтоб быть безрадостно любимым,
Пленять, как сон, и ускользать, как теиь.

Фамира

(встает)

Заря сравнялась с небом. Вижу солнце,
И золото слепит меня. О нет —
Я отойду... Иль пойте глуше, струны!

(Отходит.)

Нимфа

И девять лун безрадостных потом
Девический я распускала пояс.
Родился сын. Опять чернела ночь.
Их только две таких бывает нимфам.
Я мучилась одна — в лесу — и это
Последнее, что помню я.

(Странно смотря на Фамиру и загадочно улыбаясь.)

Тебя
Запомнила еще я. Если только
Воспоминанье — это, а не бред,
Но прежнего позорней — и бессмертней...
Иль, чтобы месть насытить, о Кронид,
И двадцать лет тебе скитаний мало?
Да, двадцать лет, травимая осой,
Приюта не имея, я металась
В безлюдии лесов, по кручам скал,
По отмелям песчаным и по волнам
На челноке с матросом, может быть,
Которому беспомощная Нимфа
Безумием и жалкой красотой
Пары от лоз фракийских услаждала.
Как в забытьи — один, но мутный день,
Вместивший мириаду и ночей
И дней, я помню эти годы.
Старый
Силен меня нашел и, от козлят
Своих отбив, лечил меня,— он травы
Душистые давал мне пить, сперва
Осу убив приманкой на косматой
Своей руке.
Я знаю, что живет
И до сих пор Филаммон, но наказан
За брак со мной небесной волей.
Жен
Он больше не ласкает, и в палатах
Филаммона не водится детей.
А про тебя я знаю, что увенчан
На играх ты, Фамира, и твои
Прославлены по всей Элладе струны.
Но отчего ж ты не с отцом?

Фамира

(изменившимся голосом)

Тебе
Моих речей послушать захотелось?

Нимфа

Да, и твоих, и о тебе.

Ф а м и р а

Иль ты
В горячем этом бреде закружить
Хотела бы и кифарэда, Нимфа?
Зачем тебе плясун такой? Силену
С ногами на шарнирах не под стать он.

Пауза.

Ты мать моя? А отчего ж не дочь?
Ты говоришь о муках, а с твоих
Не сходит губ улыбка.

Н и м ф а

Это — маска,
Дитя мое, иль ста́реют богини?
Мы молоды лицом и кожей — да...
О, если бы ты сердце видел!

Ф а м и р а

Можешь
Филаммона дворец найти — и там
Свой повторить рассказ.
Но кифарэда
Он больше не займет.
В *моей* судьбе
Ни матери, ни сестрам, ни отцу
Нет места, сладкозвучная:
живу я
Для черно-звездных высей; лишь они
На языке замедленном и нежном,
Как вечера струисто-светлый воздух,
Мне иногда поют. И тот язык,
Как будто уловив его созвучья,
Я передать пытаюсь, но тоской,
Одной моей тоскою полны струны.
Ты не нужна мне, женщина, и нет
Прошедшего меж нас.
А эта повесть
Твоя — ее я буду слышать ритмы
И, может быть, любить — не ближе мне,
Чем в заводи на лунной зыби всплески
От рыбок разыгравшихся. Душа

Моя открыта миру, а не Нимфе,
Пускай она страдала.
И прости!

(Хочет войти в дом.)

Нимфа

(порывисто удерживает его)

Постой, постой... О, да, я понимаю,
Что ты меня не любишь, что простить
Не можешь ты безумной Нимфе детства
Холодного, без ласки и без тех
Нам памятных навек причуд ребячьих,
Когда бранит нас мать, потом смеется,
Потом, лаская, плачет, а в окно
Глядят деревья, и таких больших,
Таких зеленых, веющих так сладко,
Уж больше не бывает никогда.
Ты мне не веришь также.
Что же делать?
К Филаммону пути мне иет.
Уж если
Я твоего, Фамира, не смогла
Слезами растопить и мукой сердца,
Что я скажу Филаммону?
Иль Нимфой,
Которую на вымокшей листве
Косматые силены берегли,
Захочет он свой царский дом украсить?
Ты неги не видал. О, наверстать
Успеем мы и негу: я верну,
Я воскрешу тебе всю прелесть детства...
Какие сказки знаю я!..
Постой!
Ты, может быть, влюбился, но стыдливость
Тебе назвать мешает имя...
Нет?
Ты хмуришься? Не буду...
Говорил ты
О музыке. Надменный, недоволен
Ты собственной игрой. Я бы могла
Найти и к музам доступ.
Что ты скажешь?

Ф а м и р а

(оживляясь)

Ты муз сулишь Фамире?
Чудный сон,
Но разве музы нам играют, нимфа?

(Пауза, с подавленным вздохом, быстро.)

Да, если бы не проблеском, урывкой,
Как переклички леса на заре,
Я музыку Евтерпы слышал, Нимфа,
Когда бона лишь для меия свою
Настроила цевницу золотую,—
Я б полюбил тебя.

(В странном волнении.)

Я уж люблю
Тебя за это слово — в нем дрожит
Мелодия, моля освобожденья,
И из пелен ее я разовью,—
Поди сюда, дай руку.

Н и м ф а

(прижимаясь к нему со стоном)

Мой Фамира!

Ф а м и р а

(в экстазе)

Я матери, я людям, я богам
Прощаю все обиды — пусть и дальше,
Коль надо им, потешатся,— но мне
Дай утонуть глазами в блеске лиры
И сердцу ритмом слиться с трепетаньем
Семи небесных струн, небесных струн!..

Н и м ф а

(порывисто лаская Фамиру)

О, мой Фамира! Сын мой! Пробужденье
Моей души! Мой день, мой бог, мой идол,
Желание мое, моя тоска!

Фамира

(освобождаясь из ее объятий)

Довольно же. Оставь меня. Мне страшно.
Иль матери так любят? Я слыхал,
Что песни их, как полог, тихи; эти ж
Твои слова и ласки, как вино,
И кожу жгут, и память помрачают.
В лесу вольней. Там любят соловьи
Да мошкара. Там только лани лижут
Детенышей. А человек поет,
Иль молится богам, иль размышляет.

(Уходит в лес.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

ТЕМНО-САПФИРНАЯ

Нимфа остается на сцене. Она не может успокоиться сразу и, ломая руки, смотрит вслед Фамире. Но вот издали слышатся голоса, и на орхестру сходит новый Хор — покуда не посвященных. Женщины в небридах, с тирсами, плющ и виноградная зелень в волосах, но в движениях еще нет экстаза менад ночи. Они скорее мечтательны.

Хор

Стены белые покинув,
И знобимы и палимы,
В царство снежных исполинов
Всё полями — долго шли мы.
Неба зной, полей роса ли,—
В нас желанья не слабели.
Или даром побросали
На рабынь мы колыбели?
Что в палестрах, что на пашнях
Душ мы гневом распалили!
Что оставили домашних
Алтарей без свежих лилий!
Но безумьем пораженных
Манят дальние дубравы,
Луговин завороженных
Тмином пахнущие травы.
Манят в дальнем фимиаме,
Озаренные луною,

Перевитые цветами
Травы, полные росою.

Вакханка

(увидев Нимфу)

Гей... женщина! Не с нами разве ты?

Нимфа

Вакханки вы. Я бога чту другого,
Его спокойно кудри разлиты,
Глубокие глаза глядят сурово.

Вакханка

Он не играет, бог твой?

Нимфа

Что за бред!
Играет — с кем?

Вакханка

С тобой; как наш, как Эвий.

Нимфа

Как лебедь, прям он в радости и в гневе,
И тонок абрис губ: он — кифарэд.

Вакханка

А храм его, жена?

Нимфа

Он в этом доме.

Вакханка

И спит он здесь?

Нимфа

Один, и на соломе.

Вакханка

Вот дивный бог! Он не любовник твой?

Нимфа

Нет, только сын...

Вакханка

И бог, и сын... Ой, ой!
У женщины, как я...

Нимфа

Ты полагаешь?

Вакханка

А кто же ты, жена, коль не такая ж?

Нимфа

Я — Нимфа гор!

Вакханка

Небесная, прости!
И, как сейчас, всегда тебе цвести!
Но объясни нам, если только смеем
Мы, Нимфа, знать, какой же бог лелеем
Тобою здесь? И если сын, ему
Ты молишься зачем же, не пойму.

Нимфа

Ты не поймешь меня, безумной, точно.
Ты бросила ребенка — я нашла,
Ты факел свой затеплишь полуночный —
Я свой сожгла, менада, весь сожгла...

Вакханка

Ребенка ты нашла? Да где ж ребенок?

Нимфа

Он рос один — печален, прям и тонок,
И звал меня, а я была в бреду,
И сердце спрятал он,— я сердца не найду.

Вакханка

Хоть назови его.

Нимфа

Его Фамира
Зовут, меня зовут Аргиопэ.

Вакханка

(склоняясь перед Нимфой)

О, Нимфа гор! Фамире надо мира:
Он сердцем чужд и играм, и толпе...

Нимфа

Ты видела Фамиру?

Вакханка

Я слыхала,
Как он играл, я слушала, таясь
За перьями резного опахала,
И за слезой вослед слеза лилась,
Так сладостно лилась и неустанно,
Но медленно и из закрытых глаз,
Как в забытьи в полночный час
Вода разбитого фонтана.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Как-то иезаметно среди вакханок появляется мужчина странного вида. Это старый сатир с очень румяиым лицом, полный, почти тучный, седой и с начесами курчавых волос на небольших рожках, которые сатнр, виднмо, прячет. Вид у него очень скромный — существа давно н безвозвратно остепенившегося. Смятение вакхнческого хора скоро сменяется любопытством при виде смущенных улыбок старика в козлиной шкуре и с узловато-косматыми, но вовсе не воинственными рукамн.

Силен

(раскланиваясь)

Простите мне, сестрицы.
Ваш наряд
Нас несколько роднит. Я был бы очень рад
Попасть в ваш нежный плен,
Но, к сожаленью,— для менад
Давно я только добрый брат.
Меня зовут — Папá-Силен.

(Увидев Аргиопэ и приглядываясь удивленно.)

Ба... ба... Кого я вижу?.. Мы знакомы...

(Хору.)

Не правда ли, роскошные хоромы?

Нимфа

(с движением к нему)

Папа-Силен... Вот счастье... Боже мой!

Силен

Перед тобой, как лист перед травой.

(Вполголоса.)

Но Вакховых сперва устроим нянек...

(Ударяет в ладоши.)

По его знаку из лесу быстро выбегают два молоденьких сатира, как две капли воды похожих один на другого. Но только у одного голубая, у другого розовая ленточки в волосах. Малые не особенно внушающего вида, хотя при Силене стараются держать себя с достоинством. Они становятся так, что один загораживает другого.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Те же и два Сатира.

Силен

(громко к вакханкам)

Позвольте вам представить — мой племянник.
Немножко ветрен, а давно жених.

Вакханка

Который же жених? Здесь двое их...

Силен

Козлятки, как же вы?..

(Протирает глаза.)

И точно — двое,
Но лишнего не вижу ничего я...
Веселые малютки... И в фиас
Они гостей доставят в тот же час...

Пауза.

Сатир с голубой ленточкой

(с поклоном к вакханкам)

Позвольте мне за доброго папашу
Вам тут же объяснить двоякость нашу.
Товарищ мой — заика...
О, слегка!
Начните спор, и он сейчас спасует:
Так у меия — язык, а у него — рука,
Я спичи говорю, а он ворует...
Так и живем мы, пары не дробя...
Но влюбимся... так каждый за себя.

Сатир в розовой леиточке

Д-д-а, в-в-лю-убимся...
так каждый за себя...

Смех. Хор и Сатиры уходят.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

БЕЛЫХ ОБЛАКОВ

Силен и Нимфа.

Нимфа

(подходит к Силену и доверчиво кладет ему голову на плечо)

Папа-Силен — ты должен мне помочь...
Иль дай травы такой мне, чтоб безумной
Проснулась я опять. Я погибаю.

Силен

(с шуточным испугом, не отпуская, однако, от себя Нимфу и в тон ей)

Чур-чур меня! Безумья не пророчь;
Рукой подать — фиас, и очень шумный,
В фиасе же и сам я угораю.

Нимфа

Силен, я — мать, которую не любят.

Силен

Не верят ей — я думаю — скорей.

Нимфа

Я не нужна ему. Пойми: никто
Ему не нужен. Вот, Силен, что страшно.
Живет в мечтах он. Сердцем горд и сух...
И музыкой он болен.

(Склоняясь на землю к ногам Силена.)

О, целитель
Души моей безумной!.. Для чего ж
Я так люблю Фамиру?.. И желанья
Скопилися в такой густой туман,
В такой густой туман, что умерла
За ними и лазурь? На бурю даже
Надежды нет...

Пауза. Нимфа закрыла лицо.

Силен

Всё понял я — молчи...
Приходится в фиас вернуться, Нимфа,
И не хотел, а надо... Что ж? Идем!
Ох, эти струны — холоду напустят,
Да, как туман, отравят вас мечтой
Несбыточной... Нет, право, флейта лучше
Для женщины... И лжет она легко —
Как ветреный любовник...

Нимфа

Я останусь
С Фамирою, Силен.

Силен

Пока тебя
Он не прогнал... Как женщины упрямы!
Что ж доказать ты хочешь?..

Нимфа

Здесь алтарь,
И дом мой здесь...

Силен

Не новые прикрасы
Не нового желанья.
Что-ннбудь
Задумала, должно быть, ты... И, ластясь
К косматой оболочке моего
Чувствительного сердца...

Нимфа

Посулила
Фамире муз я... Ты, Силен, не мог бы
Его свести послушать? И зачем
Ты возвращал меня рассудку только?

Силен

Ну, этим-то, положим, ты покуда
Не очень стеснена.

Нимфа

Кого ж из муз
Хотел бы он заставить петь?

Нимфа

Евтерпу.

Силен

Холодная богиня. Здесь коса
Найдет на камень, нимфа. Обмануть,
Конечно, всех возможно, и Евтерпа,
Хоть муза, всё же женщина. Да только
Фамиру ведь не спрячешь. Он упрям:
Не усидит и в бочке...

Нимфа

Он мечтает,
Что *для него* Евтерпа будет петь...

Силен

Тогда турнир предложим пиериде.

Нимфа

О са́тир, а расплата?.. Разве с богом
Бороться им под силу? Сколько нас,
Взлелеянных Кронидом, приносили
Героям сыновей, все были славны —
Ахилл, Мемнон и Рес, но между них
Счастливого ты знал ли?

Силен

Так покуда ж
Условия у нас в руках, а спесь
Посбить ему, пожалуй, и недурно.

Нимфа

Папа-Силен, я — женщина, и мой
Не видит ум далёко. Но, как лань,
Мое трепещет сердце· Там не луг,
Болото там бездонное — цветами
Прикрытое, о сатир...

Силен

Может быть,
Ты и права.

Пауза.

Ну что ж? Тогда мы в горы,
Такие есть там уголки — луной
И страстью залитые: губы алы,
Подпухшие от флейты, но зато
Как плечи белы там... и страстны пляски...
Пусть легкое похмелье обовьет,
Как дымкою, тебя.

Нимфа

А завтра что?

Силен

О, завтра так далёко...

Нимфа

Что скажу я?
Что я скажу? Мутится ум... Старик,
Слыхал ли ты Фамиру?.. Если мы
Устроим состязанье, кто же будет
Судьею?.. Ты, быть может...

Силен

Не надейся.

Нимфа

Доволен ты игрой Фамиры был?

Силен

Да, он артист, конечно.

Нимфа

Ну, а муза?

Силен

Той не слыхал. Но видел, и не раз.
Надменная — когда меж нас проходит,
Рукою подбирает платье. Пальцы
И кольца хороши на розовых у ней
И тонких пальцах — только, верно, руки
Холодные — и всё глядит на них
С улыбкою она — уж так довольна.

Нимфа

И никого она не любит?

Силен

Нет,
О женихах не слышно. Твой Фамира,
Но в пеплосе. Но вот и он. Скорей
Решайся. Что ж? Устраивать ли дело?

Нимфа

(шепотом)

Да, да, Силен. Надеюсь на тебя.
А я могу подслушать вас, не правда ль?

Силен

Пожалуйста, дружок: ведь я монах.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

ЧЕРЕПАХОВЫХ ОБЛАКОВ

Силен и Фамира.

Нимфа, не замечаемая Фамирой, слушает.

Силен

Почтеннейший хозяин! Поздравленье
Прими от нас с последнею твоей
Победою...

(Будто спохватываясь.)

Последнею — покуда.

Фамира

Благодарю. Увы, я не Орфей...

Силен

Ты оживлять хотел бы камни также?

Фамира

О нет, Силен. Когда б имел я дар
Великого Орфея, я своих
Товарищей седых не стал бы мучить.

(Ласково гладит камень.)

Движенье белым ка́мням? А зачем
Движенье им? Иная, лучше нашей,
У камней жизнь. Они живут, Силен,
Глубоким созерцаньем. Только месяц
Скользящими тенями иногда
До вековых морщин их прикоснется,
И прочь бегут лучи его. Молчат
И никого смущать не ходят камни,
И никого не любят, и любви
У них никто не просит.
Оживлять
Мои седые камни? И кому же?
Мешку с нагретой кровью — миг один —
Прорежь его где хочешь, и несите
Подальше ваш мешок, чтоб не смердел...
Был полубог Орфей, но бессердечен.

Силен

Минутами живем мы — не пойму
Я счастья минералов. Ты ж кентавра
Наслушался, должно быть, эфемер.
Надменные умы боятся счастья,
Которое летает, и плодов,
Когда их надо есть не размышляя.
Вот, скажем: ты не любишь славы. Что же?
Хороший вкус... И точно, слава — тлен...
Но разве взял, Фамира, ты всю радость
От струн, тебе покорных? Слаще есть
Для кифарэда приз, чем эти пальмы,
Иль тучный бык, иль бронзовый котел,
Иль даже глаз посул лукаво-синих...
Когда-ннбудь, скажи, ты слушал муз?

Фамира

(Несколько смущенно)

Тут женщина была, что выдавала
Себя за мать мою, и мне она
Сулила муз.

Силен

Сулила муз. Скажите..
Ха-ха-ха-ха...

(Хохочет.)

Фамира

Смеешься ты, Силен?

Силен

О, больше нет... Но из благоразумья,
А не затем, чтобы твои слова
Казалися мне менее смешными...
Ты матери не понял, кифарэд:
Услышать муз не так легко и богу.

Фамира

Силен, за что ж ее я целовал?

Силен

Он целовал, а я — скажн за что!
За красоту и милые заботы,
За то, что ты, почтеннейший, не только
Мудрец, но и малютка; кифарэд
И бабочка — подай ей, видишь, пламя
От факела.

Фамира

Скажи, какой ценой
Евтерпу я достану...

Силен

Факел ярок,
А бабочка нелепа, и сгорит...

Фамира

Оставь огни и мотыльков — я мог бы
Ей говорить любезности. Я ей
За сатира служить готов.

Силен

Сложеньем
Не подойдешь, мой сын. И кифарэд,
И сатиры приятны музам, только
На разный лад и в разные часы.
С Евтерпой петь — нельзя, но состязаться
И с музами возможно. Об заклад
Побейся с ней...

Фамира

О, сладкое безумье!
Где ж я найду ее, Силен? Идем!

Силен

Тэ... тэ... тэ... тэ... мой милый... А условья?
Про Марсия ты слышал? Иногда
Заглядывать полезно... в Геродота.

Фамира

Я подпишусь заранее, коль ты
Согласен быть посредником: вручаю
Тебе всего Фамиру — лиру мне
И кисть руки для струн, да разве сердце,—
Всё остальное вам.

Силен

Не торопись.
Подумаем. Кто должен начинать?

Фамира

Кто начинать? Она, конечно,— муза.

Силен

А время?

Фамира

Хоть сейчас.

Силен

А судьи кто?

Фамира

Коль выбор мой, так ты.

Силен

И ошибешься...
Телесный вред вобще недопустим —
Условие заранъше.
Ну, а приз?

Фамира

Пускай, Силен, сама назначит муза...

Силен

А если ты с победой будешь, что?

Фамира

Силен, ее ты видел; расскажи мне:
Высокая и тонкая,— бледна,
И темных кос завязан туго узел...

Силен

Прибавь: браслет у белого плеча,
И яхонт в нем горит, а пальцы длинны
И розовы...

Фамира

Довольно — я на ней
Женюсь, старик, и мы родим Орфея.

Силен

Не уходи далёко, жди меня.

(Уходит.)

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ
ТЕМНО-ЗОЛОТОГО СОЛНЦА

Фамира. Вдали Хор.

Его строфы чередуются со строфами Фамиры.

Хор

Скоро пляска в лунном море.
Ноги белые обымет;
Усыпят нас только зори,
Только полдень нас подымет.

Фамира

Темные розы осыпали куст,
Осыпали куст...
О, бред!
Появись, кифарэд!
Улыбнись, златоуст!
О, бред!
И в сердце желанье вложи ей,
Твоей беловыей...

Хор

Там, покорные желанью,
Лань убив над водопоем,
Мы оставленного ланью
Грудью белою напоим...

Фамира

Долго хранил ты Адмету стада,
Адмету стада,
О, бред!
Ты ль друзей, кифарэд,
Покидаешь когда?
О, бред!
Цевницу настроив, вручи ей,
Твоей беловыей...

Хор

Бубна тяжкому гуденью
Вторить будет лес, волнуем:
Дни там будут таять тенью,
Ночи — сладким поцелуем.

Фамира

В травах таяся, зало́снился щит,
Залоснился щит...
О, бред!
И моей, кифарэд,
Он тоскою звучит,
О, бред!
Но песни угодны ль мои ей,
Твоей беловыей?..

Хор

Бубна, бубна не жалейте!
Надоест и дома ложе.
А изменит сердце флейте,
Кифарэдом стань, о боже!

Фамира

Темные розы унес Дионис,
Унес Дионис...
О, бред!
Но до струн, кифарэд,
Лишь смычком прикоснись...
О, бред!
И розы тогда не нужны ей,
Твоей беловыей...

Хор

Стань, о Вакх, обманно-лунный,
Золотисто-синеглазый —
Тиховейный, дальнеструнный,
И по фаросу алмазы.

Фамира

Черные косы,— бела и строга,
Бела и строга,
О, бред!
Лишь твои, кифарэд,
Ей желанны луга...
О, бред!
На что ж и желанья мои ей,
Твоей беловыей?

(Во время пения уходит.)

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ
СУХОЙ ГРОЗЫ

Покуда звучат последние строфы, Нимфа, которая слушала разговор сына с Силеном и его песни, идет к дому медленными шагами. Некоторое время она молчит, опустив голову, и только перебирает угол фаты. Потом выпрямляется.

Нимфа

Душа его смутилась. И трепещут
От непривычной бури струны.

Роз
Мечта его полна, он кличет, ищет...
Горячими губами белый стебель
Тех музыку таящих роз — двух роз...
Зачем ему Евтерпа? Я ошиблась.
Сирены он соперник этой. Он
Унизить бы хотел ее...
Унизить?
Но как, но как?
Целуя, может быть,
Ей белый стебель шеи?
Он, Фамира?
И я отдам? Я уступлю его
Кому-нибудь на свете?
Но со мной
Он девять лун провел...

(Тихо)

— да, без медовой...
О страшный сон, уйди... молю, уйди,
Освободи мне волю...

(Закрывает лицо руками.)

Я забыла,
Как молятся.
О царь мой, я, Кронид,
От молнии твоей терплю, но пламя
Без радости уж гаснет — только слез
Соленый ключ в пустынном сердце выжгло.
Филаммон был таким же точно... да...
Но двадцать лет — я не хочу следов —
В его кудрях — серебряных, и синих
Налитых жил, и загрубелой кожи
Остывшего объятья.
Замолчи,
Проклятое безумье! Эти тирсы,
И запахи небрид, и мускус...
Мать,
Опомнись, что ты делаешь! Толкаешь
Дитя в преступный бой и сумасшедший,
Как ты сама? Как все здесь, даже он,—
Не загрязнен еще, ио уж осилен
Раскаяньем любовным? Да... о чем же
Молиться мне?.. О славе кифарэда,

Чтобы пришла к нему Евтерпа... так?
Или позор Фамиры сердцу слаще?
Да, да — позор Фамиры...
Про себя
Собрать слова такие страшно... Я же
Их отдаю эфиру...

(Поднимая руки.)

О, Кронид,
Коли твоею волей это пламя
Во мне горит безумья и тоски,
Пускай мой сын Фамира...

(Руки падают; громче.)

Нету силы
Произнести заклятье — молоко
Кормилицы мутится от соседства
С отравою лозы...

(С пробужденною энергией.)

Я их солью...

Раскаты ближе и сильнее.

Царь заглушить меня задумал — нет,
Желание мое сильнее страха.
Оставь Фамиру жить... Но не давай,
Кронид, ему победы... Заклинаю
Тебя твоим вертепом критским, царь...

Тучи расходятся,— видно, что где-то вдали идет дождик, блестящий и парный. В одном из просветлевших облаков вырисовывается абрис улыбающегося Зевсова лица.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

С той стороны, куда ушел Фамира, слышны голоса и показывается Кифарэд. За ним, причитая, идет Кормилица.

Фамира, Нимфа, Кормилица.

Фамира

(еще не замечая Нимфы)

Да перестань же, право. Если б даже
Она лгала. А для чего, скажи,

Выдумывать ей, няня? Разве сказка
Уж так плоха и очутиться в ней
С таким родством обидно?

Кормилица

Ох, малютка!
Ох, обойдут тебя! Беги от них,
Пока живым не съели.

(Видит Нимфу и отступает.)

Фамира

(тоже видя Нимфу, но спокойно)

Нимфа, слышишь?

Умоляющие жесты старухи.

Ты напугала няню. Посмотри же,
Кормилица, в глаза ее... иль там
Найдешь обман и злобу?

(Подавая Нимфе руку.)

Если в детстве
Ты не дала мне ласки, мать, зато
Я счастием теперь обязан Нимфе
Единственным. Я буду как титан,
Похитивший с небес огонь, но людям
Я дам огонь и чище, и нежней...
Когда ж потом мой сын...

Нимфа

(нетерпеливо и отстраняясь)

О нет, Фамира,
Загадывать не надо. И зачем
Ты принял бой так спешно?

Фамира

(привлекая к себе Нимфу)

Иль иначе
Небесный луч мелодии ее
Дойти бы мог до сердца?
Улыбнись же!
Не надо туч — я *так* тебя люблю,

И *всех* люблю, и *всё* люблю, что *сердцу*
И грудь тесна, а звезды жили там,
Эфирные горели выси.

Нимфа, закрывшись, плачет.

(Лаская ее волосы.)

Знаю,
О чем ты плачешь. Что же делать? Волю
Судьба таит до время. Но тебя
Не упрекну, не думай, дорогая,
За жребий мой — куда бы ни повлек
Дрожащей чаши он. Довольно... Сатир.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

СКВОЗЬ ОБЛАКА ПРОБИВШЕГОСЯ СОЛНЦА

Те же и Силен. Он несет за спиной мех с вином, и к поясу привешены чаши. Увидев его, старуха с криком убегает в дом

Силен, Фамира, Нимфа.

Силен молча садится на землю и медленно начинает распутывать одну за другой завязки меха. По лицу его струится пот

Нимфа

Силен! Ну что ж тебе сказали?

Фамира

Папа-Силен, когда ж мы к ней?..

Силен

(продолжая работу)

Мешка еще не развязали,
А он уж молит: «Пополней!»

Фамира

Минут так мало. Ради вышних,
Ее ответ! Я столько ждал!

Силен

(продолжая возиться с узлом)

У нас и много их. Но лишних
Силен на тени не видал.

Для вас и радость — только бред,
Коль не зарница ночи мрачной,
А для силенов, кифарэд...
А для силенов, кифарэд...

(Наконец справляется с завязками, отвязывает чашу и наливает)

Она — в узлах одежды брачной...
Что счастье людям? Тень листа
На зыбкой пыли вертограда?
Гляди — и чаша налита,
А губы сухи — вот отрада.

Фамира

Я жду, Силен...

Силен

(выпивает, потом отвязывает еще две чаши и медленно их наполняет, все три, любуясь струей. Потом с поклоном пьет одну из трех)

Здоровье ваше...
Прикажете, друзья мои, по чаше?

(Предлагает Фамире, потом Нимфе.)

Фамира

Не пью.

Силен пьет с поклоном.

Нимфа

(с улыбкой)

Зараз уж выпей и мою.

Силен выпивает и целует кончики пальцев.

Силен

(Кифарэду)

И жаль, но солнце не без пятен...
А впрочем, ваш отказ понятен.
Вы отвечали: «Я не пью»,
Как я сказал бы: «Не пою»,

Дельфийский бог кифару предложи мне,
Чтобы ему подтягивал я в гимне.

(Пьет чаши быстро, но не торопясь и со смаком.)

Ну, а теперь, любимые мои,
Какой-нибудь кусок.

Нимфа дает ему хлеба, Силен ест и пьет.

Дадим покой и чашам...

(Перемывает их.)

Поцеловать одну еще разок,
Один разок,

(Наливает и пьет.)

и я к услугам вашим.

(Встает и стряхивает крошки.)

Фамира, ты готов?
Мы живо вспашем
Обратный путь.

(Смотрит на небо.)

О, Феб еще высок...

Фамира

Папа-Силен, ты шутишь?

Силен

Вот так раз...
А давеча-то кто ж: «Сейчас, сейчас!»
Условье принято. Пан будет за судью.
Состав суда — из нас и Терпсихоры.
Ну, дети, я свалил вестей такие горы,
Что вам оставлю мех...

Аккуратно складывает мех на землю. Фамира хочет ему помочь.

Постой... Сперва допью.

(Пьет, вытирает губы и уходит с Фамирой.)

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

РОЗОВОГО ЗАКАТА

На орхестру сбегают группы сатиров. Немая сцена — они ищут в траве и кустах вакханок. Флейта. Кастаньеты. Пляски. Солнце близко к закату. Облака на западе уже огиенны и розовы последними лучами.

Один голос

Я искал тебя день,
Целый день голубой,
Но вина мне не пень:
Утолюсь я — тобой.

Сатиры

(пляска)

Любам ночи, флейте час,
Флейте час,
Зазнобил я губы...
Нимфы, прилелейте нас,
Нимфы, пожалейте нас!
Поцелуйте, любы...

Голос

Я — усталая лань,
Ты — родник ледяной,
О, блесни, только глянь,—
И сольешься со мной.

Сатиры

Скучны выси-дали нам,
Дали нам,
Голубые дали...
Но когда б ужаленным,
О, когда б вы дали нам,
Только губы дали.

Другой голос

Только глаз не таи:
Ты — обида, я — нож,
И в объятья мои,
Как в огонь, упадешь...

Ариозо Томного сатира

В закатном небе,
Где взор мой тонет,
Ужель мой жребий
Богов не тронет?..
Всегда к борьбе я
Атлет готовый,
И по тебе я
Тоскую вдовый.
Ты уж не пламя ль,
И в высях дыма
Не жемчугами ль
Живешь, таима?
О нет, не пламя,
Не там, не в звездах,
И не колдуя,
В поспевших гроздах
Между цветами
Тебя найду я...
И на леваде
Душисторосой
Пушистокосой
Шепну менаде,
Что в синей дали
Всё вижу лань я,
Что крепче стали
Мои желанья;
Что худ я страшно,
А голодаю,
Что слаще брашна
Я ожидаю:
Чтоб Амимона
Дала мне спелых
Два лунно-белых
Своих лимона.
При этом зное
Ночами зябнуть,
Немудрено и
Вконец ослабнуть.
О, злая Парка!
Довольно мести
Твоей воочью,
О, злая Парка!

Сегодня ночью
Мы будем вместе,
Сегодня ночью
Нам будет жарко.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЛУННО-ГОЛУБАЯ

Близка ночь. Сатиры мало-помалу прекращают игры и музыку и ложатся спать в траву. С востока показывается луна. Сумрак заменяется синеватым светом. Только деревья еще черней, сплошные и тяжелые. На сцену выходит Нимфа, убранная в большие и пышные цветы, белые и желтые. Она с голыми руками.

Нимфа

«Их только две таких у нас бывает».
О нимфа, так ли это? А цветы?..
Твои цветы? И эта ночь? Была ли
Когда-нибудь менада беспокойней,
Что тень небес всё медлит... всё нельзя
В рассеянном уме запечатлеть
Позорно-сладкой тайны? Те — Гекаты
Бескровные колдуньи в волоса
И черные и душные своей
Владычицы старались ли упрятать
Поспешнее и глубже змей своих
И желтые яды́... чем это сердце
Через глаза горящие глядеть
В невидные глаза, и на свободе
С другим сливаться сердцем, и его
Тревогою безвольно заражать?

Голос Сатира

(тихо)

Братцы... женщина...

Другой, погуще

Не наша?

Тонкий голос

Плохо вижу я, папаша.

Густой голос

Проберитесь по кустам,
Да узнайте там, не наша ль.
Но смотрите: если кашель
Или насморк, я задам.

Шелест в траве, потом:

Тонкий голос

Не менада...
Ореада...
На свиданье собралась,
Вся цветами убралась.

Другой тонкий голос

С кифарэдом, с кифарэдом...
Вот и он из рощи следом...

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПЫЛЬНО-ЛУННАЯ

Фамира и Нимфа. Хор невидимый и рассыпанный по траве и кустам. Фамира хочет подойти к Нимфе, но, смущенный ее нарядом, отступает, потом, справившись с собою, подходит к ней и хочет обнять ее. Но Нимфа стоит неподвижна. Она вся ушла в глаза.

Фамира

Родимая... Простила ль ты Фамиру?
На исповедь тяжелую твою
Он отвечал холодным недоверьем...
О, мне не надо знаков.
Только мать
Без зависти дает такое счастье
И слез своих не помнит...

Пауза.

Нимфа

(чуть слышно, с хрипотой в голосе)

Я делю
Твою удачу, сын мой. Победитель...

Фамира

Удачу, ты сказала? Но с какой
Победою меня ты поздравляешь?

Нимфа

(глаже)

Ты шел на бой.

Фамира

Да, в самом деле, шел
Бороться я, как на песке, и потный
Тебе доспех доставить.
Но турнир
Не состоялся, Нимфа.

Нимфа

(с движением и совсем ожившим голосом)

Отступил ты?

Фамира

Я отступил.

Из травы, тихо

Вот тебе раз...
Ай да Фамирас!

Нимфа

(опять несколько хрипло)

Ты ж вызывал ее
И говорил, что счастлив...

Фамира

Бесконечно...

Нимфа

Ты женишься на музе?

Фамира

Нет, зачем?

Нимфа

(саркастически)

А песни, а мечты твои... Когда
Мерещились и розовые пальцы,
И яхонты тебе...

Фамира

О, я стыжусь
Минутного похмелья. Поцелуи
Волнуют кровь, и сладко, но от них
Гармония бледнеет, и в досаде
Она ломает руки и бежит
В дремучие леса — к косматым корням
И филинам глухим... Я не женюсь...

Тихий разговор
в траве

— Скрипач-то холостой?
— А как красноречив... Ума палата.
— Послушаем еще — постой!
— Палата-то палата,
Войдешь — так сразу озарит.
— Великолепно говорит...
— Да, хорошо, хоть больше для луны:
Всё будто ей рассказывает сны
Витиевато, темновато,—
Вобще — цветок без аромата.

Нимфа

О кифарэд! Скажи мне, в чем же это
Особенное счастье? И меня
Красивее ли муза?

Фамира

Не заметил.
Я на закат смотрел, как розы там
Небесный путь засыпали, а ноты
Со струн ее кифары на стезю
Вздымались и дымились... Это были
Не вы и вы — не знаю, но грубей
Была б и тень. Иль это души были,
Не жившие еще? Иль формы их,

Слепив, разбил ваятель, чтоб потом
В отчаяньи зарезаться? Они,
Там розовый заняв и горний путь,
Созвездия сперва образовали,
Потом Змеей и Рыбой хоры их,
И Обручем, и Лирой тихо-тихо
Задвигались, и нежная звезда
За нежною звездою загоралась
Над каждым из мечтаний — и кружилась,
И таяла в эфире вместе с ним,
Не изменяя ритму. Только точки
Воздушные остались под конец,
Да жадные глаза, чтоб золотыми
Соединять их нитями сквозь слезы.
Ты скажешь — бред?.. Да, до сих пор себе
Не объясню я, что со мною было:
Глядел ли я иль слушал? Облака ль
Там надо мной звучали, или струны
Рождали в небе формы, а закат
Был только нежной гаммой?..

В траве, тихо

Первый

Какой туман!... от слов...

Второй

Да, для иных ослов...
По-моему, скорее кратер,
Прикрытый стылостью золы...
Как жаль на этот раз, что мы козлы
Или что он не наш, не сатир.
Вот побеждать учитесь у кого...
Где разобрать не можешь ничего,
Там женщина и видит божество.
А ореада-то растаяла совсем...
А, право, хорошо, что забрались сюда мы!
Еще такая речь — и от прелестной дамы
Останутся глаза — горящие две ямы —
И двадцать бесполезных хризантем.

Во время этой паузы Фамира смотрит на небо, точно стараясь что-то припомнить. Нимфа смотрит на Фамиру горящими глазами, обмахиваясь, как веером, каким-то большим и бледным листом.

Фамира

(повторяет)

О, закат
Был только нежной гаммой.
Безраздельным
Я счастием владел. И не во сне...
Я чувствую, как к пальцам приливает
Из сердца кровь — там золотые пчелы
Соскучились по струнам... Сердце мне
Они давно щекочут бесполезно,
Но я не дам им воли.
В улей их,
Пусть ладят дом,— искусный, золотой
И сладостный...

Шелест в траве

Сравненье-то, козлятки, фу-ты, ну-ты!..
Запомнить бы для сладостной минуты.

Фамира

(повторяет)

О, сладостный...
Всё, чем я жил, что думал,
Осмыслилось, о Нимфа. Да, играл
Я иногда недурно... Но как мальчик.

Шепот в траве

Разохался, смиренник...

Нимфа

А турнир,
А очередь... Ты побежден, Фамира?

Фамира

Я не играл. Не думай, чтобы их
Боялся я. Но бесполезны судьи
Меж музою и человеком. О,
Я побежден — ты видишь: нет кифары.
Пусть там они судьбу мою решат,
А струны мне Силен вернет с вердиктом
Или, скорей, *со счетом* за мое
Блаженство, мать, за сладость неуспеха.

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

ЯРКО-ЛУННАЯ

Силен приходит довольно поспешно. За поясом по-прежнему чаши, и за спиной снова полный мех, в руках кифара.

Фамира, Нимфа, Силен, притаившийся Хор.

Фамира, увидев Силена, невольно вздрагивает.

Силен

Твой инструмент... в сохранности... прими
И сберегай на память.

Фамира

(как-то не сразу берет лиру. Он всматривается в нее)

О подруга,
Как мы давно не виделись! По мне
Скучала ль ты, или Силену пели
Вы, чуткие?

Силен

(ворчливо)

Да, только и заботы,
Должно быть, у Силена, что пугать
Ворон его кифарой знаменитой...

Фамира берет лиру, но рассматривает ее с удивлением, жесты его странны; он не решается коснуться струн.

Что ж ты глядишь! Подруги не узнал.

Фамира опускает лиру.

(Интимно и приближаясь к Фамире.)

Ах, милый мой царевич... Будто счастье
Всё в музыке?.. Когда так гибок стан
И солнце-то над головой кудрявой
Полнеба не прошло. Неужто мир,
Тот дивный мир, что на кифару веет,
И мотыльком кружится, и горит,
И красками играет, и дымится
Над урной водомета, и поет,
И перлами да розами смеется,—
Неужто ж он, Фамира, лишь затем
Достоин жить, и петь, и нежно веять,

И радовать, что черепахе ты
Медлительной когда-то перервал
Златую нить минут ее — и жилы
Ей заменил телячьими?

Фамира

(который тем временем решился поднять кифару и берет на ней странно негармоничные по его настроению аккорды)

Я слов
Твоих понять не в силах... Я не знаю,
Что сделалось со мной, Силен... Зачем
Ты черепок мне отдал этот?

Силен

Отдал
Не черепок тебе я — но тебя
Неверная узнать не хочет...

Фамира

(встревоженно)

Слушай —
Иль это уж не пальцы больше, или
Под пальцами не струны? Разбуди
Меня, старик... Игрушек нам не надо...
О, возврати мне сердце,— так не шутят...
Я ничего не помню, что играл.

В начале речи Фамиры сатиры поднимаются: они собрались около корифея и с любопытством слушают Фамиру, разглядывая его лиру и следя за его неудачными попытками что-нибудь сыграть.

Иль, может быть, оглох я?
Нимфа, слышишь
Мою игру? Играю я иль нет?
Скажите же мне, люди... Слушай, Сатир,
Я знаю — вы искусники. Сыграй
Мне что-нибудь на этой деревяшке.

Силен берет из рук его кифару и играет. Сатиры аплодируют.

Га... Слышишь ты, ты слышишь ли, старик?
Иль музыка под пальцами твоими?
Нет,— это мышь летучая в полнóчь
Под своды залетела и крылами,

Незрячая, по мшистым стенам бьется.
Вы плещете, козлята? Ха-ха-ха!
Тут даже ритма нет... И это даже
Не бубен — о, теперь я убежден,
Что ты меня дурачишь... Не довольно ль?
Бери свою и мне отдай мою...

Силен продолжает играть медленно и выразительно. Фамира точно разбирает музыку илн припоминает что-то. Он закрыл лицо руками.

Иль отведи дурман от сердца, сатир!

(С жестом мольбы.)

Я погибаю, сжалься!

Музыка прекращается. Вокруг говор. Сатнры прнветствуют Снлена.

Отчего ж
Слова так ясно слышу я... а струны?..
Где ж музыка, Силен?

С и л е н

(мягко, но серьезно)

Ты не привык
Еще к изменам, мальчик. Сами боги
Страдают от измены. Только Ночь
И День верны друг другу, да Полярной
Ничто звезды не сдвинет.
Покорись
Всеобщему закону. После счастья,
Как после дня, приходит ночь, а бог
В решениях, как полюс мира, стоек.

Н и м ф а

К чему же бог его приговорил?

С и л е н

Чтоб музыки не помнил и не слышал.

Нимфа и Сатиры звуками и жалобными возгласами выражают охватившее их сочувствие; Фамира, наоборот, успокаивается и становится неподвижен, как человек, что-то обдумывающий. Воцаряется минута молчания.

С и л е н

О, боже мой! Уж будто не живут
Без дудок и без струн на белом свете?

Еще диви бы сатир!.. Танцевать
Тому нельзя без музыки. А этот —
Мудрец — по струнам плачет.

Фамира

Нет, Силен,
Не плачу я. Удар волны был мягок,
И где ж она, волна? Лишь головой
В песок ушел я глубже, да соленый
Остался вкус во рту.
Но тот же сон
Владеет этим сердцем... Просыпаться
Не думаю, старик, я.

Силен

Добрых снов,
Почтеннейший Фамира. Лучше средства
Не выдумать и Зевсу. Но и сон
Отраден нам лишь сладострастьем мысли,
Что это не конец, а только сон,
Что захочу — и нет оцепененья...
Вынь эту мысль из сердца,— что тебе
Останется, коль не свинцовый обод
На голове, иль ядовитый хмель,
Иль колдуна дурачество, чтоб желтой
Не вспоминать могилы? Плохо спишь
Без женщины, Фамира, если молод,
Иль доброго бокала... Хочешь: дам —
Натянемся по холодку винишки,
Судья и подсудимый,— а мешок
Пожертвуем Фемиде — неказист,
Да ведь она считается слепою.

Фамира

Оставь, Силен... На сердце без того
Тяжелый хмель. Пускай осядет плесень.

Силен

Ты, Нимфа-мать, таилась так давно
Меж этих бликов лунных и цветов,
Что дашь совет какой-нибудь Фамире —
И моего полезней, верно. О, тебе
Молчания иначе не прощу я...
Вибрации серебряные нам
Одни еще от вас перепадают...

Нимфа

Фамира, сын мой. Музыка идет
В сердца людей — не только по дрожащим
И серебристым струнам. Может быть,
Там, на горах, дыханье бога флейты
Тебе излечит душу.
                    Хочешь: мы
Пойдем в фиас. Я попрошу искусниц,
Моих сестер. Мы уберем тебя
Вакханкою. О, как пойдет небрида
И виноград тебе, и тиса цвет,
И плюща цвет, когда вовьются в локон!
Ты сон зовешь — безволья слаще нет,
Дитя мое, как в горных перелесках,
Янтарною луною полных. Там
Еще не спят.
                Подумай — ты отдашься
Весь чьей-то страстной воле. А потом?
Как знать, потом что будет.
                            Диониса
Я умолить сумею — спросишь, чем?
Кошачьей лаской, цепкостью змеиной
И трепетом голубки, а возьму
У вышних счастье сына... Но сначала
Пусть будет ночь, и день за ней, и ночь,
И ночь опять со мною... О, не медли!

Корифей

(Нимфе)

Тайной черной ночи длинны,
Тайной розовой медвяны —
Но Фамира твой из глины,
Если он не деревянный...

Материнского призыва
Он не слышит, он не хочет,
Так в лесу дичает живо
Из гнезда упавший кочет.

Один из Сатиров, который заслушался Нимфы, начинает сначала робко, потом сильнее и громче подыгрывать ей на флейте. Речь Нимфы переходит в мелодекламацию. Флейтисту и Нимфе под конец полюбилась одна фраза, и то флейта, то голос уступают друг другу, чтобы нежно поддерживать одна в другом общее желание.

Нимфа

Я разведу тебя с твоей обидой
И утомлю безумием игры —
И будем спать мы под одной небридой,
Как две сестры.
Ты только днем, смотри, себя не выдай:
Сердца горят, и зубы там остры...
А ночью мы свободны под небридой,
Как две сестры.
Пусть небеса расцветятся Иридой,
Или дождем туманят их пары,
Что небо нам? Мы будем под небридой,
Как две сестры.

Фамира

Как две сестры... Не слишком ли уж близко,
И горячо, и тесно? Так не спят,
Чтоб плесенью покрылось сердце — ночи,
И месяцы, и годы...
Этот план
Не подойдет нам, женщина. Ты губы
Замкнула над минутой счастья, и
Я не скажу ни слова ни с укором,
Ни в похвалу тебе. Но не зови
На мертвого дыханье флейты. Сердцу
Оно нечисто. Кровью налились
На лбу флейтиста жилы, и животным
Его подобны губы — так же их
Одушевить не может слово. Красны
И пухлые противны.
Если что
Еще отдать хотел бы я — так тени,
Которые всё манят... а куда?..
О, если б их не видеть, как не слышу
Я музыки...
Когда б еще черней
И глубже вырыть яму ночи... Да...
Эфир так беспокоен...
Ты ж, о Нимфа,
Ты красотой и трепетом теней
На этом бледном лике, на цветах
Жалка мне и страшна...
Уйди отсюда.

(Пауза, тише.)

Иль ты судьба Фамиры? И тебе
Нет больше места в мире?.. Так что солнце
Зажжется, и опять наступит ночь,
А ты со мной всё будешь... и придется
Мне полюбить судьбу.
Но ты ведь яд
Через глаза мне в сердце льешь...
Не видеть —
Не слышать — не любить.
А вдруг любовь
Не слышит и не видит?..

Подходит к Нимфе и берет ее за руку. Та следует за ним, как очарованная.

О, последний,
Чуть слышный луч от музыки! В глаза
Мои спустись, там приютишься в сердце,
Безмолвный, безнадежный. И вослед
Я не впущу ни тени.

Нимфа хочет прижаться к нему, хочет что-то сказать, но Фамира отстраняет ее.

Розы... губы,
Не открывайтесь больше. Мне ни слов,
Ни вас самих от вас не надо... Косы
Пушистые... рука...

(поднимает и оставляет упасть одну из бледных рук Нимфы)

ланиты... слез
Недавние следы...

(Отстраняется, видя, что Нимфа снова делает движение к нему.)

Прикосновенья
Не надо — нет. Лучей, одних лучей.
Там музыка...

(Убегает.)

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
БЕЛЕСОВАТАЯ

Общее изумление. Минуту все молчат. Порыв ветра, за ним другой, третий. Из лесу летит пыль, и в ней кружатся листья, где-то скрипят ветки. В шуме ветра можно различить сначала смешанный, потом яснее не то вой, не то стон. Тем временем луна зашла за облако, и сцена остается освещенною лишь ее белесоватым отблеском. Между Силеном и Нимфою появляется тень Филаммона. На шее у него веревка. Лицо сохраняет синий оттенок и сразу без луны кажется почти черным.

Тень поворачивается к Нимфе, скалит зубы, потом поднимает руку, точно хочет ослабить на шее веревку; но рука, прозрачная, с черной половиной затекших пальцев, падает, как плеть; он несколько раз повторяет этот жест, приближаясь к Нимфе — точно ищет ее помощи. Сатиры пугливо сбились в кучу. Ни музыки, ни восклицаний. Тень издает с досады воющий стон, но тише тех, которые доносились с ветром. Теперь тихо — ветра нет.

Тень Филаммона, Нимфа, Силен, Хор сатиров.

Нимфа

Чьи это шутки?.. Сатиры... Силен?

Силен

(тихо, не сводя глаз с покойника)

Не шутки — нет. К тебе какой-то призрак,
Не знаю — кто. А ты не узнаешь?

Нимфа

(тоже чуть слышно)

Боюсь назвать... И ошибиться страшно...
Фамира?

(Приближается к тени — та отодвигается.)

Нет... о нет — не может быть!

Сатир с голубой ленточкой

(с деловым видом подходит к тени, которая делает знаки)

Я, господа, вам помогу... то есть по всей вероятности.

(К призраку.)

Что? не понимают тебя, ночной недовесок, бескрылая птица, «хочу и не могу». Ну, говори прежде всего: кто ты такой и зачем отбился от стада. Разве это порядок?

(Оглядывается на сатиров, но никто не смеется.)

Нимфа

Папа́-Силен... Он не морочит нас,
Козленок твой? Откуда б научился
Он понимать язык усопших? Этот
Мираж... Он не подстроен?

Силен

Да и впрямь...
Козлятки... вы... того... со скуки. Месяц,
Хоть покажи нам гостя.

Луна на минуту выкатилась из облаков и освещает призрак. Видно, что он дрожит мелкой дрожью, а теперь, подняв руку к глазам, точно защищается от света. Всем сразу же становится ясно, что это не маскарад.

Силен

(Нимфе)

Он — старик.

Тень отнимает руку от лица и делает знаки.

Сатир

Нимфа, этот человек — удавленник, и он царь, и он твой муж... был твоим мужем.

Нимфа теперь не отрываясь смотрит и тем временем одной рукой срывает с головы хризантемы.
Тень грозит ей. Потом со стоном обводит рукой вокруг себя.

Сатир

Скажи, мать, куда ты дела нашего сына, моего... моего сына?..

Нимфа

(распускает волосы, как в бреду)

Филаммон... да, Филаммон... Как похож
Он на Фамиру... Вот она — расплата.

Сатир

(бесстрастно)

Ты не кормила его, а бросила, и он жил без тебя двадцать лет. И вот сегодня, шальная, ты налетела вороной и покончила с ним в один день. Преступница и злодейка! Нет тебе имени, но ты будешь наказана... да, ты будешь наказана. Собакой надо тебя сделать,

похудевшей от желаний, которая на задворке светлой весенней ночью в толпе женихов не различает тех, которые когда-то оттягивали ей...

Затрудняется; ему подсказывают: «грудь».

Да, именно — ее грудь...

Знаки изумления и ужаса в хоре. Призрак наступает на Нимфу. Силен держит ее, почти лишившуюся чувств, потом он дает знак сатирам, и они, окружив мертвого, поднимают дикую музыку, пляску, но это не может длиться долго. Мало-помалу стеклянные глаза, где отражаются две беглых луны, на синем лице расхолаживают напускное веселье. Общее молчание. Никто не знает, что и о чем говорить.

Корифей

Где ж ты учился этому искусству,
Мой милый брат — козленок?..

Сатир с голубой ленточкой

Гермий нас,
Троих козлят, когда-то на посылках
Держал, и за толпой таких теней —
О, там куда страшнее были тени —
Я десять дней скитался. Понимать
Из языка их тут и научился
Я кое-что. Но этот сам недавно
Еще дышал: не приловчился он
Рассказывать.
Гей, приятель! А веревка отчего на шее?

(К Хору.)

Говорит: удавился сам-сам-сам.

Тень издает звуки, похожие на *сам-сам-сам*, и скверно улыбается одними зубами.

А по какой причине? — Скучно жить...
А деньги где... деньги?
— Молчит.

Другой сатир, с розовой ленточкой

П-позвольте же, н-но в этом — суть. Он был
И скряга, и богач...
Т-теперь Фамира
Т-таких ч-чудес н-наделает...

А в-вы
С-спросили бы у т-тени толком, С-сатир...

Сатир с голубой ленточкой

(несколько пикированный)

Сделайте одолжение, братец. Спросите сами. А я отказываюсь... то есть я не отказываюсь, но не понимаю ни слога.

Скрывает, должно быть. Это ведь с ними, господа, бывает. Заупрямится, да и всё тут. Одного такого казнили. Сам без головы, а туда же скрытничает: виноват или не виноват. Попробовать разве вот что.

Филаммон! Ваше Величество!
А кровки! Или молочка с винцом?

Нет — все-таки не скажет. Ну и не надо.

Затвердил одно: спрятано — не ищите... Да где спрятано, бестолковый? Что-то сказал... Но спутанное какое-то слово: не то в воде, не то в лесу, не то в скале, не то в доме, может означать также и нигде.

Словом, деньги... ау.

Ну, вот... Теперь просит пить. Знаете — они, когда напьются, так, говорят, иногда даже пророчат.

Папа-Силен! Могу у вас просить
Немножечко вина? Для жертвы мертвым.
Я набожен — и сам вина не пью.

Силен

(в тон ему)

Особенно поить его не надо,
А дай ему два унца. Молоком
Добавим остальное. Мне не жалко,
Но опьянять усопших — тяжкий грех,
А, хоть Силен, всегда имел я совесть.

Толпа сатиров набегает помогать Силену. Помогавшие, несмотря на зоркость Силена, заметно розовеют. К молоку идет один переводчик.

Томный сатир

(тоже разрумянившийся, в хризантемах, брошенных Нимфой)

Нет, молока я видеть не могу:
Сицилию оно напоминает

И страшный глаз чудовища. Так молод,
А выстрадал-то сколько!

(Хнычет. Потом воркующим голосом.)

О Силен!
Ты мне не дашь с наперсток этой влаги?
Я не в себе, так сыро, что... тошнит...

Силен молча грозит ему и берет себя за ухо. Хризантемы прячутся в толпу. Между тем тень припала к молоку с вином и жадно пьет

Силен

(тихо, но выразительно)

Скорей — пока он пьет — в фиас, малютки!

Нимфа

(приподнимаясь)

Нет, нет, Силен... Пусть говорит еще...

Силен

Не стоит, душка...

Тень поднимается, говорит, но губы шевелятся без звука.

Сатир с голубой ленточкой

Вот этого уж ни за что не передам, потому что неправда.

За сценой крик Фамиры и следом другой, тоже его, но, видимо, подавленный, дико оборванный усилием воли.

Все

(к сатиру, который стоит оторопев и приложив руку к часто стукающему сердцу)

Что там такое? Секреты? От нас?

Несколько тирсов взлетает над ним.

Сатир с голубой ленточкой

(дрожа)

Проклятый мертвец. Он предсказал, что Фамира выжжет себе оба глаза углем из костра. Сатиры, кто это там кричал?

Нимфа без слов, даже без звука, падает на руки Силена. Сатиры подготовляются бежать. Нимфу кладут на наскоро сделанные носилки. В это время сатир с голубой ленточкой кричит:

Погодите, погодите... он говорит еще... Нимфа!

Она открывает глаза.

За то, что ты не любила кого надо, за то, что ты любила кого не надо, боги сейчас сделают тебя птицей с красной шейкой... Название неразборчиво.

Шум. Смятение. Один из сатиров замахивается на призрак флейтой, другой бубном, третий тирсом. Его гонят, травят, он приседает, скользит и время от времени приподнимается над землею на четверть аршина, точно отяжелевшая курица. Между тем из этой сумятицы выпархивает небольшая птица, и вся толпа с Силеном в ужасе убегает.

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

После этого на сцене остаются только тень и птица. В течение нескольких минут тень гоняется за птицей и при этом страшно машет руками. Тем временем видно, как ощупью от камня к камню, изменившейся походкой слепого, спускается к дому Фамира. Иногда он отдыхает около камней. Лицо его окровавлено и выглядит страшно. Наконец, Фамира спустился к самому дому. Он достиг последнего белого камня, похожего на голову быка, и, склонившись, молча его обнимает. Птица села к нему на плечо. Призрак, не смея подойти вплотную, остановился поодаль, он сложил руки, прижав их к груди, по темному лицу катятся слезы. Между тем уж поднимается утренний туман. Луна погасла. На светлеющем небе остались только редкие бледные звезды.

Фамира

Последняя ступенька...
Скоро дом,
И мир, и сон. Довольно на сегодня.
Встает туман. Я чувствую: мои
Одежды стали влажны. Белый камень,
Товарищ одинокий! Как тебя
Мне узнавать, когда ты уж не белый...
А это что ж у ног моих?

(Поднимает кифару.)

Любовь...
Моя любовь, поди сюда. Слепому
Ты дорогá — не изменяла ты,
И ворожбы ничьей на чутких струнах
Не остается больше.

Может быть,
Хоть луч еще таится в сердце...

Пробует играть, что-то силится припомнить, кровь, смешанная со слезами, струится по лицу. Призрак качает головой. Птичка затаилась на его плече. Фамира безнадежно опускает кифару.

Вино ушло до капли — мех сносился.

Пауза.

Но голоса здесь были.
Никого
Я более не слышу. Только чье-то
Так быстро бьется сердце... Возле.. Точно
Ребенок или птица... Вот теплом
Мне на лицо повеяло... За ночью
Белеет день, и уголь будто выжег
Еще не всё. О, нежный, кто же ты?
Со мною?.. На плече?

(Осторожно снимает птицу, которая не противится.)

Какой-то птенчик...
Да он ручной совсем. Откуда ты?..
Откуда ж ты, пичужка? И кровавых
Как не боишься ям?
Га... Это что ж?
Ледя́ная струя — откуда ж эта?! ...
Так мертвецы на сердце веют... О...
Коль это тень... То чья же? Заклинаю.

Тень издает стон, но совсем слабый, рассветный, слышно хлюпающее *сам-сам-сам.*

Фамира

(движется по направлению голоса. На одной руке держит птицу. Другая спокойно и бессознательно касается Филаммона, который припадает к ногам Фамиры и целует их)

О боги... Вам я отдал, что имел —
Уплачен долг, и с лихвой... Но на свет
Не сам пришел Фамира. Если только
Вы видите теперь его отца
Иль мать его, молю вас в этот час
Безрадостный и страшный: ради муки,
Подъятой им свободно, не оставьте
Фамиру одного — пускай отец
Иль мать ему омоют, плача, раны.

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

ЗАРЕВАЯ

В глубине, на фоне розового сияния, показывается Гермес в ореоле божественной славы. Его слова падают ясно и мерно.

Гермес

С тобой они оба, Фамира...

Фамира

(настораживается)

Я чувствую сиянье божества,
И боль от ран затихла. Я не вижу
Твоих ланит, но кланяюсь тебе.
Прости слепому, вышний... Кто ты, боже?

Гермес

Сын Майи крылатой — Зарею
Рожден я,— я грустного стада
Пастух равнодушный — Гермес.
С тобой они оба, Фамира,—
И мать, и отец. Эта птица,
Она — превращенная Нимфа,
Тебе я оставлю ее...
Отец же унылою тенью —
Всё хочет обнять он Фамиру,
Но холоден он и бессилен
Меж розовых пальцев Зари.

Тень Филаммона становится всё меньше и, наконец, исчезает.

А ты — ты жить, ты будешь долго жить,
Хоть в нищете, Фамира, и возврата
В отцовский дом не жди... Филаммон в море
Спустил свои сокровища и умер
От собственной руки.
Рабыню я
Пришлю к тебе, Фамира.

(Указывает на дом.)

Там рабыня,
Кормившая тебя, объята сном —
Ее заколдовали, но словам
Моим она внимает, и бегут
По старческим морщинам слезы. Ты
Пойдешь за ней в Афины, в Дельфы, в Аргос

И к славному кремлю, где Посейдон
Тебя венчал победой; а пичужке
Утехой песен нежных добывать
Тебе на хлеб придется.
                                        И кифару
Возьми с собой. Мы жребиев туда —
Купцы гаданье любят — накидаем,
И вынимать их клювом будет та же
Из лиры мать. И пусть питает сына
До старости, до смерти, много лет...
Когда ж тебе глаза засыплют, Нимфа
Вернется к нам, пленять. Я на груди
Твоей, слепец, велю повесить доску
С тремя словами: «Вот соперник муз».

(Движением пальца птице.)

Смой кровь с его лица... Он жалок, Нимфа...

Птица летит и возвращается с мокрой губкой. Фамира освежает лицо. На нем яснее видны теперь глубокие, уже чернеющие ямы и редкий белый волос на бороде... Совсем светло... Заря слилась с небом. Гермес готов исчезнуть. Контуры его потускнели. Фамира ощупью отыскивает посох и берет кифару, уже не касаясь струн. Птица смирно сидит у него на плече. Теперь она хозяйка положения.

Фамира

Благословенны боги, что хранят
Сознанье нам и в муках.
                                        Но паук
Забвения на прошлом... он добрее.

Гермес исчезает. Из дому выбегает Кормилица и с плачем бросается к Фамире.

Лето 1906
Царское Село

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Под нумерацией строк (или строф) указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

Приводятся другие (полные) редакции отдельных стихотворений, а также наиболее существенные разночтения. Варианты даются по возможности как нечто связное, отрывками не менее 3—4 стихов и только в редких наиболее характерных случаях приводятся два стиха. Список условных сокращений см. на с. 564.

4

19—20
автограф
ЦГАЛИ

А что если кто нас разлучит?
Сумею ли жить я один?

10

загл. СТЕКЛО

1—4

Полнеба мягко расцвело,
Но майскний день уж тихо тает,
И только пыльное стекло
Пожаром полное пылает.

9—10

Ты разлучить не можешь глаз
С дрожащей этой позолотой,

13—14

2

без загл.

1—12

О, не зови меня, не мучь!
Недоуменно, утомленно
Звезды аллей дрожащий луч
Из мрака вырвал ветку клена.

Но жуток ей зеленый чад
И страшно быть разоблаченной
И слезы осенн дрожат
В ее тоске раззолоченной.

Обрывки дум, обрывки туч
И вы, из сумрака разлуки
Ко мне протянутые руки.
О, не зови меня, не мучь!

15

загл. ОСЕНЬ

5—8 *Отсутствуют*

9—12
И что ни миг, больней растущие утраты,
И черные пруды как впадины могил,
И шорох вялого листа, и ароматы
Над тем, кто лотоса забвения вкусил.

загл. НЕКОНЧЕННЫЙ СОНЕТ

5—8
черновой автограф
ЦГАЛИ
И пóнятая ложь последнего свиданья,
И желтый шелк аллей с дорожками следов,
И застывание свинцовое прудов,
Готовых запаять отважное страданье...

22

7—12
черновой автограф
ЦГАЛИ
Перепившиеся гости,
Скуки желтый перегар.
Ночь давно снега одела,
И тоски не заглушишь,
Хоть над ухом то и дело:
«Алкоголь или гашиш?»

13—14
А в сенях — седая Парка.
Флюс упрятав в воротник,

16
Счет твой пишет гробовщик.

23

загл. УЖИН

1—4
автограф
ЦГАЛИ
Пробил полночи унылой
Час свиданья в темной зале,
Но привета губы милой
В полночь другу не сказали.

7—8 Там кадили, гостю рады,
И белели чаши лилий.

15—16 Но немые губы милой
Друга жарко не лобзали.

30

без загл.

1—4 автограф — набросок на служебном бланке

Муза левую тихо нажала педаль
И волна улеглась за волною.
Серебристая гладь, серебристая даль
Развернулась опять предо мною.

32

без загл.

5—8 А ударам тех крыльев в ответ
Из груди отзывался птенец:
Для одних наступает рассвет,
Для других — говорил он — конец.

15—16 И улыбку за сетью дождя
Репетирует розовый день.

34

1—14 черновой автограф ЦГАЛИ

Из мерцания свечи,
И светлы и горячи,
Брызнув, искры золотые
Гибнут в трепетной ночи,
Но с мольбою голубые
Долго теплятся лучи
Из мерцания свечи.

О, разлука! О, молчанье!
Жизни яд, отрава сна!
Невозможного желанья
В тихий мир воспоминанья
Захлестнувшая волна...
Свечка гаснет. Ночь душна.
О, разлука! О, молчанье.

1—14 другой черновой автограф ЦГАЛИ

Из мерцания свечи
Брызнув, искры золотые
Гаснут в трепетной ночи,
Но не слышу их мольбы я:
Умирая, голубые
В сердце льются мне лучи
Из мерцания свечи...

Бред то был или признанье?
Путы ль жизни, чары сна?
Иль безумного желанья
В тихий мир воспоминанья
Забежавшая волна?

Свечка гаснет... Ночь душна...
Бред то был или признанье?

36—38

1

загл. МОИ БЕССОННИЦЫ

после 12 список ЦГАЛИ

И вот опять они пришли,
И шепот их всё так же сладок,
Но в душной копоти земли —
Увы! — для сердца нет загадок.

44

без загл.

1—4 автограф ЦГАЛИ

На стекла радужные храма
Завеса желтая легла,
И недоигранная гамма
Под темным сводом замерла.

9—11

И там за розовой чертою,
Томим несбывшейся мечтою,
Всё медлит день пережитой.

45

загл. ПУШКИНСКАЯ КАНТАТА

(не для конкурса)

между 64 и 65

В чертоги ночи снизойди

загл. ЮБИЛЕЙНАЯ ПУШКИНСКАЯ КАНТАТА

вм. 56—57 автограф ГПБ

Прошли года... За льдом кристалла
Всё снится нам желанный день...
Но тенью розовой не стала
Еще страдальческая тень.
Всё ночь печальною чредою
Свою над нами стелет сень...

О тень, возлюбленная тень,
Покинь могилу и приди.

50—51

1

загл. PARALLÈLEMENT

2—4 автограф ЦГАЛИ

И тонут и мечутся челны,
Лишь тих заколдованный лес.

57—59

1

загл. МАКИ

11—16

Мертвым сном кануна казни
Их отравлен яркий жребий,
Сном за тучей липких мух
[Сном на плитах] в тусклом храме,
Сном, где головы старух
Осеняются Дарами...

загл. ВАРИАНТ

подзаг **Маки в полдень**

КЛ

Безуханно и цветисто
Чей-то нежный сгиб разогнут,—
Крылья алого батиста
Развернулись и не дрогнут.

Всё, что нежит — даль да близь
Оскорбив пятном кровавым,
Жадно маки разрослись
По сомлевшим тучным травам.

Но не в радость даже день им,
Темны пятна маков в небе,
И тяжелым сном осенним
Истомлен их яркий жребий.

Сном о том, что пуст и глух
Будет сад, а в нем, как в храме,
Тяжки головы старух...
Осененные Дарами.

---

[1] Параллели (фр.).— *Ред.*

3

загл. ТОЛЬКО РАЗ

1—4 автограф ЦГАЛИ

О, ты можешь не помнить, что было потом!
Всё равно нам любви не вернуть.
Но не думай забыть под измокшим листом
Ярко-черную грудь.

84—86

2

9—12 черновой набросок ЦГАЛИ

Доняла ль ⟨нрзб⟩ погода ль
Иль в груди и точно лед подтаял,
Желтый водолаз стоял поодаль
И отрывисто недоуменно лаял.

17—18

О, проклятая, о, желтая, фенолом
И карболкой надушившаяся дама.

90—92

1

24—29 черновой автограф ЦГАЛИ

И всех уверять, что не дожит
И первый и радостный век.
Из сердца за Иматру лет
У мудрых ничто не уходит,
Захочет так счастье находит
И в мокром асфальте поэт.

93—95

2

загл. ЛУННОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

1—2 черновой автограф ЦГАЛИ

О стылость лунно талая,
О темно-снежный путь!

37—41

Похожено ль дорожками,
Полежано ль без сна
С разломанными ножками.
Сожги ее, луна.
Гляди — там дьявол с рожками,

96—98

2

незавершенный набросок ЦГАЛИ

Я росу туберозы
И желанье отдам
За пушистые розы
По косматым кустам.

Есть истома другая,
Гамма красок звончей
И влюбился в снега я
Не за прихоть лучей,

А за то, что сквозь тонк⟨ий⟩
Сон их веет весной
И что стану я звонкой
Стану яркой волной

Как рабыни томимы
И тяжка им краса
Даже вольной

3

перед 1 автограф ЦГАЛИ КЛ 2

Сини реки, светлы веси,
И с небес и из могил
Всем ответ: «Христос воскресе!»
Кто б о счастьи ни молил.

102—104

3

13—16 автограф ЦГАЛИ

Но так больно в кольца дыма
Черной думы врезан дым.
Даром, что ль, она язвима
Ядом жизни столько зим?

120—122

1
без загл.

1—14

Как ни гулок, ни тягуч Ям —
— бический банальный стих,
Слава богу, он затих,
Перебит иным созвучьем.

То-то вдруг по голым сучьям
Прозы, точно град шутих,
Вслед ему веленьем щучьим
За стихом поскачет стих.

Я узнал Вас, чуждый рампе,
Но ⟨не⟩ чуждый эпиграмм Пэ —
— она третьего размер.

Больше чувства, чувства, сэр!
И играйте тихо лампе
Танцы нежные Химер.

126—128

3

5—6 черновой автограф ЦГАЛИ

О сестры! О, тихие десять!
Две гибких и дружных семьи!

9—12

Вы — гейши на тонкой бумаге,
Пять роз, обрученных стеблю,
Но в мире нет сладостней магий,
Чем ваше немое люблю.

15—16

И я только стеблем раздумий
Всё к вашей же сказке прирос.

вм. 21—24

Но будет... Дремотно хмелея,
Бросаю волшебную нить...
Хотя бы во сне разлюбить
Слова твоих пальцев, алмея.

А правда ль, что в жизни... О, нет!
В бессонном и черном обвале,
В тоске осужденных планет
Вы, руки, одни оживали...

без загл.

вм. 1—24 другой черновой автограф ЦГАЛИ

Зажим был так сладостно сужен,
Что ныть перестали виски,
Я розовых узких жемчужин
Зубами узнал холодки.
Но будто ж я снова вам нужен,
О руки, две тонких руки...

Хитрее вы, руки, жесточе —
Вы сердце живое, как мать...
Оставьте — усталый рабочий,
Не надо его волновать...
Не сыпьте ж под пологом ночи
Щетины ему на кровать..

О боже! Но кто ж обратил их...
Не руки, а кошки... Кись... Кись..

Ласкаясь со мною, две хилых,
Две жадных колдуньи сплелись...
Их сестрам безносым в могилах
Такое объятье приснись!

Как мускус мучительный мумий,
Как душный тайник туберөз,
Я стеблем унылых раздумий
К томительной грезе прирос.

Мои вы, о тонкие руки...
Ваш сладостно-нежный зажим
Я выносил в холоде скуки
И счастьем обвеял... чужим.

Зараз и не смея и смея...
Порвал я волшебную нить...
Теперь подбираю больнее
Слова, чтобы вас разлюбить.

133—134

2

зачеркнутый набросок ЦГАЛИ

[Маргарита стан твой снова тонок]
Ты поблекла {у тебя} опала грудь
Маргарита где ж он {же] твой ребенок
Ты молчишь [отвечай] [ответь] скажи [мне] что-нибудь
Маргарита это было бредом.

148

36—37 автограф ЦГАЛИ

Янчек не надо ли... Сорвана злоба.
Сидят, отвернувшись, и плачут оба.

155

загл.

ЗАБЫТАЯ ФРАЗА

9—12 автограф ГПБ

Фонарь свой наводит как тать
То скопище литер унылых:
Ее не могу не читать
И к ней я вернуться не в силах.

160

1—4 набросок — автограф ЦГАЛИ

Когда травой мое украсят люди тленье
И темно-восковой засыплется рука,
За мной останется одно недоуменье,
Одно желание, одна тоска.

165

между 10 и 11 автограф ЦГАЛИ зачеркнуто

Чуть ногой в курзалы
Мы — Сарданапалы,
Дайте нам цимбалы
И Иерусалим.
С нними не отрину
Даже осетрину
И сквозь Палестрину
Провильнет налим.

177

1—7 ПС

Печальный сын больного поколенья,
Я не пойду искать альпийских роз;
Ни моря блеск, ни рокот ранних гроз
В моей груди не будят вдохновенья...

Но я люблю на розовом стекле
Алмазные и тающне горы,
Букеты роз поблекших на столе

180

список ЦГАЛИ

Сила господняя с нами,
Снами измучен я, снами...
Снами, где тени не вьются,
Звуки не плачут, и слезы,
Даже и слезы не льются,
Снами, где иет даже грезы...
Снами, которым накванья
Даже подобья не знаю,
Снами, где я расставанье
С жизнью порой начинаю.

184

загл.

POST MORTEM [1]

5—6 черновой автограф ЦГАЛИ

Шаг домашних осторожен,
Точно всё еще я болен

9—15

В самом деле, то Давиды,
То попы пришли в енотах,
И рыданье панихиды
У пропойцы в низких нотах.

[1] После смерти (лат.).— *Ред.*

День и ночь теперь саженным
Мне в лицо светить кандилам⟨,⟩
И в молчанье напряженном

17—18

Нет, коль что-нибудь осталось
Из того, что было мною⟨,⟩

20—25

Хоть завейте пеленою.
Ночью молча схороните
Тело бедное поэта.
А покуда прогоните
Всех шутов из кабинета.

225

без загл.

13—18
автограф
ЦГАЛИ
так же ПК,
с. 65

Если воздух так синь
Да в весеннем динь-динь
Сахаринками звезды горят,
Не мучителен [Тем действительней] яд
Опоздавшей [Перегара] любви
С остывающей медью в крови.

256

без загл.

2—4
автограф
ГПБ

Ты не пойдешь со мной, но я простил.
С твоей груди алмазный льется свет,
Но ни луча в унылом сердце нет

без загл.

3—4
автограф ЦГАЛИ

Снаружи он, алмазный этот свет.
В твоей душе ни светлой точки нет.

258

1—2
черновой
автограф
ГПБ

О страсти беседуя чинно,
За чаем расселся синклит.

5—8

а Советник, подобный скелету,
Духовную славит любовь.
Советница только вздыхает,
Но злоба поводит ей бровь.

б Советник в любви допускает
Духовный один элемент.

Советница только вздыхает,
Но цедит ему комплимент

13--14

«Ах, это такая святыня!
Не правда ли, милый барон?»

285

1—8
черновой
автограф
ГПБ

Немного дией дала нам иовая весна,
Но то весна была, она цветы дарила —
О будь же счастлива! Светлей моя могила...
Люблю я, я люблю, нет в мире лучше сна.

Вы, нежные глаза, вы сердцу утро дней
Вернули — чарами объятого поныне
Вы можете забыть — вам не отнять
святыни,
И пусть в могилу я сойду, я буду с ней...

293

8—9
список ЦГАЛИ

И тягостен венец, лишенный аромата,
И, право, умирать я не хочу... пока,

12—14

Когда сожжет стихи последнне рука,
Мне раб остаиется, не самый идеальный,
И беспредметная, но адская тоска.

295

15—17

И, точно траурный возмездия наряд,
Зловещим языком улики говорят
О гиеве, зависти и пресыщеньи свету.

21—22
датированный
автограф
ЦГАЛИ

Создатель! Жребий мой прикинувши,
вы правы:
Делю с Овидием судьбу его... без славы...

296

между 2—3
черновой
автограф
ЦГАЛИ

[Вы по дебрям меня загоняли]

между 5 и 6

Нож или зубы — не всё ли равно?

8—11

И напрасно в трущобе я прятал жилье,
У борзых на меня золотое чутье,
У Завистливой, Злой и Богатой.
Я мечусь среди стаи косматой.

вм. 13—14

Там ужас на ужин, беда на обед,
Холодное ложе да ворог сосед.

[Наконец в глубине заповедных лесов
Убежать я успел от обманутых псов,
Только черная ведьма] осталась,

Но в черной и грозной теснине лесной,
Борзыми оставлен, я схвачен иной
Огромной и мрачной собакой

302

1—4 список ЦГАЛИ

С подругой мертвою разлуки
Продлить не властен человек:
Скрестив безжизненные руки
Ее уносят... и навек.

9—10

Прощанье истомило нас,
Слова разлуки нам постыли.

310

5—6 черновой автограф ЦГАЛИ

И так, забыв изъяни в последнем пьедестале,
Я сыпал рифмами, как зернами весной.

10—11

Осенним вечером и, как вино героя,
Роса вечерняя меня бодрила втрое!

313

вм. 1—14 автограф ЦГАЛИ

Сквозь ризу бренную бессмертьем осиянный,
Грозя подъемлет он сверкающий свой меч
Над непознавшими, что та больная речь
Царю гробов была ликующей осанной.

Как гидра некогда отпрянула виясь
От блеска истины в божественном глаголе,
Так вопияли вы, над гением глумясь,
Что яд философа топил он в алкоголе.

О если меж стихий рождая только гнев,
Идее не дано отлиться в барельеф,
Чтоб просияла им забвенная могила,

Хоть ты, о черный прах от смерти золотой,
Обломок лишнего в гармонии светила,
На прах Эдгара По перенесен мечтой,
Для крыльев дьявола отныне будь метой.

317

9—10 Я призрак, но дрожу в зловонни отребий,
Обноском ветоши меня соделал жребий

12—14 Покрытый струпьями гнилой и старый парий...
Но как уж мне не хохотать, когда
С одною вечностью моя гордыня в паре...

337

загл. **ФАМИРИД**

набросок плана пьесы «Фамирид» — автограф ЦГАЛИ

Темный пурпур одежды.
Золотым аграфом его
Перехвачены черные пряди
Умащенных волос⟨.⟩
Кто учил тебя, вещий певец?
Благородные струны...
Бубна гул нестройный
И дыханье свистящее флейты
И пронзительный голос трубы
В чаще, полной тумана...
Пробуждал черные тени
Оленей, и луч серебристый
Играл на дрожащих безлистных ветвях,
Пробегал по росистой дорожке
И дрожа вонзался в черную стену
леса⟨.⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

Это издание по составу текстов и по структуре близко тому, которое было выпущено в Большой серии «Библиотеки поэта» в 1959 г. под тем же заглавием. Иннокентий Анненский представлен здесь как лирик и драматург. Соответственно книга членится на две части. Вторую часть занимают трагедии, расположенные в той последовательности, в какой они писались и публиковались.

К изданию лирики Анненского хронологический принцип не применим, так как, во-первых, у нас слишком мало сведений о времени создания очень многих, точнее даже — большинства его стихотворений, во-вторых же,— и это главное,— поэт как в прижизненном сборнике «Тихие песни», так и в вышедшей уже после его смерти, но подготавливавшейся еще при его участии второй книге стихов «Кипарисовый ларец» ставил себе определенные композиционные цели и придавал большое значение циклизации. Нарушать этот принцип композиционной целостности было бы недопустимо.

В нынешнем, как и в предыдущем издании «Библиотеки поэта», оригинальные стихотворения сгруппированы в три раздела («Тихие песни», «Кипарисовый ларец», «Стихотворения, не вошедшие в авторские сборники»), что отвечает той последовательности, в которой лирическое творчество Анненского открывалось его современникам и позднейшим поколениям. В каждом из трех разделов соседствуют, что видно по датировкам отдельных стихотворений и что четко засвидетельствовано В. Кривичем, стихи, относящиеся к разным годам и даже десятилетиям (особенно это касается третьего раздела, в начало которого вынесены в хронологической последовательности все стихотворения, имеющие даты или поддающиеся более или менее точной датировке). Даты публикаций в периодических изданиях или сборниках, указываемые в примечаниях, мало что могут дать для общей хронологической картины,— во-первых, по относительной малочисленности самих публикаций, и, во-вторых, потому, что в ряде случаев публикация отделялась более или менее значительным промежутком времени от момента написания. За названными тремя разделами следует четвертый, посвященный переводам, часть которых в «Тихих песнях» была объединена в небольшую антологию «Парнасцы и про́клятые». Соблюдение авторского композиционного замысла здесь оказалось невозможным, так как иначе переводы стихов одних и тех же авторов оказались бы разбросанными по двум разделам; в разделе переводов естественно было сгруппировать материал по литературам, поэтам, а в пределах творчества каждого из них — в соответствии с хронологией их сборников и с расположением оригиналов в составе того или иного из них.

Установление соответствия опубликованного текста окончательной авторской воле — задача сложная по отношению к большей части лирического наследия Анненского. Только «Тихие песни» (равно как и трагедии) могут не вызывать сомнений: поэт сам подготовил их к печати, и если для двух-трех стихотворений прижизненного сборника не обнаруживается рукописных источников (автографов или копий), которые совпадали бы с печатным текстом, это легко объясняется возможностью авторских поправок, внесенных в текст после передачи рукописи в типографию или уже в стадии корректуры (авторский оригинал для набора не сохранился).

В отношении остальной части лирического наследия Анненского предполагалось, помимо тщательной проверки сделанного ранее, выявление автографов или списков, хранящих следы наиболее позднего прикосновения руки автора, причем здесь равно важен учет как внешних примет (нахождение текста в составе той или иной тетради, почерк, орфографические особенности [1], последовательность правок), так и характера движения поэтической мысли. Критерием для проверки в известной мере служил опыт В. Кривича как публикатора «Кипарисового ларца» и «Посмертных стихов»,— его выбор текстов, с историей которых он не мог не быть знаком.

Долгое время архив Анненского находился во владении В. Кривича и только в 1933 г. был приобретен Государственным Литературным музеем, незадолго перед тем основанным. Только благодаря этому и сохранился весь массив рукописей. Кривич умер в 1936 г. Семью его — жену и дочь — война застала в Пушкине, где они постоянно жили, и архив поэта неизбежно был бы утрачен.

Ныне весь массив рукописей Анненского, за исключением небольших групп стихотворений, отложившихся в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина или Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, Москва). В нем содержатся стихи в разных редакциях (автографы беловые и черновые, наброски, копии), рукописи статей, конспекты и наброски к ним, выписки, связанные с работой над Еврипидом, письма. Фонд Анненского обширен: насчитывает он, правда, лишь свыше четырехсот единиц хранения (цифра для такого архива не слишком большая), но многие единицы хранения представляют собой толстые тетради, в которые записаны многие десятки стихотворений, а также и группы стихотворений на отдельных листах. Многие стихотворения существуют в разных автографах — более ранних и поздних, копиях — рукописных и машинописных, в ряде случаев с правкой автора и его подписью, и количество вариантов в целом велико. Иногда к стихотворению, записанному в тетради и представлявшему уже законченное целое, поэт возвращался вновь — в той же тетради или в другой или на отдельном листе, изменял его или вносил единичные поправки. Рукописные копии вписывались в те же тетради членами его семьи.

Если текстологическая задача в первом издании Большой серии «Библиотеки поэта» сводилась преимущественно к установлению того текста (печатного, автографа, авторитетной копии), который

---

[1] Так, например, в более раннюю пору, но, по-видимому, еще и в 1890-х гг. Анненский слово «сонет» писал — на французский лад — через два «н» («соннет»).

ложился в основу публикации, то ныне, кроме этой задачи, сохраняющей всю актуальность, ставится и другая — показ богатства и многогранности архива поэта как творческой лаборатории, где зафиксировались — и в большом и в малом — разнообразные поиски наиболее адекватных средств выражения (показательны, в частности, варианты отбрасываемых и заменяемых заглавий стихотворений).

При обилии рукописного материала — нет следов подготовки сборников, будь то «Тихие песни» или «Кипарисовый ларец» (поскольку главным, если не единственным помощником в работе по составлению последнего сборника был сын, живший в том же доме, дело могло сводиться к устным указаниям и обмену мнениями, может быть, беглым письменным заметкам и т. п.).[1] Во всяком случае, сохранилась (а достоянием исследователя сделалась только через шесть десятилетий) копия единственного плана книги, притом книги, в свое время не вышедшей в свет в том варианте, в каком она была первоначально задумана.

План этот относится к тому варианту состава «Кипарисового ларца», который проектировался для издательства, предполагавшегося весной 1909 г. прн журнале «Аполлон», но оно тогда не было органнзовано. Идея книги вновь обрела конкретность осенью 1909 г., когда владелец и руководитель издательства «Гриф» С. А. Соколов (Кречетов) предложил Анненскому подготовить для него этот сборник, правда, в несколько меньшем объеме.

Но вот двенадцать лет тому назад Р. Д. Тименчик опубликовал статью «О составе сборника И. Анненского „Кипарисовый ларец“» («Вопросы литературы». 1978, № 8). Ему посчастливилось обнаружить в ЦГАЛИ в письме О. П. Хмара-Барщевской к В. Кривичу от 7 февраля 1917 г. снятую почитательницей поэта копию плана книги, задуманной, но не состоявшейся, весной 1909 г. Аутентичность копии сомнений не вызывает, равно как и аргументированное предположение Р. Д. Тименчнка, что план этот мог возникнуть не ранее декабря 1908 г. и не позднее 31 мая 1909 г. В 1987 г. издательство «Правда» выпустило в свет книгу: «И. Анненский. Избранное», где «Кипарисовый ларец» напечатан по этому плану, который И. И. Подольская, составительница книги и автор вступительной статьи к ней, считает выражением последней авторской воли Анненского. Действительно, после 31 мая 1909 г. поэту оставалось жить всего полгода. Но и лето и осень того последнего года были для поэта временем бурного расцвета творчества, создания новых ярко новаторских стихотворений, возникновения новых замыслов. План, датируемый зимой или весной 1909 г., объемист: в нем на сорок стихотворений больше, чем в книге 1910 г.; автор явно хотел полнее представнть написанное им ко времени составления этого плана. В плане, кроме «Трилистников», «Складней» и «Разметанных листов», есть еще разделы «Романсы», «Песни под музыку» («Кэк-уок на цнмбалах» и «Колокольчики») и «Песни с декорацией», помещены три перевода. Прослеживается не характерная для Аннеиского тенденция к регламентацин — вместо прииципа ассоцнативных связей принцип предметно-тематической группировки, особенно в группе «трилистников», среди которых есть, например, «Трилистник крымский».

---

[1] Сохранились только планы-наметки двух трагедий.

Сборник, выпущенный издательством «Гриф», представляет собой не просто сокращение планировавшейся ранее книги, а в корне отличную композицию и состав иной. Не говоря о том, что в новую книгу включены стихотворения лета н осенн 1909 г., в том числе такие характериые, как «Баллада», «Дальиие руки», новаторские по сочетанию трагизма и будиичности «Прерывистые строкн» и «Нервы»,— целому дано принципнально нное построение: если по плану 1909 г. сборник начинается с высокой трагической ноты («Трилистннк из старой тетради», один из самых мрачных) и эмоциональная окраска после этого держится долгое время более или менее на одной линии, то в сборнике 1910 г., где в начале раздела «трилистников» сгруппированы стихи мягко-элегической тональности, затем напряжение к середине раздела растет, достигая кульмннации трагизма в трилистниках «Проклятия», «Обреченности», «Из старой тетради»; далее, благодаря трилистникам «Балаганному» и «Шуточному», создаются известный контраст н разрядка, а к концу раздела возвращается — обогащенная, правда, оттенками всего предыдущего — элегическая тональность начала. Получается своеобразное кольцевое построение. Меньше различий в «Складнях» н «Разметаиных листах», но и здесь онн есть (особенно в «Разметанных листах», куда вошли самые новые стихи). Правда, в «грифовскую» книгу не включены «Песни с декорацией», нет разделов «Романсы» и «Песни под музыку». Было ли то принципиальное решение (ослабление романснопесенного элемента)? Или, ориентируясь на все вновь написанное, а также на ценные для него более давние стихи, поэт уже замышлял и третью книгу стихов? Последнее как будто подтверждается словами А. Блока к жене в декабрьском 1909 г. письме из Варшавы — в ответ на известие о кончине Анненского: «У него была готова публнчная лекция и две кннги стихов»[1] (в последние месяцы 1909 г. поэты не раз встречались).

Все это, конечно, область гаданий. Но, взвешивая все доводы «за» и «против» двух вариантов состава «Кнпарисового ларца» и отдавая должное находке и важным соображениям Р. Д. Тименчика н новаторской инициативе И. И. Подольской, составитель не берет на себя смелость признать в плане 1909 г. выражение последней авторской воли поэта — тем более что к плану этому Анненскнй более не возвращался, еслн суднть по его переписке (во всяком случае, в пнсьмах поэта к тем его корреспонденткам, с которыми он, как, например, с Е. М. Мухиной нлн Н. П. Бегнчевой, делился своими замыслами, о нем нет речи).

Предпочтение, отдаваемое нзданию «Кипарисового ларца» 1910 г., состав и принципы композицни которого, как можно предположить с достаточной степенью вероятности, отразнли волю автора, не означает согласия со всемн текстологическнми решениями В. Кривича. Очень многие нз них, правда, возражений не вызывают, в некоторых же случаях они представляются не вполне обоснованными и спорными (в отношении выбора автографа или списка, определения заглавия или отдельных деталей текста). В таких случаях составителем принималось другое решение, как это можно проследить по примечаниям.

Особой оговорки требуют посвящення в «Кипарисовом ларце» За исключением посвящения Ф. Ф. Зелинскому, с которым «Буддий-

[1] Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 299.

ская месса в Париже» появилась в сборнике «Северная речь» в 1906 г., ни одно из них не подтверждено ни публикацией, ни автографом, хотя в одном случае тесно связано с содержанием стихотворения («Сестре»), в другом — подкреплено свидетельством современника-мемуариста («Моя Тоска»); поэтому во всех подобных случаях посвящения даются в ломаных скобках. Ломаные скобки применены и к некоторым заглавиям, отсутствующим в автографе («Моя Тоска», «Я на дне»), но вошедшим, так сказать, в традицию изданий «Кипарисового ларца», где все стихотворения, как и в «Тихих песнях», озаглавлены — хотя бы первыми словами начальной строки.

Раздел «Стихотворения, не вошедшие в авторские сборники» близок к тому, каким он был в издании 1959 г. Отличия в том, что его открывает раннее стихотворение «Из поэмы "Mater dolorosa"», что датировано еще несколько стихотворений (предположительно, то есть со знаком вопроса), что стихотворение, ранее печатавшееся под заглавием «В зацветающих сиренях», опубликовано под заглавием «На закате» и с посвящением Н. П. Бегичевой — на основании автографа Пушкинского Дома, как, по-видимому, наиболее позднего.

Что касается расположения основной, не датированной части материала раздела, то здесь следует учитывать косвенные и далеко не бесспорные признаки, вроде порядка записи в авторских тетрадях и последовательности материала в книге «Посмертные стихи», поскольку она определялась биографическими сведениями, какими располагал В. Кривич. В конец подраздела «Надписи на книгах, пародии и шуточные стихотворения» помещены два шуточных четверостишия, в книги Анненского до сих пор не включавшиеся.

В отличие от издания 1959 г., в книгу введены так называемые «Стихотворения в прозе», впервые полностью опубликованные В. Кривичем (три из них появились еще при жизни поэта).

В рукописном наследии Анненского переводы представлены не менее богато, чем стихи оригинальные; не менее богаты они и вариантами. В архиве поэта это — ранний пласт. Так, в толстой тетради, составляющей по описи 1 единицу хранения 16, переводы преобладают, лишь перемежаясь с оригинальными стихами; над каждым переводом, рядом с русским его заглавием или предшествуя ему, выписано его французское или немецкое заглавие, нередко бывает выписан (автором или другим лицом) весь оригинал. Такой способ озаглавливания переводов встречается в рукописях поэта и впоследствии, но уже эпизодически. Среди переводов Анненского можно различить — по манере передачи, по фактуре стиха — два пласта: более поздний (зрелый) и ранний. Для раннего показательна известная дословность (например, «Над мертвым поэтом» вместо позднейшего «Над умершим поэтом» — из Леконта де Лиля), книжность (например, «Представитель богемы» вместо позднейшего «Богема» — из Роллина), бессистемность в чередовании мужских и женских рифм (в «Дочери эмира» Леконта де Лиля) и т. п. От публикации перевода отрывка из поэмы Гейне «Атта Тролль», помещенного в издании 1959 г., составитель решил воздержаться, так как и по внешнему признаку рукописного источника (почерк не установленного лица), и по стилистическим особенностям он вызывает сомнения в принадлежности Анненскому.

Трагедии публикуются по печатным текстам.

Наиболее крупной новацией настоящего издания является раздел «Другие редакции и варианты», охватывающий (выборочно,

конечно) как оригинальные стихи, так и переводы. В издании 1959 г. он отсутствовал, а варианты давались от случая к случаю в примечаниях к отдельным стихотворениям.

Структура и содержание примечаний — общие для изданий Большой серии «Библиотеки поэта». После цифры — номера стихотворения даются сведения о первой публикации, очень часто являющейся источником текста, а в тех (редких у Анненского) случаях, когда в последующей публикации что-либо менялось (чаще всего заглавие или подзаголовок), после двух дефисов и соответствующей аббревиатуры,— сведения об этих изменениях. Далее идут сведения об архивных источниках с указанием на изменения заглавий и другие варианты, в разделе переводов — также указания на оригиналы. В заключение (если того требует текст) — реальный комментарий. Примечания к стихотворениям, представленным в разделе «Другие редакции и варианты», отмечены звездочкой (*) рядом с их порядковым номером.

Все подстрочные ссылки в тексте, не отмеченные как редакционные, принадлежат Анненскому.

Составитель приносит сердечную благодарность за многостороннюю помощь, оказанную при подготовке настоящего издания, следующим лицам: Н. Т. Ашимбаевой, М. Л. Гаспарову, Е. А. Голлербаху, Н. А. Давыдовой, Б. Ф. Егорову, М. Н. Козловой, А. В. Лаврову, Ю. В. Откупщикову, И. И. Подольской (рецензировавшей рукопись книги), Н. А. Трофимовой, Н. А. Федоровой.

Список условных сокращений, принятых в примечаниях и разделе «Другие редакции и варианты»

ГПБ — Отдел рукописей Гос. Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

КЛ — Анненский И. Кипарисовый ларец: Вторая книга стихов. Посмертная. М.: Кн. изд-во «Гриф», 1910.

КЛ 2 — Анненский И. Кипарисовый ларец. Вторая книга стихов (посмертная) /Под ред. В. Кривича. Изд. 2-е. Пб.: [«Картонный домик»], 1923.

КО — Анненский И. Книги отражений. М. 1979 (в серии «Литературные памятники» АН СССР).

«Лит. прил.» — «Литературное приложение».

ЛМ — Кривич В. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам//Альм. «Литературная мысль». III. Пг., 1925.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома).

ПК — Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1981. М., 1983.

ПС — Посмертные стихи Иннокентия Анненского/Под ред. В. Кривича. Пб.: «Картонный домик», 1923.

СиТ — Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л.: «Сов. писатель», 1959 (Б-ка поэта, БС).

ТП — Ник. Т — о ⟨Анненский И.⟩. Тихие песни. С приложением сборника стихотворных переводов «Парнассцы и проклятые». Спб.: «Т-во художеств. печати», 1904.

ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТИХИЕ ПЕСНИ

Эпиграф к книге — слегка измененная вторая строфа ст-ния «Не могу понять, не знаю...» (№ 186). О псевдониме «Никто» см. вступ. ст., с. 14.

1. ТП. Автограф не выявлен.

2. ТП. Автограф, с вар., в ЦГАЛИ. В качестве загл.— математический знак бесконечности. *В кругу эмалевых минут* Имеется в виду эмалевый циферблат часов.

3. ТП. Автограф, без загл., с вар., в ЦГАЛИ.

*4. ТП. Два автографа, с вар., в ЦГАЛИ.

5. ТП. Автограф не выявлен.

6. ТП. Беловой автограф, без загл., без подзаг., с вар., в ЦГАЛИ.

7. ТП. Автограф, под загл. «Листопад», с вар., в ЦГАЛИ

8. ТП. Автограф, под загл. «Летним вечером», с зачеркнутым загл. «Огонек папиросы», с вар., в ЦГАЛИ.

9. ТП. Автограф, с вар., в ЦГАЛИ.

*10. ТП. Автограф, под загл. «Стекло», с зачеркнутым загл. «Летний вечер», в ЦГАЛИ (начиная со 2-й строфы — черновой текст) Другой автограф, под загл. «Стекло», в ГПБ.

11—12. ТП.
1. Автограф, под загл. «Июльский сонет», с вар., в ЦГАЛИ.
2. Автограф в ЦГАЛИ. *Кирьга* (обл.) — кирка. *Грабары* (обл.) — землекопы.

13—14. ТП.
1. Автограф, с вар., в ЦГАЛИ.
*2. Беловой автограф в ГПБ. Черновой автограф, без загл., с вар , в ЦГАЛИ.

*15. ТП. Автограф, под загл. «Осень», с вар., в ЦГАЛИ; там же черновой автограф, под загл. «Неконченный сонет», с вар. В другом автографе ЦГАЛИ, также под загл. «Осень», без 2-й строфы и с вар. *И тех, которые уж лотоса вкусили.* По верованиям древних греков, цветок лотоса заставлял забыть о прошлом и даровал блаженство.

16. ТП. Автограф, под загл. «Зимний сонет», в ЦГАЛИ. Другой автограф, под тем же загл., в ГПБ; вар. ст. 9—10: «Как тяжела зимы неволя. Скорей бы сумерки да в поле».

17. ТП. Автограф, без загл., с вар., в ЦГАЛИ. Дед, *деды* — репейник, чертополох.

18. ТП. Автограф, под загл. «Экран», с зачеркнутым загл. «У камина», с вар., в ЦГАЛИ. *Пурпуровые тоги* — торжественное одеяние консулов в Древнем Риме, здесь — атрибут славы.

19. ТП. Автограф, под загл. «На рассвете», с зачеркнутым загл. «Когда закроешь глаза», в ГПБ. Вар. ст. 1: «Рассветает, Будет дождь».

20—21. ТП.
1. Черновой автограф, под загл. «Вечером», с вар., в ЦГАЛИ.
2. Автограф в ЦГАЛИ (в составе авторской тетради).

*22. ТП. Автограф, с вар , в ЦГАЛИ; рядом черновой текст.

*23. ТП. Автограф в ЦГАЛИ; там же два других автографа, под загл. «Ужин», с вар.

24. Два беловых автографа, под загл. «Поэзия», один с вар , в ЦГАЛИ. Там же два списка под тем же загл., с вар.

25. ТП. Два автографа, один под загл. «Соната», с вар., другой, беловой, под загл. «Соната», с подзаг. «Сонет» и зачеркнутым загл. «У фортепьяно», с вар., в ЦГАЛИ.

26. ТП. Автограф в ЦГАЛИ. Другой, беловой, автограф с авторскими поправками в ГПБ (в письме к А. В. Бородиной от 8 июня 1903 г.), с вар. ст. 2: «И знамя нес он голубое».

27. ТП. Автограф в ЦГАЛИ.

28. ТП. Два автографа, с вар., в ЦГАЛИ. *Villa Nazionale* — парк в Неаполе. Упоминается в одной из записных книжек поэта во время путешествия по Италии.

29. ТП. Автограф в ЦГАЛИ, под загл. «За Пушкиным», означающим общность мотива со ст-нием Пушкина «Телега жизни», с вар.

*30. ТП. Шесть автографов, пять с вар., один черновой и один набросок четырех строк (на служебном бланке «Директор Императорской Николаевской гимназии. Царское Село») в ЦГАЛИ.

31. ТП. Автограф, без подзаг., с вар. ст. 13: «Нагло-красны... точно гвозди», в ЦГАЛИ.

*32. ТП. Два автографа. Один — черновой, под загл. «Эта ночь бесконечна была», с вар., другой — без загл., с вар., в ЦГАЛИ.

33. ТП. Автограф, под загл. «Из песен Ваньки-Каина», в ГПБ. Ст-ние написано на распространенный в русском фольклоре сюжет о любви княгини и ее *ключника* и трагической гибели обоих. Ванька-Каин — Иван Осипов, по прозвищу Каин, р. в 1718 г.,

вор и разбойник; устроился на службу «доносителем» в московском сыскном приказе, изобличен в преступлениях и отправлен на каторгу в 1755 г.; в фольклоре ему приписываются популярные в народе песни.

*34. ТП. Пять автографов, один беловой, четыре черновых, из которых один под загл. «В темно⟨те⟩», с зачеркнутым загл. «Свечка гаснет», и два автографа др. ред. в ЦГАЛИ.

35. ТП. Два автографа, один с эпиграфом: «На меня действует только та природа, которая похожа на декорацию. Из [Само] признаний», другой, беловой, с эпиграфом: «Мне нравится природа, когда она похожа на декорацию», оба с вар., в ЦГАЛИ. Вар. ст. 10 (в автографе следует за строкой многоточий): «Дальше вырваны в пьесе страницы».

36—38. ТП.
*1. Автограф в ЦГАЛИ; там же список, под загл. «Мои бессонницы».
2. Автограф, под загл. «Сонет», и беловой автограф, под загл. «Ночи», с подзаг. «Сонет», в ЦГАЛИ. Загл. в ТП — цитата из ст-ния Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы».
3. Автограф в ЦГАЛИ, под загл. «Через сорок лет», с зачеркнутым загл. «Перед рассветом», с вар. В первой строфе, по свидетельству В. Кривича, содержится автобиографический намек на «невыносимый нервный зуд кожи», от которого одно время поэт страдал по ночам (ЛМ. С. 214).

39—41. ТП.
1. Черновой автограф, с поправками карандашом, под загл. «Мучительные сонеты», в ГПБ. *Тир* — финикийский город (совр. Сур в Ливане) и *Багдат* (совр. Багдад) славились в древности и в средние века мастерством своих ювелиров.
2. Два автографа в ЦГАЛИ, один под загл. «Лилии цветут», другой — без загл. Там же список, под загл. «Лилии ночью».
3. Три автографа в ЦГАЛИ: один под фр. загл. «La chûte des lys» («Падение лилий».— *Ред.*). Падающие лилии (Зимой)», другой — под фр. загл. «Crépuscule du soir. La chûte des lys» («Вечерние сумерки. Падение лилий».— *Ред.*), третий — под загл. «Еще лилии»; там же список, под загл. «Зимой (Д. В. Анненской)».

42. ТП. Автограф, без загл., с вар., в ЦГАЛИ. *Святая неделя* — пасхальная неделя.

43. ТП. Автограф, без загл., с вар., в ЦГАЛИ.

*44. ТП. Два автографа, один без загл. и с вар., другой, черновой, под загл. «Ностальгия», с зачеркнутым фр. загл. «Nostalgie», с вар., в ЦГАЛИ. *Кафизмы* — раздел Псалтыри, читаемый на вечернем богослужении. *Боттичелли* Сандро (1444—1510) — великий итальянский живописец.

*45. ТП. Два автографа и список в ЦГАЛИ, все под загл. «Пушкинская кантата (не для конкурса)», третий автограф в ГПБ,

под загл. «Юбилейная Пушкинская кантата» и с инициалами И. А., четвертый — в ПД, под загл. «Рождение и смерть поэта (кантата)», с приложением «Свидетельства» В. Кривича-Анненского, датированного 15 мая 1919 г., о подлинности автографа, о том, что «кантата ⟨...⟩ написана о Пушкине в связи со 100-летним юбилеем его рождения (1899). Место написания — Царское Село. Была написана не для конкурса и на конкурс автором не представлялась». Автографы ЦГАЛИ и ГПБ отличаются от текста ТП наличием многочисленных ремарок, поясняющих музыку кантаты,— напр., в автографе ЦГАЛИ в начале после слова «Баян»: «(на былинный мотив в сопровождении гуслей)»; после ст. 5, 8, 11, 14: «(перебор струн)»; после ст. 19: «Женский хор (в староромантическом стиле)»; после ст. 36: «(Оркестровый переход). Женский голос (контральто) (на мотив в новоромантическом стиле)»; после ст. 51: «Музыка, сопровождающая это arioso ⟨ариозо⟩, принимает мрачный, даже зловещий характер; из нее вырастает Хор басов»; после ст. 55: «(Несколько тактов похоронного марша, затихающих вдали. Приближаются светлыми аккордами молодые голоса)». К ст. 28 в одном из автографов ЦГАЛИ примеч.: «Аккерманские — для Овидия и Пушкина» Все автографы содержат те или иные разночтения с ТП. Ближе всех к тексту ТП автограф ГПБ. Связь «кантаты» с Пушкинским юбилеем бесспорна. Анненский, как известно, принял деятельное участие в праздновании столетия рождения Пушкина — произнес, в частности, речь «Пушкин и Царское Село» 27 мая 1899 г. в Китайском театре в Царском Селе (издана вскоре отдельной брошюрой). *Баян* (Боян) — древнерусский певец-дружинник 2-й половины XI — начала XII в.; упоминается в «Слове о полку Игореве». Пушкин в «Руслане и Людмиле» употребил это имя как нарицательное — в значении певца вообще. *Вифлеемская звезда* — звезда, по евангельскому преданию, указывавшая путь к месту рождения Христа — Вифлеему в Галилее.

46. ТП. Два автографа, один без загл., с эпиграфом: «Черные мухи как мысли. Апухтин», с вар., другой, беловой, с загл., с тем же эпиграфом, с вар., в ЦГАЛИ. Загл.— сокращенная цитата из ст-ния А. Н. Апухтина (1840—1893), начинающегося строкой: «Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покоя».

47. ТП. Автограф в ГПБ, под загл. «Пасьянс под зеленым абажуром», с зачеркнутыми загл.: «Колода карт», «Вечером». *На́-пе* — термин карточной игры, означающий удвоение ставки.

48. ТП. Автограф в ГПБ.

49. ТП. Автограф, с вар., в ЦГАЛИ.

50—51. ТП.

*1. Три автографа, все под фр. загл. «Parallèlement» («Параллели» (фр.).— *Ред.*; сравни такое же загл. одной из книг стихов П. Верлена), один с вар., в ЦГАЛИ.

2. Три автографа под загл. «Из песен без слов» (такое же загл. у книги стихов П. Верлена «Romances sans paroles») в ЦГАЛИ.

52. ТП. Автограф, с вар. ст. 13: «Поймешь незримые дотоле», в ЦГАЛИ. *Центифолии* — дикий вид кустарниковой розы.

53. ТП. Автограф в ЦГАЛИ.

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ

Загл. сборника связано с кипарисовой шкатулкой, в которой хранились тетради стихов поэта.

ТРИЛИСТНИКИ

54—56. КЛ.

1. Автограф и список в ЦГАЛИ.

2. Автограф в ЦГАЛИ; там же два авторизованных списка, в одном из них приписка рукою Анненского: «1. В Трилистники».

3. «Слово». 1906, 12 апр., «Лит. прил.», № 9, под загл. «Свечу внесли» (опечатка?) - - КЛ. Автограф в ЦГАЛИ. Другой, беловой, автограф, без загл., с вар., в ГПБ (в письме к А. В. Бородиной от 15 июня 1904 г.).

57—59. КЛ.

*1. Два автографа окончательной ред. в ЦГАЛИ. Там же — два других автографа: один под загл. «Маки», другой — без загл., с вар. Опубликован в КЛ, под загл. «Вариант», с подзаг. «Маки в полдень». Примеч. к вар.: «осеняются Дарами», т. е. *потиром* (чашей), заключающей в себе вино и хлеб для причащения верующих.

2. «Белый камень». 1908, № 1, под загл. «Скрипка». Три автографа в ЦГАЛИ, один из них с вар.

*3. КЛ. Два автографа в ЦГАЛИ, один из них под загл. «Только раз», с вар.; там же список.

60—62. КЛ.

1. Два автографа и черновой набросок (несколько строк) в ЦГАЛИ. *Куоккала* — дачный поселок на побережье Финского залива (ныне — Репино).

2. «Перевал». 1907, № 11. Автограф в ЦГАЛИ; список (только первые 4 строфы с вар.) там же.

3. «Искра». 1909, № 3, под загл. «Суббота».- - КЛ. Два автографа в ЦГАЛИ, один под загл. «Вечером», с датой: 1906, другой — под загл. «Из детского альбома»; там же список, под загл. «Суббота», с посв., с датой: 14 апр. 1907. Загл. «Вербная неделя» — в соответствии с оглавл. авторской тетр. *Хмара-Барщевский* Валентин (1895—1944) — сын Платона Петровича, пасынка поэта.

63—65. КЛ.

1. КЛ. Автограф и маш. копия, с вар., в ЦГАЛИ.

2. Три автографа, все с вар., авториз. список с поправками рукою поэта и маш. копия ст-ния в ЦГАЛИ. Печ. по КЛ 2. В КЛ ст. 7 начинается так: «А с ними всё душней 〈...〉». *Сторы* — шторы.

3. «Остров». 1909, № 2.- - КЛ. Автограф и маш. копия в ЦГАЛИ. *Валлен-Коски* — водопад на реке Вуокси в Финляндии.

66—68. КЛ.

1. Автограф в ЦГАЛИ. Другой, беловой, автограф, под загл. «Лунные дымы», принадлежавший Арс. Альвингу, в Гос. Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, содержит вар. ст. 6: «Потому что исполнил свой жребий».

2. Автограф в ЦГАЛИ. *Тотьма* — уездный город к северу от Вологды.

3. Три автографа в ЦГАЛИ, два из них с вар.

69—71. КЛ.

1. Три автографа в ЦГАЛИ, один, черновой, под загл. «Счетчик муки», с зачеркнутым загл. «Будильник», два беловых, один под загл. «Будильник», другой — под загл. «Арефина шарманка», без даты (в письме поэта к Д. В. Анненской от 8 июля 1909 г.). *Арефа* — Арефа Гламазда, слуга, привезенный Анненскими с Украины и пробывший в их доме более 25 лет.

2. Два автографа в ЦГАЛИ, один с подзаг. «(Романс)», другой — с подписью: «Ник. Т — о», и список с авторскими поправками, видимо, более поздний.

3. Четыре автографа в ЦГАЛИ, два из них, в том числе черновой, под загл. «Сонет», с вар., и маш. копия, также под загл. «Сонет».

72—74. КЛ.

1. Беловой автограф, где в начале ст. 5 вместо зачеркнутого «Но» вписано «И»; авториз. список — в ЦГАЛИ. В авторской тетр. на лицевой стороне того же листа, где записан данный текст, ст-ние под тем же загл., представляющее, однако, самостоятельное целое (см. ст-ние 222); оно вошло в ПС. В. Кривич в примеч. к КЛ 2 (с. 151) отмечает, что автор предназначал для КЛ только первое.

2. Автограф в ЦГАЛИ.

3. Автограф, под загл. «Новогодняя сказка», и список под тем же загл., в ЦГАЛИ. В оглавлении авторской тетр. Анненским вписано загл. «Январская сказка», воспроизведенное, как более позднее, в КЛ и КЛ 2.

75—77. КЛ.

1. Автограф в ЦГАЛИ. *«Шелест крови»* — цитата из повести Тургенева «После смерти (Клара Милич)», гл. XV: «И вот ему ⟨герою повести Якову Аратову⟩ почудилось: кто-то шепчет ему на ухо... «Стук сердца, шелест крови»,— подумал он». Анненский приводит данную цитату в своем очерке «Умирающий Тургенев» (КО. С. 37).

2. Автограф, под загл. «Кошмар. Киевские пещеры в кошмаре», в ЦГАЛИ; там же список и маш. копия ст-ния под загл. «Кошмар», с зачеркнутым загл. «Киевские пещеры в кошмаре»; на списке и маш. копии внизу автором написано загл. «Киевские пещеры». Загл. в КЛ изменено, видимо, во избежание нового повторения слова «кошмар», уже два раза представленного в «Трилистнике». В ст-нии имеются в виду так наз. «дальние пещеры» Киево-Печерской лавры, очень узкие и низкие, с могилами и мощами монахов.

3. Автограф и два списка в ЦГАЛИ.

78—80. КЛ.

1. «Слово». 1906, 27 февр., «Лит. прил.», № 4. Автограф и список в ЦГАЛИ.

2. «Искра». 1909, № 3, под загл. «Доля», без строфы 2, с вар. ст. 9: «Скормить ненасытным утробам» и ст. 11: «Чтоб старая дочка за гробом».- - КЛ, под загл. «Доля (Кулачишка)».- - КЛ 2, под загл. «Кулачишка (Доля)». Два автографа в ЦГАЛИ, один под загл. «Доля»; другой — без загл., с датой. Печ. по списку ЦГАЛИ (видимо, более позднему), где загл. «Кулачишка» вписано Анненским вм. зачеркнутого «Доля», а текст совпадает с КЛ (дата — по автографу без загл.). *Грязовец* — уездный город к югу от Вологды.

3. Два автографа, один с датой, другой с вар., и черновые наброски в ЦГАЛИ. *Парсифаль* — опера Рихарда Вагнера (1882) на сюжет средневекового немецкого эпоса; герой эпоса и оперы — доблестный рыцарь, носитель христианских нравственных идеалов.

81—83. КЛ.

1. Автограф, под загл. «В волшебную призму», и авториз: список в ЦГАЛИ.

2. Автограф и список в ЦГАЛИ.

3. Автограф в ЦГАЛИ, другой — в ГПБ.

84—86. КЛ.

1. Автограф в ЦГАЛИ. *Слова, слова, слова* — реминисценция из «Гамлета» Шекспира (действие второе, сцена вторая).

*2. Три автографа в ЦГАЛИ, беловой, под загл. «Ballade» и зачеркнутым подзаг. «Дачная баллада» (в письме к Д. В. Анненской от 8 июля 1909 г.), другой — под загл. «Баллада» и с зачеркнутыми загл. «Комедия» и «Анапесты», с вар., и черновой под загл. «Ballade» с вар.; все без посв., имеющегося только в КЛ; кроме того, черновой набросок двух строф. *Гумилев* Николай Степанович (1886—1921) — поэт-акмеист, учился в Николаевской царскосельской гимназии, когда Анненский был там директором. *Во блаженном...* — начало одной из молитв православной заупокойной службы («Во блаженном успении и живот и покой»). *Фенол* — карболовая кислота. *Посылка* — заключительная часть баллады как лирического (не повествовательного) стихотворения.

3. Автограф в ЦГАЛИ.

87—89. КЛ.

1. Автограф и список в ЦГАЛИ.

2. Автограф в ЦГАЛИ.

3. Беловой автограф, без даты, с подзаг. «В Симферополе летом», и список с датой, внесенной автором, в ЦГАЛИ.

90—92. КЛ.

*1. Три автографа в ЦГАЛИ, два из них (один — черновой) с вар. *Первый Овидиев век* — первые времена человечества; имеется в виду эпическое произведение римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э.—16 н. э.) «Метаморфозы», основанное на преданиях античного мира о богах и героях. *Иматра* — водопад на реке Вуокси в Финляндии.

2. Автограф в ЦГАЛИ.

3. Автограф в ЦГАЛИ.

93—95. КЛ.

1. Автограф и неполный список (первые 3 строфы) в ЦГАЛИ. *Хлороз* — бледнокровие, «бледная немочь», также болезнь растений, выражающаяся в пожелтении листьев.

*2. Три автографа, один черновой, под загл. «Лунное воспоминание», с вар., и неполный список (первые 5 строф), в ЦГАЛИ; еще автограф, с вар., в Гос. Литературном музее (Москва). *Куколь* — монашеский головной убор.

3. Два автографа в ЦГАЛИ.

96—98. «Аполлон». 1909, № 1, под общим загл. «Ледяной трилистник».- - КЛ.

1. Автограф в ЦГАЛИ.

*2. Пять автографов в ЦГАЛИ, два беловых, три черновых, из них два с вар., там же, кроме того, два черновых незавершенных наброска и маш. копия.

*3. Два автографа в ЦГАЛИ, один под загл. «Воскресение» (в оглавлении авторской тетр. почерком неустановленного лица: «Дочь Иаира»), с вар., другой — под загл. «Дочь Иаира» и с одной строфой, записанной на обороте предшествующего листа (опубликована в КЛ 2).

99—101. КЛ.

1. Автограф в ЦГАЛИ. *Полосатые тики* — чехлы из названной материи, надевавшиеся на диваны в вагонах первого класса.

2. Два автографа, один из них без загл., и черновой карандашный набросок, в ЦГАЛИ.

3. «Белый камень». 1908, № 1.--КЛ, под загл. «Внезапный снег».- - КЛ 2, под загл. «Зимний поезд», с подзаг. «(Внезапный снег)». Автограф, под загл. «Внезапный снег», без последних двух строф, и список, где загл. «Зимний поезд» внесено рукой автора поверх зачеркнутых: «Внезапный снег», «В вагоне ночью», в ЦГАЛИ.

102—104. КЛ.

1. Автограф в ЦГАЛИ.

2. Автограф и авторизованный список, по-видимому более поздний, по которому ст-ние печатается, в ЦГАЛИ.

*3. Два автографа, один из них с вар., и маш. копия ст-ния с вар. в ЦГАЛИ.

105—107. КЛ.

1. «Перевал». 1907, № 11. Четыре автографа, три из них черновые, один с датой, и список в ЦГАЛИ, все без загл. Датируется 1906 г. по указанию В. Кривича (см.: КЛ 2. С. 152). Статуя *Андромеды*, работы неизвестного скульптора XVIII в., с поврежденной и грубо реставрированной рукой,— в Екатерининском парке г. Пушкина возле бассейна с небольшим фонтаном.

2. Три автографа в ЦГАЛИ, два из них черновые, один с вар.; кроме того, перечеркнутый автограф с зачеркнутым загл. «Бюст Пушкина». *Бронзовый поэт* — памятник Пушкину работы Р. Р. Баха в Лицейском саду г. Пушкина.

3. Два автографа в ЦГАЛИ, без подзаг., один с вар.; там же маш. копия ст-ния, без подзаг., с вар. Беловой автограф с загл. «Pace» и подзаг., с вар., в ГПБ (в письме к А. В. Бородиной от 2 августа 1905 г.). *Статуя мира* — мраморная женская фигура с опущенным

факелом, работы итальянского скульптора XVIII в. Бартоло Модоло, находится в Екатерининском парке г. Пушкина; прежде стояла на круглой площадке у павильона «Эрмитаж», ныне перенесена к дворцу. *Меж золоченых бань и обелисков славы.* Имеются в виду парковые павильоны «Верхняя баня», «Нижняя баня», «Турецкая баня» и памятники в честь побед русских войск. *Люблю обиду в ней, ее ужасный нос.* Имеется в виду повреждение скульптуры (в настоящее время реставрирована).

108—110. КЛ.

1. Автограф и два списка в ЦГАЛИ, под одним авторская помета: «Дорога. Постоялый Двор».

2. Автограф и неполный список (первые 4 строфы) в ЦГАЛИ.

3. Два автографа в ЦГАЛИ, один с вар. *Брашно* (устар.) — еда, кушанье.

111—113. КЛ.

1. Автограф в ЦГАЛИ; там же список с вар. ст. 10: «Я ощупью иду, но верною дорогой».

2. Автограф в ЦГАЛИ.

3. Сб. «Северная речь» Спб., 1906, с посв.- - КЛ, также с посв. Автограф в ЦГАЛИ, без посв., и там же маш. копия ст-ния с посв., вписанным рукой автора. *Зелинский* Фаддей Францевич (1859—1944) — профессор кафедры классической филологии Петербургского университета, переводчик античных авторов. *В капризно созданном среди музея храме.* Вероятно, имеется в виду посвященный религиям Востока музей Гиме́ в Париже. *Трен* — конец длинного женского платья, тянущийся наподобие шлейфа. *Маскотта* — «Маленькая Маскотта» (1880) — оперетта французского композитора Эдмона Одрана.

114—116. КЛ.

1. «Остров». 1909, № 2. Два совпадающих списка в ЦГАЛИ. *Арлекин и Пьеро* — постоянные действующие лица старинной итальянской народной комедии, которую театральные новаторы пытались возродить в России начала XX в. Арлекин — бойкий и предприимчивый юноша в наряде из разноцветных лоскутьев; Пьеро — грустный неудачник, одет в белое, с бледным лицом.

2. Автограф в ЦГАЛИ с зачеркнутым загл. «Красные шары»; там же два списка, в одном зачеркнуты первые 11 строк — далее, от ст. 12, совпадает с автографом и печатным текстом *Ваше степенство* — почтительное обращение к купцу в царской России. *И на сердце с Катенькой.* Имеется в виду кредитный билет сторублевого достоинства с изображением Екатерины II (простореч.).

3. Два списка, один с вар., другой авторизованный (текст соответствует КЛ), и черновой автограф в ЦГАЛИ.

117—119. КЛ.

1. «„Понедельник“ газ. „Слово“». 1906, № 10, 17 апр , под загл. «Тает». Датированный автограф в ЦГАЛИ под загл. «Тает. „Черная весна“», воспроизведенный с перестановкой загл. и подзаг. в КЛ и КЛ 2.

2. Один автограф, без загл., в ЦГАЛИ, другой, по-видимому более поздний, в ГПБ; по нему ст-ние печатается.

3. «Перевал». 1907, № 11, с вар. ст. 14: «В сердце сменится

радость раскаяньем». Автограф в ЦГАЛИ; там же список, по-видимому более поздний, с авторскими поправками, но без загл. Печ. по списку, но с загл. (в соответствии с автографом и прижизненной публикацией).

120—122. КЛ.

*1. Три автографа в ЦГАЛИ, один из них — другая редакция; второй — под фр. загл. «A la maniere de Paul Verlaine»(«В манере Верлена».— *Ред.*); там же список. *Град шутих.* Шутиха — фейерверочная ракета. *Пэ-она третьего размер* — стихотворная стопа в четыре слога, из которых сильным (в рус. яз.— ударным) является третий.

2. Автограф и список в ЦГАЛИ. *Пэон второй — пэон четвертый* — четырехсложные стихотворные стопы, в которых сильными являются соответственно второй и четвертый слоги. *Консорты* — товарищи, соучастники.

3. Автограф и список в ЦГАЛИ. *Пиль* — приказ собаке, делающей стойку: «Вперед! Бери...» *Тубо* — приказ собаке: «Стой! Не трогай!»

123—125. КЛ.

1. Сб. «Северная речь». Спб., 1906. Два автографа в ЦГАЛИ, один из них с посв. «A mon juge impeccable» («Моему непогрешимому судье» *(фр.).— Ред.*)

2. «Белый камень». 1908, № 1. Автограф в ЦГАЛИ.

3. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ.

126—128. КЛ.

1. Печ. по автографу ЦГАЛИ, где исправлена последняя строка.

2. Три автографа в ЦГАЛИ, один из них под загл. «Жаровня», с вар.; другой — черновой, с вар.

*3. Автограф в авторской тетр. и пять автографов — др. ред. на отдельных листах в ЦГАЛИ *Алмея* — танцовщица-певица в странах Востока.

СКЛАДНИ

129—130. КЛ.

1. Два автографа, один в авторской тетради, другой, беловой, под загл «Мир», в письме поэта к Е. М. Мухиной, рукою которой внизу текста поставлена дата: 1907, и авториз. список в ЦГАЛИ.

2 Три автографа в ЦГАЛИ: один в авторской тетради, другой, беловой, в письме поэта к Е. М. Мухиной, с вар. и припиской от 12 дек. 1908, третий в записной книжке, также с вар.

131—132. КЛ.

1. Список в ЦГАЛИ. *Контрафакции* — подделки

2. Список в ЦГАЛИ.

133—134. КЛ.

1. Два автографа в ЦГАЛИ, один из них под загл. «Томные елки», с вар.

*2. «Трудовой путь». 1907, № 7. Автограф в ЦГАЛИ; там же список с авторской подписью; кроме того, карандашный черновик и

зачеркнутый набросок, сюжетно относящийся к этому ст-нию и в то же время говорящий о его связи с образом Гретхен из «Фауста» Гете. *Лысый* — водяной.

135. КЛ. Два автографа в ЦГАЛИ, один из иих датирован.

136. КЛ. Автограф, без посв., в ЦГАЛИ. *Штейн* Сергей Владимирович (1882—1955) — брат невестки Анненского, первой жены его сына; поэт, переводчик, критик, сотрудничал в журн. «Аполлон».

137. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ. Отсутствие посв., видимо, неслучайно. Хотя, возможно, в виду имеется К. Д. Бальмонт, одно время высоко ценимый Анненским, ст-ние дает обобщенный образ поэта, которого автор противопоставляет себе. *Эшафодаж* — здесь: причудливая высокая прическа.

138. КЛ. Автограф и список в ЦГАЛИ.

РАЗМЕТАННЫЕ ЛИСТЫ

139. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ с подзаг. «Снег». Другой, беловой, автограф в ГПБ (в письме к А. В. Бородиной от 12 января 1905 г.).

140. КЛ. Автограф, без посв., и карандашный набросок, с вар., в ЦГАЛИ; другой автограф, под загл. «Из далеких воспоминаний», также без посв., с вар., в ГПБ. *Анненская* Александра Никитична (1840—1915) — см. вступ. ст., с. 9. *Было мне музыкой сфер.* Имеется в виду существовавшее в Древней Греции представление о гармонических звуках, происходящих якобы от движения небесных тел.

141. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ.

142. КЛ. Автограф, без посв., в ЦГАЛИ, там же список, где посв. вставлено автором в сокращенной форме: О. Х.-Б. *Хмара-Барщевская* Ольга Петровна — жена пасынка Анненского Платона Петровича, почитательница поэта.

143. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ.

144. КЛ. Автограф и список в ЦГАЛИ.

145. КЛ. Два автографа в ЦГАЛИ, один с вар.

146. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ. *Ореанда* — царское имение в Крыму; речь идет о развалинах дворца, сгоревшего в 1882 г.

147. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ, с зачеркнутым загл. «Сонливость».

*148. КЛ. Два автографа в ЦГАЛИ, один с датой, другой с вар.

149. «Слово», 1906, 12 февр., «Лит. прил.», № 2, под загл. «Романс».- -КЛ, под загл. «Весенний романс». Автограф в ЦГАЛИ, под загл. «Романс», но в огл. авторской тетр.— «Весенний романс».

150. Сб. «Северная речь». Спб., 1906. Два автографа в ЦГАЛИ, один из них датирован.

*151. КЛ. Два автографа в ЦГАЛИ, один из них с датой: 1901, другой — с вар. Печ. по тексту, опубликованному в кн.: «День поэзии», М., 1986 (см.: Марков А. Из коллекции книжника) на основании ранее неизвестного автографа с наиболее поздней датой, но с явными описками, потребовавшими от нас применения конъектуры (в «Дне поэзии» в ст. 7: «Не потому, чтоб от нее светло»). На слова ст-ния написана музыка А. Вертинским, в исполнении которого в 1910-х гг. оно приобрело популярность.

152. КЛ. Два автографа в ЦГАЛИ, один с зачеркнутым загл. «Поэзия», другой — под загл. «Закатные пятна», с вар.

153. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ.

154. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ.

*155. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ, другой — в ГПБ, под загл. «Забытая фраза», с вар.

156. КЛ, под загл. «Разлука. Прерывистые строки». Три автографа в ЦГАЛИ, два под загл. «Прерывистые строки», один из них черновой, третий — под загл. «Прерывистые дактили», с вар.; там же список, под загл. «Прерывистые строки», с авторской подписью и наиболее поздней датой, по которому печатается. В ПД — список рукой Д. В. Анненской.

157. КЛ. Автограф в ЦГАЛИ, там же список, по которому публиковалось в КЛ, КЛ 2 и СиТ; в настоящем издании так же.

158. КЛ, с подзаг. «Зимний поезд». Два автографа в ЦГАЛИ, один с зачеркнутым загл.: «Мифы будней», другой, более ранний, карандашный, полустертый, в записной книжке.

159. КЛ. Два автографа в ЦГАЛИ, один с вар. ст. 7: «Не спешите их учить» и др.; там же список с вар.

*160. КЛ. Черновой автограф, без загл., с датой и подписью, без посв., и набросок (6 строк) в ЦГАЛИ; список рукою В. Кривича в ПД. В КЛ примеч.: «„Моя Тоска" — последнее стихотворение автора и включено в книгу после его смерти». *Кузмин* Михаил Алексеевич (1877—1936) — поэт, близкий к кругам символистов и акмеистов. Художник А. Я. Головин сообщил: «Незадолго до смерти Анненский в редакции «Аполлона» беседовал с М. А. Кузминым на тему о сущности любви и ее формах. Вскоре после этого он написал стихотворение, посвященное Кузмину, на тему, затронутую в их споре» (Головин А. Я. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.; М., 1960. С. 100). М. А. Кузмин в своем дневнике (ЦГАЛИ) 11 ноября 1909 г. отметил: «На собранье (в редакции «Аполлона») я спорил с Инн⟨окентием⟩ за безлюбость и христиа⟨нство⟩». *Капище* — храм, святилище.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

161. ЛМ. В ЦГАЛИ — датированный черновой автограф, с вар. ст. 7: «Он говорит поблекших и о смерти», и два списка, полностью совпадающих друг с другом и с текстом ЛМ; кроме того, автограф под загл. «Из „Иллюзий"» (предположительно более ранний). Вопреки загл., является самостоятельным стихотворением. По словам В. Кривича, оно — единственное, которое из ранних своих стихов Анненский сохранял вместе со стихами, возникшими много позднее, хотя и не напечатал его (см.: ЛМ. С. 223)

162. ЛМ, где опубликовано В. Кривичем со ссылкой на автограф, датированный 24 февр. 1890 г. Три автографа, с вар. относительно друг друга и посв., в ЦГАЛИ. В ГПБ (фонд А. Н. Пыпина, № 621) список рукой С. К. Булича в письме его к Пыпину, без посв., с загл. "Notturno" (в соответствии с итальянской музыкальной традицией), полностью совпадающий с одним из автографов ЦГАЛИ, с датой 26 февр. 1890 г. и предназначенный для печати, как явствует из письма Булича (от 9 марта 1890 г.) с просьбой передать ст-ние в редакцию «Вестника Европы» и просьбой от лица автора набрать слово «Время» в ст. 8 разрядкой, а не курсивом. Печ. по списку. Посв. по автографу. *Булич* Сергей Константинович (1859—1921) — профессор Петербургского университета, филолог-славист, теоретик музыки, композитор; на слова ст-ния написал романс.

163. СиТ. Список в ЦГАЛИ — с пометой В. Кривича в конце текста: «(По сообщению Мухиной) 1900 г. Единственный автограф у Е. М. Мухиной. По ее объяснению, Анненский одно время хотел взять текст для помещения в книгу, но потом или раздумал, или забыл». Другой список хранится у составителя (сделан Е. М. Мухиной и подарен ему в марте 1940 г.). Автограф, очевидно, не сохранился. *Мухина* Екатерина Максимовна — жена А. А. Мухина (о нем см. вступ. ст., с. 15), оба они погибли в первую зиму блокады Ленинграда.

164. «Аполлон». 1911, № 1, с вар. ст. 4: «И свежей и шумнее трава». В ЦГАЛИ два автографа, один под загл. «Романс», другой без загл., с датой, с вар. ст. 4: «И свежей и шумнее трава» и ст. 7—8: «Лепестки хризантем развилися, Завитки твоих кос... Но зачем», и авториз. список. Печ. по этому списку.

***165.** ПС. Автограф в ЦГАЛИ, с вычеркнутыми после 2-й строфы двумя четверостишиями. Из примеч. В. Кривича: «Шутка была написана в Ялте, осенью 1904 г. Цимбалист играл в дневные часы на эстраде открытого ресторана в Городском саду» (ПС. С. 164). *Кэк-уок* — модный в начале XX в. танец, заимствованный у американских негров. *Махмет-Мамай* — татарское имя. К варианту: *Палестрина* Пьер-Луиджи (1525—1594) — итальянский композитор, автор церковной музыки, уроженец г. Палестрины.

166. «Аполлон». 1911, № 1. Автограф и список в ЦГАЛИ. *Что видел здесь я, кроме зла и муки.* Во время пребывания в 1904 г. в Крыму на курорте Саки Анненский перенес очень тяжелую болезнь; выздоровление протекало в Ялте.

167. «Слово». 1906, 13 марта, «Лит. прил.», № 6. Автограф в ЦГАЛИ.

168. ПС. Автограф в ЦГАЛИ.

169. ПС. Автограф в ЦГАЛИ.

170. ПС. Автограф и список, с пометой «Севастополь», в ЦГАЛИ. Имеются в виду братские могилы русских солдат и матросов, погибших в Севастопольскую кампаиию 1854—1855 гг.

171. «Аполлон». 1911, № 1, с вар. ст. 21: «Уж вечер близко, а пути».- - ПС. Автограф и маш. копия, с пометой «Севастополь», в ЦГАЛИ.

172. ПС. Автограф, с датой, и список в ЦГАЛИ. Печ. по списку, где авторская поправка в ст. 21 (вм.: «Засели мы — нет мочи»).

173. Сб. «Жатва». Т. 8, М., 1916, с вар ст. 18: «И куда ты тянешь».- - ПС. Автограф в ЦГАЛИ.

174. ПС. Два автографа в ЦГАЛИ; один с датой.

175. ПС, где опубликовано со ссылкой на автограф, принадлежащий А. В. Бородиной, ныне неизвестный. Дата — по ПС. Эпиграф — первая строка ст-ния М. Роллина, переведенного Анненским под загл. «Безмолвие» (см. ст-нне 319). *Горе безумной* — подразумевается гибель Офелии в трагедии Шекспира «Гамлет».

176. Сб. «Жатва». Т. 8, М., 1916, с вар. ст. 2: «А маятник будто заснул», ст. 6: «Которого долго ждала» и ст. 15: «Твою так же тихо качнуть». ПС. Два автографа в ЦГАЛИ, один нз них, с датой,— в альбоме автографов В. Крнвича. *Лира часов.* Имеются в виду прннадлежавшне Анненскому напольные «старые темно-красные в форме лиры н с маятником лирой часы» (ЛМ. С. 219).

***177.** ПС. Источннк этой публнкации не установлен: возможно, это однн из более поздних автографов или правленых списков, не находнвшнйся в личном архнве поэта. В ЦГАЛИ два автографа, с вариантами ст-ння (прнводятся в примеч. к ПС. С. 153), находятся в одной из авторскнх тетр., содержащей как списки ранних стихов, так и автографы орнгинальных ст-ний и переводов из состава ТП и относящейся предположительно к 1890-м — началу 1900-х гг., кроме того, там же список с вар.

178. ПС. Список в ЦГАЛИ. *Тургеневский малаец* — персонаж повести И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви», слуга феррарского патриция Муция, вывезенный с Востока.

179. ПС. Автограф и список, с подписью автора, в ЦГАЛИ.

***180.** ПС. Автограф в ЦГАЛИ; на его обороте спнсок «варианта» Черновой автограф — там же.

*181. ПС. Два автографа в ЦГАЛИ, один с вар. *Инфернальный* — адский, такой, как в аду.

182. ПС. В ЦГАЛИ беловой карандашный автограф, на обороте которого черновой автограф с многочисленными помарками; там же авториз. список с посв., совпадающий с беловым автографом. Посв. Д. В. Анненской.

183. ПС. Автограф, без загл., в ЦГАЛИ. В ст. 7 «гробы» (описка?) вм. зачеркнутого «горы» (как в ПС). Примеч. В. Кривича: «*Горы глины сизой* — пресловутая голубая глина, которой одно время были полны перерытые улицы Царского Села» (ПС. С. 154).

*184. ПС. Четыре автографа в ЦГАЛИ, три беловых, два из них с вар., один под загл. «Зимний сон к снегу», там же черновой, под загл. «Post mortem» («После смерти», *лат.— Ред.*), с вар. *Пойдут Давиды* — то есть псалмы библейского царя Давида, исполнявшиеся на панихидах. *Кандило* — подсвечник для нескольких свечей.

185. ПС, где напечатано со ссылкой на единственный автограф, предоставленный для публикации А. В. Бородиной.

186. СиТ, где опубликовано по копии, снятой в 1940 г. Е. М. Мухиной (см. примеч. 163) с автографа, принадлежавшего ей и, очевидно, утраченного.

187. «Аполлон». 1910, № 11. Автограф в ЦГАЛИ.

188. ПС. Автограф в ЦГАЛИ.

189. ПС. Автограф в ЦГАЛИ.

190. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. *Сумнолицая* (устар.) — печальная

191. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. *Пени* — жалобы, сетования. *Тристен* (обл.) — трехстенный сарай.

192. ПС. Автограф в ЦГАЛИ.

193. ПС. Автограф и авториз. список, с одной поправкой автора, в ЦГАЛИ.

194. ПС. Автограф и список в ЦГАЛИ.

195. ПС. Автограф в ЦГАЛИ.

196. ПС. Автограф в ЦГАЛИ, под загл. «Из детского альбома», которое в списке ЦГАЛИ (более позднем) зачеркнуто и заменено на «Завещание»; там же вписано посв. *Хмара-Барщевский* — см. примеч. 60—62 (3).

197. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. *Анкилоз* — сращение суставов.

198. ПС. Два автографа в ЦГАЛИ. Печ. по списку с авторскими правками (ЦГАЛИ).

199. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. В огл. авторской тетр. обозначено: «К портрету (Е. Левицкой)». Левицкая Елена Сергеевна (ум. 1915) — педагог, основательница и руководительница средней школы на правах классической гимназии с совместным обучением мальчиков и девочек (в Царском Селе).

200. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. *Виксатин* — род клеенки, также сделанный из виксатина откидной верх пролетки.

201. ПС. Черновой автограф, в левом верхнем углу которого рукой В. Кривича красными чернилами вписано «сыну», и совпадающий с ним список с посв.: «(В. И. А.)» в ЦГАЛИ.

202. «Аполлон». 1911, № 1. Автограф в ЦГАЛИ, там же список с авторской поправкой в ст 8: «За неприглядностью одежд».

203. Альм. «Гриф». М., 1913 Автограф в ЦГАЛИ.

204. «Аполлон». 1910, № 8. Автограф в ГПБ, два автографа в ЦГАЛИ, один — с явными описками и вар.: ст. 16: «Скоро станет ребячьей забавой», ст. 20: «И прошедшее стало иаш идол». В черновом автографе ЦГАЛИ ст. 14 зачеркнут: «Чем вознесся наш хищник двуглавый». *В темных лаврах гигант на скале* — памятник Петру I работы скульпторов Этьена-Мориса Фальконе и Анн-Мари Колло.

205. «Аполлон». 1910, № 11. Автограф и авториз. маш. копия в ЦГАЛИ.

206. «Аполлон». 1910, № 11, с вар. ст. 9: «Только зори ли кровавы».- - ПС. Беловой автограф в ГПБ. В ЦГАЛИ черновой автограф, с зачеркнутым загл.: «Ночь на Ивана Купала», н авториз. маш. копия под загл. «За оградой» и с поправкамн рукою поэта.

207. Сб. «Жатва». Т. 8. М., 1916. Черновой автограф в ЦГАЛИ, без загл. и с зачеркнутым фр. загл. «Banalité» («Банальность».— *Ред.*), с членением на двустишия; там же спнсок без поправок и с членением на 3 строфы по 4 стиха.

208. «Аполлон». 1910, № 11. Автограф в ЦГАЛИ. В ст-нии использованы образы евангельской притчи. *Фарисей* — член религиозно-политической секты в древней Иудее, отличавшейся лицемерно-подчеркнутым исполнением внешних правил благочестия. *Мытарь* — сборщик податей, лицо, презираемое в общественных верхах древней Иудеи.

209. «Слово». 1906, 12 февр., «Лит. прил.», № 2. Автограф в ЦГАЛИ.

210. «Аполлон». 1911, № 11. Автограф в ЦГАЛИ. Печ. по маш. копии ЦГАЛИ, имеющей авторские поправки.

211—213. ПС. Загл. микроцикла не зафиксировано в рукописях, но, по свидетельству В. Кривича, принадлежит Анненскому (ПС, предисловие. С. 10). Первое и второе ст-ния записаны во 2-й тетр. «кипарисовой шкатулки», где помещены рядом, а третье — в 3-й тетр., где помещено между ст-ниями «Ель моя, елинка» и «Лунная ночь в исходе зимы». В настоящем изд., в отличие от ПС, не образуют особого раздела и даются в общем ряду стихотворений из авторских тетрадей — по месту записи первых частей микроцикла.

1. ПС, где опубликовано по позднему списку со вставками рукою автора; в этом списке ныне, однако, сохранилось только 6 строф (один лист утрачен). Два беловых автографа в ЦГАЛИ, один под загл. «История для гармони», без ремарки, с вар., и другой, с зачеркнутым загл. «Гармонные переборы», с вар. в «декорации». В автографе ЦГАЛИ разночтение в «декорации»: «Туманная и черная ночь под осень. Старая яблоня. Догорающий костер. Хромой оборванец перебирает лады старой гармоники» и в ст. 46: «Сиди пастух с трубой» (зачеркнуто: «пастух-ерой», «да волком вой»; последнее сохранено в позднейшем списке); там же авториз. список с «декорацией», вписанной рукой Анненского. Примеч. В. Кривича: «Кроме того, имеется еще автограф этих стихов (беловой на отдельных листах), видимо, более ранний. Здесь стихи не снабжены декорацией, строфы не разделены многоточиями» (ПС. С. 159). Далее В. Кривич приводит отдельные разночтения. Этот автограф обнаружить не удалось. *Громобой* — крейсер в составе русского флота во время русско-японской войны. *Артур* — Порт-Артур. *Бой* (boy, *англ.*— мальчик) — распространенное в начале XX в. в русских городах Дальнего Востока название мужской прислуги. *Резиденция* — здесь: столица.

2. Два беловых автографа в ЦГАЛИ, один с вар. Вместе с предыдущим ст-нием было объединено первоначально под загл. «Ночные песни-сцены», вписанным на отдельной странице авторской тетр. *Встрену* — диалектная форма «встречу». *Латушка* — плошка, миска.

3. Беловой автограф в ЦГАЛИ, под загл. «Колокольчи<ки>» (или «Колоко́лы»?), без ремарок; там же авториз. список с «декорацией», вписанной рукой Анненского, но неполный — только до строк: «Мало было вам? Вам? Дам». Печатаемый текст представляет собой контаминацию списка с его «декорацией» и дальнейшей части текста автографа, там же список, в который автором внесена начальная ремарка — «декорация» (в остальном совпадает с автографом). Примеч. В. Кривича: «Здесь, кроме основного поддужного колокольчика, «говорят» и бубенчики и т. н. «глухари» или «лопотуны» (большие шейные бубенцы из жести). Иногда тройка останавливается; м. б. встреча; пробивается свист поземки; поправляют упряжь; встряхиваются лошади; колокольчики лениво перезваниваются между собою. День, дома бы день, день один — высказанная вслух, затаенная, неосуществимая мечта измотавшегося колокольчика. Сказанное находится в точном соответствии с тем, что говорил по поводу этих стихов автор. Читал «Колокольчики» Анненский несколько монотонным речитативом, меняя 2—3 раза тон и выделяя те места, которые являются как бы «вкрапленными» в рассказ» (ПС. С. 160).

214. ПС. Автограф в ЦГАЛИ, с вар. ст. 3: «С крестом на вые, на панели»; там же маш. копия с авторской правкой.

215. «Аполлон». 1911, № 1. Автограф в ЦГАЛИ, другой — в ГПБ. *Лира часов* — см. примеч. 176.

216. ПС. Черновой автограф в ЦГАЛИ, под загл. «В бессонную ночь», с вар.; там же маш. копия с авторской поправкой загл на «Бессонные ночи». *Оцет* — скисшее вино, уксус, которым, по евангельскому преданию, была смочена губка, поднесенная на конце копья к устам распятого Христа.

217. Альм. «Гриф». М., 1913, без загл. - - ПС. Автограф в ЦГАЛИ; загл. вписано в верхнем левом углу. Приписка В. Кривича «Поправка написана О. П. Хмара-Барщевской по просьбе автора» Авториз. список в ЦГАЛИ, под загл. «Тоска миража».

218. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. *Микулич* (псевдоним Веселитской Лидии Ивановны, 1857—1936) — писательница, автор бытовых повестей и рассказов; долгое время жила в Царском Селе. *Нимфа с таицкой водой* — статуя «Девушка с разбитым кувшином (Молочница, Перретта)», работы П. П. Соколова, в Екатерининском парке. Таицкая вода — из водопровода, проложенного от села Тайцы и питавшего парковые пруды. *Лебедь* — образ местного духа-покровителя (на Большом озере плавали лебеди). *Фелица* — «киргиз-кайсацкая царевна» в «Сказке о царевиче Хлоре», написанной Екатериной II, которую Г. Р. Державин воспел в оде «Фелица» (от лат. felicitas — счастье). *...бронзой Пушкин молодой.* Имеется в виду памятник Пушкину работы Р. Р. Баха (см. примеч. 105—107). *Там были розы.* Имеется в виду «Розовое поле» в Екатерининском парке, первоначально обсаженное розами, которые впоследствии одичали.

219. «Аполлон». 1911, № 1. Два автографа в ЦГАЛИ, один из них с вар., там же черновой автограф, с зачеркнутым загл. «Под колокольные звоны», и ряд черновых набросков.

220. «Слово». 1906, 29 мая. «Лит. прил.», № 15, под загл. «В зацветающих сиренях». Два автографа в ЦГАЛИ, один из них без загл. и с вар.; там же список. Печ. по беловому автографу ПД (по-видимому, более позднему) на отдельном листе. *Бегичева* Нина Петровна (1869—1942) — родственница жены Анненского.

221. «Аполлон». 1911, № 1. Автограф в ЦГАЛИ, в ст. 8 незачеркнутый вар.: «На сетчатом фоне — на фоне дрожащих теней» Принимается вар. «Аполлона», повторенный в ПС.

222. ПС. Автограф в ЦГАЛИ, где под общим загл. «Аметисты» записаны два ст-ния, одно из которых автор отобрал для КЛ (см примеч. 72—74, 1); другое помещено здесь.

223. ПС. Автограф в ЦГАЛИ.

224. ПС. Автограф в ЦГАЛИ.

* **225.** ПС. Три автографа в ЦГАЛИ, два без загл., с вар., и один, беловой, под загл. «Сверкание»; там же список без загл., с подписью автора. В ПС опубликовано по автографу, принадлежавшему

Е. М. Мухиной (см. примеч. 163) и совпадающему с беловым автографом ЦГАЛИ.

226. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. Возможио, имеется в виду собор Св. Стефаиа в Веие, где поэт был проездом (наиболее известиый храм этого имени). *Фенол* — см. примеч. 84—86 (2).

227. «Аполлон». 1911, № 1. Два автографа, один, черновой, в ЦГАЛИ.

228. ПС. Автограф в ЦГАЛИ, с зачеркиутым фр. загл. «Education sentimentale» («воспитание чувств», «сентиментальное воспитание».— *Ред.*) *Стора* — штора.

229. ПС. Два автографа, одии из иих черновой, в ЦГАЛИ. См. вступ. ст., с. 24—25.

230. СиТ. Автограф в ЦГАЛИ; там же, в записной книжке 1898 г.— наброски ст-ния под загл. «Царь миражей».

231. ПС. Автограф и два списка рукою В. Кривича в ЦГАЛИ.

232. СиТ. Автограф в ЦГАЛИ. Было включено в машннописный наборный экземпляр ПС (находящнйся ныие в ЦГАЛИ), но в окончательный текст книги не вошло. Об отношении Анненского к поэзии Блока см. вступ. ст., с. 44. Четверостишие, возможно, относится к портрету Блока кисти К. Сомова, репродукция которого была помещена в журн. «Золотое руно» (1908, № 1).

233. СиТ. Черновой автограф в ЦГАЛИ.

НАДПИСИ НА КНИГАХ, ПАРОДИИ И ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

234. «Сочннения» А. Н. Островского Анненский подарнл А. А. Мухину в 1902 г. Спнсок рукою В. Кривича в ЦГАЛИ, с указаннем даты.

235—236.

1. ПС. Автограф в ЦГАЛИ — на рукописном заглавном листе «Тихнх песен», в нижнем правом углу листа, без посв. *Архитрав* — каменная балка на колоннах. *«Придорожные травы»* — ст-ние Бальмонта в его книге «Будем как солнце» (1902). *Никто* — см. вступ. ст. с. 14.

2. ПС. Автограф в ЦГАЛИ, без посв., с которым напечатано в ПС, со ссылкой на список Е. М. Мухиной (см. примеч. 163) и с указанием, что «строки никуда ие занесены» (ПС. С. 163).

237. ПС, где приведено В. Кривнчем по памяти. Факсимнле дарственной надписи на «Книге отражений» (не на «Тихих песнях», как указывал В. Крнвнч в примеч. к ПС) — в кн.: «День поэзии». М., 1986 (М а р к о в А. Из коллекцин кннжника).

238—239. ПС.

1. Два автографа в ЦГАЛИ, один из них под загл. «На башню мифа», с посв. и с датой: «(21 июня 1909)». *Иванов* Вячеслав Иванович — см. вступ. статью, с. 44—45. *Башней* в петербургском литературном кругу называли его квартиру на шестом этаже дома на углу Таврической и Тверской улиц с широким башнеобразным выступом. Поводом для ст-ния послужили, очевидно, бытовые факты, относящиеся к жизни «на башне» и не поддающиеся ныне выяснению.

2. Автограф в ЦГАЛИ, с датой.

240. ПС. Список в ЦГАЛИ, с зачеркнутым загл.: «Петербургский сонет». Примеч. В. Кривича: «Надпись — акростих П. П. Потемкину. Кажется, на «Второй книге отражений». Последняя строка составляется из подчеркнутых букв: „Петру Потемкину на память книга эта“» (ПС. С. 165). Может быть датировано 1909 г. по времени выхода в свет «Второй книги отражений». *Потемкин* Петр Петрович (1886—1926) — поэт-сатирик, переводчик, автор сборников стихов «Смешная любовь» (1908) и «Герань» (1912). Загл. ст-ния имеет в виду полицейский участок, где произносит свой монолог воображаемый захмелевший поэт. *Мозоль* — «имевшееся у Анненского хроническое затвердение на верхнем суставе среднего пальца правой руки — от пера» (ПС. С. 165). *Піччикато* (пиццикато) — игра на струнном инструменте без смычка, только с помощью пальцев. *Кидаю мутный взор, как припертый жених... Ну что же, что в окно?* Имеется в виду Подколесин в «Женитьбе» Гоголя. *Шато́* — первая составная часть в названии многих французских вин и ликеров; здесь, возможно, и название (или часть названия) ресторана. *Вальдшлесхен* — по-видимому, название ликера. *Крестовский* — Крестовский остров. *О це бис...* (украинск.) — вот черт! *Табань* — команда грести назад.

241. СиТ. Автограф в ЦГАЛИ. *Фруг* Семен Григорьевич (1860—1916) — поэт, пользовавшийся в конце XIX — начале XX в. некоторой популярностью.

* **242.** СиТ. Автограф в ГПБ, другой в ЦГАЛИ, с вар. Пародия на ст-ние Бальмонта «Воспоминание о вечере в Амстердаме. Медленные строки» в его кн.: «Горящие здания» (1899). Его начало: «О тихий Амстердам, С певучим перезвоном Старинных колоколен! Зачем я здесь,— не там, Зачем уйти не волен, О тихий Амстердам, К твоим, как бы усталым, К твоим, как бы затонам, Загрезившим каналам». Предметом пародии является пристрастие Бальмонта к экзотике и любование «страшными» образами. Эпиграф, по-видимому, вымышленный (не цитата) и намекает на увлечение Бальмонта поэзией и другими памятниками письменности Древнего Востока. Упоминание о *Валааме* — монастыре и острове в северной части Ладожского озера — также носит иронический характер в связи с частым обращением к мотивам северной природы у ранних русских символистов (Бальмонта, Брюсова, И. Коневского). *Скорпион* — намек на ст-ние «Скорпион» в названной книге Бальмонта, где поэт сравнивает себя со «скорпионом — гордым, вольным»; возможно, подразумевается и московское изд-во «Скорпион», возглавлявшееся Брюсовым и выпускавшее книги Бальмонта. *Далай-Лама* — верховный правитель Тибета, духовный и светский. *Козою сокрушенным...*

козой доволен — намек на ст-ние Брюсова «в античном духе» «In hac lacrimarum valle» («В долине слез», *лат.— Ред.*)» (сб. «Stephanos». Венок. 1906), где есть строки «Мы натешимся с козой, Где лужайку сжали стены», вызвавшие злую критику, издевательство в прессе и несколько пародий. *Иль Бальмонта кинжалом* — подразумевается, вероятно, ст-ние «Кинжальные слова» в кн. Бальмонта «Горящие здания». *Химеры* — намек, возможно, на ст-ние Бальмонта «Химеры» в книге «Будем как солнце», посвященное изваяниям химер на соборе Парижской Богоматери. *Роденбах* Жорж (1855—1899) — бельгийский писатель, воспевший в своих стихах и в романе «Мертвый Брюгге» тишину и заброшенность старинных городов Фландрии. *Один ты на бобах* — намек на то, что в пародируемом ст-нии Бальмонт заимствует образы у Роденбаха.

243. СиТ. Два автографа в ЦГАЛИ, один с вар. Загл., возможно, имеет в виду название книги Бальмонта «Только любовь» (1903). Эпиграф — первая строка ст-ния Бальмонта «Моя душа» в кн. «Горящие здания». *Яр* — известный ресторан в Москве. *Твоя коза с тобою, мой Валерий* — см. предыдущее примеч. *Волькамерии* — декоративные растения семейства вербеновых.

244. ПС, где приведено по памяти. Из примеч. В. Кривича: «Страницы альбома были очень заполнены. Строки были написаны под углом к автографу, кажется, Зинаиды Гиппиус» (ПС. С. 164). *Уманов-Каплуновский* (настоящая фамилия Каплуновский) Владимир Васильевич (1845—1939) — петербургский литератор.

245. Автограф в ЦГАЛИ. Публикация в ПК (с. 104) с текстом автографа не полностью совпадает. *Мурья́* (простореч., устар.) — тесное и низкое помещение, конура. *Léon Vannier* (Леон Ванье) — парижский издатель современной французской поэзии.

246. Два автографа в ЦГАЛИ. Публикация в ПК (с. 143), не полностью совпадающая с автографами, со ссылкой на письмо Д. С. Усова к Е. Я. Архиппову (апрель, 1925), где сообщается «экспромт на неудачный официальный портрет И<ннокентия>·Ф<едорови>ча (маслом), который он не любил и повесил в какой-то темный угол за печкой» (ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 78).

<СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ>

Название раздела условно: Анненский не давал жанрового обозначения публикуемым ниже текстам.

247. «Слово». 1906, 15 мая. «Лит. прил.», № 15. Печ. по ПС. Автограф ГПБ, другой автограф в ЦГАЛИ. *Меррилль* Стюарт Фицраидольф (1863—1915) — французский поэт-символист американского происхождения. Цитата, служащая эпиграфом, не обнаружена в книгах Стюарта Меррилля, вышедших до 1906 г.

248. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. *Моложа* — молодой лес или молодая поросль. *Рипида* (церк.) — опахало (из обихода православного богослужения).

249. «Белый камень». 1908, № 1. Автограф в ЦГАЛИ. *Троватор* (Il Trovator — *ит.*) — опера Дж. Верди «Трубадур».

250. «Белый камень». 1908, № 1. Два автографа в ЦГАЛИ, один с вар. *«Граманжа»* (искаженное garde-manger, *фр.*) — кладовая для продовольствия. Такая надпись сохранялась на пароходах и теплоходах старой постройки, ходивших по Волге и рекам ее бассейна, вплоть до 1940-х гг.

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Ряд переводов, помещенных в составе единицы хранения (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 1) под общим загл.: «Ник-То. Тихие песни с приложением сборника стихотворных переводов. Парнасцы и проклятые», имеет даты, проставленные другими чернилами, чем самый текст, и помещенные, как правило, в верхнем правом углу страницы.

Гораций

Гораций Квинт Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт, автор од, сатир, посланий.

251. ТП. Автограф не обнаружен. Перевод ст-ния «Ad Barinen» («К Барине»). Это и два следующих ст-ния — из книги од, что и отмечено в их загл. соответствующим сокращением и цифрами.

252. Анненский И. Ф. Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Горация, П. Ф. Порфирова // Пятнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1903 года. Отчет и рецензии. Спб., 1904. С. 141 (где служит иллюстрацией принципа перевода), с вар. ст. 1: «Не кручинься, светик, даром» и др. - - ТП. Автограф не обнаружен. Перевод ст-ния «Ad Asterien» («К Астерии»).

253. Там же. С. 147, с вар. ст. 1: «Давно ль бойца ценили жены» и др. - - ТП. Автограф не обнаружен. Перевод ст-ния «Ulxi puellis nuper idoneus». *Рожденная в пене* — богиня Афродита. *Радость Кипра* — она же (Киприда). *Мемфис* — столица Древнего Египта, на который распространялся культ Афродиты-Киприды. *Стрекало* — острый колющий посох.

Иоганн Вольфганг Гете

(1749—1832)

254. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. Над переводом полностью выписан текст оригинала, но имя Гете не указано. Перевод ст-ния «Wandrers Nachtlied» («Ночная песнь странника»).

Вильгельм Мюллер

Мюллер Вильгельм (1794—1827) — немецкий поэт-романтик.

255. СиТ. Автограф в ГПБ, два списка в ЦГАЛИ с вар. ст. 5: «Босиком по снегу». Перевод ст-ния «Der Leiermann» из цикла «Winterreise» («Зимний путь»), послужившего текстом для одноименного музыкального цикла Франца Шуберта. В подзаг. автографа ошибочное указание: «Из «Winterreise» Шумана».

Генрих Гейне
(1797—1856)

* **256.** ПС. Три автографа в ЦГАЛИ, один под загл. «Ich grolle nicht», другие два без загл., с вар., и два автографа в ГПБ, один — под загл. «Ich grolle nicht», другой — без загл., оба с вар.; в одном из них — надпись в скобках под немецким загл. ст-ния: «(есть ли тут ирония?)». Оба автографа ГПБ в письме к Н. П. Бегичевой, в котором Анненский говорит: «Это не Гейне, милая Нина, это — только я. Но это также и Гейне. Обратите внимание на размер, а также на то, что Ich grolle nicht начинает и заканчивает вторую строку, отчего в первой получилась двойная рифма, причем на тот же гласный звук». Перевод ст-ния «Ich grolle nicht, und wenn das Herz auch bricht» из «Buch der Lieder» («Книги песен»).

257. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под нем. и рус. загл., другой — под загл. «Романс (из Гейне)»; там же список под тем же загл. Перевод ст-ния «Mir träumte von einem Königskind» из той же книги.

* **258.** ТП. Автограф, под загл. «(Из Гейне)», и список под тем же загл. в ЦГАЛИ; черновой автограф в ГПБ, все с вар. Перевод ст-ния «Sie saßen und tranken am Teetisch» — оттуда же. *Пластрон* — манишка.

259. ТП. Автограф под нем. и рус. загл. и два списка под загл.: «Двойник (слова Гейне, музыка Шумана)» в ЦГАЛИ; автограф, под тем же загл. и с подзаг., в ГПБ. Перевод ст-ния «Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen» — оттуда же.

260. ТП. Три автографа, все под загл. «(Из Гейне)», один с вар., и список, под тем же загл., в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Das Glück ist eine leichte Dirne» («Счастье — легкомысленная девчонка»), являющегося автоэпиграфом ко 2-й книге «Romanzero» («Романсеро»)

Ганс Мюллер

Мюллер Ганс (1882—1950) — немецкий поэт, новеллист, автор путевых очерков, драматург; выпустил в 1904 году в Мюнхене первую книгу стихов «Die lockende Geige» («Манящая скрипка»), из которой Анненский перевел четыре ст-ния.

261. ПС. Автограф и список с вар. в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Die Mutter spricht».

262. ПС. Автограф и маш. копия в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Aretino». *Аретино* Пьетро (1492—1557) — итальянский писатель, автор сатир и произведений на эротические темы, пользовался репутацией беспринципного человека.

263. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Der alte Kirschbaum singt» («Старая черешня поет»). *Сиверкий* — холодный, северный.

264. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Reue bei Kirke».

Генри Лонгфелло
(1807—1882)

265. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один черновой. Перевод ст-ния «The day is done» из книги «Songs and Sonnets» («Песни и сонеты»).

Фредерик Мистраль

Мистраль Фредерик (1830—1914) — провансальский поэт, автор лирических стихов, поэм, трагедий.

266. СиТ. Два автографа в ЦГАЛИ, один под загл. «Магали. (Поэтическая транскрипция)», без указания на оригинал, без обозначения персонажей — участников диалога, с датой, с вар., другой — под загл. «Магали (перевод с провансальского) из «Miréio», поэмы Мистраля». *Обада* — утренняя серенада.

Шарль Бодлер
(1821—1867)

267. ТП. Автограф, под фр. и рус. загл., и два списка, один под фр. загл., оба с вар., в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Reversibilité» («Превратность»). Это, как и следующие ст-ния Бодлера, из его книги «Les fleurs du Mal» («Цветы зла»). *Зябнущий Давид* — образ, заимствованный из «Библии» («Третья книга царств», 1, 2): «...да поищут господину нашему царю девицы юныя... И да ляжет с ним, и согреется господин наш царь» (см.: Балашов Н. И. и Поступальский И. С. Примечания // Бодлер Ш. Цветы зла. М., 1970. С. 345). В оригинале — David mourant (умирающий Давид).

268. ТП, с подзаг. «(на мотив Ш. Бодлера)». В ЦГАЛИ автограф, под фр. загл. и с вар. ст. 1: «Ядом взора голубого»; там же список под фр. загл. и список первых 8 стихов с авторскими поправками, продолженный автографом остальной части ст-ния; автограф, под загл. «Призрак», в ГПБ. Перевод ст-ния «Le revenant».

269. ТП. Автограф, под фр. и рус. загл., и два списка, один с вар., в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Les hiboux».

270. ТП. Три автографа в ЦГАЛИ, один под фр. загл. и рус. «Погребенне нечестивого поэта», другой — под загл. «Погребение нечестивого поэта», третий без загл., с вар.; там же два списка под тем же загл. и с вар. ст. 6: «Выйдут частые звезды дремать». Перевод ст-ния «Sépulture d'un poète maudit».

271. СиТ. Два черновых автографа в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «La cloche felée» («Надтреснутый колокол»).

272. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под загл. «Spleen. Сплин», другой — под загл. «Spleen», с вар., там же список, с вар. Перевод ст-ния «Spleen» («Quand le ciel bas et lourd pèse comme un couvercle...»).

273. ТП. Четыре автографа, один под фр. и рус. загл., два с вар. и список с вар. в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Les aveugles». *Стогны* — площади.

Шарль Леконт де Лиль
(1818—1894)

274. ПС. Автограф и список в ЦГАЛИ. Перевод ст-иия «La mort de Sigurd» из книги «Poèmes barbares» («Варварские поэмы»). *Свевы* — древнегерманское племя. *Франк* — древний германец.

275. СиТ. Черновой автограф, без загл., в ЦГАЛИ. Неполный перевод ст-ния «Christine» («Христина») из той же книгн; в оригиiале 13 строф.

276. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один из иих — неполный перевод — и черновые наброски, без имени автора, в записной книжке 1898 г.; там же список с авторскими поправками и подписью. Перевод ст-ния «La fille de l'emyr» из той же книги. *Гавриил* — по христианским и мусульманским представлениям один из провозвестников волн бога. *Я царский сын, иду с востока* — этими словами подразумевается, что юноша — Христос.

277. ПС. Автограф, без загл., и список, без загл., в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Les montreurs» («Лицедеи» или «Показчики») из той же книги. *Макадам* — вид мостовой, по имени изобретателя английского инженера Макадама.

278. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один из них под фр. загл. и рус. «Последний луч», другой — с вар., и черновой набросок, без имени автора, в записной книжке 1898 г. Там же два списка, один под фр. загл., с вар. Перевод ст-ния «Dernier souvenir» из той же книги.

279. ТП. Три автографа в ЦГАЛИ, два из иих с вар.; там же список, с вар. Перевод ст-ния «Les spectres» из той же книги (четвертая, последняя часть в переводе опущена).

280. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., другой — с вар.; там же список. Перевод ст-ния «L'holocauste» из книги «Poèmes tragiques» («Трагические поэмы»). *С тех пор, как истины прияли люди свет* — то есть с начала христианства. *Примас* — первый по сану или правам католический епископ. *Брыжи* — кружевные или кисейные оборки на мужской сорочке. *Канты* — хвалебные песни.

281. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл. «Явление божества», другой — под загл. «Богоявление», с датой, поставленной Анненским; там же два списка, оба под загл. «Епифания», один из них с подзаг.: «(Явление божества)»; рядом с другим выписан оригинал. Перевод ст-ния «Epiphanie» из той же книги.

282. ТП. Автограф, под фр. и рус. загл., в ЦГАЛИ, там же два списка с авторскими поправками, без загл. и имени автора оригинала, один из них под фр. загл.; черновые наброски в записной книжке 1898 г. Перевод ст-ния «Le parfum impérissable» из той же книги. *Лагор* — область и город в Индии (ныне — в составе Пакистана).

283. ТП. Автограф в ЦГАЛИ, под фр. загл. и рус. «Над мертвым поэтом»; там же два списка, один под фр. загл., оба с вар. ст. 11: «И будет ли тобой мещанский век гордиться», и черновой набросок. Перевод ст-ния «Sur un poète mort» из той же книги; посвящено памяти писателя-романтика Теофиля Готье (1811—1872).

284. ТП. Три автографа в ЦГАЛИ, два с вар.; там же список с вар. Перевод ст-ния «La Maya» из той же книги.

* 285. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. Другая редакция — автограф — в ГПБ, где на обратной стороне листа выписан текст оригинала. Перевод ст-ния «Toi par qui j'ai senti pour des heures trop brèves» из книги «Derniers poèmes» («Последние стихи»).

Поль Верлен
(1844—1896)

286. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. загл. и рус. «Любимый сон», другой — под фр. загл. и с подзаг. «(под музыку Верлена)»; там же начатый набросок, зачеркнутый автограф и список под фр. загл., с вар. Перевод ст-ния «Mon rêve familier» из книги «Poèmes saturniens» («Сатурнианские стихи»).

287. ПС. Два автографа в ЦГАЛИ, один без загл., с подзаг. «(На мотив из П. Верлена)»; там же список с фр. загл. и тем же подзаг. Это — вариация на тему предыдущего ст-ния Верлена, далекая от оригинала. Фр. загл. указано Анненским неточно (вм. «Mon rêve familier»).

288. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. загл. и рус. «Сентиментальная беседа», другой — под загл. «Чувствительная беседа». Перевод ст-ния «Colloque sentimental» из книги «Les fêtes galantes».

289. ПС. Три автографа, два списка и черновой набросок в записной книжке 1898 г. в ЦГАЛИ. Далекий от оригинала перевод ст-ния «Je devine à travers un murmure» из книги «Romances sans paroles» («Песни без слов»). *Триодь* — богослужебная книга.

290. ТП. Два автографа, одни под фр. и рус. загл., и список в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Il pleure dans mon coeur» из той же книги.

291. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Oh triste, triste était mon âme» из той же книги.

292. ПС. Автограф в ЦГАЛИ, под загл. «Из Верлена (Первое стихотворение сборника «Sagesse»)». Перевод ст-ния «Beau chevalier qui chevauche en silence» из книги «Sagesse» («Мудрость»).

* **293.** ТП. Два автографа, один под фр. и рус. загл., другой — под фр. загл., с вар., и два списка в ЦГАЛИ; автограф с вар. в ГПБ. Перевод ст-ния «Langueur» из книги «Jadis et naguère» («Когда-то и недавно»). *Эпоха Апостата* — эпоха императора Юлиана Отступника (IV в. н. э.), отрекшегося от христианства и восстановившего религию античного мира; время упадка римского государства. *Стиль* — здесь орудие письма у древних — металлический грифель, которым писали на навощенных дощечках. *Паразит* — нахлебник в богатом римском доме. *Инфернальная* — адская.

294. ТП. Три автографа в ЦГАЛИ, один под лат. и рус. загл., другой — под лат. загл. и без указания на Верлена, третий — без загл. и с вар.; там же два списка, оба под лат. загл. с вар., и черновые наброски в зап. книжке 1898 г.; автограф в ГПБ, под лат. загл., без имени Верлена, с вар. Перевод ст-ния «Crimen amoris» из той же книги. *Средь золотых шелков палаты Экбатанской.* Имеется в виду город древнего Ирана Экбатаны, где, по преданию, жили волшебники — волхвы. *Алмеи* — см. примеч. 126—128. *Ахав* — древнееврейский царь, отличавшийся, по библейскому преданию, большой жестокостью. *Мидия* — государство, существовавшее в VII—VI вв. до н. э. на северо-западе территории позднейшего Ирана; так как в ст-нии время действия относится к средним векам, то упоминание Мидии является анахронизмом и условно подразумевает место действия.

* **295.** ТП. Три автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., другой — без загл., третий — под фр. загл., с датой, с вар.; черновые наброски, под загл. «Из вечерних размышлений», без имени автора, в записной книжке 1898 г.; два списка, оба под фр. загл., один с вар. Перевод ст-ния «Pensée du soir» («Вечернее раздумье») из книги «Amour» («Любовь») *Сарматы* — объединение кочевых скотоводческих племен, в III в. до н. э. населявших Северное Причерноморье. *И наг, и немощен был некогда Овидий.* Сказано о последних годах жизни Овидия (см. прим. 90—92, 1), изгнанного из Рима по приказанию императора *(цезаря)* Августа и умершего на западном побережье Черного моря.

* **296.** СиТ. Два автографа в ЦГАЛИ, один черновой. Неполный перевод ст-ния «Car vraiment j'ai souffert beaucoup» («Ибо и вправду я много страдал») из той же книги.

297. ТП. Два автографа, один под фр. и рус. загл., другой — без загл., с вар., и два списка, оба под фр. загл., один с вар., в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «J'ai la fureur d'aimer» из той же книги.

298. ПС. Два автографа в ЦГАЛИ, там же список с вар. ст. 1, 3: «Мышь... Это мечется мышь». Перевод ст-ния «Impression fausse» из книги «Parallèlement» («Параллели»).

299. ПС. Три автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., другой — под загл. «Поэт» и с подзаг. «(На мотив Поля Верлена)», третий — черновой (неполный перевод); там же список под загл. и с подзаг. «Поэт (На мотив П. Верлена)», с вар.; автограф с вар. в ГПБ. Перевод ст-ния «Caprice» из той же книги.

Сюлли Прюдом

(псевдоним Рене Франсуа Армана Прюдома, 1839—1907).

300. ТП. Три автографа, один без загл., в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Au lecteur» («Читателю»), открывающего собой Полн. собр. ст-ний поэта («Poésies complètes»).

301. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., другой — под фр. загл., там же список; автограф в ГПБ, под фр. загл., с вар. (в письме Анненского к А. В. Бородиной от 29 ноября 1899 г.). Перевод ст-ния «L'idéal» из книги «Stances».

* 302. ТП. Два списка в ЦГАЛИ, с вар. Перевод ст-ния «Mal ensevelie» («Плохо погребенная») из той же книги.

303. ТП. Три автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., два других под фр. загл., с вар.; там же два списка, оба под фр. загл. Перевод ст-ния «Si j'étais Dieu» из той же книги.

304. ТП. Два автографа, один под фр. и рус. загл., с вар., и список, с вар., в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «L'ombre» из той же книги.

305. ПС. Два автографа в ЦГАЛИ, в одном из них зачеркнуты ст. 5—8. Перевод ст-ния «Un bonhomme» из книги «Les Epreuves» («Испытания»). *Спиноза* Барух (1632—1677) — философ-материалист и атеист. Его философские взгляды и отношение к религии отражены в ст-нии произвольно. *Пока гранению им стекла подвергались.* Спиноза изобрел оптический инструмент, имевший значение для науки его времени. *Синедрион* — название высшего судебного органа у евреев в древнем Иерусалиме; здесь относится к амстердамской синагоге, которая в 1656 г. предала Спинозу проклятию и изгнала его из еврейской религиозной общины.

306. ТП. Автограф в ЦГАЛИ; там же список с вар. Перевод ст-ния «Le doute» из той же книги.

307. СиТ. Черновой автограф в ЦГАЛИ. Неполный перевод ст-ния «La voie lactée» («Млечный путь») из той же книги.

308. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., другой — без загл. и указания на оригинал, оба с вар., там же список с вар. Перевод ст-ния «L'agonie» из книги «Les Solitudes» («Одиночества»).

Артюр Рембо

Рембо Артюр (1854—1891) — французский поэт, символист, один из «прóклятых поэтов».

309. ТП. Два автографа и два списка в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Sensation» («Ощущение») из книги «Poésies».

* 310. ТП. Три автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., два других (в т. ч. черновой) с вар.; там же два списка, один с авторскими поправками, не отраженными в ТП, другой — под фр. загл., с вар. Перевод ст-ния «Ma bohême» («Моя богема») из той же книги.

311. ПС. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., другой — под фр. загл., черновой; там же список с авторской подписью (на предшествующей странице выписан весь оригинал). Перевод ст-ния «Les chercheuses de poux» («Искательницы вшей») из той же книги.

Стефан Малларме

Малларме Стефан (1842—1898) — французский поэт, в первом периоде творчества примыкавший к «парнасцам», в дальнейшем — символист.

312. ТП. Автограф, под фр. и рус. загл.; черновые наброски в записной книжке 1898 г., один под фр. загл., без имени автора, другой — под загл. «Поэтический дар»; список, под фр. загл., в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Don du poème» из книги «Poésies». *Идумея* — название области древней Палестины.

* 313. ПС. Четыре автографа в ЦГАЛИ, два с вар., один — др. ред.; два списка там же, один с авторской подписью (впереди выписан весь оригинал). Перевод ст-ния «Tombeau d'Edgar Poe» из той же книги. По *(Поэ)* Эдгар (1809—1849) — американский поэт, новеллист, критик, философ, оказавший сильное влияние на развитие символизма в западноевропейской литературе. *Что яд философа развел он в алкоголе* — намек на биографию поэта, страдавшего алкоголизмом. *Мета́* — цель стремлений.

Шарль Кро

Кро Шарль (1842—1888) — французский поэт-символист.

314. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., другой — под фр. загл.; там же список с вар. Перевод ст-ния «Le

hareng saur» из книги «Le coffret de santal» («Сандаловая шкатулка»)

315. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., другой — под загл. «„Смычок" (из Шарля Кро, «Le Coffret de santal»)», там же список с вар. Перевод ст-ния «Larchet» из той же книги. *И на скрипке кремонской играет.* Итальянский город Кремона славился искусством скрипичных мастеров.

316. СиТ. Автограф в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Intérieur» («Интерьер») из той же книги. Анненский очень высоко ценил творчество Шарля Кро, и особенно это стихотворение. Он писал М. А. Волошину 6 марта 1909 г.: «...самое *страшное и властное* слово, т. е. самое *загадочное* — может быть именно слово — *будничное.* ...Любите ли Вы Шарля Кро?.. Вот поэт — Do-re-mi-fa-sol-la-si-do... Помните? Вот что нам — т. е. в широком смысле слова — нам — читателям русским — надо. Может быть, тут именно тот мост, который миражно хоть, но перебросится — ну, пускай на полчаса — разве этого мало? — от тысячелетней Иронической Лютеции к нам в устьсысольские палестины» (КО. С. 486).

Морис Роллина

Роллина Морис (1846—1903) — французский поэт, вначале примыкавший к «парнасцам», в дальнейшем творчестве символист

* 317. ТП. Три автографа в ЦГАЛИ, один из них, самый ранний, под фр. загл. и рус. «Представитель богемы», другой — без загл., с вар., третий — под фр. загл., с вар.; там же два списка, оба под фр. загл., один с вар. Перевод ст-ния «Un bohême» из книги «Les Névroses» («Неврозы»). *Макадам* — см. примеч. 277

318. ТП. Два автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., и список с вар, Перевод ст-ния «La bibliothèque» из той же книги.

319. ТП. Четыре автографа в ЦГАЛИ, один под фр. и рус. загл., с датой и пометой рукою Анненского вверху листа: «Лето 1898 г Каменец», другой — с датой: 1901. Так как текст ТП совпадает с автографом 1898 г., принимается его дата. Перевод ст-ния «Le silence» из той же книги. *Каменец* — село с усадьбой в Смоленской губ.

320. ПС. Автограф и список в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «L'ami» из той же книги.

Тристан Корбьер

Корбьер Тристан (1845—1875) — французский поэт-символист

321—322. ТП.

1. Два автографа, под фр. и рус. загл., и два списка в ЦГАЛИ Перевод ст-ния «Paris nocturne» из книги «Les amours jaunes»

(«Желтая любовь»). *Уносит Диоген фонарь, на крюк надетый.* По античному преданию, Диоген (404—323 до н. э.), греческий философ из школы киников, днем с фонарем «искал человека», т. е. человека, достойного называться этим именем. *Ронь* — то, что обронено (здесь: колосья, оставленные прн уборке).

2. Автограф, под фр. н рус. загл., и список в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Paris diurne» из той же книги. Общее загл., объедняющее два ст-ния, принадлежит Анненскому. *Долить* — одолевать.

Франсис Жамм

Жамм Франсис (1868—1938) — французский поэт-лнрик и автор романов.

323. ТП. Автограф в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Lorsque je serai mort toi qui a des yeux bleus...» из кннги «De l'angelus de l'aube à l'angélus du soir» («От благовеста утреннего до благовеста вечернего»). *Намет* — здесь: сетка.

Франсис Вьеле-Гриффен

Вьеле-Гриффен Франснс (1864—1937) — французскнй поэт-символист.

324. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «L'automne» из книги «La clarté de vie» («Ясный свет жизнн»).

Анри де Ренье

Ренье де, Анри (1864—1936) — французский поэт-лнрик, автор новелл н романов, символист.

325. ПС. Автограф в ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «La promenade» из книги «Les médailles d'argile» («Глиняные медалн»).

326. СиТ. Черновой автограф и наброски в ЦГАЛИ. Перевод отрывка (ст. 5—8) из четвертой части небольшой поэмы «Quelqu'un rêve d'aube et d'ombre» («Кому-то грезятся заря и тень»), входящей в сборник «Poêmes» («Поэмы»). Оригинал установлен Р. Д. Тименчиком.

Ада Негри

Негри Ада (1870—1945) — итальянская поэтесса. Папка черновых автографов, с надпнсью «„Autopsia" и другие стихотворення в прозе», без указания на оригинал,— в ЦГАЛИ. Переводы 25 стихотворений — из первой книги стнхов А. Негри «Fatalitá» («Судьба», 1892). Переводы выполнены ритмизованной прозой, как большей частью принято было переводить стихи А. Негрн, напнсанные, впрочем, в обычной для итальянской поэзин силлабической форме и с рифмами. Оригиналы установлены В. М. Красовской. Переводы публикуются выборочно.

327. КО. Перевод ст-ния «Nevicata».

328. КО. Перевод ст-ния «Nebbia».

329. КО. Перевод ст-ния «Buondi, Miseria».

330. КО. Перевод ст-ния «Il canto di zappa».

331. КО. Перевод ст-ния «Il vinti».

332. КО. Перевод ст-ния «Non mi turbar».

333. Печ. впервые по черновому автографу ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Cavallo arabo».

ТРАГЕДИИ

334. Впервые — отдельным изданием: Меланиппа-философ. Трагедия Иннокентия Анненского. Спб., 1901. *Варнеке* Борис Васильевич (1878—1944) — филолог-классик и историк театра, профессор Казанского и Новороссийского (Одесского) университетов.

В тексте воспроизведены вводные замечания автора и авторские же «Примечания к лирическим партиям».

В ЦГАЛИ находится автограф, обозначенный: «Отрывки из первой редакции «Меланиппы» и план трагедии». Это — план, под загл. «Меланиппа», весьма близкий к содержанию опубликованной трагедии, со стихотворными фрагментами, представляющими собой либо фрагменты партий хоров, либо развернутые реплики персонажей; часть реплик в прозаической форме. Состав действующих лиц тот же, что в основном тексте. Как существенное отличие, отметим бóльшую резкость тона в прозаической речи Меланиппы, защищающей от Эола и Геллена своих детей: «На одну ступень сойди ниже. Ты послал нож Макарею, возьми его и вырви мне глаза, оскверненные зрелищем, как люди стали ниже животных. Ты думаешь, что я остановлюсь перед священными законами Эллады, перед волей богов? Но руки палача для тебя довольно...»

I. Вместо предисловия. Из 75 трагедий *Еврипида* (480—406 до н. э.) сохранилось 18. *Анаксагор* (500—428 до н. э.) — древнегреческий философ, взгляды которого представляют собой непоследовательный материализм. Это — учение о бесконечном качественном многообразии первичных элементов материи, из различного сочетания которых образуются все существующие вещи. Ум, по учению Анаксагора, тончайшее и легчайшее вещество, определяющее соединение и разделение элементарных частиц, движущая жизненная сила. Взгляды Анаксагора навлекли на него обвинение в безбожии, и он был приговорен к смертной казни, но спасся бегством из Афин. *Перикл* (около 500—429 до н. э.) — крупнейший прогрессивный государственный деятель Афин в период их расцвета, сильно содействовавший их политическому и культурному подъему. *Архелай* (V в. до н. э.) — македонский царь, много сделавший для развития культуры в своем государстве. При его дворе провел последние годы жизни Еврипид.

Пролог. *Меланиппой Я прослыла за волны черных кос.* Греч. melas — черный.

Д е й с т в и е п е р в о е, я в л е н и е в т о р о е. *...на сердце Зеленою осесть успело ярью.* Ярь — здесь: зеленая краска, получаемая окислением меди.

Д е й с т в и е в т о р о е, я в л е н и е п я т о е. *Срединный храм* — храм Аполлона в Дельфах.

Д е й с т в и е в т о р о е, я в л е н и е с е д ь м о е. *Зáсенок* — тенистое место.

335. Впервые — отдельным изданием: И. Ф. Анненский. Царь Иксион. Трагедия в пяти действиях с музыкальными антрактами. Спб., 1902.

В м е с т о п р е д и с л о в и я. *Схолия* — примечание к сочинению античного автора. *Arg. 3, 62* и т. д.— Argonautika, 3, 62, Scholia, confer W. H. Roscher. Ausfürlicher Lexicon der griechischen und römischen Mythologie, siehe Vocabulum Ixion.— Аргонавты 3, 62, примечание. Сравн. В.-Г. Рошер. Подробный словарь греческой и римской мифологии, см. статью «Иксион» (*лат.* и *нем.*). *Гомер.* Эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея», приписываемые ему, относятся к IX—VIII вв. до н. э. *Гесиод* (VIII—VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт. *Аристотель* (ок. 384—322 до н. э.) — крупнейший древнегреческий философ. *Poet., c. 18.*— Поэтика, глава 18 *(лат.)*. *Cf. W. H. Roscher* и т. д.— Confer W. H. Roscher. Ausfürlicher Lexicon, siehe Vocabulum Ixion. Baumeister. Denkmäler des klassischen Altertums, siehe Vocabulum. Ср. В.-Г. Рошер. Подробный словарь..., см. статью «Иксион». Баумейстер. Памятники классической древности, см. соответствующую статью (*лат.* и *нем.*). *Эсхил* (ок. 525—456 до н. э.) — первый древнегреческий драматург-трагик. *Софокл* (ок. 497—406 до н. э.) — древнегреческий драматург-трагик. *Trag. gr. fragm. Lipsiae, 1889 ², pp. 838, 490.*— Фрагменты греческих трагедий, Лейпциг, 1889, 2-е изд., с. 838, 490 *(лат.)*. *Dindorf ad fragm. inc. 329* — Dindorf ad fragmenta incertudo, 329. Диндорф. К фрагментам неизвестных трагедий, 329 *(лат.)*. *Götting. Anzeig. 1827, S. 670* — Göttinger Anzeiger, 1827, Seite 670. Геттингенский указатель, 1827, с. 670 *(нем.)*. *Eumen* — Eumenides — Евмениды *(лат.)*. *Cf. F. G. Welcker. Die gr. Tr.*— Confer F. G. Welcker. Die griechische Tragödie. 1839, 1, 52.— Ср. Ф.-Г. Велькер. Греческая трагедия, 1839. Ч. 1, с. 52 (*лат.* и *нем.*). *Eur. restit.*— Euripides restitutus.— Восстановленный Еврипид *(лат.)*. *ad. v.*— ad versum — к стиху *(лат.)*. *Apocol., p. 361* — Apocolocyntosis, pagina 361 — «Превращение в тыкву», с. 361 *(лат.)*. Комедия под этим загл. относится к 54 г. н. э. *Georg.* — Georgica — «Георгики» *(лат.)*. *Alc. Bergk. fr., 13. B. 4. Aufl.*— Alcaei, fragmenta poetarum graecorum, Bergk, 13. Band 4. Auflage — Алкей. См. Фрагменты греческих поэтов, изд. Берка, т. 13, изд. 4-е (*лат.* и *нем.*). *Cf. Eur. Or. 9, sq.*— Confer Euripides, Orestes, 9, sequentes.— Ср. Еврипид. Орест, 9, след. *(лат.)*.

Д е й с т в и е п е р в о е, я в л е н и е ч е т в е р т о е. *Стик* (также «стек») — тонкая трость, модная в конце XIX — начале XX в.; характерный для Анненского случай нарочитого анахронизма.

Д е й с т в и е в т о р о е, я в л е н и е ш е с т о е. *Она гостит в своем Самосском храме.* См. С а м о с в Словаре мифологических имен. *Муза Лета.* Музы с таким именем античная мифология не

зиает. Имеется в виду одна из дочерей богини раздора Эриды — олицетворение забвения.

336. Сб. «Северная речь». Спб., 1906. Точная дата окончания трагедии — 13 июня 1902 г.— устанавливается на основании письма Анненского к А. В. Бородиной от 14 июня 1902 г.: «Вчера я кончил мою новую трагедию и, как Вы желали, тотчас пишу Вам о ней. Ее названье «Лаодамия». Не буду рассказывать самого мифа, а передам содержание по действиям» (КО. С. 450). Все дальнейшее в письме представляет подробный пересказ трагедии. В тексте воспроизведено предисловие автора. Эпиграф заимствован из произведения Овидия «Heroides» («Героиды»), послание 13, стих 108.

Предисловие. *Фессалийская Ленора.* Имеется в виду частичное сюжетное сходство между мифом о Лаодамии и балладой немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747—1794) «Ленора» к Леноре явился призрак жениха, убитого на войне, и увлек ее за собой в могилу *Cf. lat.*— Confer latine.— Ср. латинское, т. е. перевод данной в тексте греческой цитаты на латинский язык *(лат.)* *Каталог кораблей* — установившееся в классической филологии название той части II песни «Илиады» Гомера, где перечисляются участники похода против Трои и их корабли. *Лукиан* (ок. 120—180 гг.) — греческий писатель, автор прозаических диалогов и посланий. *Luc. op. ex recogn. Jacobitz, I, 177, sq.*— Luciani opera ex recognicione Jacobitz, 1, 177, sequentes — Сочинения Лукиана с пояснениями Якобитца, ч. 1, с. 177, след. *(лат.)*. *Клитемнестра «Евменид».* Имеется в виду трагедия Эсхила «Евмениды». Евмениды (Эриннии) — богини мщения, преследующие Ореста, как убийцу матери (Клитемнестры).

Maximilian Mayer и т. д.— Maximilian Mayer, *Hermes*, 1885. 20 B. Der Protesilaos des Euripides (SS. 101—143) und W. H. Roscher, Lexicon (siehe Vocabulum «Laodamia») — Максимилиан Майер. «Гермес», 1885, том 20. «Протесилай» Еврипида, с. 101—143 и В.-Г. Рошер, Словарь (см. статью «Лаодамия») *(нем.)* *Отд. отт. из Ж. М. Н. Пр.*— Отдельный оттиск из «Журнала Министерства народного просвещения», в котором Анненский поместил целый ряд статей и переводы некоторых трагедий Еврипида. *Vv* — стихи *(лат.)*. *Hyg.* CIV — Hyginus, opus CIV — Гигин, сочинение 104 *(лат.)*. *Rem. a., v. 723* — Remedium amoris, versus 723.— «Лекарство от любви», стих 723 *(лат.)*. *Выспянский* Станислав (1869—1907) — польский драматург. *«Protesilas i Laodamia»* — «Протесилай и Лаодамия» *(польск.)*. *«Przegląd polski»* — «Польское обозрение» *Pro domo mea* — о себе *(лат.)*. *In effigie* — в изображении *(лат.)* *Die gr. Trag., 2. Abt. 497* — Die griechische Tragödie, 2. Abteilung, 497 Греческая трагедия. 2-я часть, 497 *(нем.)*.

Действие первое, явление третье. *Протесилай* — буквально «Первонолай», т. е. первым вступивший на вражеский берег Иолай.

Действие второе, явление пятое. *Кошница* (устар.) — корзина. Явление шестое. *Крылья надменного царя?.* Намек на судьбу Икара, называемого надменным за то, что поднялся слишком высоко к солнцу. *Пред медными дверьми — твоих молений И жертвы ждет.* Медные двери — двери Аида. По верова-

ниям античного мира, душа умершего до тех пор не получала успокоения, пока за нее не начинали молиться и не приносили положенной жертвы. *Каждый шаг седого старика* — т. е. времени, которое олицетворялось в образе седого старца. *Крыло мечты Разбито медною стеною.* Медная стена — стена Анда.

Действие третье, явление седьмое. *Дева, дочь Невинная Кронида* — Артемида как богиня луны. Явление восьмое. *Сестра, чего не светишь?* Гермес, являющийся сыном Зевса, обращается с этими словами к Артемиде, дочери Зевса и богине луны. Явление девятое. *Когда коснется трость тебя златая* — т. е. когда к умершему прикоснется золотой жезл Гермеса.

Действие четвертое, явление семнадцатое. *Кинамоны* — ароматические растения.

*** 337.** Впервые — отдельным изданием: Анненский Иннокентий. Фамира-кифарэд. Вакхическая драма. Издание посмертное. Москва, 1913 (тираж — 100 экземпляров). Затем два издания, выпущенные в одном году, идентичные по тексту между собою: Анненский Иннокентий. Фамира-кифарэд. Вакхическая драма. Первое: изд-во «Гиперборей», Спб., 1919; второе: изд. З. И. Гржебина, Спб., 1919.

В письме от 2 августа 1906 г. к А. В. Бородиной Анненский сообщает: «Лет шесть тому назад я задумал трагедию. Не помню, говорил ли я Вам ее заглавие. Мысль забывалась мною, затиралась другими планами, поэмами, статьями, событиями, потом опять вспыхивала. В марте я бесповоротно решил или написать своего «Фамиру» к августу, или уже отказаться навсегда от этой задачи, которая казалась мне то непосильной, то просто нестóящей <...> Меня что-то давно влекло к этой теме. Между тем в этом году, весной, мой старый ученик написал на этот миф прелестную сказку под названием «Фамирид». Он мне ее посвятил. Еще года полтора тому назад Кондратьев говорил мне об этом намерении, причем я сказал ему, что и у меня в голове набросан план «Фамиры»,— но совсем в ином роде — трагического. И вот теперь уже состоялось чтение моего «Ф<амиры>». Ек<атерина> Макс<имовна Мухина> находит, что это, безусловно, высшая из моих трагедий. Но, кажется, покуда только ей да Арк<адию> Андр<еевичу Мухину> «Фам<ира>» мой и понравился. Жду Вашего суда — тем более, что в Фамиру вошли волнующие меня Grenzfragen [1] из области музыкальной психологии и эстетики» (КО., С. 468).

Второе издание драмы в обеих публикациях (изд-ва «Гиперборей» и З. И. Гржебина) содержит по сравнению с первым довольно многочисленные разночтения, полностью совпадающие между собой и, очевидно, имеющие в основе один и тот же источник — рукопись (или копию), ранее прочитанную и воспроизведенную недостаточно внимательно, с опечатками, отдельными пропусками и т. п., что делает предпочтительным в качестве источника текста издание 1919 г., как осуществленное более квалифицированно (напомним, что руководителем издательства «Гиперборей» был такой авторитетный литератор и филолог, как М. Л. Лозинский). Поскольку все же некоторые разночтения издания 1913 г. имеют смысловые и стилистические отличия, приводим ниже наиболее существенные, указывая в скобках соответствующие места текста издания 1919 г.

---

[1] сопредельные вопросы (нем.).— *Ред.*

Перед эпиграфом отсутствует дата MCMVI. Вступительные замечания озаглавлены: «От автора» и датированы: Царское Село. 1906. В строке 5-й сверху нет слов: «лишен глаз и». Отсутствуют строки от слов: «А. А. Кондратьев сделал мне честь...» до слов: «...вышеупомянутого остова сказки», в строке 21-й нет слова: «тоже» (Возможно, было два варианта вступления.)

В списке действующих лиц вм. «Папа-Силен» и греческого написания имени — только «Силен».

Вводная ремарка к драме объединена с вводной ремаркой к сц. 1-й, причем в 1-й строке ремарки разночтение: «Тени еще прозрачны и лежат...» (вм.: «Прозрачные тени еще лежат...»).

В сц. 3-й реплика Нимфы после хора менад заканчивается строкой: «Твоя — твоя», которая соответственно отсутствует в последующей реплике Хора, представляющей трехстишие.

В сц. 7-й внутри реплики Сатира с голубой ленточкой после слов: «Товарищ мой — заика...» — ремарка: «(жест в сторону розовой ленточки)». После данной реплики: «Сатир с розовой ленточкой» (вм.: «. .в розовой ленточке»), т. е. как во всем тексте.

В сц. 11-й в монологе Нимфы: «Филаммон был таким же точно... до» (вм : «таким же точно... да»). Слова Нимфы: «Про себя» ошибочно оформлены как ремарка.

В сц. 13-й отсутствует ремарка к реплике Силена: «(Перемывает их)».

В конце сц. 14-й в Ариозо Томного сатира отсутствуют две строки:

Мы будем вместе
Сегодня ночью.

В сц. 15-й уточнение действующего лица и ошибочная перестановка реплик:

Другой, погуще, но еще тонкий голос

Плохо вижу я, папаша.

Густой голос

Не наша?

(вм.:

Другой, погуще

Не наша?

Тонкий голос

Плохо вижу я, папаша).

Там же (ниже) в ремарке: «Шелест в траве» (вм.: «Шелест в траве, потом»).

В сц. 16-й перед ремаркой: «Из травы, тихо» — слово: «Хор». То же перед ремаркой: «Тихий разговор в траве». То же перед ремаркой: «В траве, тихо». То же перед ремаркой: «Шепот в траве».

В сц. 17-й в ремарке, начинающейся словами: «Нимфы и Сатиры» после слов: «звуками и» — «жалобными визгами» (вм.: «жалобными возгласами»). В рифмованном монологе Нимфы, в 6-й

строке: «зубы так остры» (вм.: «зубы там остры»). В заключающем сцену монологе Фамиры отсутствуют слова: «О, последний»; там же (ниже): «...притаишься в сердце» (вм.: «приютишься в сердце»).

В сц. 18-й в начальной ремарке: «В шуме ветра можно различить сначала слабый» (вм.: «...сначала смешанный»). Реплики Нимфы (от слов: «Папа́-Силен...» до: «Он не подстроен?») и Силена (от слов: «Да и впрямь...» до: «гостя») оформлены как проза. В реплике Сатира с голубой ленточкой: «...не понимаю ни слова» (вм.: «...не понимаю ни слога»). В его же обращении к призраку: «Филаммон! Вельможный!» (вм.: «Филаммон! Ваше величество!»). Ремарка к реплике Силена: «(тихо, но вразумительно)» (вм.: «(тихо, но выразительно)»). В заключительной ремарке сцены: «...он .. приподнимается над землею на пол-аршина» (вм.: «на четверть аршина»).

В сц. 19-й в начальной ремарке: «...лицо его обезображено» (вм.: «окровавлено»).

Материал, хранящийся в ЦГАЛИ под загл. «План пьесы „Фамирид“», представляет собой собственно не план драмы «Фамира-кифарэд», не изложение хода ее событий, а набросок характера ее героя. Он намечен иначе, чем в самой «вакхической драме»,— более жесткий, более гордый, скептичный, порою — нетерпимый. Состав действующих лиц — иной: нет кормилицы, нет сатиров, фигурирует «Старый жрец с Олимпа», роль которого в наброске остается непроясненной; хор вакханок и Нимфа присутствуют в плане, но в действии участия не принимают. Основным партнером героя, участницей диалогов с ним является молодая пленница из Скифии, покоренная его музыкальным даром.

Набросок и начинается с ее монолога, обращенного к жрецу: «Я никогда не слышала в моих степях такой игры, такого чарующего голоса. Он оставил своих лошадей <...> и золотой дворец отца, чтобы в тишине составлять новые песни, усовершенствовать свой инструмент ...Я варю ему пищу и стелю ему ложе и прислушиваюсь ночью к его бреду; если сон его тяжел, то молюсь, сжигаю на нашем бедном алтаре голубые цветы вереска и пахучую мяту и улыбаюсь далеким богам моей родины».

Затем следует конспективная запись сцены, в которой возникает, но тут же и затухает конфликт, неясный в своем содержании:

«Пленница одна.
Пленница и жрец.
Фамирид. Толпа. Хоры. Толпа восторжена.
Неприязненное отношение к жрецу.
Фамирид останавливает — он хочет состязаться.
Фамирид и пленница. Она останавливает...
Он не слушается.
Возвращение».

Далее — прозаический монолог Фамиры, терзающегося сомнениями в своем музыкальном даре, в своей способности уловить мелодию, слышанную от музы,— эпизод, который уже позади. Об этом говорят его слова:

Я слышал пенье Мельпомены.
Нет большего несчастья.
Нет большего блаженства.

Кульминационный пункт драмы — момент, когда герой лишает себя зрения,— тоже позади, и он упоминает об этом почти мимоходом, отвечая на похвалы пленницы: «Я играл фальшиво, ты мне льстишь, белоногая пленница. Я вырвал глаза, п. ч. они плакали. Я не хочу других слез, или других лучей. Я зверь, подражающий богу. Мое искусство искажает. Я хочу весь стать ухом и сердцем, которые исходят слезами».

После короткого и незавершенного диалога, который начинается фразой Фамиры: «Я ждал тебя, старик» (вероятно — это жрец) и в котором речь идет о некой женщине, может быть Нимфе («Она была не женщина. Она Была обман божественный ума, Придуманной, чтобы измучить сердце»), следует монолог пленницы, вспоминающей свою родину, ее реки и травы, праздничные обряды. Затем вновь монолог Фамиры, в котором он чувствует уже бо́льшую уверенность в себе и проявляет большее честолюбие: «Я гоняюсь не за ланью, а за мелодией. Я не люблю войны. Но я люблю состязания. Я не люблю гимнастики. Я не люблю золото. Я люблю золото карих и продолговатых глаз, когда они слушают мои песни... Орфей двигал камни, я заставлю заплакать богов».

Заключительная часть наброска возвращает к мотиву опасного состязания с музой:

«Нимфа на заре. Воспоминания о любви к Филаммону.
Хор вакханок
Разговор с хором

Фамира

Ты царь? — Я нищ — я поэт.
Остерегайся от состязания с бессмертными...
Я слышать их хочу.
Я соглашаюсь быть наказанным, но я не хочу быть
побежденным».

Стихотворный монолог Фамиры — см. в разделе «Другие редакции и варианты».

В ЦГАЛИ находится также черновой автограф-набросок без загл., возможно относящийся косвенно к сюжету драмы Фамиры, как своего рода вариация на тему менад:

Положите руки на струны,
Заклинаю старых игруний,
Задыхаясь от слез и от пыли:
Пойте мне, как вы молоды были.
Я с мольбой припаду к вашим косам.
След ваш<их> кос
По росам,
Игруньи,
Озарили жемчужные луны.
Положите руки на струны...
Игруньи,
Пойте нам как когда-то Аплуна,
О, игруньи.
Незаметны следы ваши куньи,
Как рожденье Аплуна.

Было в дальней Фессалнн лунно,
О, игруньи...

Эпнграф-посвящение представляет традиционную латинскую формулу — надпись на урнах с прахом умерших.

<От автора>. *Кондратьев* Александр Алексеевич (1878—1967) — поэт и прозаик, сотрудничавший в ряде модернистских изданий; постоянно обращался к темам из области античной мифологии. Окончил 8-ю гимназию в Петербурге в период, когда Анненский был там директором.

Сцена девятая. *Эфемер* — живущий один день.

Сцена одиннадцатая. *Заклинаю Тебя твоим вертепом критским, царь...*— Намек на детство Зевса, проведенное на острове Крите, где его мать Рея скрыла его от гнева отца — Кроноса, пожиравшего своих детей, и где его воспитывали нимфы.

Сцена двенадцатая. *Титан, Похитивший с небес огонь* — Прометей.

Сцена тринадцатая. *Вертоград* (устар.) — сад, виноградник.

Сцена шестнадцатая. *Потом Змеей и Рыбой хоры их, И Обручем, и Лирой тихо-тихо Задвигались.* Имеются в виду созвездия.

Сцена восемнадцатая. *Сицилию оно напоминает И страшный глаз чудовища.* По одной из версий мифа, пещера одноглазого киклопа Полифема находилась на Сицилии и в рабстве у него томились сатиры, которых освободил Одиссей, проникший в пещеру и ослепивший киклопа.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И РЕАЛИЙ ДРЕВНОСТИ [1]

Авгур — в Древнем Риме жрец, предсказывавший будущее по полету и крику птиц.

Авлида — гавань в Беотии, где собирались греческне корабли для похода против Трои.

Агамемнон — см.: Атрид.

Адмет — ферский царь, стада которого пас Аполлон во время своего изгнания с Олимпа. См. также с. 345.

Аид — в веровании древних греков подземное царство мертвых, удел всех людей после их смерти, а также имя властелина этого царства. Входом в подземный мир мертвых служила, по античным верованиям, пещера, перед которой находился каменистый кряж, называвшийся медным порогом (в древнегреческом поэтическом языке «медный» употребляется в смысле «твердый», «крепкий»). Ср. Тартар.

Айлинон — жалобное причитание.

Актеон — молодой охотник, превращенный богиней Артемидой в оленя и растерзанный собственными собаками за то, что он смотрел на Артемиду во время купания, а по другому преданию — за то, что хвастался, будто превзошел ее в искусстве охоты.

Алкид — первоначальное имя Геракла (от корня, означ. «сильный»).

Алфей — наиболее значнтельная нз рек на Пелопоннесском полуострове.

Амалфея — символ нзобнлия, в контексте — богатства (от нменн Амалфен — козы, кормившей младенца Зевса своим молоком; когда она сломала себе рог, Зевс подарил его нимфам в залог исполнения всех нх желаннй; рог Амалфен стал «рогом изобилия»).

Амвросия — пища богов, дающая вечную юность и бессмертие.

---

[1] Большинство слов и названий относится к мифологнн и быту Древней Греции, что, как правило, не оговаривается ввиду преобладания их в Словаре; во всех других случаях указывается, к мифологии или быту какого народа относится имя или название. В ряде случаев даются ссылки на авторские «Прнмечания к лирическим партиям» трагедии «Меланиппа-философ». Имена и названия, выделенные разрядкой, комментнруются в соответствующнх местах Словаря, определяемых алфавитом.

Отсылки к страницам текста указывают на комментарии Анненского.

Амимона — одна из жен П о с е й д о н а, бога морей.

Амур (рим. миф.) — бог любви.

Амфиарай — царь, наделенный даром провидения; после поражения в битве под Фивами спасался от врагов бегством, во время которого земля расступилась под ним и приняла его вместе с колесницей; боги сделали его бессмертным, и на месте его исчезновения был воздвигнут храм в его честь.

Андрогин — существо, которое, по верованию древних греков, дало жизнь человеческому роду и соединяло в себе черты мужчины и женщины.

Андромаха — жена Гектора, сына П р и а м а, образ, воплощающий супружескую любовь и верность; героиня трагедий Еврипида и Расина.

Андромеда — дочь эфиопского царя Кефея, отданная в жертву морскому чудовищу и спасенная Персеем.

Аониды — музы.

Аполлон (Аплун) — бог солнца, света, культуры, искусства и поэзии, покровитель муз, сын З е в с а и Л а т о н ы, дочери одного из титанов. См. также с. 344—345.

Аргос — область и город Древней Греции, одно из мест, излюбленных Г е́ р о й

Ариадна — дочь критского царя Миноса, спасла юношу Тезея, отданного ее отцом на съедение чудовищу Минотавру, бежала вместе с Тезеем и была брошена им на острове Наксосе, где ее встретил Д и о н и с-В а к х, вступивший там с нею в брак.

Артемида — богиня охоты, гор и лесов, воплощение чистоты и непорочности; также — богиня луны как благостного светила.

Астарта — у древних финикиян богиня любви, в верованиях древних евреев — злой дух.

Асфодели — растение из семейства лилейных с крупными цветами, распространенное в странах Средиземноморья; по верованиям древних греков, росло на полях подземного мира мертвых.

Атрид — А г а м е м н о н, сын царя Атрея, вождь греческих войск во время Троянской войны.

Афродита — богиня любви и красоты, по одному из мифов — возникшая из морской пены и впервые вступившая на землю на острове Кипр, где особенно был развит ее культ (отсюда — другое ее имя: К и п р и д а).

Ахилл — основной герой эпоса о Троянской войне, храбрейший вождь греков, сын главной из нереид — Фетиды и фессалийского царя П е л е я; погиб от стрелы, пущенной А п о л л о н о м (который покровительствовал троянцам) Воспитателем Ахилла был кентавр Хирон (см. с. 345).

Ахейцы — жители Ахайи (области Древней Греции), также вообще греки.

Барбитон — древнеримский струнный инструмент вроде лиры.

Беллерофонт — сын коринфского царя, должен был бежать из своего родного города к тиринфскому царю Прету, который оказал ему дружеский прием, но жена которого, влюбившись в Беллерофонта и не встретив с его стороны взаимности, оклеветала его перед своим мужем; тот послал его к своему тестю царю Иобату с письмом, содержавшим поручение — убить подателя; Иобат послал Беллерофонта на разные опасные подвиги.

Борей — бог холодного северо-западного ветра.

Вакх — см.: Д и о н и с.
Вакханки — женщины, преданные культу Д и о н и с а-В а к х а (то же, что м е н а д ы).
Вакхическая драма — драма, в которой действуют участники культа Вакха — с а́ т и р ы, м е н а д ы.
Вифиния — область в Малой Азии.

Геба — богиня вечной юности, разносившая богам во время их пиров н е к т а р и а м в р о с и ю.
Геката — богиня ночных чар, обладающая даром вызывать души мертвых из подземного царства.
Гелий (Гелиос) — бог солнца.
Геллениды — потомки Геллена, фессалийского царя.
Гера — богиня, жена З е в с а. Подробнее см. с. 345.
Геракл — один из главных героев греческой мифологии, см. с. 346.
Гермес — сын З е в с а и М а й и, вестник богов, бог-покровитель торговли и дорог, проводник душ умерших в А и д; изображался с крыльями на сандалиях.
Гермий — Г е р м е с.
Геспериды — девы-хранительницы заповедных золотых яблок в саду на западных пределах мира.
Гефест — сын З е в с а и Г е р ы, в более ранних мифологических представлениях — могущественный бог огня, позднее — божественный кузнец на Олимпе.
Гименей — бог брака и супружеской любви; изображался со светильником в руке (отсюда — «огонь Гименея»).

Дельфиец — А п о л л о н (по имени его храма в Д е л ь ф а х)
Дельфийский бог — А п о л л о н.
Дельфы — город в Фокиде в Древней Греции, расположенный на склоне горы Парнас и знаменитый благодаря храму в честь Аполлона и оракулу (так называемому Дельфийскому). Дельфы считались «средоточием земли», а в храме Аполлона стоял мраморный конус, обозначавший «средоточие земли» (отсюда название: «срединный храм»).
Димитра (Деметра) — богиня плодородия и земледелия.
Дионис, или *Вакх* — бог вина и возрождающейся природы.
Дионис-Загрей — бог мертвых, в культ которого входили и обряды, связанные с почитанием Д и о н и с а-В а к х а.
Додона — место на северо-западе Греции, где находился древнейший в Греции оракул; в центре святилища находился Зевсов дуб, у подножия которого пробивался ключ; шелест листвы и журчание воды истолковывались жрецами как предсказания.
Дриады — нимфы деревьев.

Еврот — река на Пелопоннесском полуострове, протекавшая преимущественно по территории античной Спарты.
Евтерпа — муза лирической поэзии и музыки.
Елена — жена спартанского царя Менелая, прославленная своей красотой и похищенная сыном троянского царя П р и а м а П а р и с о м (что явилось поводом к Троянской войне); образ легкомысленной, непостоянной и обольстительной женщины.

Зевс — сын титана Кроноса, верховный бог, властелин неба и земли, отец большинства богов.
Зефир — бог, олицетворяющий теплый и легкий ветер.

Иаир — отец девушки, воскрешенной, по евангельскому преданию, Христом.

Ида — гора и горная цепь во Фригии (в Малой Азии) над равниной Трои.

Изида (егип. миф.) — богиня, мать природы, обычно изображавшаяся в длинной одежде и с покрывалом на голове.

Икар — сын легендарного зодчего и художника Дедала; когда они оба должны были бежать с острова Крит, спасаясь от преследования царя Миноса, Дедал сделал себе и сыну восковые крылья, с помощью которых они и улетели, но Икар поднялся слишком высоко, солнце растопило его крылья, он упал в море. По другой версии мифа — разбился о скалы.

Илион — другое название Трои.

Инах — см. с. 345.

Ио — см с. 345.

Ирида — вестница богов, принимающая образ радуги.

Ифигения — дочь Агамемнона, который, следуя прорицанию жреца Калханта, должен был принести ее в жертву Артемиде, разгневанной тем, что Агамемнон убил одну из ее ланей, и наславшей на море полное безветрие, не позволявшее греческим кораблям отплыть из Авлиды к берегам Трои. В Авлиду Ифигения была доставлена под тем предлогом, что она должна вступить в брак с Ахиллом до его отплытия в Трою. По одной из версий мифа, Артемида, тронутая покорностью Агамемнона, спасла Ифигению от заклания, подставив вместо нее лань под нож жреца, и перенесла ее в свой храм в Тавриде.

Калхант (Калхас) — жрец и прорицатель в греческом войске во время похода против Трои.

Кентавры — сказочные существа с туловищем коня и человеческой головой, отличавшиеся огромной силой.

Кинеи — кожаные или меховые шапки.

Киприда — одно из имен Афродиты.

Кифара — струнный музыкальный инструмент, вроде лютни, сделанный из рогового панциря черепахи.

Кифарэд — музыкант, играющий на кифаре.

Клитемнестра — см.: Орест.

Коммос — название скорбной песни хоров в древнегреческой трагедии.

Корифей — предводитель хора, выступающий от его имени.

Кронид — Зевс.

Лазарь — имя человека, воскрешенного, по евангельскому преданию, Христом на четвертый день после смерти.

Лапиты — племя, жившее в Фессалии.

Латона — одна из жен Зевса до его брака с Герой. См. с. 345.

Лерна — заболоченное озеро, где обитала гидра — чудовище, убитое Гераклом.

Лета — «река забвения» в Аиде; испив ее воды, умершие забывали о своей прошлой земной жизни.

Лидийцы — обитатели Лидии (на западном побережье Малой Азии)

Майя — одна из жен Зевса, мать Гермеса.

Майя (инд. миф.) — богиня, жена верховного бога Брамы, первопричина и движущая сила мироздания.

Марсий — сатир, мастер игры на флейте, решившийся вступить в музыкальное состязание с Аполлоном, который, в наказание за эту дерзость, содрал с него кожу.

Мегара — имя жены Геракла, своих детей от которой он убил в приступе безумия после того, как Дельфийскнй оракул (см.: Дельфы) призвал его, по воле Зевса, совершить двенадцать подвигов и тем добиться бессмертия.

Мелос — песнь.

Мемнон — сын богинн Эос, был убит Ахиллом под Троей.

Менады — то же, что вакханки.

Митра — шнрокая головная повязка.

Небрида — оленья шкура, служившая одеждой менадам (вакханкам) и нимфам.

Нектар — напиток богов, дающий вечную юность и бессмертие.

Нереиды — нимфы моря. См. с. 345.

Нерей — морское божество, отец нереид. См. с. 345.

Нимфы — низшне божества, воплощавшие в себе живые снлы природы.

Нисса — легендарное место (по-разиому определявшееся в мифологии), где рос и воспитывался Дионис-Вакх.

Нот — бог сильиого южного ветра, приносящего с собой дожди и тумаиы.

Олимп — часть гориой цепн на севере Греции; главиое местопребывание богов аитичиого мира.

Ореады — иимфы гор.

Орест — сыи микенского царя Агамемиоиа, убитого своей женой Клитемнестрой; Орест, мстя за смерть Агамемиона, убил свою мать и ее любовиика Эгиста; боги наказали его за убийство матери безумием: Орест подвергся преследованию богинь-мстнтельииц Эриниий; от безумия Орест исцелился благодаря вмешательству Аполлона.

Орик — город на берегу моря в Иллирии.

Орфей — поэт и музыкаит, очаровывавшнй своей игрой иа лире и диких зверей, н неодушевлениую природу.

Орхестра — место, предназначениое для хора, в древнегреческом театре.

Палестра — место для гимиастических упражнений.

Пан — бог лесов и лугов, покровитель стад, считался изобретателем свирели; спутник Диониса-Вакха.

Парастат — участник хора, стоящий рядом с корифеем.

Парис — сын троянского царя Прнама, похнтитель Елены.

Парки — в древнеримской мифологии три сестры-богинн, прядущне нити человеческой судьбы.

Пелазги — древнейшие обитатели Греции.

Пелей — был оклеветан Астидамией, жеиой Акаста, царя Иолка, которая влюбилась в иего и, не встрстнв взаимиости, обвиинла его в том, что ои склонял ее к супружеской нзмене. Акаст во время охоты иа горе Пелий оставил уснувшего от усталости Пелея среди кентавров и унес его меч; Пелей спасся благодаря помощи бога-кузнеца Гефеста, вооружившего его своим мечом.

Пелий — гора в Фессалии.

Пеплос — широкое и длинное одеянне, скреплявшееся на грудн застежками; его носнли преимущественно женщины.
Персефона — жена А и д а, царица подземного царства мертвых.
Пиериды — музы.
Пинд — горный хребет на границе Фессалин, одно из владений А п о л л о н а.
Пифон — дракон, сторожнвший Д е л ь ф ы и убитый стрелой А п о л л о н а.
Пифонисса — предсказательница, пророчествующая жрица А п о л л о н а в Д е л ь ф а х.
Плутон (рнм. миф.) — властитель подземного мира мертвых.
Понт — море.
Посейдон (Посидон) — бог морей; от него же, по античным верованням, зависели и землетрясеиия.
Прет — см.: Б е л л е р о ф о н т.
Приам — царь Т р о и. Приамова столица — Троя.
Прометей (Промефей) — один из титанов, покровитель людей, похитивший для них небесный огонь и в возмездие за это прикованный по приказанию З е в с а к скале. Впоследствии Г е р а к л убил орла, терзавшего Прометея, и освободил его.
Психея — олицетворение человеческой души; изображение в виде девушки с крыльями бабочки.
Психопомп — буквально «провожатый душ», одно из названий бога Г е р м е с а.
Пэан — радостный гимн в честь богов.

Рес — фракнйский царь, сын одиой из муз (Е в т е р п ы или Каллиопы), в Троянской войне помогал троянцам и был вероломно убит; тень его (по Еврипиду) поселилась в пещерах Фракии.

Самос — остров в Эгейском море; на острове находился самосский храм Г е р ы, считавшейся покровительницей острова.
Сáтиры — низшие горные и лесные божества, служители Д и о н и с а, составлявшне его свиту и участвовавшие в посвящаемых ему оргиях, любителн вина. Изображались с козлиными ногами, хвостом и рожками.
Семела — одна из жен З е в с а, мать Д и о н и с а-В а к х а.
Сивилла — прорицательница будущего.
Сигурд — главный герой скандинавского средневекового эпоса, воплощение силы н храбрости; вероломно убит по наущению любившей его Брунгильды, которая мстила ему за то, что он победил ее в единоборстве, явившись к ней под видом короля Гуннара и в его доспехах; Гуннар, для которого Сигурд победил Брунгильду, женился на ней. Сигурд жеиат был на сестре Гуннара Гудруне.
Сизиф — царь Коринфа, был обречен богами в А и д е вечно вкатывать на высокую гору камень, который с вершины скатывался вииз.
Силен — старый с а т и р.
Сирены — полуптицы-полуженщины, жившие иа острове в Средиземном море, своим пеиием приманивавшие мореплавателей и губившие их; в переносном смысле — соблазнительницы.
Сминтий — одно из имен А п о л л о и а.
Спарта — одно из государств Древней Греции.
Сперхай — река в Ф е с с а л и и.

Стéфана — род диадемы.
Стикс — подземная река, обтекающая А и д.

Тантал — царь, осужденный богами за совершенное им преступление томиться вечным голодом среди изобилия плодов, которые не давались ему в руки, и вечной жаждой среди воды, которой он не мог зачерпнуть. *Танталиды* — принадлежащие к роду Тантала.
Тáртар — подземное царство, бездонная пропасть под землей и морем.
Терпсихора — муза танца и хорового пения.
Тимпан — античный музыкальный ударный инструмент — котел, обтянутый кожей.
Тирс — жезл, обвитый плющом и виноградной лозой; его носили В а к х, в а к х а н к и и другие спутники бога.
Титаны — могучие божественные существа, дети Урана (неба) и Геи (земли), низвергнувшие Урана и вместо него утвердившие власть одного из титанов — Кроноса; последний был низвергнут своим сыном З е в с о м, который потом победил всех титанов и заключил их в Т а р т а р.
Тифон — сын троянского царя Лаомедона; один из мужей богини утренней зари Э о с, похищенный ею и получивший в дар от З е в с а бессмертие.
Триэра — судно с тремя ярусами весел.
Трофоний — вместе со своим братом пытался ограбить построенную ими для бэотийского царя Гирня сокровищницу. Брат Трофония оказался в западне, устроенной Гирнем; тогда Трофоний отрезал брату голову, чтобы спастись самому, и бежал; по его молитве, под ним разверзлась земля и поглотила его. На месте исчезновения Трофония возник посвященный ему храм с оракулом.
Троя — древний город в Малой Азии, в поход против которого отправились со своими войсками греческие цари. Причиной похода послужило похищение Е л е н ы П а р и с о м.

Фарос — плащ.
Феб — одно из имен А п о л л о н а как бога солнца.
Фемида — богиня правосудия, изображавшаяся с повязкой на глазах — символом беспристрастия.
Феспрот — местность на северо-западе Греции, в Эпире, где находилась Додона.
Фессалия — область на северо-востоке Греции.
Фиас — хоровод и шествие в честь В а к х а.
Фила — племя.
Фурии (рим. миф.) — богини мщения.

Хариты — богини красоты и радости.
Химера — изрыгающее огонь чудовище с головой и грудью льва, туловищем козы и хвостом дракона; также — плод воображения, иллюзия.
Хитон — одежда в виде рубахи без рукавов, стянутой поясом.
Хлоя — героиня романа древнегреческого писателя Лонга «Дафнис и Хлоя», прекрасная молодая девушка; имя, широко распространенное в античной лирике и в новых подражаниях ей.

Циклоп (киклоп) — великан с одним круглым глазом на лбу.
Цирцея (Кирка) — волшебница, владевшая островом, заманивавшая мореплавателей и превращавшая их в животных. Образ красавицы-соблазнительницы.

Эвий — обращение к В а к х у.
Эвоэ, эван — восклицания в честь В а к х а.
Эолида — область владений Эола и его потомков. См. с. 290—291.
Эолиды — потомки Эола, фессалийского царя.
Эос — богиня утренней зари.
Эпиталама — свадебная песнь.
Эпод — часть партии хора, следующая за строфой и антистрофой.
Эпоним — в Древней Греции высшее должностное лицо.
Эрато́ — муза любовной поэзии.
Эреб — бог мрака; также название самой глубокой и мрачной части А и д а.
Эрида — богиня вражды, раздора и борьбы, считавшаяся также матерью забвения.
Эрот — бог любви (то же, что А м у р).
Эта — гора, наивысшая вершина горной цепи в Ф е с с а л и и.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* И. Ф. Анненский в последнний период жнзни Подпись — факсимнле. Собрание Е. А. Голлербаха.

2. *С. 89.* Автограф ст-ния «В марте». ЦГАЛИ.

3. *С. 109.* Черновой автограф ст-ния «Дождик». ЦГАЛИ.

4. *С 137.* Черновой автограф (1-й лист) первоначальной редакции ст-ния «Дальние руки». ЦГАЛИ.

5. *С. 162.* Автограф (1-й лист) ст-ния «Из поэмы „Mater dolorosa“». ЦГАЛИ.

6. *С. 281.* Черновой автограф ст-ния «Грозою полдень был тяжелый напоен...» (перевод из Анри де Ренье). ЦГАЛИ.

7—14. *Между с. 352 и 353.*

И. Ф. Анненский. Фотография 1870-х гг. ПД.

И. Ф. Анненский Фотография 1880-х гг. ПД.

Титульный лист (автограф) сб. «Кипарисовый ларец». ЦГАЛИ.

Николаевская царскосельская гимназия, где И. Ф. Анненский был директором в 1896—1906 гг. Фотография середины 1890-х гг.

«Фамира-кифарэд». Обложка издания 1919 г. (Пб : «Гиперборей»). Художник Н. Радлов.

«Фамира-кифарэд». Фронтиспис издания 1919 г. Изображение Аполлона по изд.: Ed. Gerhard. Auserlesene griechische Vasenbilder. Th. I, Taf. XIII. Berlin. 1840 (Эд Герхард. Выдающиеся рисунки иа греческих вазах. Ч. I, рис. 13. Берлин. 1840).

«Фамира-кифарэд». Издание 1919 г Изображение Силена — по названному выше иемецкому изданию (т. IV, таблица CCLXXII, 3).

«Кипарисовый ларец» Обложка издания 1910 г. (Пб.: «Гриф»). Художиик А. Арнштам.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И ТРАГЕДИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТИХИЕ ПЕСНИ

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ

ТРИЛИСТНИКИ

СКЛАДНИ

РАЗМЕТАННЫЕ ЛИСТЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ

НАДПИСИ НА КНИГАХ, ПАРОДИИ И ШУТОЧНЫЕ СТИХИ

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Гораций

Гете

Вильгельм Мюллер

Генрих Гейне

Ганс Мюллер

Генри Лонгфелло

Фредерик Мистраль

Шарль Бодлер

Шарль Леконт де Лиль

Поль Верлен

Сюлли Прюдом

Артюр Рембо

Стефан Малларме

Шарль Кро

Морис Роллина

Тристан Корбьер

Франсис Жамм

Вьеле Гриффен

Анри де Ренье

Ада Негри

ТРАГЕДИИ

Анненский И. Ф.

А 68 Стихотворения и трагедии / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А. В. Федорова.— Л.: Сов. писатель, 1990.— 640 с. 8 илл., 1 л. портр.— (Б-ка поэта. Большая сер.).
ISBN 5-265-01480-2

Поэтическое наследие замечательного русского поэта «серебряного века» И. Ф. Анненского (1855—1909) представлено в настоящем издании достаточно полно: стихотворения, переводы, четыре трагедии — «Меланиппа-философ», «Царь Иксион», «Лаодамия», «Фамира-кифарэд». По сравнению с предшествующим (1959) издание дополнено несколькими произведениями, в том числе стихотворениями в прозе и переводами.

А $\frac{4702010202-294}{083(02)-90}$ 418—90 ББК 84.Р1

Иннокентий Федорович Анненский

СТИХОТВОРЕНИЯ И ТРАГЕДИИ

Художник В. В. Еремин
Худож. редактор Б. А. Комаров
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректоры Ф. Н. Авруннна и Е. Д. Шнитникова

ИБ № 7725

Сдано в набор 2.11.89. Подписано к печати 3.08.90. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 34,12. Уч.-изд. л. 31,61. Тираж 200 000 экз. Заказ № 422. Цена 5 р. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Советский
писатель